Gen.
127
c

Barsukov,
Rod
Šeremetevych
1

St.-B. M.

St.-B. M.

4° Geneal.

Barsukov

127 e (1

F, FT

<36603642430015

<36603642430015

Bayer. Staatsbibliothek

Δ·19·3·23/1
Barsukov

РОДЪ
ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помѧни́те дни̑ вѣ̑чныѧ, разꙋмѣ́йте
лѣ̑та ро́да родѡ́въ: вопроси̑ ѻ҆ц҃а̀ твоего̀,
и҆ возвѣсти́тъ тебѣ̀, ста́рцы твоѧ̑, и҆
рекꙋ́тъ тебѣ̀.

Второзак. л҃в: з҃.

АЛЕКСАНДРА БАРСУКОВА
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Barsukov, Rod Šeremetevych 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1881

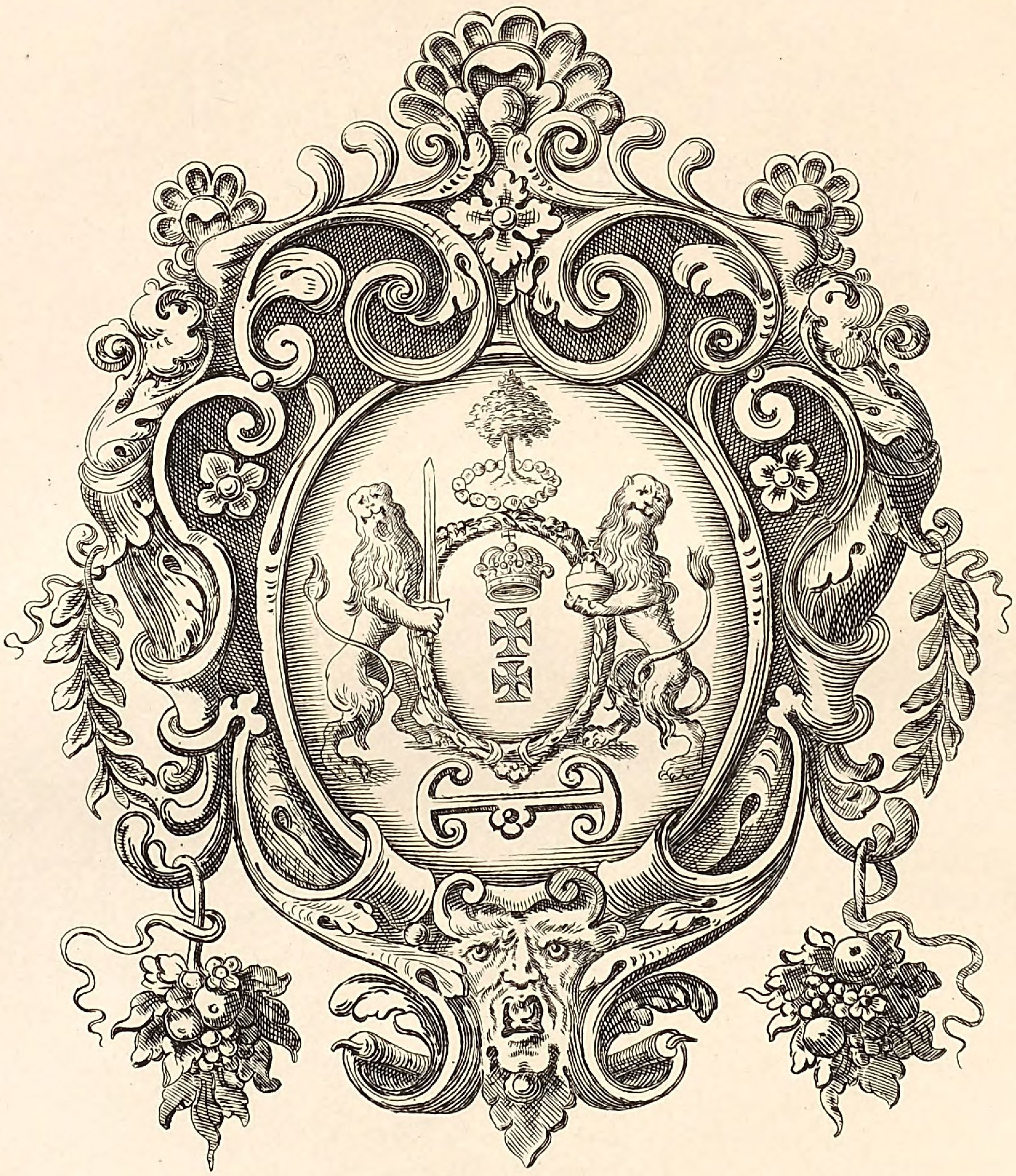
Дублет
Гос. Публ. Б-ка
6335/1 Обмен 929
9.п.5176
111 Гm
20 Тар.
Л-15
12

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7
(602)

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

[illegible]

Гравир. С. Бобровъ 1880 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Родоначальникъ Шереметевыхъ Андрей Кобыла.—Изслѣдованіе Петровскаго времени о предкахъ его и выѣздѣ въ Россію. — Лѣтописное извѣстіе объ Андреѣ Кобылѣ.—Составленіе доказательствъ о происхожденіи Шереметевыхъ для представленія въ Герольдію.—Старинный гербъ Шереметевыхъ . . . 1— 14

ГЛАВА II. Андрей Кобыла при дворѣ великаго князя Симеона Гордаго.—Его сыновья и фамиліи, отъ нихъ происшедшія. — Младшій сынъ Андрея Кобылы, Ѳедоръ Андреевичь Кошка.—Его значеніе въ княженіе Донскаго. — Великій князь Тверскій женитъ своего сына на его дочери.—Свѣдѣнія о сыновьяхъ Ѳедора Андреевича Кошки. 15— 29

ГЛАВА III. Кобылины-Кошкины въ княженіе Василія Темнаго.—Правнукъ Андрея Кобылы, воевода Константинъ Александровичь Беззубцовъ, отъ котораго повелось поколѣніе Шереметевыхъ. 30— 43

ГЛАВА IV. Второй сынъ Константина Александровича Беззубцова, Андрей Константиновичь, по прозванію Шереметь. — Значеніе этого прозванія, обратившагося въ фамилію цѣлаго рода. — Участіе Андрея Константиновича Шереметя въ Новгородскомъ походѣ Ивана III-го.—Его служилые люди.— Село Чиркино, древнѣйшее помѣстье Шереметевыхъ въ Коломенскомъ уѣздѣ 44— 55

I.

СТРАН.

ГЛАВА V. Сыновья Андрея Константиновича Шереметя на свадьбѣ князя Холмскаго.—Служба его старшаго сына, Ивана Андреевича Шереметева, убитаго въ бою съ Крымцами. — Служба другаго сына Шереметя, Василія Андреевича Шереметева.— Онъ участвуетъ въ построеніи города Васильсурска, въ Казанскомъ походѣ 1524 года, въ церемоніи бракосочетанія великаго князя Василья Ивановича съ княжною Глинскою и въ пораженіи Крымцевъ . . 56— 72

ГЛАВА VI. Походы Василья Андреевича Шереметева въ правленіе Елены Глинской. — Участіе Василія Андреевича Шереметева въ событіяхъ, наступившихъ за кончиною Елены Глинской.—Его постриженіе въ иноки Троице-Сергіева монастыря. —Отзывъ Грознаго о Васильѣ Андреевичѣ Шереметевѣ.—Въ родѣ Шереметевыхъ онъ былъ первымъ владѣльцемъ села Кускова.—Его вклады въ монастыри.—Кончина Василья Андреевича Шереметева. — Заботливость Шереметевыхъ о Бѣжецкомъ-Николаевскомъ-Антоніевомъ монастырѣ. —Догадка о первоначальныхъ поселеніяхъ ближайшихъ потомковъ Андрея Кобылы. 73— 85

ГЛАВА VII. Первое лѣтописное извѣстіе о службѣ старшаго сына Василья Андреевича Шереметева, Ивана Васильевича Большаго Шереметева.—Онъ принимаетъ участіе въ заговорѣ Шуйскихъ и въ произведенномъ ими дворцовомъ переворотѣ.—Участвуетъ въ Казанскомъ походѣ 1544 года. — Грозный вступаетъ въ бракъ съ Анастасіей Романовной, изъ рода Кобылиныхъ-Кошкиныхъ.—Тяжба Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ князьями Ноздреватымъ и Токмаковыми 86—100

ГЛАВА VIII. Судъ царя Ивана Васильевича по тяжбѣ Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ князьями Ноздреватымъ и Токмаковыми. 101—127

ГЛАВА IX. Первое упоминаніе о братьяхъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева, Григоріѣ Васильевичѣ и Никитѣ Васильевичѣ Шереметевыхъ. — Всѣ трое участвуютъ въ Казанскомъ походѣ 1547 года.— Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ пожалованъ въ окольничіе.— Никита Васильевичь Шереметевъ пріѣзжаетъ въ Москву съ извѣстіемъ о побѣдѣ

СТРАН.

надъ Казанцами.—Григорій Васильевичъ Шереметевъ убитъ въ бою съ Казанцами. — Онъ погребенъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.—Вклады по Григоріѣ Васильевичѣ Шереметевѣ и по его матери инокинѣ Евпраксіи.—Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ раненъ при осадѣ Казани.— Пожалованъ въ бояре.— Отзывъ о немъ князя Курбскаго. — Шереметевы получаютъ земли подъ Москвою.— Семенъ Васильевичъ Шереметевъ (третій братъ Ивана Васильевича) участвуетъ въ пораженіи Ногайцевъ.— Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ ведетъ переговоры съ Ногайцами.—Участвуетъ въ построеніи города Свіяжска.—Беретъ въ плѣнъ Крымскаго царевича Улана-Кощака. — Ведетъ переговоры съ Казанскими послами.— Посланъ въ Москву съ извѣстіемъ о новой измѣнѣ Казанцевъ 128—145

ГЛАВА X. Большой Казанскій походъ и взятіе Казани при участіи четырехъ братьевъ Шереметевыхъ . . 146—160

ГЛАВА XI. Возвращеніе войскъ изъ Казанскаго похода. — Пиръ Грознаго. — О наградахъ, полученныхъ Шереметевыми за Казанскую службу.—Въ боярскую смуту, во время болѣзни Грознаго, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ оставался на сторонѣ бояръ, преданныхъ государю. — Походъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева къ предѣламъ Башкиріи.— Награда за этотъ походъ.—Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ покупаетъ вотчину въ Рязанскомъ уѣздѣ 161—179

ГЛАВА XII. Походъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева противъ Крымцевъ. — Бой при селѣ Судьбищахъ.—Шереметева тяжело раненаго выносятъ съ поля битвы. — Разсказъ о Судьбищенской битвѣ въ Турецкой лѣтописи съ гадательными соображеніями о происхожденіи Шереметева 180—192

ГЛАВА XIII. Свиданіе Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ братьями въ Тулѣ.—Первое извѣстіе о меньшомъ его братѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ.—Семенъ Васильевичъ Шереметевъ посланъ на воеводство въ Новгородъ, а Никита Васильевичъ—намѣстникомъ въ Ивангородъ. — Важность этихъ назначеній.—Участіе Шереметевыхъ въ Шведской войнѣ.—Семенъ Василье-

СТРАН.

вичь Шереметевъ пожалованъ въ бояре, а Никита Васильевичь—въ окольничіе 193—207

ГЛАВА XIV. Трое братьевъ Шереметевыхъ состоятъ при Грозномъ во время похода его противъ Крымцевъ въ 1556 году. — Никита Васильевичь Шереметевъ пожалованъ въ бояре, а Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ—въ окольничіе.—Участіе Шереметевыхъ въ первомъ Ливонскомъ походѣ. — Разспросы Крымскаго царевича у плѣнныхъ рыбаковъ объ Иванѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ.—Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ пожалованъ въ бояре.—Новый Ливонскій походъ при участіи Ивана Меньшаго и Ѳедора Васильевичей Шереметевыхъ. — Вкладъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь.—Его печать. 208—224

ГЛАВА XV. Продолженіе Ливонской войны при участіи Шереметевыхъ.—Удаленіе отъ дѣлъ Сильвестра и Адашева. — Значеніе этого событія вообще и для Шереметевыхъ въ - частности. — Кончина Анастасіи Романовны. — Богатство князей Черкасскихъ и ихъ брачные союзы съ Шереметевыми.—Кончина Семена Васильевича Шереметева.—Его могила въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ.—Вклады по немъ.—Жена Семена Васильевича Шереметева. — Участіе Шереметевыхъ въ войнѣ съ Литовцами.—Мѣстническій споръ Салтыкова съ Никитой Васильевичемъ Шереметевымъ 225—239

ГЛАВА XVI. Шереметевы въ Полоцкомъ походѣ.—При осадѣ Полоцка Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ раненъ.—По взятіи Полоцка, Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, вмѣстѣ съ другими воеводами, оставленъ въ этомъ городѣ на годъ. — Воеводскій наказъ. — Никита Васильевичь Шереметевъ назначенъ воеводой въ Смоленскъ.—Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ въ опалѣ.—Подвергается пыткѣ и допросу Грознаго. — Умерщвленіе Никиты Васильевича Шереметева.—Онъ погребенъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.—Грозный записалъ его въ опальный синодикъ.—Вкладъ Никиты Васильевича Шереметева. — Его сынъ и жена. — Жалованная

СТРАН.

вотчина Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева село Борисоглѣбское, Костромскаго уѣзда 240—256

ГЛАВА XVII. Въ войнѣ съ Литовцами 1564 года Иванъ Васильевичь Меньшой Шерететевъ начальствовалъ сторожевымъ полкомъ.—Пораженіе Московскаго войска при рѣкѣ Улѣ, при чемъ Шереметевъ былъ раненъ.—Реляція объ Ульской битвѣ папскаго нунція и письмо о томъ-же Литвина.—Доспѣхи Шереметева.—Поручная запись по Иванѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ.—Предположеніе о времени раздѣла братьями Шереметевыми отцовскихъ вотчинъ.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ участвуетъ при взятіи крѣпости Озерища 257—272

ГЛАВА XVIII. По учрежденіи опричнины Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ поставленъ во главѣ управленія опальною земщиною.—Служба его меньшихъ братьевъ въ украинныхъ городахъ. — Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ и князь Бѣльскій ведутъ переговоры съ Польскимъ гонцомъ. — Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ за успѣшныя дѣйствія противъ Крымцевъ пожалованъ золотымъ.—Шереметевы на земскомъ соборѣ.—Поставленіе въ митрополита Всероссійскаго сродника Шереметевыхъ Филиппа Колычова 273—289

ГЛАВА XIX. Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ покупаетъ вотчины въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.—Судъ царя по жалобницѣ Шереметевскаго крестьянина на князя Ноздреватаго.—Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ покупаетъ вотчину у Головиныхъ въ Московскомъ уѣздѣ.—Присутствуетъ на военномъ совѣтѣ Грознаго.—Въ отсутствіе государя, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ вѣдалъ Москву 290—305

ГЛАВА XX. Кончина супруги Ивана Васильевича Большаго Шереметева.—Погребена въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ.—Невѣрное показаніе о смерти Ивана Васильевича Большаго Шереметева въ послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ.—Онъ принимаетъ постригъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и нареченъ Іоною. —Отдаетъ Кирилловой обители свою вотчину, сельцо Бутово.—Его сынъ Іеремія Ивановичь Шереметевъ.—

	СТРАН.
Судьба дочерей Ивана Васильевича Большаго Шереметева	306—321
ГЛАВА XXI. Посланіе Грознаго къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козмѣ, направленное противъ инока Іоны Шереметева.—Вклады инока Іоны Шереметева въ разные монастыри	322—346
ГЛАВА XXII. Иванъ Васильевичь Меньшой и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевы на службѣ во Псковѣ.—Въ 1570 году они посланы съ полками противъ Крымцевъ.—Отписка Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева о вторженіи Крымцевъ.—При оборонѣ Москвы Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ стоялъ на Якиманкѣ, потомъ перешелъ въ Кремль, гдѣ былъ его дворъ.—Вмѣстѣ съ княземъ Воротынскимъ принимаетъ въ думѣ бояръ, поручившихся за князя Мстиславскаго.—Участвуетъ въ церемоніи бракосочетанія Грознаго съ Марѳой Собакиной.	347—366
ГЛАВА XXIII. Дѣла Ливонскія.—Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ состоялъ въ свитѣ государя въ Шведскомъ походѣ.—Потомъ съ братомъ Ѳедоромъ посланъ противъ Крымцевъ.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ, строитъ крѣпость Нещерду.—Война съ Крымцами.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ покидаетъ поле битвы.—Четырехдневный Молодинскій бой при дѣятельномъ участіи Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева	367—384
ГЛАВА XXIV. Дѣла Литовскія и Шведскія.—Шереметевы на береговой службѣ.—Свидѣтельство о дружбѣ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева съ думнымъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ.—Жена Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева.—Двое Шереметевыхъ назначены въ походъ противъ Черемисовъ.—Мѣстническій споръ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева съ князьями Хованскимъ и Курлятевымъ	385—399
ГЛАВА XXV. Грамота Грознаго по челобитью Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева о счетѣ съ князьями Хованскимъ и Курлятевымъ.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ бьетъ челомъ о счетѣ съ княземъ Курлятевымъ.—Оба брата Шереметевы назначены на	

СТРАН.

береговую линію противъ Крымцевъ.—Новые мѣстническіе споры 400—415

ГЛАВА XXVI. Братья Шереметевы участвуютъ въ пріемѣ Литовскаго гонца Гоголя и въ переговорахъ съ нимъ.—Θедоръ Васильевичь Шереметевъ объявляетъ царю пословъ Стефана Баторія.—Шереметевы назначены въ походъ подъ Ревель.—Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ при прощаніи съ царемъ даетъ клятву взять Ревель.—Споры воеводъ съ Шереметевыми о мѣстахъ.—Громкая извѣстность Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева въ Московскомъ войскѣ.—Отзывъ о немъ очевидца осады.—Шереметеву приписывали первоначальный планъ осады Ревеля. — Кончина Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева 416—434

ГЛАВА XXVII. Тѣло Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева привезено въ Москву, оттуда въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — По приказанію Грознаго, имя Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева записано въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія. — Θедоръ Васильевичь Шереметевъ пожалованъ въ окольничіе и назначенъ на мѣсто убіеннаго брата.— Царевичь Иванъ Ивановичь вступаетъ въ бракъ съ дочерью Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева, Еленою Ивановною.—Вклады Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева въ разные монастыри. — Его излюбленное богомолье. — Дѣти Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева.—Его духовное завѣщаніе 435—448

ГЛАВА XXVIII. Вотчины, оставшіяся послѣ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева.—Его дворъ въ Кремлѣ 449—465

ГЛАВА XXIX. Въ новую Ливонскую кампанію Θедоръ Васильевичь Шереметевъ начальствуетъ сторожевымъ полкомъ.—Города и замки, взятые при его непосредственномъ участіи.—Ему пожалована за Ленневардскую службу Рязанская вотчина село Песочня.—Оставленъ въ Дерптѣ вѣдать государево дѣло.—Мѣстническіе споры съ Θедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ князей Палецкаго, Долгорукова и Сицкаго.—Пораженіе Московскаго войска при Венденѣ.—Бѣгство Ше-

СТРАН.

реметева и другихъ воеводъ съ поля битвы.—Разсказы о Венденскомъ дѣлѣ Андрея Сапѣги и въ современной брошюрѣ, изданной въ Нюренбергѣ.—По новой росписи Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ назначенъ воеводою передоваго полка 466—480

ГЛАВА XXX. Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ посланъ на выручку Полоцка.—Занимаетъ крѣпость Соколъ.—По случаю мѣстническихъ споровъ Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ устраненъ отъ главнаго начальства въ Соколѣ.—Новое пораженіе Московскаго войска при Соколѣ.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ взятъ въ плѣнъ.—Отклоняетъ предложеніе Стефана Баторія возвратиться въ отечество. — Отзывъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ Шереметевѣ пастора Одерборна 481—491

ГЛАВА XXXI. Жестокій поступокъ Грознаго съ своею снохою Еленою Ивановною Шереметевою.—Умерщвленіе мужа Елены Ивановны, царевича Ивана Ивановича.—Постриженіе Елены Ивановны Шереметевой.—Раскаяніе Грознаго и его милости къ овдовѣвшей снохѣ.—Форма грамотъ Елены Ивановны Шереметевой, именовавшейся по постриженіи царицей Леонидой.—Самозванецъ, выдававшій себя за сына царевича Ивана Ивановича отъ Елены Ивановны Шереметевой.—О положеніи Ѳедора Васильевича въ Польскомъ плѣну 492—502

ГЛАВА XXXII. Ѳедоръ Васильевичь выкупленъ изъ плѣна.—Непріятности отъ роднаго племянника, Петра Никитича Шереметева.—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ посланъ намѣстникомъ въ Кострому.—По приговору бояръ, назначенъ начальникомъ войска, собраннаго для похода противъ Черемисовъ.—Смерть Грознаго.—Сынъ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, по смерти матери, остался на попеченіи своей старшей сестры, царицы Леониды.—Грамота царицы Леониды въ вотчину Ѳедора Ивановича Шереметева.—Предсмертный подарокъ Грознаго Ѳедору Ивановичу Шереметеву. 503—514

Указатель. 515—542

Списокъ приложеній 543—545

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ГЛАВА I.

Начальная исторія нашихъ «выѣзжихъ» боярскихъ родовъ, къ которымъ причисляютъ и Шереметевыхъ, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ задачъ древности Русской, доселѣ остающихся нерѣшенными, за недостаточностію положительныхъ данныхъ. Въ XVI вѣкѣ, извѣстный историкъ Грознаго, князь Курбскій, писалъ, что прародитель Шереметевыхъ, «мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, емуже имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ»[1]. Въ родословной книгѣ Русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей и дворянскихъ родовъ, писанной полууставомъ XVII вѣка[2], прародитель Шереметевыхъ названъ иначе. Тамъ сказано о немъ слѣдующее: «Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ,

[1] Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2. Спб. 1842. стр. 108.

[2] Рукопись Имп. Публичной библіотеки (въ собраніи И. П. Сахарова). Q. IV. 171. л. 165 на оборотѣ.

именемъ Андрей Ивановичь (въ другихъ мѣстахъ родословной — Михайловичь) Кобыла». Этимъ послѣднимъ именемъ, но, по большей части, безъ отчества и безъ объясненія о выѣздѣ, начинаются всѣ дошедшія до насъ старинныя родословныя росписи Шереметевыхъ и единоплеменныхъ съ ними Романовыхъ, Колычовыхъ и друг.[3]. О пріѣздѣ Андрея Кобылы «изъ Пруссъ» едва-ли не первый объявилъ бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ (отецъ фельдмаршала). Представленная имъ, 23 мая 1686 года, въ Разрядъ, за собственноручною подписью, поколѣнная роспись Шереметевыхъ начинается такъ: «Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Івановича, а прозваніе ему было Кобыла: Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичь, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичь»[4] и т. д.

[3] Ссылаемся на древнѣйшія росписи, которыя находятся: 1) въ 1-й книгѣ (III тома) о древностяхъ Россійскаго государства (рукопись Патріаршей библіотеки № 965. л. 364 на оборотѣ) и 2) въ «Книгѣ глаголемой перечень всякимъ разряднымъ дѣламъ по всякимъ вѣрнымъ свидѣтельствамъ, писанъ по спискательству вѣрнаго тщательства» (рукопись in-fo № XXI, принадлежащая князю Павлу Петровичу Вяземскому).

[4] Справка за № 221, выданная, 11 янв. 1801 г., изъ Московскаго архива государств. коллегіи, графу Николаю Петровичу Шереметеву.

Роспись эта представлена была во исполненіе указа царя Ѳедора Алексѣевича, отъ 27-го ноября 1681 года, которымъ повелѣно «въ Розрядѣ родословную книгу пополнить и которыхъ изъ родословныхъ людей имянъ въ той книгѣ въ родѣхъ не написано и тѣхъ имяны въ той книгѣ написать къ сродникомъ ихъ и для того приносить имъ въ Розрядъ поколѣнныя росписи за руками». Хранившаяся въ Разрядѣ старая родословная книга, названная въ одной рукописи «подлинною издревле Московскою родословною книгою»,— обновленная и пополненная представленными поколѣнными росписями, вошла въ составъ, такъ-называемой, «Бархатной книги», въ которой, согласно показанію Петра Васильевича Шереметева, записано, что «Шереметевы выѣхали изъ Пруссіи»[5].

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ предпринятыхъ въ Разрядѣ работъ по обновленію и пополненію старой родословной книги, одинъ изъ потомковъ Андрея Кобылы, герольдмейстеръ Петровскаго времени, ближній стольникъ Степанъ Андреевичь Колычовъ, отва-

[5] Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ. М. 1787. Ч. II. стр. 403.

жился проникнуть въ хаотическую глубь легендарныхъ, средневѣковыхъ сказаній о родинѣ и предкахъ своего общаго съ Шереметевыми прародителя. Онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи пространную записку по этому предмету, подъ заглавіемъ «Исторіографія вкратцѣ собранная изъ разныхъ кроникъ и лѣтописцевъ»[6]. Колычовъ пользовался «печатными и рукописными, подлинно свидѣтельствованными и достойными памятствованія книгами, сочиненными разными аутори»[7], и предупреждаетъ читателей, что «если кто нибудь сему истинному описанію будетъ, по ненависти или зависти, прекословить, то

[6] На обложкѣ этой неизданной рукописи, хранящейся въ архивѣ графа С. Д. Шереметева (№ 597), написано слѣдующее: «Сія книга глаголемая, собранная изъ разныхъ лѣтописцевъ и изъ подлинныхъ разрядныхъ родословцевъ о фамиліи и потомкахъ Прусскаго и Олянскаго короля Ведевита отъ четвертаго сына его Недрона отъ потомственнаго его наслѣдника Андрея Ивановича Камбилы глаголемаго Гляндуса произшедшихъ отъ него нижеобъявленныхъ въ сей исторіи влекущихся родовъ, которую тщаніемъ конфермовалъ Геролтмейстеръ ближней стольникъ Степанъ Андреевичь Колычовъ, какъ былъ во управленіи указомъ Его Императорскаго Величества у Геролтмейстерскихъ дѣлъ, въ 722 году. А сія книга дому капитана Ивана Иванова сына Колычова». Въ самомъ концѣ рукописи читаемъ слѣдующее: «Слава всемогущему Богу совершившему сію вкратцѣ собранную книжицу........ А собралъ сію книжицу Его Императорскаго Величества ближній стольникъ и Героддъмейстеръ Степанъ Андреевичь Колычовъ, генваря 20 дня 1722 году».

[7] А именно: Эразмъ Стеллій, Эней Сильвіусъ, Петръ Дусбергъ, Андрей Целяріусъ, Длугошъ, Кромеръ, Старовольскій, Вановскій, Орѣховскій, Песецкій и друг.

онъ свидѣтельствуется описаніемъ исторіографовъ и сошлется на великую библіотеку свѣтлѣйшаго князя Дурбина Пезарскаго, который такую библіотеку богатую, великую, славную и праведную въ сущемъ сердцѣ Италіи держитъ»[8]. Памятуя строгое предувѣдомленіе Колычова, мы воздержимся отъ прекословій и, опустивъ разсужденія автора записки «о початіи и дѣлахъ Прусскаго народа обывателей, которые единаго отечества и рода съ Славянами»[9],—предоставимъ ему самому разсказать нѣкоторыя добытыя имъ данныя и соображенія собственно о предкахъ Андрея Кобылы и о пріѣздѣ послѣдняго въ Россію.

Повѣствованіе Колычова начинается съ Прусскаго короля Прутено, который въ 373 году по Р. Х., «для старости своей, отдалъ въ вѣчное обладательство свое Прусское

[8] Слова эти заимствованы Колычовымъ у Мавроурбина. См. «Кніга Історіографія початія имене, славы, и разширенія народа Славянскаго... Собрана изъ многіхъ кнігъ історіческіхъ, чрезъ господина Мавроурбіна Архімандріта Рагужского... Переведена со італіанского на Россійской языкъ (графомъ С. Л. Владиславичемъ Рагузинскимъ) и напечатана повелѣніемъ и во время счастліваго владѣнія Петра Великаго... Въ Санктъпітербургской Тѵпографіи, 1722 году, Августа въ 20 день», стр. 5.

[9] Разсужденія о Славянахъ, Колычовъ также взялъ цѣликомъ изъ книги Мавроурбина, котораго, однако, не упоминаетъ въ перечнѣ авторовъ, имъ штудированныхъ.

королевство брату своему Вейдевуту, а самъ опредѣлился ко идолослуженію первымъ жрецомъ въ городѣ Ромновѣ, идеже нынѣ Нѣмецкое мѣстечко Гейлигенбейль»[10]. Вейдевутъ, въ свою очередь, предъ концомъ жизни, раздѣлилъ Прусскую землю между 12-ю сыновьями, изъ которыхъ четвертый, Недронъ, получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. «Крыжаки (орденъ меченосцевъ) край земель Недровскихъ мечемъ и огнемъ лютѣе паче протчихъ раззорили и городы Недровскихъ князей, потомковъ вышеписаннаго Недрона, до основанія истощили и разрушили». По объясненію Колычова, всѣ эти бѣдствія постигли Недровскій удѣлъ уже въ XIII вѣкѣ, при князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ 9-мъ колѣнѣ. Въ 1280 году, старшій сынъ Дивона, князь Руссингенъ, «не имѣя силы отечествія своего краи отъ крыжаковъ боронити», поддался послѣднимъ, и «со всею своею фамиліею», въ томъ числѣ и съ младшимъ своимъ братомъ «Камбилою, нареченнымъ Гландою или Гландосомъ», крестился; «а какое имъ

[10] Ромнове или Ромове находилось на берегахъ Дубиссы и Нѣвяжи. При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, на обширной равнинѣ, находился священный, вѣчно-зеленый дубъ, необыкновенной толщины и высоты.

въ крещеніи дано имя, того въ лѣтописцахъ не написано, развѣ въ ихъ крыжацкихъ метрикахъ обрѣтается». Далѣе Колычовъ повѣствуетъ, что «въ 1283 году, помянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ всуе творятъ латинники.... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, не дописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню по сему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры».

Вотъ единственный цѣльный разсказъ о выѣздѣ въ Россію родоначальника Шереметевыхъ, называемаго у насъ «Андреемъ Кобылою». Въ нашихъ лѣтописяхъ это имя упоминается только одинъ разъ: «Въ лѣто 6855 (1347). Женися князь великій Семенъ Ивановичь въ 3-іе, поя за ся княжну Марію Александровну Тверскаго князя; а ѣздили по нее Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ»[11].

За 57 лѣтъ до указаннаго событія, имя Кобылы встрѣчается въ Памятникахъ Варминской (Эрмляндской) исторіи. Тамъ мы находимъ дарственную запись Эрмляндскаго капитула, данную 23 іюля 1290 года, нѣкоему Кабилѣ (Cabilo) на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben), съ тѣмъ, чтобы онъ, Кабило, и его наслѣдники, по обычаю страны, служили капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ[12]. По объясненію издателей Памятниковъ, данное Кабилѣ помѣстье Налабенъ,—нынѣ Колмская деревня того-же названія, въ приходѣ Петерсвальдъ, близъ Мельзака (Mehlsack)[13].

[11] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VII. стр. 210.

[12] Monumenta historiae Warmiensis. B. I. (Codex diplomaticus Warmiensis). Mainz. 1860. Diplomata. стр. 151. № 86ª.

[13] Въ 84-хъ верстахъ отъ Кёнигсберга, на юго-западъ.

Сведя вмѣстѣ Колычовскаго Гляндy-Камбилу, упоминаемаго въ Варминскихъ Памятникахъ Cabilo и нашего лѣтописнаго Андрея Кобылу, казалось бы возможнымъ допустить, что во всѣхъ трехъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ.

Записка Колычова имѣла практическое примѣненіе въ царствованіе Павла Петровича, когда Русскимъ родословнымъ людямъ опять пришлось представлять свои поколѣнныя росписи въ правительственное учрежденіе, именно въ Герольдію, которой повелѣно было именнымъ указомъ, отъ 20 января 1797 года, составить, подъ высшимъ наблюденіемъ генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина, «Общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ». Для приведенія этого повелѣнія въ исполненіе, всѣмъ дворянамъ вмѣнено было въ обязанность представлять за надлежащими удостовѣреніями доказательства о принадлежности къ благородному сословію, а также вносить въ Герольдію свои родословныя и гербы; послѣдніе съ подробнымъ описаніемъ содержанія эмблемъ и, буде можно, ихъ значенія, равно какъ съ объясненіемъ, по какому праву и случаю присвоенъ пред-

ставленный гербъ извѣстному дворянскому роду.

Графъ Николай Петровичь Шереметевъ (внукъ фельдмаршала) представилъ въ Герольдію потребованныя ею «доказательства» о принадлежности къ благородному сословію не только относительно своей графской линіи, но и о «всѣхъ отрасляхъ фамиліи Шереметевыхъ»[14]. Доказательства о происхожденіи Шереметевыхъ составлены были, по порученію графа Николая Петровича, извѣстнымъ начальникомъ Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ[15]. Основаніемъ этому труду

[14] Журналъ исходящій партикулярнымъ письмамъ графа Николая Петровича Шереметева за 1799 г. № 42.

[15] Графъ Николай Петровичь сперва поручилъ составленіе «доказательствъ» и собираніе нужныхъ справокъ своему родственнику, Николаю Владиміровичу Шереметеву (правнуку младшаго брата фельдмаршала, Владиміра Петровича), какъ это видно изъ слѣдующаго указа графа Домовой Канцеляріи, отъ 12 февраля 1797 года: «По представленію вашему о требованіи Николаемъ Володиміровичемъ для окончанія доказательства о фамиліи моей подлинныхъ документовъ и въ прибавленіе къ оному изъ библіотеки моей потребными книгами. А какъ мною усматривается изъ присланной отъ васъ патентамъ и жалованнымъ грамотамъ описи, что оная написана съ довольнымъ изъясненіемъ, изъ которой желаемое имъ обстоятельство увидѣть можно; изъ библіотеки же книги, а равно и копіи съ жалованныхъ грамотъ и прочаго предусматриваю я совсѣмъ ему ненужнымъ,—то о семъ объяснюсь съ Иваномъ Ивановичемъ (Голохвастовымъ) и что имъ присовѣтовано будетъ, по тому и имѣть исполненіе». Въ концѣ указа сказано, чтобы означенная опись была отправлена къ Голохвастову, ко-

послужила «Исторіографія» Колычова, которая была нарочно списана для Малиновскаго съ подлинника, хранившагося въ Москвѣ, въ домѣ Маріи Петровны Колычовой[16], и по прошествіи надобности, прислана была (5 ноября 1797 года) въ Петербургъ и доселѣ хранится въ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева.

Изготовленныя Малиновскимъ доказательства о происхожденіи Шереметевыхъ, графъ Николай Петровичъ препроводилъ къ своему однородцу, сенатору Александру Алексѣевичу Яковлеву, для представленія въ Герольдію, вмѣстѣ съ «стариннымъ гербомъ, издревле употребляемымъ ихъ общими предками»[17].

тораго «просить, чтобы оное постарался привести къ скорѣйшему окончанію». Что̀ присовѣтовалъ Голохвастовъ и какъ онъ повелъ настоящее дѣло, неизвѣстно. Изъ документовъ архива графа С. Д. Шереметева видно только, что оно было окончено въ исходѣ того же 1797 г. Малиновскимъ (Указы графа Н. П. Шереметева за 1797 годъ).

[16] Владѣтельница подлинной рукописи, Марья Петровна Колычова, родилась отъ брака Петра Степановича Колычова (сына автора Исторіографіи) съ Еленой Васильевной Шереметевой, племянницею фельдмаршала.

[17] При этомъ графъ Николай Петровичъ приложилъ нижеслѣдующее письмо къ Яковлеву, отъ 2 января 1798 года:

Милостивый государь мой Александръ Алексѣевичь!

«Въ слѣдствіе Высочайшаго Его И. В. указа о предъявленіи дворянами каждому своего происхожденія и стариннаго герба въ Ге-

Колычовъ въ своей Исторіографіи не упоминаетъ объ этомъ гербѣ, помѣщенномъ въ началѣ настоящей книги[18], и мы рѣшительно не можемъ сказать ничего положительнаго о томъ, когда и кѣмъ онъ былъ составленъ или списанъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайло-

рольдію, взялъ я, откуда слѣдовало, справки; но будучи обязанъ должностьми, не имѣю достаточнаго времени для произведенія оныхъ въ дѣйствіе и при семъ къ вамъ оныя препровождаю, поелику вы происходите отъ одного со мною предка Гл я н д ы К а м б и л ы, в ы ѣ х а в ш а г о с ъ с ы н о м ъ с в о и м ъ А н д р е е м ъ И в а н о в и ч е м ъ (?) въ тринадцатомъ вѣкѣ изъ Пруссіи въ Россію; а зная ваше ко мнѣ расположеніе, прошу васъ взять на себя трудъ, какъ предъявить и з д р е в л е у п о т р е б л я е м ы й о б щ и м и н а ш и м и п р е д к а м и г е р б ъ, для внесенія въ Гербовникъ, такъ и исходатайствовать для меня въ надлежащемъ порядкѣ Родословной дипломъ» (Архивъ графа С. Д. Шереметева).

18 Объяснимъ этотъ гербъ словами Высочайше утвержденнаго Гербовника: «По серединѣ золотаго щита въ красномъ полѣ, окруженномъ лавровымъ вѣнцомъ, изображена золотая корона, то есть гербъ древнихъ владѣтелей Прусскихъ и подъ оною два серебряные креста, означенные перпендикулярно. Въ нижней части на золотомъ щитѣ видна шапка, служившая въ древнія времяна отличіемъ для бояръ, въ которыхъ чинахъ фамиліи Шереметевыхъ многіе находились; а въ низу шапки изображены копье и мечь, положенные крестообразно на серебряномъ полумѣсяцѣ, рогами обращенномъ въ верьхъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною, на поверьхности которой между двухъ серебряныхъ звѣздъ шестиугольныхъ виденъ кумиропоклонный дубъ. Щитъ держатъ два льва, имѣющіе золотые лбы, а во рту лавровую и масличную вѣтви, изъ коихъ у стоящаго съ правой стороны находится въ лапѣ скипетръ, а съ лѣвой—держава въ память того, что предки фамиліи Шереметевыхъ были въ Пруссіи владѣтелями. Наметъ на щитѣ золотой подложенный краснымъ; подъ щитомъ надпись: Deus conservat omnia». (О б щ і й г е р б о в н и к ъ дворянскихъ родовъ Всероссійской имперіи. Ч. 2. отд. I. 10).

вича, частные гербы еще не были въ употребленіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современный писатель Котошихинъ, который прямо говоритъ, что Московскій царь «грамотъ и гербовъ на дворянство и боярство никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ... Да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербовъ не бываетъ»[19]. Гербы вошли въ употребленіе лишь въ царствованіе Өедора Алексѣевича, когда въ Посольскомъ приказѣ имѣлась даже для справокъ о гербахъ Латинская книга, называемая «Гербовникъ шляхетный Польскаго и Литовскаго народа, Окольскаго, изданный въ Краковѣ, въ 1641 году»[20].

Графъ Николай Петровичь Шереметевъ, представляя, въ 1798 году, въ Герольдію для утвержденія гербъ Шереметевыхъ, писалъ, что гербъ этотъ донынѣ употребляется во всей точности городомъ Гданескомъ (Данцигомъ) и не во многомъ отличается отъ гербовъ Кенигсбергскаго, Эльбингскаго и другихъ городовъ, которые въ древности принад-

[19] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859. Изд. 2. стр. 23.

[20] Лакіеръ. Русская Геральдика. Кн. II. стр. 336.

лежали потомкамъ Вейдевута, Гляндѣ Камбилѣ и брату его Руссингену Дивоновичу. На Данцигскихъ монетахъ, сохранившихся отъ XV и XVI столѣтій, дѣйствительно, изображены: два креста, надъ ними корона, изъ которой выходитъ дерево[21].

[21] Лакіеръ. Русская Геральдика. Кн. II. стр. 477 и въ Приложеніяхъ табл. XXV. № 25.

ГЛАВА II.

Когда бы и откуда бы ни выѣхалъ Андрей Кобыла въ Россію, во всякомъ случаѣ, онъ становится лицомъ вполнѣ историческимъ лишь съ 1347 года, когда, по лѣтописному извѣстію, великій князь Семенъ Ивановичъ послалъ его сватомъ въ Тверь къ своей невѣстѣ княжнѣ Маріи Александровнѣ. Столь почетное порученіе, возлагавшееся обыкновенно на лицъ, пользовавшихся особливымъ довѣріемъ великаго князя, свидѣтельствуетъ о высокомъ положеніи Андрея Кобылы при Московскомъ дворѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы подтверждаетъ разсказъ Колычова объ его знатномъ происхожденіи. Отсутствіе какихъ либо другихъ извѣстій объ Андреѣ Кобылѣ обязываетъ остановиться въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о немъ. Но мы не можемъ не высказать предположенія, что сватъ государевъ имѣлъ и достатки, соотвѣтство-

вавшіе его положенію при дворѣ. Множество старинныхъ населенныхъ мѣстъ въ сѣверной Россіи, преимущественно въ предѣлахъ Псковской области и Новгородскихъ пятинъ (Водской, Деревской и Обонежской), до позднѣйшаго времени носили названія, напоминавшія фамильное прозвище родоначальника Шереметевыхъ[22]. Было бы слишкомъ смѣло сказать, что всѣ населенныя мѣста съ названіемъ Кобылино входили нѣкогда въ составъ владѣній Андрея Кобылы; но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, состоявшія, по документамъ, за его потомками, несомнѣнно принадлежали ему и перешли въ потомство по наслѣдству, какъ, напримѣръ, Кобылинскія села на Вологдѣ, подаренныя, впослѣдствіи, правнукою Андрея Кобылы, боярынею Марьей Өедоровной Голтяевой, сыну великаго князя Василія Темнаго, князю Борису Васильевичу Волоцкому[23]. Праправнука Андрея Кобылы, Соломонида Ивановна Кошкина, владѣла деревней Кобылиной (въ Московскомъ уѣздѣ), пере-

[22] Ивановъ. Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Новугороду и Пскову. М. 1841.

[23] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. стр. 204 и 330.

шедшею, вмѣстѣ съ селомъ Сабуровымъ и деревнею Одинцовою, къ сыну ея Ивану Григорьевичу Морозову. Вдова послѣдняго, Аграфена Морозова, въ 1558 году, отдала названныя деревни и село Московскому Успенскому собору на поминокъ, пояснивъ въ данной слѣдующее: «а крѣпости есмя у чюдотворца Петра на ракѣ положила, почему мужъ мой Иванъ и язъ Ографена тѣмъ селомъ и деревнями владѣли, и Макарій митрополитъ тое крѣпости съ чюдотворцова гроба велѣлъ взяти въ казну»[24].

Крѣпости, положенныя на раку чудотворца Московскаго, можетъ быть, заключали въ себѣ любопытныя данныя о владѣніяхъ самого Андрея Кобылы и о переходѣ ихъ по наслѣдству; но документы эти исчезли навсегда, какъ и многіе другіе письменные памятники древней Россіи.

Во всѣхъ дошедшихъ до насъ правительственныхъ и частныхъ родословцахъ сказано, что Андрей Кобыла имѣлъ пять сыновей, изъ которыхъ каждый носилъ особливое прозваніе: 1) Семенъ Жеребецъ, отъ котораго по-

[24] Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. I. столб. 451—453.

шли Лодыгины, Коновницыны, Синіе, Горбуновы, Кокоревы и Образцовы; 2) Александръ Елка, отъ котораго пошли Колычовы, сородичи прославившагося святостью Филиппа, митрополита Московскаго, Сухово-Кобылины, Стербеевы, Хлуденевы и Неплюевы; 3) Василій Вантей или Ивантей, имѣвшій одного только сына Григорія, который умеръ бездѣтнымъ; 4) Гавріилъ Гавша, отъ котораго пошли Боборыкины, и 5) Ѳедоръ Кошка, отъ старшаго сына котораго пошло поколѣніе Захарьиныхъ, именовавшихся потомъ Юрьевыми, и наконецъ Романовыми[25]; а отъ третьяго сына — Беззубцовы, именовавшіеся потомъ Шереметевыми.

Нельзя не обратить вниманія на странное явленіе нашей древней исторіи, что черезъ нѣсколько поколѣній, отъ одного и того-же родоначальника, образовывалось столько новыхъ, различныхъ фамилій. Почти каждый сынъ въ семействѣ принималъ новое прозваніе и начиналъ отъ себя новое колѣно рода. Дмитрій Александровичь Валуевъ, извѣстный изслѣдователь мѣстничества въ Россіи, объясняетъ причину этого обычая тѣмъ, что каждый мень-

[25] Къ этой же вѣтви принадлежитъ угасшая фамилія Яковлевыхъ.

шой въ родѣ находилъ выгоднымъ отдѣлить себя и свое потомство отъ старшихъ, чтобы въ распорядкѣ мѣстничества «не быть утягиваему» отъ другихъ этими старшими и общею лѣствицею. Принимая новое имя, онъ какъ-бы старался упрочить свой разрывъ съ родомъ и привести въ забвеніе свое прежнее второстепенное родовое положеніе[26]. Разные случаи мѣстничества показываютъ, однако, что всѣ такія колѣна, принявшія особыя прозвища, все-таки продолжали считаться одни мъ родомъ и даже вели иногда счетъ другъ съ другомъ общею лѣствицею, если такой счетъ оказывался выгоднѣе той или другой сторонѣ.

Исторія сохранила память только о младшемъ сынѣ Андрея Кобылы—Ѳедорѣ Андреевичѣ Кошкѣ, имя котораго, по словамъ исторіографа Миллера, «въ старыхъ того времени лѣтописяхъ объявляется», и это, по мнѣнію исторіографа, «достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ о знатности рода его отцовскаго и о заслугахъ его самого»[27]. Къ сожалѣнію, въ лѣтописяхъ и различныхъ актахъ того времени всѣ бояре назывались только по имени

[26] Синбирскій Сборникъ. М. 1845 (Предисловіе. стр. 39).

[27] Письма Петра Великаго къ ген.-фельдм. Б. П. Шереметеву. М. 1774 (Предисловіе Миллера. стр. II).

и отчеству, безъ прозвищъ. При тогдашней малочисленности великокняжескаго двора, имени и отчества было совершенно достаточно, чтобы отличить одного боярина отъ другого; но для насъ отсутствіе прозвищъ представляетъ почти непреодолимое затрудненіе, особенно когда имена повторяются. Такъ, между боярами, сподвижниками Димитрія Донскаго, мы встрѣчаемъ двухъ Өедоровъ Андреевичей. По объясненію Соловьева, одинъ изъ нихъ былъ Өедоръ Андреевичь Свиблъ, потомокъ извѣстнаго Трансильванскаго выходца Радши, другой—Өедоръ Андреевичь Кошка. Но кто именно изъ нихъ подписался, напримѣръ, въ числѣ свидѣтелей подъ первою духовною грамотою великаго князя Димитрія Ивановича, писанной въ 1371 году?[28] О комъ изъ нихъ упомянуто во второй духовной Донскаго, составленной въ 1389 году и подписанной обоими Өедорами Андреевичами?[29] Наконецъ, которому изъ двухъ Өедоровъ Андреевичей поручена была Москва и великокняжеское семейство во время войны Димитрія съ Мамаемъ? Въ лѣтописномъ извѣстіи объ этомъ

[28] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 1. стр. 51.
[29] Тамъ-же, стр. 59.

послѣднемъ случаѣ тоже опущено прозвище: «великый князь Дмитрей Ивановичь въ понедѣльникъ перебродися съ своимъ дворомъ, а на Москвѣ остави воеводъ своихъ у великые княгини и у сыновъ своихъ, Ѳеодора Андреевича»[30].

Утвердительно отвѣтить на поставленные вопросы нѣтъ никакой возможности. На наше счастіе, приходится, по крайней мѣрѣ, выбирать только между двумя лицами: если не Ѳедоръ Андреевичь Свиблъ, то уже навѣрно Ѳедоръ Андреевичь Кошка, потому что при Донскомъ другихъ бояръ съ такимъ же именемъ и отчествомъ не встрѣчается. Послѣдняя духовная великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго, отъ 1389 года, подписанная обоими Ѳедорами Андреевичами, слѣдовательно, и Кошкою, имѣетъ для насъ существенную важность въ томъ отношеніи, что бояре, подписавшіе это завѣщаніе[31], присутствовали при кончинѣ великаго князя и, такимъ образомъ, открывается—къ кому именно обращено было при-

[30] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 92.

[31] Между подписавшими завѣщаніе встрѣчается также имя Александра Андреевича. Можетъ быть, это старшій братъ Ѳедора Кошки—Александръ Андреевичь Елка, родоначальникъ Колычовыхъ.

водимое лѣтописцемъ слѣдующее прощальное слово славнаго побѣдителя Татаръ: «Вѣдаете обычай мой и нравъ, предъ вами родихся и при васъ възрастохъ, съ вами и царствовахъ, и землю Рускую дръжахъ 27 лѣтъ..... И мужествовахъ съ вами на многы страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ, и поганыа низложихъ Божіею помощію, враги покорихъ, княженіе укрѣпихъ, и миръ и тишину земли створихъ, отчину свою съ вами съблюдохъ, еже ми предалъ Богъ и родители мои, къ вамъ честь и любовь имѣхъ, подъ вами грады дръжахъ и великыа волости, и чада ваша любихъ, никомуже зла не сътворихъ, ни силно что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни безчинствовахъ, но всѣхъ любихъ и въ чести дръжахъ, и веселихся съ вами, съ вами же и скорбѣхъ; вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей. Нынѣ жъ помяните словеса своя, яже рекосте ко мнѣ во время свое: длъжни есмы тобѣ служа и дѣтемъ твоимъ главы своя положити. Укрѣпитеся истиною, послужите княгини моей и чадомъ моимъ отъ всего сердца своего; во время радости повеселитеся съ ними, и во время скорби не оставите ихъ, да скорбь ваша

на радость преложится, Богъ же мира да будетъ съ вами» [32].

Для насъ эти слова Донскаго драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что даютъ полное право заключить, что свидѣтели второй духовной Донскаго, въ томъ числѣ и Ѳедоръ Кошка, были правителями государства во время его малолѣтства и главными дѣйствующими лицами его княженія.

Извѣстны событія, послѣдовавшія за смертію отца Димитрія Ивановича Донскаго, великаго князя Московскаго Ивана Ивановича, умершаго въ 1362 году. Ханскій ярлыкъ на великокняжескій престолъ, по-мимо законнаго наслѣдника, девятилѣтняго Димитрія, достался князю Суздальскому, Димитрію Константиновичу. Такимъ образомъ, Московскіе князья снова нисходили на степень князей удѣльныхъ и Москва переставала быть столицей. Въ эту тяжелую пору на сцену выступили Московскіе бояре, въ лицѣ вышеупомянутыхъ правителей. По замѣчанію Карамзина, само «Провидѣніе даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго князя и величіе Россіи». Московскіе бояре, воспользо-

[32] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 352.

вавшись кровавыми междоусобіями, возникшими въ то время въ Ордѣ, возвратили Москвѣ первенство надъ Русью и утвердили великое княженіе за своимъ молодымъ княземъ.

Достигши этой ближайшей цѣли, Московскіе правители стали больше прежняго стѣснять удѣльныхъ князей, принимали участіе въ ихъ распряхъ, звали ихъ на судъ въ Москву и, такимъ образомъ, подали примѣръ той мудрой политики, которая окончательно объединила Московское государство. Трудная задача эта могла быть выполнена только при умѣньи ладить съ Ордою. Дѣдъ Донскаго, Иванъ Калита и святитель Алексій показали примѣры, что на Татаръ можно было дѣйствовать и не одною силою. Ѳедоръ Андреевичь Кошка зналъ это. Онъ былъ хорошо извѣстенъ въ Ордѣ и пользовался тамъ большимъ уваженіемъ. Въ 1409 году, уже послѣ смерти Кошки, Ордынскій князь Эдигей, объявляя преемнику Донскаго великому князю Василію Дмитріевичу о нашествіи Татаръ на Россію, за оказываемую великимъ княземъ непокорность къ царямъ Большой Орды, писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Вся твоя дѣла недобрыи и неправыи. Добрыи нравы и добрая дума и

добрыя дѣла были къ орде отъ Ѳедора отъ Кошки — добрый былъ человѣкъ, — которые добрые дѣла ординскіе то и тобѣ возспоминалъ, и то ся минуло»[33]. Изъ этого мѣста Эдигеевой грамоты уже ясно видно, что Ѳедоръ Андреевичь Кошка оказывалъ важнѣйшее вліяніе на дѣла въ княженіе Донскаго и былъ главнымъ его совѣтникомъ. Великій князь Тверскій Михаилъ Александровичь, истощившій силы въ неравной борьбѣ съ Москвою, не даромъ спѣшилъ войти въ родство съ сильнымъ любимцемъ великаго князя Московскаго. «Лѣта 1391, говоритъ лѣтописецъ, женилъ князь великій Михайло Александровичь Тверскій сына своего на Москвѣ у Ѳедора у Кошки Ондрѣева сына»[34]. Михаилъ не ошибся въ расчетѣ: родство съ однимъ изъ сильнѣйшихъ боярскихъ родовъ при Московскомъ дворѣ вполнѣ обезпечивало Тверь со стороны Москвы. Этотъ бракъ породнилъ боярина Кошку съ Рюриковичами, а также и съ Гедиминовичами: княжна Марія Кестутьевна, родная сестра великаго князя Литовскаго Витовта, была замужемъ за другимъ (старшимъ) сыномъ Михаила Але-

[33] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 2. стр. 16.
[34] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. IV. стр. 202.

ксандровича—княземъ Иваномъ Михайловичемъ.

Ѳедоръ Андреевичь Кошка въ послѣдній разъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1393 годомъ: «А въ Новъгородъ посла князь великій (Василій Дмитріевичь, сынъ Донскаго) послы своя Ѳеодора Андрѣевича Кошку и Ивана Уду, и шедша тамо покрѣпиша миръ съ Новогородцы»[35]. Какъ извѣстно, несогласіе съ Новгородцами вышло изъ-за того, что они не хотѣли платить великому князю черной или народной дани и отказались ходить въ Москву на судъ къ митрополиту. Посольство имѣло полный успѣхъ: «Новгородъ даша князю черный боръ брати по своимъ волостемъ; а за кимъ княжчины, а тѣ цѣловали къ великому князю, княжчинъ имъ не таити, а то цѣлованіе было въ Филипово говѣніе»[36].

Изъ упомянутой грамоты Эдигея видно, что въ 1409 году Ѳедора Андреевича уже не было въ живыхъ. Годъ его кончины неизвѣстенъ. Предъ смертью онъ постригся въ монахи и нареченъ Ѳеодоритомъ. По родословнымъ, у Ѳедора Андреевича Кошки, кромѣ до-

[35] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, Т. VIII. стр. 64.
[36] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 100.

чери, вышедшей за князя Тверскаго, было пять сыновей: 1) Иванъ Кошкинъ, 2) Өедоръ, по прозванію Голтяй, 3) Александръ, по прозванію Беззубецъ, 4) Никифоръ, имѣвшій двухъ бездѣтныхъ сыновей, и 5) Михайло, по прозванію Дурной, умершій бездѣтнымъ.

Вліяніе Өедора Андреевича Кошки при дворѣ Московскомъ всецѣло унаслѣдовалъ старшій сынъ его, Иванъ Өедоровичь Кошкинъ, прямой пращуръ знаменитаго Филарета Никитича Романова. Это мы видимъ изъ той-же грамоты Эдигея, отъ 1409 года, въ которой высказываются горькіе упреки великому князю Василію Дмитріевичу за рѣзкую перемѣну обращенія съ Татарами. Князь Ординскій, вспоминая о добромъ старомъ времени, когда дѣлами управлялъ бояринъ Өедоръ Кошка, говоритъ, между прочимъ: «А нынѣ у тебя сынъ ево (Өедора Кошки) Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина; и ты нынѣ изъ того слова, изъ того думы не выступаешь. Ино того думою учинилась твоему улусу пакость и крестьяне изгибли, и ты бы опять такъ не дѣлалъ, а молодыхъ не слушалъ, и собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ»[37]. Обраще-

[37] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 2. стр. 16.

ніе съ Татарами перемѣнилось на столько, что, по словамъ Эдигея, пріѣзжавшихъ изъ Орды пословъ и гостей уже на смѣхъ подымали и держали въ истомѣ. Куликовская побѣда, очевидно, подняла духъ Россіянъ. Въ Москвѣ силы прибыло, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, должны были измѣниться и отношенія къ Ордѣ. Иванъ Өедоровичь Кошкинъ заправлялъ дѣлами въ лучшую пору и въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе своего отца.

О братѣ Ивана Өедоровича Кошкина, Өедорѣ Өедоровичѣ Голтяѣ сохранилось извѣстіе, впрочемъ довольно глухое, въ такъ называемой «Башмаковской разрядной книгѣ»[38]. Тамъ записанъ мѣстническій споръ 1500 года между боярами Сабуровымъ и Заболоцкимъ, которые ссылались на стараго боярина Геннадія Бутурлина; послѣдній въ отпискѣ по этому дѣлу, между прочимъ, припоминаетъ другой мѣстническій споръ и судъ болѣе древній: «есми вѣдаемъ то, что Өедоръ Өедоровичь Голтяй не далъ мѣста Ивану, Львову отцу»[39]. Къ со-

[38] Рукопись XVII вѣка, принадлежавшая когда-то Марку Григорьевичу Башмакову и доставленная въ Археологическое Общество священникомъ села Святова, Владимірской губ., Цвѣтковымъ.

[39] Извѣстія Императ. Академіи Наукъ по II Отдѣленію. Т. V. вып. 7-й. Спб. 1857. стр. 364.

жалѣнію, показаніе это на столько отрывочно, что нѣтъ возможности даже опредѣлить, кто именно спорилъ за мѣсто съ Голтяемъ, о которомъ знаемъ достовѣрно только одно, что дочь его Марія была за княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ, правнукомъ Калиты. Затѣмъ, о трехъ остальныхъ братьяхъ Ивана Ѳедоровича Кошкина нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Они извѣстны только по родословнымъ книгамъ, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что у третьяго сына боярина Ѳедора Кошки, у Александра Ѳедоровича Беззубца, было три сына: Иванъ, Григорій и Константинъ Беззубцовы, жившіе и дѣйствовавшіе въ княженіе Василья Васильевича Темнаго и сына его Ивана III-го [40].

[40] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VII. стр. 238.

ГЛАВА III.

При Василіѣ Темномъ, Кобылины-Кошкины уже не имѣли первенствующаго вліянія на дѣла, не смотря на то, что въ это время они стали еще въ болѣе близкія отношенія къ великокняжескому семейству. Самъ великій князь обручился съ родною внучкою боярина Ѳеодора Ѳедоровича Кошкина-Голтяя, княжною Марьею Ярославною Боровскою: «Въ лѣто 6940 (1431), во осени, князь великій Василей Васильевичь обручалъ за собя княжню Марію, дщерь Ярославлю, а внуку Марьи Голтяевы»[41]. На свадьбѣ этой, совершенной въ Москвѣ, по крещеніи, въ великій мясоѣдъ, произошелъ извѣстный споръ о драгоцѣнномъ поясѣ, отобранномъ у одного изъ гостей, именно у Галицкаго князя Василья Юрьевича Косаго. По сказанію Архангелогородскаго лѣтописца, двоюродный дядя невѣсты бояринъ Захарій

[41] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. стр. 264.

Ивановичъ Кошкинъ «имался за поясъ у князя у Василья у Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою[42]. Мать жениха, великая княгиня Софья Витовтовна, приказала при всѣхъ снять поясъ съ Косаго, который, пристыженный и озлобленный этимъ безчестіемъ, въ ту-же ночь уѣхалъ съ братомъ, княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, изъ Москвы. Происшествіе это послужило поводомъ къ междоусобной войнѣ, въ продолженіи которой сперва Косой попался въ плѣнъ и былъ ослѣпленъ, по приказанію великаго князя Василія Васильевича, а потомъ и послѣдній, въ свою очередь, былъ захваченъ Шемякою и также ослѣпленъ.

О богатствѣ Московскаго боярскаго рода Кобылиныхъ-Кошкиныхъ можно судить по тому подарку, который въ состояніи была сдѣлать внучка Ѳедора Андреевича Кошки, боя-

[42] Лѣтописецъ (называемый Архангелогородскимъ). М. 1781. стр. 117.—Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. стр. 264.—Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи, собр. и изд. Андр. Поповымъ. М. 1869. с. 77. Въ Русской же лѣтописи по Никонову списку (ч. V. стр. 112) исторія эта записана иначе: обличителемъ Косаго является какой-то старый бояринъ Петръ Константиновичь, который объяснилъ, что поясъ Косаго данъ былъ нѣкогда въ приданое за женою Дмитрія Донскаго, но во время свадьбы украденъ тысяцкимъ Вельяминовымъ и, переходя изъ рукъ въ руки, достался наконецъ Косому.

рыня Марья Ѳедоровна Голтяева, своему любимому внуку князю Волоцкому Борису Васильевичу (пятому сыну великаго князя Василія Темнаго). Подарокъ этотъ заключался въ слѣдующихъ волостяхъ, вѣроятно, доставшихся Марьѣ Ѳедоровнѣ по наслѣдству: въ Коломенскомъ уѣздѣ—Проскурняковскія и Введенскія села съ деревнями и на Городнѣ деревня; въ Московскомъ уѣздѣ, за Пахрою, Разсудовскія села (Звѣревское, Борановское, Ясеневское и другія) съ деревнями; во Владимірскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ—Симизинскія села (Лазарское и Котязино), да у города Владиміра село Евнутьевское съ деревнями; въ Костромскомъ уѣздѣ, на Волгѣ, Нижняя слобода со всѣми деревнями, и Базѣевское и Мануиловское, съ деревнями; въ Вологодскомъ уѣздѣ—Турундаевское, Понизовное, Кобылинскія села, Горка и деревни на Шомѣ; въ Переяславскомъ уѣздѣ, въ Кинелѣ, села Суровцово, Тимоѳеевское и Микульское, съ деревнями; въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ Берендѣевѣ, село Ростовцовское съ деревнями; кромѣ того, у самой Москвы—село Шарапово съ деревнями, село Лошаково съ деревнями, да лугъ на Москвѣ-

рѣкѣ подъ Крутицею; наконецъ, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ, «около Святаго Егорья каменныя церкви»[43].

Перейдемъ къ Беззубцовымъ, прямымъ прародителямъ Шереметевыхъ. Изъ трехъ сыновей Александра Ѳедоровича Беззубца, потомство повелось только отъ младшаго, боярина и воеводы Константина Александровича Беззубцова. Имя его соединено съ воспоминаніемъ о побѣдѣ, одержанной нашими войсками, подъ предводительствомъ выѣзжаго Казанскаго царевича Касима[44], надъ Татарами, на берегахъ рѣки Битюга: «Въ лѣто 6958 (1450) бывшу князю великому въ своей отчинѣ на Коломнѣ, и пріиде вѣсть къ нему, что идутъ Татарове изъ поля[45] Малымбердѣй уланъ и иные съ нимъ князи съ многими Татары; князь же великій посла противъ ихъ царевича своего, да съ нимъ воеводу своего Костянтина Александровича Беззубцова съ Коломничи, и угониша ихъ на Бетюковѣ рѣцѣ въ полѣ, и побиша Татаръ много, а иніи убѣжаша»[46].

[43] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 1. с. 203 и 330.

[44] Того самаго Касима, которому вел. кн. Василій Темный, около 1452 г., пожаловалъ въ удѣлъ Мещерскій городокъ на Окѣ, называвшійся потомъ Касимовымъ.

[45] Полемъ назывались южныя степи.

[46] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VIII. стр. 123.—Рѣка

Въ княженіе преемника Василія Темнаго, великаго князя Ивана III-го, мы видимъ Константина Александровича Беззубцова уже главнымъ воеводою многочисленной рати, двинутой на Казань.

Послѣ неудачнаго похода Московскаго войска на Казань, предпринятаго въ 1467 году, по проискамъ вышеупомянутаго царевича Касима, который домогался ханскаго престола,— Казанскій царь Ибрагимъ участилъ свои набѣги на наши восточныя окраины; онъ напалъ, между прочимъ, на Вятку, и Вятчане «не возмогоша противитися», объявили себя подданными Ибрагима. Иванъ III рѣшился однимъ сильнымъ ударомъ остановить дальнѣйшіе успѣхи воинственнаго сосѣда. Весною 1469 года, на второй недѣлѣ послѣ Пасхи, отправлена была на судахъ большая рать на Казанскія мѣста, подъ главнымъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцова. Великій князь отпустилъ съ нимъ «многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, такоже и отъ всея земли своея дѣти боярскіе, изъ всѣхъ градовъ своихъ и изъ всѣхъ отчинъ братія своея по

Битюгъ, впадающая въ Донъ, протекаетъ по Воронежской и Тамбовской губ.

тому же». Нижній-Новгородъ назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ, куда должны были сойтись въ одинъ и тотъ же срокъ всѣ суда съ отдѣльными отрядами. Коломничи, Муромцы «и вси, которіи выше ихъ по Оцѣ», поплыли Окою; Московскіе сурожане (т. е. торговцы шелковыми тканями), суконники, купцы и прочіе Москвичи, подъ непосредственнымъ начальствомъ воеводы князя Петра Васильевича Оболенскаго, поплыли Москвою-рѣкою и Клязьмою; Владимірцы и Суздальцы—Клязьмою же, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочіе Поволжане поплыли Волгою. Кромѣ того, великій князь послалъ войско въ Устюгъ подъ начальствомъ воеводы князя Даніила Васильевича Ярославскаго, поручивъ ему дождаться тамъ Вологжанъ съ воеводою Семеномъ Сабуровымъ, и вмѣстѣ съ ними и Устюжанами, сѣвъ на суда же, идти прямо въ Вятку и поднять Вятчанъ противъ Казанскаго царя.

По замѣчанію Карамзина, «такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для сѣверной Россіи, которая еще не видала подобнаго».

Къ назначенному сроку всѣ войска соеди-

нились въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ вдругъ главный воевода Константинъ Беззубцовъ получилъ приказаніе остановиться въ дальнѣйшемъ движеніи, отпустивъ на Казанскія мѣста только охотниковъ. Беззубцовъ, по прочтеніи великокняжеской грамоты, оповѣстилъ ее въ войскахъ, а собравшимся къ нему подначальнымъ князьямъ и воеводамъ сказалъ: «прислалъ ко мнѣ князь великій грамоту, а велѣлъ вамъ, кто въсхочетъ, идти воевати Казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, а мнѣ велѣлъ быти здѣ въ Новѣгородѣ, и вы поидите, а къ городу Казани не ходите». Охотниками оказалось все войско. Князья и воеводы единогласно отвѣтили Беззубцову: «Всѣ хотимъ идти на окоянныхъ Татаръ за святыя церкви, и за своего государя великаго князя Ивана, и за православное христіанство». Лѣтописецъ, со словъ котораго передается этотъ случай, присовокупляетъ: «и поидоша вси, а Костянтинъ (Беззубцовъ) остася въ Новѣгородѣ»[47].

Изъ лѣтописей не видно, что именно побудило Ивана III такъ быстро и неожиданно остановить предпріятіе въ самомъ его началѣ.

[47] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 189 и т. VIII. стр. 155.

Князь Щербатовъ и Карамзинъ объясняютъ это тѣмъ, что еще во время снаряженія Казанской рати умеръ заклятый врагъ царя Ибрагима, подручный царевичь Касимъ и что Иванъ III былъ обнадеженъ находившеюся тогда въ Москвѣ царицею Казанскою (матерью Ибрагима) установить твердый миръ съ Казанью и не прибѣгая къ оружію. Это очень вѣроятно, тѣмъ болѣе, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, великому князю необходимо было имѣть войска поближе къ себѣ. Новогородцы внушали большое опасеніе: «Мужіе Новгородстіи лукавствомъ своея злыя мысли възгордѣвшеся, и множествомъ народа хвалящеся, и на ся упованіе возложиша, а своего государя великаго князя въ законныхъ дѣлѣхъ преслушахуся, ... грубячи тѣмъ великому князю, а сами держачи себѣ мысль, хотячи отступити отъ своего государя отъ великаго князя, а датися королю Латиньскому государю, хотячи лиха всему православью»[48].

Какъ бы то ни было, но ратники, собранные въ Нижнемъ-Новгородѣ, одни, безъ большаго воеводы Константина Александровича Беззубцова, двинулись въ дальнѣйшій походъ.

[48] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 3.

Отплывъ по Окѣ къ Нижнему-Новгороду Старому, они пристали къ берегу у церкви Николы на Бичевѣ[49]. Здѣсь ратники слушали молебны «за великаго князя и за воя его», и раздавъ «милостыню кождо противу силѣ», собрались на сходку, подумать о томъ, кого поставить себѣ главнымъ воеводою. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, по сказанію Архангелогородскаго лѣтописца, «воеводы судовыя рати нелюбье держали промежъ себя, другъ подъ другомъ идти не хотяще».

Князь Щербатовъ упрекаетъ Беззубцова, что онъ, «отпуская войска свои на Татаръ, толь малыя о всемъ учинилъ учрежденія, что, оставаясь самъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, ниже опредѣлилъ начальника надъ ними, кому бы имъ всѣмъ повиноваться»[50]. Упрекъ невполнѣ справедливый: Беззубцовъ вовсе не отпускалъ всего своего войска, а только, согласно государевой грамотѣ, вызвалъ охотниковъ. Всѣ ратники до одного объявили себя охотниками. Случай этотъ, имѣвшій видъ противленія волѣ великаго князя, конечно, поста-

[49] Никольская Нижнепосадская церковь существуетъ и доселѣ, составляя древнѣйшій церковный памятникъ Нижняго-Новгорода (Записки Имп. Археолог. Общества. Т. X. стр. 125).

[50] Исторія Россійская. Т. IV. ч. 2. стр. 28.

вилъ Беззубцова въ крайне затруднительное положеніе. Назначеніемъ начальника онъ выразилъ бы сочувствіе и одобреніе рѣшенію своихъ ратниковъ; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ему было оставаться въ Нижнемъ и самому не идти во главѣ войска?

По долгомъ совѣщаніи, ратники Беззубцова, по своей волѣ, избрали себѣ вождя «отъ середнихъ бояръ» Ивана Дмитріевича Руно. Затѣмъ, въ тотъ же день, суда Казанской рати, снявшись съ якорей, пустились внизъ по Волгѣ и 21 мая, на ранней зарѣ, увидѣли столицу Казанскаго царства. Казанцы еще спали, когда войска наши съ трубнымъ звукомъ бросились на посады. Обожженная кругомъ ханская столица была почти уже въ нашихъ рукахъ, но, къ удивленію, ратники, дойдя до самыхъ городскихъ стѣнъ, быстро отступили назадъ сквозь пламя и дымъ посадовъ и, сѣвъ на суда, отошли къ острову Коровничу[51], а черезъ недѣлю часть рати съ большими судами отошла къ острову Ирихову[52].

[51] Лѣтописецъ объясняетъ это отступленіе измѣной вновь избраннаго вождя: «И поноровилъ Татаромъ Иванъ Руно, отбилъ рать отъ воротъ городныхъ прочь, а самъ велѣлъ трубити во многія трубы, и Татарове заслыша, нарядилися» (Лѣтописецъ, называемый Архангелогородскимъ. М. 1781. стр. 144).

[52] Гдѣ находился островъ Коровничь, неизвѣстно. Что же ка-

Здѣсь наши войска мужественно отбивались отъ Татаръ, пока не прибылъ къ нимъ изъ Нижняго ихъ главный воевода, Константинъ Александровичь Беззубцовъ.

Въ Москвѣ не могло не быть извѣстно объ отважныхъ подвигахъ судовой рати подъ Казанью. Очень можетъ быть, что подвиги эти произвели перемѣну въ мысляхъ великаго князя. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить внезапнаго появленія большаго воеводы Константина Беззубцова на островѣ Ириховѣ, гдѣ собралась вся его рать.

Беззубцовъ прежде всего послалъ къ Вятчанамъ гонца, приказывая имъ словомъ великаго князя немедленно идти къ нему для совокупнаго дѣйствія противъ Казани.

Выше было сказано, что кромѣ главной Казанской рати подъ начальствомъ Беззубцова, великій князь отправилъ въ Казанскій походъ другую рать съ воеводою княземъ Данилой Ярославскимъ, которому приказалъ идти въ Вятку и склонить тамошнее населеніе къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Казан-

сается до Ирихова, то, по мнѣнію Арцыбашева, это тотъ самый островъ, который теперь называется Жуковымъ, верстахъ въ 20-ти отъ Казани, противъ деревни Маркваш (Повѣствованіе о Россіи. Кн. IV. № 54).

цевъ. Но Вятчане отказали великокняжескому воеводѣ, ссылаясь на данное уже ими слово царю Ибрагиму: «изневолилъ насъ царь и право свое есмя дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю на царя». Гонцу Беззубцова Вятчане отказали уже подъ другимъ предлогомъ: «коли поидутъ подъ Казань братія великаго князя, тогды поидемъ и мы». Въ ожиданіи Вятчанъ, положеніе Беззубцова становилось часъ-отъ-часу труднѣе. Уже шла четвертая недѣля, какъ отправленъ былъ гонецъ въ Вятку, но ни отъ него, ни отъ князя Ярославскаго не приходило никакихъ извѣстій. А между тѣмъ въ войскѣ, тѣснившемся на островѣ Ириховѣ, «начатъ корму не ставати, немного бо запаса съ собою имали, понеже шли изгономъ». Дѣло дошло до такой крайности, что Беззубцовъ принужденъ былъ, не дождавшись гонца, отплыть съ своею ратью назадъ къ Нижнему. На другой день утромъ, судовая рать встрѣтилась съ поѣздомъ царицы Казанской, матери Ибрагима, плывшей изъ Москвы назадъ въ Казань. Царица остановилась и сказала: «князь великій отпустилъ меня къ моему сыну со всѣмъ добромъ и съ честію; то уже не будетъ нико-

егоже лиха межи ихъ, но все добро будетъ». Сказавши это, царица поплыла дальше внизъ по Волгѣ; а ратники, успокоенные доброю вѣстью, продолжали путь къ Нижнему. У острова Звенича суда остановились для ночлега. На другой день случилось Воскресенье, и воины «въ полъ-утра повелѣша себѣ обѣдню служити, сущимъ съ ними священникомъ». Послѣ обѣдни, только что расположились обѣдать на берегу, «а у иныхъ церквей еще не успѣша обѣдней отслужити», какъ вдругъ съ низу показались многочисленные суда Казанскихъ Татаръ, сопровождаемые по берегу конною ратью. Наши тотчасъ-же сѣли на суда и устремились на судовую рать Татарскую. «И начаша битися съ ними, и одолѣша Христіяне Татаромъ; они же бѣжаша къ брегу, идѣже конная ихъ рать бяше; конніи же Татари начаша съ берега нашихъ стрѣляти, и они отступиша отъ нихъ къ своему брегу, а судовые Татари опять воротишася за ними, си же обращьшеся, прогониша ихъ къ своимъ; и тако бишася весь день той и до самое ночи, и разыдошяся кійждо на свой брегъ ночевати». На этомъ обрывается разсказъ лѣтописца. Карамзинъ же прибавляетъ, что въ слѣдующее утро

ни тѣ, ни другіе не думали возобновлять битвы и что Беззубцовъ благополучно доплылъ до Нижняго [53].

Такъ кончился Казанскій походъ, задуманный-было въ столь широкихъ размѣрахъ. Если и былъ кто виновенъ въ его неудачѣ, то уже ни въ какомъ случаѣ не Константинъ Александровичъ Беззубцовъ. Недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ, недостатокъ подчиненности въ войскѣ—главныя причины неудачи похода—были слѣдствіемъ нерѣшительной политики великаго князя, остающейся загадкою, необъясненною лѣтописцами.

[53] Исторія Государства Россійскаго. Изд. 2. Т. VI. с. 22.

ГЛАВА IV.

Константинъ Александровичъ Беззубцовъ оставилъ пять сыновей, изъ которыхъ второй—Андрей назывался Шереметемъ. Прозваніе это, по выраженію исторіографа Миллера, «невѣдомо отъ чего происходящее»[54], обратилось въ фамилію всего потомства Андрея Константиновича. Изъ остальныхъ дѣтей Константина Александровича Беззубцова, Ѳедоръ и Михаилъ сохранили отцовскую фамилію, Семенъ же прозывался Епанчею, а Александръ—Совою.

Мы уже указывали на объясненіе Дмитрія Александровича Валуева, почему у нашихъ родословныхъ людей велся обычай давать особыя прозванія почти каждому сыну. Но что̀ означали всѣ эти прозванія? Прикладывались ли они случайно, или же и тутъ были свои со-

54 Письма Петра Великаго къ графу Борису Петровичу Шереметеву. М. 1774 (Предисловіе Миллера, стр. III).

ображенія и основанія? Вопросы очень любопытные, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остающіеся открытыми[55].

Обыкновенно полагаютъ, что прозванія эти намекали на какое либо качество тѣхъ лицъ, къ именамъ которыхъ они прикладывались, на какую либо привычку ихъ, тѣлесный недостатокъ и т. п. Легко себѣ представить, до какихъ странныхъ выводовъ можно дойти, руководствуясь этимъ примитивнымъ способомъ, въ-особенности при объясненіи иноязычныхъ прозваній, зачастую встрѣчающихся въ нашихъ дворянскихъ фамиліяхъ. Напримѣръ, слово Шереметь или Шереметъ, очевидно, восточнаго происхожденія и какъ ни странно расчленять его и искать въ составныхъ частяхъ Русскихъ корней, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые дѣлали опыты такой безполезной операціи.

Въ Турецкомъ языкѣ есть слово Шере-

[55] Еще въ 1764 году, Академія Наукъ предлагала слѣдующую задачу: «Не безполезно было бы для Родословной науки изслѣдовать, въ какое время и по какимъ причинамъ въ знатныхъ фамиліяхъ прозванія начались... Также и знаменованіе прозваній, если оно извѣстно, къ тому присовокуплено быть можетъ» (Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія за 1764 годъ, 1-е полугодіе, стр. 94). Первая часть этой задачи на-половину разрѣшена Валуевымъ. Вторая же часть, о значеніи самихъ прозваній, доселѣ остается почти непочатою.

метъ (شرمت), которое означаетъ: проворный, живой, быстрый на бѣгу[56].

Какъ имя собственное, Шереметь или Шереметъ встрѣчается въ Сербскихъ пѣсняхъ (Миличь Шереметовичь[57]). Въ Болгаріи до сихъ поръ одно мѣстечко, на востокъ отъ Тырнова, носитъ названіе Шереметъ (Череметъ).

Но вотъ что въ-особенности заслуживаетъ вниманія. Одинъ изъ извѣстныхъ Турецкихъ пашей XV вѣка, современникъ Константина Александровича Беззубцова, также назывался Шереметемъ.

Припомнимъ, что въ 1454 году, т. е. черезъ четыре года послѣ того, какъ Беззубцовъ, вмѣстѣ съ царевичемъ Касимомъ, разбилъ Татаръ при рѣкѣ Битюгѣ, на востокѣ совершилось міровое событіе: «Мая въ 29 день, взятъ бысть Царьградъ безбожнымъ царемъ Турскимъ». Все трепетало предъ страшнымъ покорителемъ Византіи; только въ горныхъ странахъ Албаніи и Эпира, воинственный Скандеръ-бегъ (Александръ Кастріотъ), съ горстью храбрецовъ, продолжалъ отбиваться

[56] Dictionnaire Turc-Arabe-Persan, par J. T. Zenker. T. I. Leipzig. 1866.

[57] Српске народне пjесме, скупио их и на свиjет издао Вук Стеф. Караџић. Кн. II. 1845. № 89. стр. 535.

отъ сильнаго врага. Въ 1463 году, султанъ Магометъ II двинулъ противъ Скандеръ-бега, въ Охриду (въ нынѣшней средней Албаніи) войско подъ начальствомь Шереметъ-бея (Seremet-bey), который былъ однако разбитъ на-голову героемъ Албаніи, при чемъ взяты были въ плѣнъ сынъ Шереметъ-бея и знатнѣйшіе Турецкіе военачальники; но всѣ они немедленно были выкуплены за 40,000 золотыхъ[58].

Приводимъ этотъ эпизодъ изъ Турецкой исторіи собственно для того, чтобы указать на поразительное совпаденіе случайностей: сынъ Московскаго боярина XV вѣка получаетъ въ прозваніе тоже самое имя, которое носилъ современный ему Турецкій паша, дѣйствовавшій противъ Албанцевъ.

Подобное совпаденіе случайностей не представляетъ единичнаго примѣра. Сородичь Константина Александровича Беззубцова и его современникъ, Иванъ Андреевичь Колычовъ, будучи Новгородскимъ намѣстникомъ, назвалъ своего старшаго сына Степана (отца Св. Филиппа Митрополита) Стенстуромъ, — име-

[58] Zinkeisen. Johann Wilhelm. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha. 1854. T. II. c. 390.

немъ извѣстнаго, современнаго ему правителя Швеціи Стенъ-Стура...

Во всякомъ случаѣ, мы не рѣшаемся давать заключенія о значеніи загадочнаго прозванія Шереметь, тѣмъ болѣе, что слово это нерѣдко встрѣчается въ поручныхъ записяхъ XVI вѣка уже какъ имя, а не прозваніе, при лицахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ знаменитому роду Кобылиныхъ-Кошкиныхъ. Такъ, напримѣръ: въ 1565 году, поручную запись по бояринѣ Львѣ Андреевичѣ Салтыковѣ подписалъ, въ числѣ другихъ, Шереметь Григорьевъ сынъ Мотякинъ[59]; въ 1566 году, поручную запись по князѣ Иванѣ Петровичѣ Охлебининѣ подписалъ Шереметъ Бѣляевъ сынъ Кирикрейскій[60]; въ томъ же самомъ году, поручную запись по князѣ Михаилѣ Ивановичѣ Воротынскомъ подписали «Шереметъ да Второй Ондрѣевы дѣти Вяткины»[61]; въ 1571 году, поручную запись по князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскомъ подписали: «Шереметь Юрьевъ сынъ Свіязевъ и Баташь Шереметевъ сынъ Огнева» и друг.[62]

[59] Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики. Ч. VI. стр. 191.
[60] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. стр. 558.
[61] Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики. Ч. VI. стр. 280.
[62] Тамъ-же. Т. VII. стр. 83.

Замѣтимъ, что въ XVI же вѣкѣ, прозваніе Шереметь встрѣчается и въ потомствѣ Александра Андреевича Елки, старшаго брата Өедора Андреевича Кошки. Второй сынъ Елки, Иванъ Александровичь Хлудень (двоюродный братъ Александра Өедоровича Беззубца) имѣлъ сына Ивана же, прозваннаго Кривымъ, внуки котораго (отъ сына Григорія) назывались такъ: Левъ Шереметь, Угримъ и Лука. По родословнымъ, всѣ трое умерли бездѣтными. Левъ Григорьевичь Шереметь принялъ монашество въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, которому принесъ въ даръ свою вотчину въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ Городскомъ стану, сельцо Бутаково съ деревнею Горки. Это было при игуменѣ Өеодосіи, слѣдовательно около 1565 года[63]. Впослѣдствіи Богоявленскій монастырь былъ долгое время усыпальницей рода Шереметевыхъ, потомковъ Андрея Константиновича Шереметя, доводившагося троюроднымъ дядей Льву Григорьевичу Шереметю[64].

[63] Описаніе Московскаго Богоявленскаго монастыря. Соч. Преосвященнаго Никодима, Епископа Дмитровскаго. (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1876 г. Кн. 4. Смѣсь. стр. 164).

[64] Покойный преосвященный Никодимъ, въ бытность архимандритомъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, занимался исторіей этой

Что Шереметевы получили свое названіе и ведутъ родъ именно отъ Андрея Константиновича Шереметя, праправнука Андрея Кобылы, въ этомъ достаточно сослаться на древнѣйшія родословныя книги и росписи — свидѣтелей, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Но мы имѣемъ и другихъ, не менѣе надежныхъ свидѣтелей, это монастырскіе и церковные синодики, въ которыхъ съ строгою последовательностію записывались въ поминовеніе имена родителей и предковъ. Такъ, въ древнемъ синодикѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря находимъ слѣдующую поминальную запись боярина Өедора Васильевича Шереметева (роднаго внука Андрея Константиновича Шереметя): «Инокъ схимонахъ Өеодоритъ (= Өедоръ Андреевичь Кошка), Александръ (= Александръ Өедоровичь Беззубецъ), Константинъ (= Константинъ Александровичь Беззубцовъ), Ан-

обители и прислалъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву небольшую записку, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о родѣ бояръ Шереметевыхъ, по документамъ Богоявленскаго монастыря». Записка начинается такъ: «Родъ Шереметевыхъ получилъ свое названіе въ XVI вѣкѣ отъ Льва Шереметя Григорьева сына Хлуденева»... Достопочтенный авторъ смѣшалъ двухъ лицъ: Андрея Константиновича Шереметя, правнука Өедора Андреевича Кошки и Льва Григорьевича Шереметя (умершаго бездѣтнымъ), праправнука Александра Андреевича Елки.

дрей (= Андрей Константиновичь Шереметь), схимонахъ Васіанъ и схимонахиня Евпраксія (=Василій Андреевичь Шереметевъ и жена его Евпраксія, родители Өедора Васильевича)[65]. Ту же самую запись, съ тою только разницею, что Кошка названъ своимъ мірскимъ именемъ — Өедоромъ, находимъ также въ синодикахъ: Московскаго Данилова монастыря[66] и Московскаго Успенскаго собора[67]. Порядокъ, въ которомъ записаны въ названныхъ синодикахъ имена потомковъ Өедора Андреевича Кошки, буквально тотъ же, что и въ родословныхъ, и это лучшее доказательство достовѣрности послѣднихъ.

Есть полное основаніе предполагать, что Андрей Константиновичь Шереметь участвовалъ въ знаменитомъ походѣ Ивана III на Новгородъ (въ 1478 году) и что онъ выступилъ «съ своею собственною дружиною»[68].

[65] Синодикъ № 1 Нижегородскаго Печерскаго монастыря, писанный въ 1552 году, при архимандритѣ Іоакимѣ. Л. 78 на оборотѣ.

[66] Книга, глаголемая Синодикъ, рекше Помянникъ, дому святаго благовѣрнаго князя Даніила Александровича; а построенъ сій Синодикъ при настоящемъ тоя святыя обители при игуменѣ Варлаамѣ Вязниковцѣ (1670 г.). Л. 75 на оборотѣ.

[67] Книга Московскаго Большого Успенскаго собора. № 82 — 64. Л. 61.

[68] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 70 и 76.

Хотя въ лѣтописяхъ мы и не находимъ этого извѣстія, но оно подтверждается Разрядной книгой Бекетова, въ которой читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу подъ его державу Великій Новгородъ, и по его государеву изволенію, распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди и тутъ имъ имяны, кто чей бывалъ». Слѣдуетъ списокъ дружинникамъ или служилымъ людямъ, съ означеніемъ, кому они принадлежали или, точнѣе, съ кѣмъ они выходили на войну:«Мустофины, Татьянины, Нестеровы, Нороватые, Нелединскіе: тѣ Шереметевскіе послужильцы 5 семей.—Шляковы, Обрамовы, Тарузины, три семьи Шереметева двора»....

Въ спискѣ поименованы служилые люди и другихъ бояръ: Ивана Борисовича Тучкова, князя Семена Ряполовскаго и проч.[69]

Въ XV вѣкѣ не было другаго Шереметя, кромѣ Андрея Константиновича, а потому надо полагать, что названные въ спискѣ служилые люди составляли именно его дружину во время Новгородскаго похода.

[69] Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Изд. 2. Т. VI. прим. 201.

Существуетъ даже предположеніе, что за этотъ походъ Андрею Константиновичу Шереметю пожаловано было село Чиркино, которое, по преданію, составляетъ одно изъ древнѣйшихъ владѣній Шереметевыхъ въ Коломенскомъ уѣздѣ[70].

Въ линіи Кошкиныхъ-Беззубцовыхъ, Андрей Константиновичъ Шереметь былъ послѣднимъ родовымъ бояриномъ. Послѣ него почетное наименованіе боярина стали жаловать родословнымъ людямъ какъ чинъ, за ихъ службы государю. Имена жалованныхъ бояръ и всѣхъ другихъ чиновниковъ (дворецкихъ, окольничихъ, стольниковъ и пр.) заносились въ особые списки, получившіе потомъ общее названіе Боярскихъ книгъ[71]. Низведеніе боярства въ чиновное сословіе представлялось наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ утвержденію единой сильной власти въ государствѣ. Иванъ III, настойчиво

[70] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду, стр. 70.

[71] Древнѣйшій изъ такихъ послужныхъ списковъ (съ 1462 по 1677 г.), въ прошломъ столѣтіи принесенъ былъ въ даръ Вольному Россійскому Собранію при Московскомъ университетѣ вдовою Марьей Петровной Шереметевою (рожд. Лакостъ), чрезъ своего сына Владиміра Ѳедоровича Шереметева, и напечатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ (изд. 2. Ч. XX. М. 1791).

дѣйствуя въ этомъ направленіи, успѣлъ возвыситься до царственной недосягаемой высоты, предъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина, должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ[72]. Изъ рода Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, при Иванѣ III-мъ пожалованы были въ бояре сыновья вышеупомянутаго Захарья Ивановича, Яковъ и Юрій Захарьевичи[73], троюродные братья Андрея Константиновича Шереметя.

Съ возвышеніемъ великокняжеской власти умножилось число придворныхъ чиновъ, увеличилась роскошь двора, которая особенно стала примѣчаться со времени второй женитьбы Ивана III-го (1472 г.) на царевнѣ Софіи, дочери деспота Морейскаго Ѳомы, роднаго брата послѣдняго Греческаго императора Константина Палеолога. По свидѣтельству Герберштейна, это была весьма хитрая женщина и многое было сдѣлано великимъ княземъ по ея внушенію[74]. Пріѣхавшіе вмѣстѣ съ

[72] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 3. Т. V. стр. 82.

[73] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 5 и 7.

[74] Записки о Московіи (Rerum Moscoviticarum commentarii). Переводъ съ Латинскаго, Базельскаго изданія 1556 года, И. Анонимова. Спб. 1866. стр. 19.

царевною Греки завезли къ намъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнными книгами, спасенными отъ Турецкаго погрома, преданія Византіи, много обычаевъ и обрядовъ великолѣпнаго двора Палеологовъ. Старые Московскіе бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на этихъ пришельцевъ, признавая ихъ «всему злу начальниками». Бояринъ Берсень прямо сказалъ Максиму Греку: «Какъ пришли сюда Греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царѣградѣ при вашихъ царяхъ»[75].

[75] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. стр. 82.

ГЛАВА V.

У Андрея Константиновича Шереметя было три сына: Иванъ, Василій и Борисъ. Всѣ они, 13 февраля 1500 года, присутствовали на свадьбѣ князя Василья Даниловича Холмскаго съ любимою дочерью Ивана III-го, Софіею (по другимъ Ѳеодосіею), и находились, въ числѣ другихъ знатнѣйшихъ дѣтей боярскихъ (болѣе 100 человѣкъ), «въ поѣздѣ съ женихомъ»[76]. Напомнимъ кстати, что въ описываемое время дѣти боярскія уже не составляли вольной дружины боярской, какъ это было прежде. Такъ какъ все войско сдѣлалось великокняжескимъ, то и дѣти боярскія совершенно подчинились власти государя, сохранивъ за собою уже несвойственное имъ прежнее названіе. Въ ихъ число стали поступать дѣти не только старыхъ Московскихъ бояръ, но и бывшихъ удѣльныхъ князей. Такъ,

[76] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 2.

въ числѣ 43 дѣтей боярскихъ, сопровождавшихъ, въ 1494 году, княжну Елену въ Вильну, девятеро были дѣти прежнихъ удѣльныхъ князей[77].

Въ княженіе Василья Ивановича, сына Ивана III, Иванъ Андреевичъ Шереметевъ былъ намѣстникомъ богатой Двинской области. Объ этой службѣ только вскользь упомянуто въ правой грамотѣ 4 іюня 1510 года[78]. Должность Двинскаго намѣстника Иванъ Андреевичъ занималъ между 1508 и 1514 годами, потому что въ 1508 году мы его видимъ первымъ воеводою лѣвой руки войскъ, расположенныхъ въ Мещерѣ; а въ 1514 году, во время третьяго похода великаго князя Василья Ивановича къ Смоленску, онъ былъ вызванъ къ осажденному городу изъ Тулы, гдѣ стояли всѣ запасныя войска. Иванъ Андреевичъ пришелъ подъ Смоленскъ «головою съ дѣтьми боярскими»[79] и, по всѣмъ вѣроятіямъ, участвовалъ въ кровопролитныхъ приступахъ и во взятіи города, подъ личнымъ начальствомъ

[77] Д. И. Языковъ, его статья: «Боярскія дѣти», въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара. Спб. 1836.

[78] Акты юридическіе. Спб. 1838. стр. 28.

[79] М. Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. Ч. 5.

великаго князя. Послѣ того, въ 1515 году, Иванъ Андреевичь былъ первымъ воеводою великокняжескаго войска, стоявшаго на рѣкѣ Вошани (Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда) «для Казанскихъ людей приходу»[80], а въ 1520 году, былъ третьимъ воеводою въ Мещерѣ[81]. Вотъ и все, что удалось намъ собрать о службѣ Ивана Андреевича Шереметева, который, между тѣмъ, положилъ и жизнь свою на бранномъ полѣ. Это было лѣтомъ 1521 года, когда на Россію, почти одновременно, устремились двѣ Татарскія орды: съ юга Крымцы, подъ предводительствомъ самого хана Мегметъ-Гирея, а съ востока—Казанцы съ роднымъ его братомъ, царемъ Саипъ-Гиреемъ, отнявшимъ ханскій престолъ у Шигъ-Алея, одного изъ служебныхъ царевичей великаго князя Московскаго.

Пришествіе Крымскаго хана, по выраженію лѣтописца, было «безвѣстно и скороустремительно»[82]. Пришлось собирать войска уже въ то время, какъ Татары подошли къ Окѣ.

[80] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. См. «Отечественныя Записки». 1830 г. Ч. 44. стр. 50.

[81] Русскій историческій сборникъ, изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Т. V. М. 1842. стр. 257.

[82] Книга Степенная. Ч. II. М. 1775. стр. 196.

На-скоро собранный отрядъ былъ ввѣренъ начальству юнаго князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и меньшаго брата государева, князя Андрея Ивановича, которые, не послушавшись совѣтовъ опытныхъ мужей[83], стали не тамъ, гдѣ слѣдовало, допустили хана «перелѣзть» Оку, сразились не во-время, безъ устройства и были разбиты на-голову превосходными силами непріятеля. «И ту убіени быша воеводы великаго князя: Иванъ Шереметевъ, князь Володимеръ Курбскій-Карамышевъ, Яковъ да Юрьи Замятнины»[84].

Долгое время послѣ этой несчастной битвы, каждогодно, въ недѣлю Православія, протодіаконъ Московскаго Успенскаго собора, послѣ обычныхъ анаѳематствованій, возглашалъ, между прочимъ: «Стоявшимъ на брезѣ Окы рѣки противу нечестиваго царя Крымскаго Магметъ-Кирея бравшимся и избіеннымъ: князю Володимеру Михайловичу Курбскому, Іакову и Юрью Замятнина, Ивану Андреевичу Шереметеву, храбрствовавшимъ и пострадавшимъ за святыя церкви и

[83] Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Изд. 2. Т. VII. стр. 109.

[84] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI (2 Софійская лѣтопись. стр. 263).

за православную вѣру и всѣмъ иже имъ купно пособствовавшимъ противу безбожнаго царя Магметъ-Кирея Крымскаго, на Окѣ рѣцѣ избіеннымъ—вѣчная память»[85]!

Иванъ Андреевичъ Шереметевъ не оставилъ потомства, точно также какъ и младшій его братъ Борисъ Андреевичъ, о которомъ не сохранилось другаго извѣстія кромѣ того, что онъ былъ на свадьбѣ князя Холмскаго. Замѣчательно, что имя Бориса Андреевича даже не записано ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ синодиковъ.

Послѣ пораженія великокняжескаго войска, Мегметъ-Гирей, соединившись въ Коломнѣ съ Казанскими полчищами брата Саипъ-Гирея, сталъ воевать Коломенскія мѣста «и плѣнъ не малъ собралъ и святыя церкви осквернилъ». Москва ужаснулась, предчувствуя бѣдствія временъ Батыя и Тохтамыша. Татары уже заняли Воробьевы горы. Великій князь Василій Ивановичъ уѣхалъ въ Волоколамскъ, поручивъ столицу крещеному Татарскому царевичу Петру и боярамъ, которымъ

85 Чинопослѣдованіе въ недѣлю Православія. Старинная пергаминная рукопись, хранящаяся въ Московской Патріаршей (нынѣ Сѵнодальной) библіотекѣ. Уст. XIV—XVII в. № 667. (Напеч. въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ. Изд. 1. Ч. VIII. стр. 1 и слѣд.).

удалось избавить Москву отъ предстоявшаго бѣдствія, но весьма дорогою цѣною: съ Мегметъ-Гиреемъ заключенъ былъ письменный договоръ вѣчно платить ему дань съ тѣмъ только, чтобы онъ ушелъ во-свояси.

По счастливой случайности, постыдный договоръ этотъ остался въ рукахъ Рязанскаго воеводы Ивана Васильевича Хабара-Симскаго, при обратномъ слѣдованіи Татаръ черезъ Рязань. Герберштейнъ слышалъ, что Мегметъ-Гирей увелъ съ собою свыше 800.000 плѣнныхъ!

Въ слѣдующемъ 1522 году, по извѣстіямъ изъ Крыма, ханъ опять собирался идти въ Россію. Великій князь, желая отомстить Мегметъ-Гирею за прошлогоднее пораженіе и безчестіе, весною собралъ огромное войско съ большимъ количествомъ пушекъ, которыхъ прежде мы никогда не употребляли въ походахъ[86]. Большимъ воеводою назначенъ былъ князь Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльскій, а въ правой рукѣ вторымъ воеводою — Василій Андреевичь Шереметевъ, вызванный, вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ Борисови-

[86] Записки о Московіи барона Герберштейна, въ Русскомъ переводѣ И. Анонимова. Спб. 1866. стр. 145.

чемъ Горбатымъ, Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ и Аникитою Николаевичемъ Бутурлинымъ изъ Вязьмы[87]. Войско расположилось станомъ подъ Коломной, у Голутвина монастыря. Герберштейнъ разсказываетъ, что великій князь, прибывъ къ войску, отправилъ гонцовъ къ Мегметъ-Гирею съ вызовомъ на открытый бой. Онъ приказывалъ сказать хану, что въ прошломъ году онъ напалъ на него безъ объявленія войны, изъ засады, по обычаю воровъ и разбойниковъ. Ханъ отвѣтилъ, будто бы, гонцамъ, что онъ ведетъ войны болѣе по своему, чѣмъ по чужому усмотрѣнію. Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, Василій, горя жаждой мести, снялъ станъ и лѣтомъ 1523 года отправился съ войскомъ въ Нижній-Новгородъ, чтобы оттуда идти на Казань, столицу брата Мегметъ-Гирея. Въ Нижнемъ войска посажены были на суда, и подъ начальствомъ изгнаннаго Казанскаго царя Шигъ-Алея, отправлены внизъ по Волгѣ къ Казани. А другая конная рать, подъ начальствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго, пущена была полемъ «для плѣненія Казанскихъ мѣстъ».

[87] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. См. «Отечественныя Записки». 1830 г. Ч. 44. стр. 55.

Въ этой конной рати Василій Андреевичь Шереметевъ былъ первымъ воеводою сторожеваго полка[88]. Все дѣло ограничилось однако тѣмъ, что воеводы построили на границѣ Казанскаго царства, при впаденіи Суры въ Волгу, крѣпость, назвавъ ее именемъ великаго князя Василемъ (Васильсурскъ) «и возвратишася здрави, многъ плѣнъ съ собою Черемиской приведоша[89]».

Весною 1524 года, великій князь Василій Ивановичь послалъ на Казанскаго царя еще бо̀льшее войско, также раздѣленное на два отряда: судовая рать, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, плыла Волгою, а берегомъ шла конная рать, подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ боярина Ивана Васильевича Хабара-Симскаго, у котораго въ передовомъ полку первымъ воеводою былъ Василій Андреевичь Шереметевъ. По сказанію Герберштейна, всего войска было до 180,000 человѣкъ. Для перевозки однихъ орудій и съѣстныхъ припасовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ со-

[88] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. См. «Отечественныя Записки». 1830 г. Ч. 44. стр. 14.

[89] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI (2 Софійская лѣтопись. стр. 264).

брано было такъ много судовъ, что Волга повсюду казалась покрытою ими. «Увѣдавъ же злочестивый царь Саипъ-Гирей Казанскій крѣпкое и грозное воинство великое, съ великимъ срамомъ побѣже изъ Казани».

Главная рать съ княземъ Бѣльскимъ, прежде всѣхъ приблизившаяся къ Казани, расположилась станомъ у такъ называемаго Гостиннаго острова, на которомъ уже около ста лѣтъ производилась мѣновая торговля Русскихъ съ Казанцами. Въ ожиданіи конницы и судовъ съ орудіями и съѣстными припасами, князь Бѣльскій не отваживался ни на какія предпріятія и оставался въ полномъ бездѣйствіи даже въ то время, когда на его глазахъ загорѣлась стѣна деревянной Казанской крѣпости. Между тѣмъ, Казанцы, посадивъ на мѣсто бѣжавшаго царя, тринадцатилѣтняго племянника его царевича Сафа-Гирея, незадолго предъ тѣмъ вызваннаго изъ Крыма, рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Главною ихъ заботою было помѣшать конной рати Симскаго и Шереметева соединиться съ княземъ Бѣльскимъ. Сафа-Гирей съ многочисленнымъ войскомъ устремился противъ Московской конной рати. «И събравшися

князи и мурзы и вся земля Казанская, и встрѣтиша великаго князя конныхъ воеводъ за 20 верстъ отъ Казани отъ города на Свіягѣ, и бысть имъ бой, и поможе Богъ великаго князя воеводамъ. И на томъ бою многыхъ князей, и мурзъ, и Татаръ, и Черемису, и Чювашу избиша, и иныхъ князей и мурзъ многыхъ живыхъ поимаша. И снидошася конная рать съ судовою»[90]. Подъ защитою прибывшихъ конныхъ полковъ Симскаго, Шереметева и другихъ, отражавшихъ налеты Татарской конницы и Черемисъ, Бѣльскій приступилъ наконецъ къ осадѣ Казанской крѣпости. Осадныя машины были придвинуты къ самымъ стѣнамъ и производили опустошительное дѣйствіе. Казань однако не была взята. По словамъ Герберштейна, ходилъ слухъ, что князь Бѣльскій снялъ осаду, будучи подкупленъ Татарами. Но лѣтописецъ нашъ, не повторяя этого слуха, заключаетъ описаніе настоящей войны словами: «и Казанцы, видя свое изнеможеніе, добиша челомъ великаго князя воеводамъ, да и шерть дали на всей воли государя великаго князя»[91].

[90] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VIII. с. 270.

[91] Тамъ-же, стр. 271.

На этотъ разъ Казанцы были чувствительно наказаны великимъ княземъ: онъ навсегда воспретилъ Русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань на лѣтнюю ярмарку и назначилъ для торговли съ Азіей новое мѣсто, въ Нижегородской области, на берегу Волги, тамъ, гдѣ находится теперь упраздненный Макарьевъ монастырь, откуда впослѣдствіи торжище это перенесено было въ Нижній.

Послѣ описаннаго похода, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, лѣтописи наши не даютъ никакихъ извѣстій о Казанскихъ дѣлахъ. Въ это мирное затишье, при дворѣ Московскомъ совершилось событіе небывалое доселѣ: въ ноябрѣ 1525 года, великій князь Василій Ивановичь развелся съ своею супругою Соломоніей Юрьевной Сабуровою «для двадцатилѣтняго безплодія ея», и въ январѣ слѣдующаго 1526 года, вопреки церковнаго устава, женился вторично на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской, дочери извѣстнаго Литовскаго выходца, князя Василья Львовича Глинскаго. Въ пышномъ свадебномъ чинодѣйствіи участвовалъ и Василій Андреевичь Шереметевъ. Предъ тѣмъ какъ идти къ вѣнчанію въ Успенскій соборъ, великокняже-

ская чета, для принятія благословенія отъ духовника и родителей, входила, по обычаю, въ столовую избу, въ которой заранѣе устроены были предъ столомъ, накрытымъ скатертью, два мѣста, оболоченныя бархатомъ и камками, съ положенными на нихъ зголовьями и двумя сороками соболей. У зголовья великаго князя, по свадебному розряду[92], стоялъ Василій Андреевичь Шереметевъ и опахивалъ державнаго жениха третьимъ сорокомъ соболей, а у зголовья великой княгини стоялъ князь Александръ Кашинъ-Оболенскій; оба были въ золотомъ одѣяніи.

Въ 1530 году, Василью Андреевичу Шереметеву опять пришлось идти въ походъ противъ Казанцевъ. Пятилѣтніе мирные переговоры съ Казанью не привели ни къ чему. Неоднократно даваемая присяга на вѣрность великому князю нарушалась самымъ наглымъ образомъ, и наконецъ дошло до того, что Сафа-Гирей нанесъ тяжкія оскорбленія прибывшему къ нему Московскому послу князю Андрею Пильемову.

Лѣтомъ 1530 года, многочисленное войско на судахъ и берегомъ выступило изъ

[92] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 16.

Нижняго къ Казанскимъ предѣламъ, опять подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго. Большимъ воеводою конной рати, слѣдовавшей полемъ, былъ дядя великой княгини Михаилъ Львовичь Глинскій, а товарищемъ его, т. е. вторымъ воеводою большаго полка, былъ Василій Андреевичь Шереметевъ. «И Казанскіе люди приходили на конную рать великаго князя и не въ одномъ мѣстѣ; и Божіею милостію, воеводы великаго князя ихъ побивали, и Вългу перевезлися на Казанскую сторону, и съ судовыми воеводами съвокупишася, и мѣсяца іюля въ 10 (день), въ недѣлю, призваша Бога на помощь, поидоша къ граду къ Казани съ многими людьми». Ханъ Сафа-Гирей вышелъ изъ города съ многочисленными полчищами Черемисъ и Ногайцевъ. «И бысть бой великъ между обоихъ; и Божіею милостію, великаго князя воеводы царя побили, и острогъ у нихъ по Булаку взяша, и многыхъ людей Казанскихъ побиша, а иныхъ живыхъ переимаша,... а царь не во мнозѣ утече въ градъ»[93]. При всемъ томъ, Казань и на этотъ разъ не была взята нашими войсками. Причиною тому былъ

[93] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VIII. стр. 273.

споръ о мѣстахъ между начальникомъ пѣшей рати княземъ Бѣльскимъ и начальникомъ конной рати княземъ Глинскимъ. Не желая уступать другъ другу чести первому вступить въ городъ[94], воеводы склонились на челобитье прибывшихъ изъ Казани пословъ о прекращеніи осады. Они отступили отъ города и вмѣстѣ съ Казанскими послами, присягнувшими исполнить во всемъ волю великаго князя, возвратились въ Москву. «А князь великій, увѣдавъ о нестроеніи воеводъ, возложи на большаго воеводу князя Іоанна Бѣльскаго опалу и едва отъ смерти избави его, зане Даніилъ митрополитъ да Порфирій игуменъ Радонежскій упросиша у великаго князя; но въ темницѣ сидѣлъ 5 лѣтъ, понеже ему дана бѣ власть надъ воинствомъ Русскимъ»[95].

Въ то время какъ войска наши возвращались изъ Казанскаго похода, именно 25 августа 1530 года, у великаго князя родился отъ Глинской первый сынъ—будущій Грозный царь Иванъ. По сказанію лѣтописцевъ, въ часъ его рожденія «внезапу бысть громъ

[94] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 265.
[95] Татищевъ. Исторія Россійская. Кн. V. М. 1848. стр. 198.

страшенъ зѣло и блистанію молніину бывшу по всей области державы ихъ»[96].

Послѣдняя война все-таки присмирила Казань и тамъ уже сидѣлъ на престолѣ назначенный великимъ княземъ царевичь Еналей, младшій братъ бывшаго Казанскаго царя Шигъ-Алея, но за то Крымцы, по прежнему, не давали намъ покоя. Мегметъ-Гирея уже не было въ живыхъ (еще въ 1523 году его убили Ногайцы). Сѣвшій послѣ него на престолѣ братъ его Сайдетъ-Гирей, въ 1527 году, отправилъ въ Москву пословъ и въ то же самое время послалъ племянника Исламъ-Гирея съ войсками попытать счастья на берегахъ Оки. На этотъ разъ, стоявшіе подъ Коломной Московскіе воеводы, въ томъ числѣ и Василій Андреевичь Шереметевъ[97], не допустили Татаръ переправиться черезъ рѣку, и принудили ихъ уйдти назадъ съ большимъ урономъ. Великій князь, раздраженный вѣроломствомъ хана, велѣлъ утопить его пословъ. Послѣ этого случая Сайдетъ-Гирей былъ свергнутъ съ престола, который занялъ

[96] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 287.

[97] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. Ч. 5. стр. 116.

братъ его Саипъ-Гирей. Въ августѣ 1533 года, Крымскіе хищники опять появились въ нашихъ предѣлахъ. Саипъ-Гирей увѣрялъ великаго князя, что онъ нисколько неповиненъ въ этихъ набѣгахъ, потому будто бы, что князья и мурзы постоянно твердятъ ему: «что̀ даетъ намъ дружба съ Москвою? — по соболю въ годъ; а рать?—тысячи»[98]. Въ войскѣ Московскомъ, отправленномъ на Коломну для встрѣчи Крымцевъ, третьимъ воеводой въ правой рукѣ былъ Василій Андреевичь Шереметевъ[99].

По словамъ лѣтописца, великій князь послалъ съ воеводами «княжатъ и дворянъ двора своего и дѣтей боярскихъ изо многихъ городовъ безчислено много; а нарядъ былъ великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылозѣхъ, отъ Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Калуги и до Угры, добрѣ было много, столько и не бывало»[100]. Татары, устрашенные этими грозными приготовленіями, не осмѣлились прибли-

[98] Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго Изд. 2. Т. VII. стр. 163.

[99] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. См. «Отечественныя Записки». 1830 г. Ч. 44. стр. 60.

[100] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 266.

зиться къ Коломнѣ и ушли назадъ въ степи. Въ томъ же августѣ, 20 числа, было солнечное затмѣніе. Многіе, съ ужасомъ глядя на это знаменіе небесное, «глаголаху въ собѣ, яко быти во царствѣ премѣненію»[101]... Предсказаніе сбылось: 4 декабря 1533 года, большой Успенскій колоколъ возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ великаго князя Василья Ивановича.

[101] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 267.

ГЛАВА VI.

Наслѣднику престола великому князю Ивану Васильевичу шелъ всего четвертый годъ. До его возмужанія правительницею объявлена была его мать, вдовствующая великая княгиня Елена Васильевна; а въ помощь ей учреждена боярская дума изъ 20-ти бояръ, изъ которыхъ многіе, состоя на должностяхъ намѣстниковъ въ разныхъ городахъ, даже не жили въ Москвѣ.

Правленіе Еленино было въ высшей степени безпорядочно по вліянію на дѣла ея любимца, князя Ивана Ѳедоровича Овчины-Телепнева-Оболенскаго.

Сигизмундъ I, король Польско-Литовскій, находилъ весьма удобнымъ воспользоваться нашими внутренними неурядицами, чтобы отнять у Россіи всѣ пріобрѣтенія ея въ Литвѣ за время Ивана III и его сына. Послѣ неудачной попытки завоевать Украйну, Литовскія

войска, въ сентябрѣ 1534 года, подступили къ Смоленску. Главный отрядъ нашихъ войскъ выступилъ изъ Москвы, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ начальствомъ князя Михаила Васильевича Горбатаго. Передовой полкъ велъ любимецъ правительницы — князь Оболенскій. Другой отрядъ, подъ начальствомъ боярина и намѣстника Новгородскаго князя Бориса Ивановича Горбатаго, выступилъ изъ Опочки; въ этомъ отрядѣ вторымъ воеводою большаго полка былъ Василій Андреевичь Шереметевъ, а первымъ воеводой передоваго полка — князь Михаилъ Михаиловичь Курбскій, отецъ извѣстнаго писателя. Князь Борисъ Горбатый, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, выступивъ изъ Опочки, начали воевать всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Бряславля и другихъ городовъ. «И сошлися великаго князя воеводы въ едино мѣсто и воевали до Вилны верстъ за 50, а индѣ и за 40, да поворотили оттолева къ Полотцкимъ мѣстомъ, да пошли къ Нѣмецкому рубежу, жгучи и воюючи и сѣкучи и въ плѣнъ емлючи; и вышли воеводы великаго князя всѣ на Опочку на Псковскую землю всѣ здрави съ великимъ полономъ; а пришли изъ Литовскія земли на

А из новагорода и из великаго . и изо Пско
ва пославъ кнѕь великiи iванъ и мт҃и е
великаѧ кнг҃ини елена в литовьскоую же
землю . а велѣли имъ итти ѡ опочки .
в болшомъ полкоу . боѧриноу и намѣ
стникоу новогородцкомоу . кнѕю бори
соу иванович горбатомоу . да василiю
андрѣевичю шереметевоу :

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества

Опочку марта 1-го, въ недѣлю 4-ю поста»[102] (1535 года). Сигизмундъ ошибся въ расчетѣ. Онъ не могъ развернуть всѣхъ своихъ силъ, такъ какъ Польша весьма неохотно вооружалась для защиты Литвы. Не смотря однако на успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ, Московское правительство спѣшило заключеніемъ перемирія съ Литвою, такъ какъ Казань опять замутилась и новая война съ нею была неизбѣжна. Царь Еналей былъ убитъ и на его мѣсто снова вызвали изъ Крыма ненавистнаго Россіи Сафа-Гирея.

Въ началѣ 1537 года, войска наши, подъ начальствомъ князя Гундорова, расположились въ Мещерѣ, а на сходъ съ ними двинута изъ-подъ Коломны во Владиміръ другая рать, подъ начальствомъ князя Микулинскаго, у котораго первымъ воеводою лѣвой руки былъ Василій Андреевичь Шереметевъ[103]. 15 января, Сафа-Гирей подступилъ было къ Мурому; но, провѣдавъ о выступленіи сходныхъ воеводъ изъ Владиміра въ Мещеру, быстро повернулъ назадъ.

[102] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VIII. стр. 288.

[103] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 116.

Это былъ послѣдній походъ Василія Андреевича Шереметева.

Въ апрѣлѣ 1538 года, внезапно скончалась правительница государства, великая княгиня Елена, отравленная, по свидѣтельству современника, ядомъ[104]. Настало державство бояръ при семилѣтнемъ государѣ, оставшемся на ихъ рукахъ круглымъ сиротою. Членъ боярской думы, бояринъ Василій Васильевичь Шуйскій, потомокъ князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія, — сталъ во главѣ правленія. Первымъ его дѣйствіемъ была лютая казнь Еленина временщика князя Оболенскаго.

«И по діаволю дѣйству, бысть вражда между бояръ»: Бѣльскіе оспоривали господство у Шуйскихъ. Въ лицѣ Шуйскихъ потомки бывшихъ удѣльныхъ князей и старыхъ Московскихъ боярскихъ родовъ выступили въ открытую борьбу съ развивавшимся самовластіемъ Московскаго государя. Противная Шуйскимъ партія Литовскихъ выходцевъ-Бѣльскихъ и Глинскихъ, собралась около самого великаго князя, представителя новаго

[104] Герберштейнъ, стр. 43.

порядка вещей и безусловно заинтересованнаго въ томъ, чтобы порядокъ этотъ утвердился навсегда. Сторонники той и другой партіи, попеременно, подвергались ссылкамъ, невольнымъ постриженіямъ въ монашество и самымъ жестокимъ казнямъ на глазахъ отрока-царя.

Въ это страшное время, Василій Андреевичь Шереметевъ постригся въ иноки Троице-Сергіева монастыря и нареченъ Вассіаномъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что Шереметевъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ Московскаго двора, наступившихъ за кончиною Елены и, судя по послѣдующимъ отношеніямъ его старшаго сына, держался стороны Шуйскихъ. Постриженіе Василья Андреевича было подневольное и, очевидно, находилось въ связи съ означенными событіями. Впослѣдствіи Грозный въ своемъ извѣстномъ посланіи игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козмѣ, прямо говорилъ, что Василій Андреевичь Шереметевъ, «неволею, отъ бѣды постригся»[105]. Раздраженіе, съ которымъ говорится въ томъ посланіи о Шереметевѣ, даетъ основаніе пред-

[105] Акты историческіе. Т. I. стр. 384.

полагать, что роль его въ боярской распрѣ была даже не изъ второстепенныхъ. Сѣтуя на разныя послабленія иноческаго житія вообще, Грозный находилъ, что «вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева», котораго сравниваетъ съ Греческимъ царемъ—иконоборцемъ Львомъ Исавромъ: «понеже Левъ точію сѣмяна злочестія посѣя,... тако и Васьянъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, близъ царьствующаго града, постническое житіе своимъ злокозньствомъ испроверже»... Извѣстно, что̀ означало на языкѣ Грознаго слово злокозньство: оно всегда употреблялось имъ въ смыслѣ боярской крамолы.

Въ томъ же посланіи читаемъ, между прочимъ, и слѣдующее: «Или не вѣсте Шереметева Василья? вѣдь его бѣсомъ звали; и какъ постригся, да пришелъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, да снялся съ Курцовыми[106], а Асафъ, что былъ митрополитъ, тотъ съ Коровинымъ, да межъ собя браниться, да оттолѣ се имъ и почалося: и въ каково простое житіе достиже святая та обитель, всѣмъ ра-

[106] Курцовы, Іовъ и Серапіонъ, были также иноками Троице-Сергіева монастыря. Изъ нихъ второй съ 1549 г. былъ игуменомъ, а въ 1551 году хиротонисанъ въ архіепископа Новгородскаго.

зумъ имущимъ и хотящимъ видѣти видимо». Трудно сказать, изъ-за чего вышли у Шереметева неудовольствія съ Курцовыми на первыхъ же порахъ его иноческаго житія. Для насъ приведенное мѣсто изъ посланія Грознаго важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность довольно приблизительно опредѣлить время поступленія Василья Андреевича въ обитель преподобнаго Сергія. Упоминаемый въ посланіи игуменъ Іоасафъ (Асафъ) Скрипицынъ 9 февраля 1539 года хиротонисанъ въ митрополита Всероссійскаго[107]; послѣднее же извѣстіе о службѣ Шереметева встрѣчается подъ 15 числомъ января 1537 года. Очевидно, что Василій Андреевичь Шереметевъ постригся въ монашество въ промежутокъ времени между 15 числомъ января 1537 года и 9 февраля 1539 года, слѣдовательно, почти одновременно съ своимъ дальнимъ родственникомъ боярскимъ сыномъ Ѳеодоромъ Степановичемъ Колычовымъ[108] (будущимъ Святителемъ и Чудотворцемъ Московскимъ Филиппомъ), который, осенью 1537 года,

[107] П. М. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. Спб. 1877. стр. 138.

[108] Пращуръ Ѳедора Степановича Колычова, Александръ Андреевичъ Елка, былъ родной братъ Ѳедора Андреевича Кошки.

пришелъ изъ Москвы въ Соловецкій монастырь и черезъ полтора года также принялъ тамъ постриженіе.

Василій Андреевичъ Шереметевъ, удаляясь отъ свѣта, отдалъ свои вотчины въ распоряженіе шести сыновей своихъ: Ивана, Григорія, Семена, Никиты, другаго Ивана, называвшагося въ отличіе отъ старшаго (Большого) Меньшимъ, и Ѳедора. Онъ оставилъ и духовное завѣщаніе[109], но къ сожалѣнію, этотъ важный документъ не сохранился. Извѣстно только, что братья Шереметевы владѣли имѣніями сообща до 1564 года, когда троихъ изъ нихъ уже не было въ живыхъ, и что по произведенному тогда раздѣлу, на долю одного Ивана Васильевича Меньшого Шереметева досталось семь родовыхъ вотчинъ. Изъ этого можно заключить, что въ рукахъ Василья Андреевича Шереметева сосредоточивалось весьма значительное недвижимое имущество, по всѣмъ вѣроятіямъ, унаслѣдованное имъ отъ предковъ Кошкиныхъ-Беззубцовыхъ.

Въ родѣ Шереметевыхъ, Василій Андреевичъ былъ первымъ владѣльцемъ знаменитаго

[109] Какъ это видно изъ челобитной внука его Ѳедора Ивановича Шереметева (Архивъ графа С. Д. Шереметева № 320).

подмосковнаго села Кускова. Внукъ его, Θеодоръ Ивановичь Шереметевъ, въ духовномъ завѣщаніи, отъ 29 ноября 1645 года, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «А та деревня Кускова дѣда моего Василія Андреевича жалованье отцу моему Ивану Васильевичу; а дѣдъ мой Василій Андреевичь тоѣ деревню вымѣнилъ у Александра Андреевича Пушкина на Бѣжецкую свою вотчину на починокъ Алифинцово и та мѣновная у меня»[110].

Отдавши свои имѣнія сыновьямъ, старецъ Вассіанъ Шереметевъ оставилъ нѣкоторую часть и про свой собственный обиходъ, а также своей супруги (неизвѣстнаго намъ рода), которая, одновременно съ нимъ, постриглась въ монахини и наречена Евпраксіей. Изъ этой части онъ имѣлъ возможность давать посильные вклады въ разныя обители. Между прочимъ, два такихъ вклада сдѣланы были имъ въ обитель преподобнаго Сергія, 2 марта 1541 года и 28 октября 1543 года, оба раза по 50 рублей[111]. Вклады по тому времени довольно значительные, если имѣть въ виду, что тогдашніе шесть рублей заключали въ себѣ фунтъ серебра. Въ

[110] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

[111] Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря, переписанная въ 1673 году, л. 271—272.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, при игуменѣ Аѳанасіѣ[112], онъ далъ вклады: по себѣ 100 рублей, а по женѣ своей, инокинѣ Евпраксіѣ 150 рублей; кромѣ того, «вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ село Чиркино да сельцо Аксиньино. Много лѣтъ спустя, именно въ 1570 году, при игуменѣ Козьмѣ, къ этимъ дачамъ сыновья старца Вассіана присоединили, на поминокъ родителей, еще три деревни да три пустоши со всѣми угодьи»[113].

Село Чиркино впослѣдствіи было вымѣнено у Кирилловой обители и возвратилось въ родъ Шереметевыхъ, въ которомъ состоитъ и по сю пору.

Василій Андреевичь Шереметевъ скончался 9 января 1548 года. Хотя въ мѣсяцословѣ Сергіева монастыря и показано, что онъ погребенъ въ этой обители и что на папертѣ Троицкаго собора написаны имена и другихъ лицъ изъ рода Шереметевыхъ, тамъ-же погребенныхъ [114], но по свидѣтельству нынѣш-

[112] Аѳанасій (въ мірѣ князь Палецкій) былъ игуменомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ 1539 года, а 18 іюня 1551 года хиротонисанъ въ епископа Суздальскаго (Строевъ. Списки іерарховъ. Спб. 1877. стр. 55).

[113] Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Т. I. Спб. 1851. стр. 67 и 74.

[114] Церковно-историческій мѣсяцословъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. М. 1850. стр. 39 и 44.

няго намѣстника лавры, архимандрита Леонида, показаніе это не заслуживаетъ довѣрія. Достопочтенный намѣстникъ полагаетъ, что авторъ мѣсяцослова «основался въ семъ случаѣ на догадкѣ, что инокъ Вассіанъ, конечно, долженъ быть погребенъ въ монастырѣ и что, наконецъ, упоминаемой въ мѣсяцословѣ надписи въ притворѣ Троицкаго собора вовсе нѣтъ, и трудно сказать, была ли она когда нибудь»[115].

Теперь оказывается, что Василій Андреевичь кончилъ свою иноческую жизнь и погребенъ въ Николаевскомъ Антоніевомъ монастырѣ, Тверской епархіи, находящемся въ 3 верстахъ отъ заштатнаго города Краснаго Холма, Весьегонскаго уѣзда. Это видно изъ слѣдующей обстоятельной записи о кончинѣ и предсмертномъ вкладѣ инока Вассіана Шереметева, сохранившейся въ «Лѣтописцѣ о зачатіи Николаевской Антоніевой обители»:

«Лѣта 7056 (1548) году генваря въ 9 день преставися рабъ Божій инокъ Вассіанъ Шереметевъ, въ 6 часовъ нощи, а далъ въ домъ Николѣ чудотворцу по своей душѣ въ

[115] Изъ письма о. архимандрита Леонида къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 6 декабря 1878 года.

наслѣдіе вѣчныхъ благъ колоколъ да ризы да стихарь, а цѣна всему тому шестьдесятъ рублевъ, при игуменѣ Іоасафѣ, и за то его даяніе игумену написать его въ синодикъ въ вѣчное поминаніе и на литіяхъ его поминать и за просфоромисаніемъ на литургіи Божіей»[116].

Что̀ именно побудило инока Вассіана перейдти изъ Троицкой обители въ Николаевскій Антоніевъ монастырь, сказать трудно. Можетъ быть онъ искалъ полнаго уединенія, для чего имѣлось гораздо болѣе способовъ въ глухомъ Тверскомъ монастырькѣ, который къ тому же могъ быть дорогъ постриженнику и по какимъ нибудь стариннымъ родовымъ воспоминаніямъ. Заботливость и послѣдующихъ поколѣній Шереметевыхъ объ Антоніевой обители, называющейся также Бѣжецкимъ Николаевскимъ Антоніевымъ монастыремъ, наводитъ на догадку, не въ тѣхъ ли мѣстахъ была и Бѣжецкая вотчина Василья Андреевича (починокъ Алифинцово), которую онъ промѣнялъ Пушкину на Кусково, и не

[116] Сообщено игуменомъ Николаевскаго Антоніева монастыря о. Анатоліемъ при письмѣ къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 13 апрѣля 1879 года.—Древній архивъ Красно-Холмскаго Антоніева монастыря, изслѣдованіе А. К. Жизневскаго (Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества. Т. VIII. М. 1880. Отд. I. стр. 71).

тамъ ли, въ Бѣжецкихъ мѣстахъ, надлежитъ искать древнѣйшихъ, первоначальныхъ поселеній ближайшихъ потомковъ Андрея Кобылы. Замѣтимъ, что въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи болѣе всего встрѣчается мѣстностей, доселѣ носящихъ названіе Кобылино. Въ Московской губерніи такихъ мѣстъ всего 3, а въ Тверской губерніи—13; съ названіемъ Кошкино — въ Московской губерніи нѣтъ ни одного, а въ Тверской—4. Позднѣйшія поколѣнія Кобылиныхъ-Кошкиныхъ постепенно подвигались къ Москвѣ; такъ что уже въ первой половинѣ XVI вѣка Шереметевы считались старожилами Коломенскаго уѣзда, какъ это будетъ видно изъ тяжебнаго дѣла съ князьями Ноздреватыми и Токмаковыми.

ГЛАВА VII.

О службѣ старшаго сына инока Вассіана, Ивана Васильевича Большаго Шереметева, въ первый разъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1540 годомъ, когда Казанскій царь Сафа-Гирей снова подступилъ къ Мурому, опустошая его окрестности. Въ Муромѣ въ то время сидѣли воеводы: князь Иванъ Ѳедоровичь Стригинъ-Ряполовскій, Иванъ Васильевичь Шереметевъ и князь Петръ Ивановичь Дѣевъ[117]. Сафа-Гирей уже два дня стоялъ подъ Муромомъ. Тогда воеводы съ Муромцами рѣшились на отчаянную вылазку «и съ простыми и малыми оружіями положили многихъ Татаръ»[118]. Къ счастію подоспѣлъ на помощь Владимірскій воевода князь Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльскій и царь Шигъ-Алей съ Касимовцами. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ и такъ

[117] Русскій историческій сборникъ, изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Т. V. стр. 25.

[118] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XVII. стр. 126.

быстро, что воеводы Московскіе не могли догнать его.

Два года спустя, сынъ боярскій Иванъ Васильевичь Шереметевъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ дворцоваго переворота въ пользу Шуйскихъ.

Нужно сказать, что самовластіе князя Василья Васильевича Шуйскаго продолжалось всего шесть мѣсяцевъ. Въ октябрѣ 1538 года, онъ умеръ и кормило правленія принялъ братъ его князь Иванъ Васильевичь Шуйскій. При немъ-то и возведенъ былъ въ санъ митрополита упомянутый въ посланіи Грознаго игуменъ Сергіева монастыря Іоасафъ Скрипицынъ, на мѣсто митрополита Даніила, сосланнаго въ Іосифовъ монастырь, за попытку предоставить главенство въ государствѣ князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому. Князь Иванъ Шуйскій не уступалъ своему брату ни въ своеволіи, ни въ ненависти къ Московскимъ государямъ, обездолившимъ его предковъ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ и въ думѣ и въ дворцѣ, и высокомѣрно относился къ самому державному отроку Ивану. Грозный впослѣдствіи съ горечью вспоминалъ объ этомъ: «Намъ бо въ юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Ва-

сильевичь Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское жъ, ниже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести»[119]! Между тѣмъ, новый митрополитъ Іоасафъ недолго оставался на сторонѣ Шуйскихъ. При его содѣйствіи, въ 1540 году, партія Бѣльскихъ одержала верхъ. «Мнѣ же въ возрастъ достигшу—писалъ впослѣдствіи Грозный — не восхотѣхъ подъ рабскою властію быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя велѣлъ есми быть боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому»[120]. Князя Шуйскаго отправили во Владиміръ для обороны восточной украйны отъ Казанцевъ. Онъ опредѣленъ былъ главнымъ воеводою всего войска, а въ помощники ему (т. е. вторымъ воеводою большаго полка) назначенъ князь Михаилъ Михайловичь Курбскій. Подъ начальство же Шуйскаго послана и конная рать съ воеводами: княземъ Иваномъ Андреевичемъ Булгаковымъ-Куракинымъ, Иваномъ

[119] Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 2. Спб. 1842. стр. 183.
[120] Тамъ-же, стр. 184.

Васильевичемъ Шереметевымъ и княземъ Петромъ Ивановичемъ Дѣевымъ[121].

Многочисленные сторонники Шуйскаго притихли только на время. Главнѣйшіе представители этой партіи,—князья Иванъ и Михайло Ивановичи Кубенскіе, князь Дмитрій Өедоровичь Палецкій и государственный казначей Иванъ Ивановичь Третьяковъ,—продолжали «обсылаться» съ своимъ вожакомъ и ждали отъ него только знака приступить къ дѣлу.

Въ войскѣ, собранномъ во Владимірѣ для Казанскаго похода, множество дворянъ и дѣтей боярскихъ присягнули князю Ивану Шуйскому. За него былъ и весь Великій Новгородъ, незабывшій услугъ дѣда его, вѣрнаго защитника свободныхъ Новгородцевъ, князя Василья Васильевича Шуйскаго-Гребенки. Нужно было однако дѣйствовать со всею осторожностію. Князь Шуйскій, прежде чѣмъ самому ѣхать въ Москву, послалъ туда, въ послѣднихъ числахъ декабря 1541 года, своего сына, князя Петра, и Ивана Васильевича Шереметева съ дружиною въ 300 человѣкъ[122]. По при-

[121] Князь Щербатовъ. Исторія Россійская. Спб. 1786. Т. V. Ч. I. стр. 142.

[122] Царственная книга. Спб. 1769. стр. 101.

бытіи этого отряда, Московскіе клевреты Шуйскаго, въ ночь на 3-е января 1542 года, какъ-бы по данному сигналу, бросились во дворъ къ князю Ивану Өедоровичу Бѣльскому и посадили его до утра въ темницу. За тѣмъ, по словамъ лѣтописца, бояре (стороны Шуйскаго) «пришли къ государю въ постельные хоромы не по времени, за три часы до свѣта, и пѣти у крестовъ заставили» (т. е. велѣли служить заутреню). Когда же во дворецъ пришелъ митрополитъ Іоасафъ съ тѣмъ, чтобы укрыться здѣсь отъ неистовства заговорщиковъ, бросавшихъ уже камни въ митрополичью келлію,—бояре пришли за нимъ къ государю въ комнату «съ большимъ шумомъ». Не находя безопаснаго убѣжища и во дворцѣ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое подворье. Дружина, прибывшая изъ Владиміра съ княземъ Петромъ Шуйскимъ и Шереметевымъ, бросилась туда-же и только благодаря заступленію князя Дмитрія Өедоровича Палецкаго, митрополитъ не былъ убитъ разсвирѣпѣвшими дружинниками. «И бысть мятежъ великъ въ то время на Москвѣ и государя въ страхованіи учиниша»[123].

[123] Царственная книга. стр. 102.

На разсвѣтѣ прискакалъ въ Москву самъ князь Иванъ Васильевичь Шуйскій и снова объявилъ себя главою правленія. Князь Бѣльскій былъ сосланъ на Бѣлоозеро; туда-же посланъ и митрополитъ Іоасафъ, а на его мѣсто возведенъ владыка Новгородскій Макарій. Главнѣйшаго же совѣтника Бѣльскаго, князя Петра Михайловича Щенятева вытащили задними дверьми изъ комнаты самого государя и сослали въ Ярославль.

Участіе Ивана Васильевича Шереметева въ заговорѣ Шуйскаго бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на случай невольнаго постриженія отца его, инока Вассіана. Иванъ Шереметевъ конечно раздѣлялъ мысли своего отца, наслѣдовавъ отъ него преданія стараго Московскаго боярства. Въ эту мрачную эпоху кровавой борьбы удѣльно-вѣчеваго начала съ правительственнымъ, «каждая боярская и княжеская семья, быть можетъ безсознательно и противъ воли, хранила въ душѣ мятежную думу»[124]. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно себѣ представить, что̀ должны были чувствовать въ ту пору представители княжескихъ и боярскихъ

[124] Ѳ. М. Уманецъ. Его статья «Митрополитъ Филиппъ» (Древняя и Новая Россія. 1877 г. Т. III. стр. 195).

родовъ Москвы, предки которыхъ съ такимъ самоотверженіемъ отстаивали государство въ злыя времена татарщины и въ малолѣтство Темнаго. Тяжко было видѣть потомкамъ Ѳедора Кошки, что великое дѣло «собиранія Руской земли» сводится къ полному обезличенію боярства, — завѣтной цѣли правительства, поставленной еще Иваномъ III-мъ. Малолѣтство его внука, очевидно, оживило надежду разрушить новую правительственную систему и возвратиться къ старымъ порядкамъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ описаннаго дворцоваго переворота, Иванъ Васильевичь Шереметевъ возвратился опять во Владиміръ къ войску, расположенному тамъ «для Казанскихъ людей приходу». Воеводы въ полкахъ были уже по новой росписи: въ большомъ полку былъ князь Иванъ Ивановичь Кубенскій съ Григорьемъ Юрьевичемъ Захарьинымъ, а въ передовомъ полку—Иванъ Васильевичь Шереметевъ съ княземъ Ѳедоромъ Борисовичемъ Ромодановскимъ[125].

Между тѣмъ, князь Иванъ Васильевичь Шуйскій оставался у кормила правленія весь-

[125] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. («Отечественныя Записки» 1830 г. Ч. 44. стр. 67).

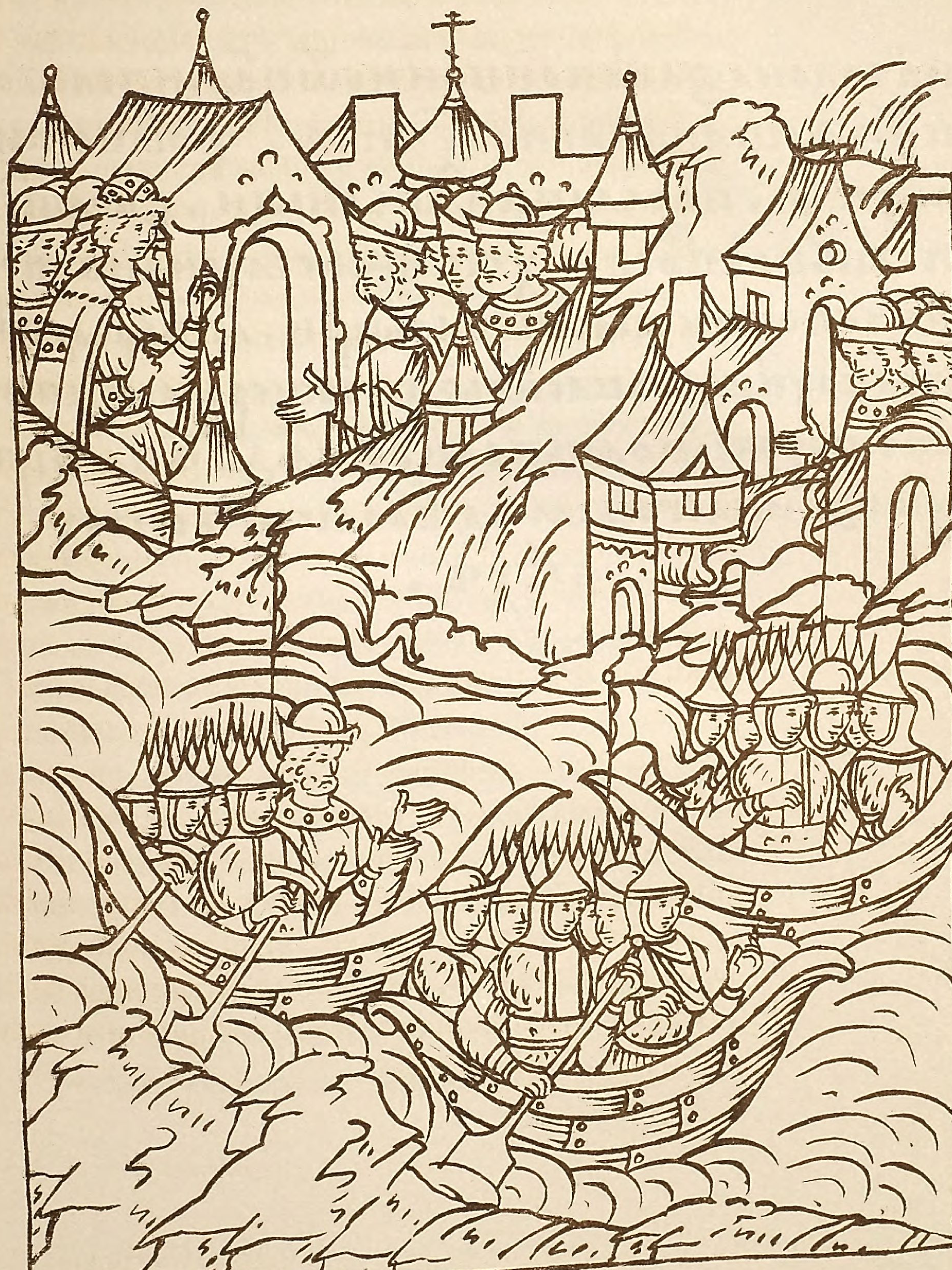
ма недолго. По случаю болѣзни, онъ сдалъ верховную власть тремъ своимъ родственникамъ: князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ Шуйскимъ и Өедору Ивановичу Скопину-Шуйскому, родному дѣду присноцамятнаго героя смутнаго времени князя Михаила Васильевича. Новые правители, зорко слѣдя за людьми окружавшими государя, возненавидѣли совѣтника Думы Өедора Семеновича Воронцова, пользовавшагося особливымъ расположеніемъ великаго князя. Не находя никакихъ поводовъ къ удаленію Воронцова, Шуйскіе и ихъ сторонники рѣшились прибѣгнуть къ новому насилію. 3 сентября 1543 года, во время торжественнаго засѣданія Думы, происходившаго въ столовой избѣ государя, они, не стѣсняясь присутствіемъ великаго князя и митрополита, схватили Воронцова «и биша его по ланитамъ, и платіе на немъ ободраша... и ведоша его съ великаго государя сѣней съ великимъ срамомъ, біюще и пхающе на площадь, и отослаша его за Неглинну на Ивановъ дворъ Зайцова»[126]. Несчастнаго не убили только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ за него государя и митрополита. Вмѣсто смертной казни,

[126] Царственная книга. стр. 112.

Воронцова сослали въ Кострому. Этотъ случай только ускорилъ паденіе Шуйскихъ. 29 декабря того-же года, тринадцатилѣтній велій князь Иванъ вдругъ приказываетъ схватить первосовѣтника боярскаго князя Андрея Шуйскаго и отдать на растерзаніе дворцовымъ псарямъ... «И псари взяша и убиша его, влекуще къ тюрьмамъ противу воротъ Ризположенныхъ въ градѣ»[127]. Прочіе князья Шуйскіе и ихъ сторонники въ боярской Думѣ были разосланы въ отдаленныя мѣста или казнены отъ имени же великаго князя. Началось еще болѣе жестокое правленіе ненавистныхъ народу Литовскихъ выходцевъ князей Михаила и Юрія Васильевичей Глинскихъ, дядьевъ государя по матери; вѣроятно, по ихъ же внушенію и рѣшился государь такъ неожиданно и жестоко заявить о своей самостоятельности.

Новый дворцовый переворотъ прошелъ благополучно для Ивана Васильевича Шереметева. Впрочемъ иначе и не могло быть. Онъ не засѣдалъ въ Думѣ, не состоялъ при дворѣ и вообще по своему общественному положенію ни въ какомъ случаѣ не могъ навлечь на себя мщенія новыхъ правителей, которые не имѣли

[127] Царственная книга. стр. 114.

НАЧАЛОКАЗАНСКОИВОИНЕѾЦРѦИВЕЛИКГО
КНЗѦИВАНАВАСИЛЬЕВИЧА. ТОГОЖЕВЕСНЫ
АПРИЛѦ. ПОСЛАЛЪКНѦЗЬВЕЛИКІИ. ВБОЛШЕМ
ПОЛКУВОЕВОДСВОИХЪКНЗѦСЕМЕНАИВАНО
ВИЧАПОУНІСКОВАСТОВАРЫЩИ. АВПЕРЕДОВОМ
ПОЛКОУИВАНАВАСИЛЬЕВИЧАШЕРЕМЕТЕВЪ.
АВСТОРОЖЕВОМЪПОЛКУКНѦЗѦДМИТРЕѦПАЛЕЦКО-
ХКАЗАНИЛЕГКЫМЪДѢЛОМЪВЪВЕСТОУ
ЅТѢХЪ.

Фотолитографія М. М. Панова Петровка д. Кредит: Общества

и возможности считаться со всѣми сторонниками Шуйскихъ въ войскѣ и въ городахъ. Шереметевъ и при Глинскихъ оставался первымъ воеводою передоваго полка войска, отправленнаго, въ апрѣлѣ 1544 года, подъ главнымъ начальствомъ князя Семена Ивановича Микулинскаго-Пункова, къ Казани «легкимъ дѣломъ въ струзѣхъ». Другая рать, подъ начальствомъ князя Василія Семеновича Серебренаго, отправилась туда-же изъ Вятки. «И Вяцкіе воеводы сошлися съ княземъ Семеномъ съ Пунковымъ на Казанскомъ устіѣ, въ недѣлю нашествіе Святаго Духа, во единъ часъ, яко изъ единаго двора». Внезапно появившіеся подъ стѣнами Казани Московскіе воеводы обратили въ пепелъ окрестности и перебили и полонили множество Татаръ, «и Божіею милостію изъ Казанскія земли пришли со всѣми людьми здравы.... И государь воеводъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ великимъ своимъ жалованіемъ: кто о чемъ билъ челомъ, тѣхъ всѣхъ по ихъ челобитію жаловалъ»[128].

Гдѣ находился Шереметевъ послѣ этого похода, изъ разрядовъ не видно. Свѣдѣнія о

[128] Царственная книга. стр. 116 и 117.

немъ перерываются года на два съ половиною. Тѣмъ временемъ при Московскомъ дворѣ подготовлялись большія торжества. Въ декабрѣ 1546 года, семнадцатилѣтній государь объявилъ о своемъ намѣреніи жениться, при томъ на Русской, а не на иноземкѣ, и что предъ женитьбою онъ хочетъ «поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ, какъ прародители его, цари и великіе князи, на царство на великое княженіе садилися и ему бы по тому-же чину исполнити и на царство на великое княженіе сѣсти»[129]. Вслѣдъ за симъ, въ лѣтописи записано, что 16 января 1547 года, великій князь Иванъ Васильевичь «вѣнчанъ бысть святыми бармами и вѣнцемъ Мономаховымъ, по древнему закону царскому, якоже Римстіи и Гречестіи царіе поставляхуся; и наречеся царь и великій князь всея Великія Россіи самодержецъ»[130].

Одновременно съ объявленіемъ великаго князя о намѣреніи жениться, по всей Россіи разосланы были грамоты о томъ, чтобы для выбора государевой невѣсты князья и дѣти боярскія везли своихъ «дочерей дѣвокъ» въ

[129] Царственная книга. стр. 128.
[130] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. III. стр. 250.

[library stamp]

ближайшіе города къ намѣстникамъ на смотръ, не утаивая ни одну, подъ страхомъ великой опалы и казни. Какъ извѣстно, выборъ палъ на дѣвицу знатнаго и древнѣйшаго боярскаго рода Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, Анастасію Романовну, праправнуку Ивана Ѳедоровича Кошки (роднаго брата Александра Ѳедоровича Беззубца). Празднества по случаю вѣнчанія и бракосочетанія государя завершились страшными пожарами въ Москвѣ, испепелившими столицу изъ конца въ конецъ[131]. Обезумѣвшій отъ ужаса народъ кричалъ, что Москва выгорѣла отъ бабки царя, княгини Анны Глинской, что, будто бы, она съ своими дѣтьми и людьми волхвовала: «вымала-де сердца̀ человѣческія да клала въ воду; да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила, и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалила»! Дядя государевъ, князь Юрій Васильевичъ Глинскій, предчувствуя бѣду, ушелъ въ Успенскій соборъ. Разъяренная толпа бросилась за нимъ и убила князя въ самомъ храмѣ, у митрополичья мѣста. Всѣ люди Глинскихъ были перебиты, имущество разграблено.

[131] Пожары начались съ 12 апрѣля 1547 года.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Во время Московскаго пожара царь Иванъ Васильевичь былъ на Воробьевыхъ горахъ. Къ нему во дворецъ вошелъ священникъ Сильвестръ и, указывая на пожарище, объяснялъ, что это есть знаменіе суда Божія, «претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ»[132].

Бесѣда эта произвела глубокое впечатлѣніе на Ивана Васильевича. Съ этихъ поръ Сильвестръ сталъ у трона и, вмѣстѣ съ царскимъ любимцемъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, надолго сохранилъ за собою благотворное вліяніе на царя юнаго, «во злострастіяхъ и въ самовластіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія»[133].

Настала ревностная дѣятельность правленія и эпоха славы Грознаго. Въ Москвѣ созванъ былъ первый земскій соборъ изъ выборныхъ отъ всякаго чина изо всѣхъ городовъ Московскаго государства. Царь, выйдя на Красную площадь къ представителямъ

[132] Сказанія князя Курбскаго. стр. 9.
[133] Тамъ-же, стр. 10.

земли, поклонился на всѣ четыре стороны и произнесъ извѣстную рѣчь о своихъ благихъ намѣреніяхъ на пользу государства, при чемъ всенародно отпустилъ вины боярамъ и прочимъ властямъ за время его малолѣтства. По словамъ современника, князя Курбскаго, Сильвестръ собралъ при царѣ избранную раду изъ людей «въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ, которые все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому»[134].

Ивану Васильевичу Шереметеву едвали не первому довелось воспользоваться выгодами этого новаго суда.

Задолго до благодѣтельной перемѣны въ высшемъ управленіи, именно въ 1543 году, слѣдовательно еще при Шуйскихъ, у Ивана Васильевича Шереметева завелась тяжба изъ-за половины села Граворонова[135], заложеннаго ему въ 250 рубляхъ княземъ Андреемъ Петровичемъ Ноздреватымъ. Такъ какъ послѣдній, получивъ закладныя деньги, не хотѣлъ выѣз-

134 Сказанія князя Курбскаго. стр. 11.

135 Нынѣ село Граворны, Коломенскаго уѣзда, при р. Коломенкѣ, въ 17 верстахъ отъ Коломны, по лѣвую сторону Каширскаго тракта (Списки населенныхъ мѣстъ Московской губерніи. Спб. 1862. № 4035).

жать изъ Граворонова и распоряжался тамъ по прежнему, какъ полный хозяинъ, то, вслѣдствіе челобитья Шереметева, «бояре» послали въ Гравороново пристава съ записью, по прибытіи котораго князь Ноздреватый принужденъ былъ выѣхать изъ заложеннаго села и вывести своихъ людей. Но за тѣмъ, въ 1547 году, вскорѣ послѣ вѣнчанія царя, князь Ноздреватый, не выкупивъ села Граворонова, продалъ его своимъ двоюроднымъ братьямъ, князьямъ Юрью и Василью Ивановичамъ Токмаковымъ, которые поддѣлали выкупную кабалу, помощью которой силились доказать, будто-бы Гравороново было выкуплено у Шереметева. Въ томъ же году, Иванъ Васильевичь Шереметевъ представилъ эти незаконныя дѣйствія князей Ноздреватаго и Токмаковыхъ на судъ царя.

ГЛАВА VIII.

Тяжба Шереметева разбиралась, съ небольшими промежутками, почти три мѣсяца. Дословныя рѣчи споровшихъ сторонъ приводимъ изъ современной правой грамоты[136]. Документъ этотъ, помимо біографическаго интереса, любопытенъ и въ томъ отношеніи, что всецѣло вводитъ насъ въ сферу гражданскаго быта древняго общества. Передъ нами являются живыя лица минувшаго времени съ ихъ нуждами и грѣхами. Самъ царь-судья представляется не простымъ посредникомъ, выслушивающимъ судныя рѣчи тяжущихся, но лицомъ, принимающимъ живое участіе на судѣ. Видимо желаніе его узнать сущую правду, добиться матеріальной истины[137]. Ни одно противорѣчіе не ускользаетъ отъ зоркаго глаза юнаго госу-

[136] Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. I. Спб. 1857. стр. 192—214.

[137] Таково было вообще отношеніе судьи къ разбираемому дѣлу, какъ это выяснено въ статьѣ К. П. Побѣдоносцева, по поводу помѣщенныхъ въ указанномъ изданіи юридическихъ актовъ. (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. Кн. IV. Спб. 1859).

даря и всѣ его вопросы такъ разумно направляютъ весь ходъ настоящаго дѣла. «Сій судъ судилъ государь князь великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи». Такъ начинается правая грамота. А на судѣ у царя были: бояринъ Иванъ Петровичь Ѳедоровъ - Челяднинъ «и иные бояре», да окольничій Ѳедоръ Михайловичь Нагой, да дьяки: Бакака Митрофановъ сынъ Карачаровъ, Аѳанасій Моринъ, Петръ Зубатый и Ѳедоръ Леонтьевъ. Судъ открылся показаніемъ самого истца, или по тогдашнему ищеи, Ивана Васильевича Шереметева, который словесно объяснилъ царю слѣдующее: «Князь Андрей княжъ Петровъ сынъ Ноздреватой заложилъ у меня свою отчину половину села Граворонъ въ кабалѣ въ полутретьестѣ (250) рублехъ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Коломенкѣ: полтараста рублевъ мнѣ пахати, а на сто рублевъ мнѣ у князя Андрея ростъ имати. И нынѣча учинилось, что князь Юрій и Василій Токмаковы на подворьѣ у себя наряжаютъ[138] съ подпищики[139] кабалы

[138] Наряжаютъ = поддѣлываютъ. (Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1867. Отсюда заимствованы и всѣ послѣдующія объясненія юридическихъ терминовъ).

[139] Подпищики = поддѣлывающіе чужую подпись, составители фальшивыхъ документовъ.

выкупныя и записи нарядныя[140], что будто у меня ту половину села Гравoронъ выкупили, а они, государь, мнѣ денегъ за ту отчину не плачивали и кабалы у меня не выимовали. Та кабала, по которой язъ живу въ томъ селѣ, и сегодни у меня. Дай мнѣ, государь, пристава[141], и язъ у князя Юрья и Василья на подворьѣ подпищика и письмо подписное выиму».

Царь назначилъ пристава, прикащика городоваго Михалка Кленова, и трехъ недѣльщиковъ[142], которымъ приказалъ, вмѣстѣ съ Шереметевскимъ человѣкомъ Алешкою, ѣхать на дворъ князей Токмаковыхъ и искать у нихъ поддѣльныхъ кабалъ и записей.

Въ тотъ же день, прикащикъ городовой Кленовъ и недѣльщики доложили государю, что они съ семью понятыми ѣздили на дворъ князей Токмаковыхъ и спрашивали князь Юрья Токмакова: гдѣ твой братъ князь Василій и есть ли у васъ кто опричныхъ людей[143] или подпищиковъ и письма̀ подписнаго кабалы и записи есть ли? И князь Юрій отвѣчалъ: братъ мой князь Василій въ селѣ; опричныхъ

140 Записи нарядныя = поддѣльныя.

141 Приставы = исполнительные чиновники по дѣламъ суднымъ.

142 Недѣльщики = очередные разсыльные.

143 Опричные люди = посторонніе.

людей и подпищиковъ и письма̀ подписнаго кабалъ и записей нѣтъ ничего; а есть люди, да мои все. Тогда велѣли Иванову человѣку Шереметева Алешѣ «разволочись до-нага»; самъ князь Юрій обыскивалъ его и даже «во ртѣ сщупалъ». Послѣ того Алеша отправленъ былъ въ комнаты княжьи искать поддѣльныхъ кабалъ и записей. «И истецъ Олеша пришолъ къ комнатѣ, а комната заперта, и мы—показывалъ Кленовъ—велѣли комнату отпереть да пустили истца Олешу; истецъ Олеша, отворя комнату, завопилъ: восеи деи[144], господине, подпищикъ и письмо подписное! И мы съ понятыми вошли въ комнату, ажъ (даже) лежитъ въ комнатѣ на княжъ Юрьевѣ постелѣ человѣкъ, а сказался: зовутъ его Власкомъ Ивановъ сынъ, а одѣтъ кафтаномъ малымъ киндячнымъ, что̀ топерево на князѣ на Юрьѣ предъ тобою; а въ головахъ у него лежитъ письмо, а не вѣдаемъ какое; а въ ногахъ у него стоитъ чернила да фляга вина. И мы того человѣка Власка взяли, а то письмо, запечатавъ въ ширинку[145], дали за понятыхъ людей за добрыхъ за Луку Дементьева съ товарищи. А

[144] Восеи деи = вотъ-де.

[145] Ширинка = небольшой платокъ.

се, государь, истецъ Алеша, князь Юрій Токмаковъ, тотъ человѣкъ Власко и понятые съ письмомъ передъ тобою».

Выслушавъ донесеніе прикащика Кленова, царь вопросилъ князя Юрья Токмакова: «Что̀ у тебя за человѣкъ, котораго у тобя выняли Михалко Кленовъ да недѣльщики, въ комнатѣ за запоромъ, и что̀ то за письмо, что его положили передо мною за печатью»?

Князь Юрій Токмаковъ отвѣчалъ: «Тѣмъ меня мужикомъ и письмомъ Михайло Кленовъ да недѣльщики подкинули, стакався съ Ивановымъ Шереметева человѣкомъ съ Алешею да съ понятыми». Князь Токмаковъ просилъ съ ними поля[146].

Потомъ царь, обратясь къ Власкѣ Иванову, спросилъ у него: «Что̀ ты за человѣкъ, и какъ тебя зовутъ, и чѣмъ промышляешь, и дворъ у тебя здѣсь на Москвѣ есть ли, и ко князю еси какимъ дѣломъ пришелъ, и въ комнатѣ что еси у него дѣялъ»?

Власко показалъ: «Человѣкъ есми убогой; кормлюсь перомъ; а двора у меня здѣсе на

[146] Т. е. судебнаго поединка. На поле лѣзть (требовать поединка) могли тяжущіеся (ищея и отвѣтчикъ) не только между собою, но и съ кѣмъ либо изъ тѣхъ свидѣтелей (послуховъ), которые не въ ихъ рѣчи говорили (опровергали ихъ показанія).

Москвѣ нѣтъ, а хожу по людямъ по добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь; на княжъ Юрьевъ есми Токмакова дворъ пришолъ къ Ондрѣеву человѣку Дятлова къ Тимачю ѣсти, а не къ князю Юрью, да ѣдчи есми, у него по грѣхомъ въ комнатѣ и уснулъ, и Михайло Кленовъ съ недѣльщики меня поимали; а князя Юрья Токмакова и не знаю».

Тутъ выступилъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ и заявилъ: «То, государь, мужикъ Власко воръ и руки подписываетъ; а осенесь тотъ Власко въ подпискѣ былъ же поиманъ, а сидѣлъ у недѣльщика у Игната Лазарева и ножемъ ся самъ рѣзалъ, и предъ твоимъ государевымъ казначеемъ Иваномъ Ивановичемъ Третьяковымъ въ подпискѣ ставка была ему».

Третьяковъ подтвердилъ заявленіе Шереметева. И самъ Власко на спросъ царя показалъ: «Въ подпискѣ есми напередъ того былъ и у недѣльщика есми у Игната Лазарева сидѣлъ по грѣхомъ, а не по дѣломъ своимъ, и ножемъ ся есми рѣзалъ безъ памяти: былъ на мнѣ въ ту пору недугъ, да у недѣльщика есми у Ивана Лазарева ушелъ».

Царь приказалъ распечатать ширинку, въ которой между другими бумагами находилась

отобранная у Власки надодранная кабальная запись Ивана Васильевича Шереметева на заложенную ему княземъ Андреемъ Петровичемъ Ноздреватымъ половину села Граворонова. Запись эта была прочитана предъ судомъ. Вотъ ея содержаніе:

«Се язъ князь Андрей княжъ Петровъ сынъ Ноздреватаго занялъ есми у Ивана у Васильева сына Шереметева у Большаго полтретьяста рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ отъ Николина дни отъ осенняго до Николина жъ дни, на годъ; а въ тѣхъ есми денгахъ заложилъ свою отчину въ Коломенскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Коломенкѣ, въ Городецкомъ стану, половину села Гравороиа, опричь деревни Бузуковской, а пашни въ той деревнѣ по 30 четвертей въ полѣ, съ луги и съ лѣсомъ и со всякимъ угодьемъ, и что къ тому селу изстари притягло; на 150 рублевъ за ростъ Ивану та моя отчина пахати и всякимъ угодьемъ владѣти, а на 100 рублевъ мнѣ князю Ондрѣю ростъ давати; а поляжетъ серебро по сроцѣ, Ивану та моя отчина пахати и всякими угодьи владѣти, а на 100 рублевъ мнѣ князю Ондрѣю Ивану ростъ давати по томужъ. А та моя отчина не продана и не заложена никому ни въ

чомъ; а явитца на ту отчину кабала или иная какая крѣпость нибуди, и мнѣ князю Ондрѣю та отчина очищати, а Ивану убытка не привести никакого. А на то послуси: князь Василей княжъ Петровъ сынъ Ноздреватого, Иванъ Мишковъ сынъ Михайловъ, Василей Васильевъ сынъ Рохманинова, Григорій Злобинъ сынъ Петрова, Ондрей Ѳедоровъ сынъ Щепотева. А кабалу писалъ Петръ Сидоровъ сынъ Яковцова, лѣта 7052»(1543).

Выслушавъ кабальную запись, царь вопросилъ Шереметева: «Чья та кабала, ты ее знаешь ли»?

Шереметевъ отвѣтилъ: «Язъ, государь, тоѣ кабалы не знаю и денегъ есми по ней не давывалъ: та кабала нарядная (т. е. поддѣльная), а вынялъ есми ее у князя Юрья въ комнатѣ съ подпищикомъ со Власкомъ; а есть у меня кабала прямая на князя Ондрѣя и на его полсела Граворонова, по которой язъ въ томъ селѣ въ Граворановѣ живу, да и запись очищальная на тожъ полсела Граворонова и сегодни у меня; дай мнѣ, государь, срокъ, язъ тое кабалу и запись очищальную предъ тобою положу».

Царь спросилъ, за тѣмъ, князя Юрья Ток-

макова: «Что та за кабала, что̀ у тобя въ комнатѣ съ подпищикомъ выняли»?

— «Тоѣ кабалы,—отвѣчалъ князь Токмаковъ,—язъ не знаю: тою меня кабалою Михайло Кленовъ да недѣльщики, стака̀вся съ Ивановымъ человѣкомъ Шереметева съ Алешею и съ понятыми, меня подкинули.... Та отчина, полсела Граворонова брата нашего князя Андрея Ноздреватаго у Ивана у Шереметева въ закладѣ была, и братъ нашъ князь Андрей ту свою отчину полсела Граворонова у Ивана Шереметева выкупилъ и кабала выкупная у брата нашего у князя Андрея есть. Дай мнѣ срокъ, и язъ брата своего князь Андрея Ноздреватаго предъ тобою поставлю, и онъ тое кабалу выкупную предъ тобою положитъ. А нынѣча, государь, ту отчину полсела Граворонова у князь Андрея Ноздреватаго у брата своего купили мы. А се, государь, и купчая грамота предъ тобою».

Царь велѣлъ прочесть и этотъ документъ, въ которомъ написано было: «Се язъ князь Юрій да князь Василій Ивановы дѣти Токмаковы купили есмя у брата своего у князь Ондрѣя Петрова сына Ноздреватаго его отчину половину села Граворонова да селищо Те-

реховское, опричь деревни Бузуковской (со всѣми угодьи) собѣ и своимъ дѣтемъ въ прокъ безъ выкупа, въ Коломенскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ на Коломенкѣ, въ Городецкомъ стану; а дали есмя на немъ 500 рублевъ, да конь пополонка[147]; а та отчина у князь Андрея ни продана, ни заложена никому ни въ чемъ. А явитца на ту купчую какая крѣпость ни будетъ, и князю Андрею намъ ту отчину очищати, а къ намъ ему убытка не привести никакого. А на то послуси: князь Василій Петровъ Ноздреватова, князь Андрей Дмитріевичь Дашковъ, Григорій Злобинъ сынъ Петровъ. А купчую грамоту писалъ подъячій Матвѣй Евдокимовъ, лѣта 7055 (1546—47)».

По окончаніи чтенія купчей, царь вопросилъ Шереметева: «За полсела Граворонова у князя Андрея Ноздреватова денги имывалъ ли и кабалу князю Андрею выдавывалъ ли»?

Шереметевъ сказалъ: «Та купчая нарядная, и денегъ есми у князя Ондрѣя по кабалѣ не имывалъ и кабалы ему не выдавывалъ, а живу, государь, въ той отчинѣ по закладной кабалѣ и нынѣча, которую мнѣ на себя князь Ондрѣй далъ; дай мнѣ, государь, срокъ, и язъ

147 Пополонка = въ добавокъ.

предъ тобою ту кабалу и запись очищалную положу».

У князя же Юрья Токмакова царь спросилъ: «Кому то у васъ вѣдомо есть ли, что князь Ондрей Ноздреватой, братъ вашъ, у Ивана Шереметева ту свою отчину полсела Граворонова выкупилъ и денги заплатилъ и кабалу вынялъ»?

«Шлюсь, государь, — отвѣтилъ Токмаковъ, — на князя Андрея Дашкова да на Андрея Дятлова[148]. Тѣмъ, государь, вѣдомо, что предъ ними братъ нашъ, князь Андрей Ноздреватой, Ивану Шереметеву деньги платилъ и кабалу вынялъ. Тѣ, государь, съ нами и деньги отчитали. Да вѣдомо окольничему твоему Ивану Ивановичу Беззубцову да князю Ивану Звенигородскому, что братъ нашъ князь Андрей Ноздреватой тое свою отчину полсела Граворонова у Ивана Шереметева выкупилъ и деньги платилъ и кабалу вынялъ».

«А ты,—спросилъ царь у Шереметева,—на князя Андрея Дашкова, да на Андрея Дятлова, да на окольничаго на Ивана Ивановича Беззубцова, да на князя Звенигородскаго шлешься ли»?

[148] Къ человѣку котораго приходилъ Власко (см. его показаніе).

Шереметевъ сказалъ: «На Ивана есми, государь, на Беззубцова тобѣ царю государю до суда билъ челомъ, что онъ до насъ не добръ: живемъ у него въ сусѣдехъ, а зживаетъ насъ старыя съ нашія отчины [149]. А князь Иванъ Звенигородцкой имъ братъ; а князь Андрей Дашковъ имъ зять: родная ихъ сестра за нимъ. А съ Андреемъ съ Дятловымъ на меня они съ однаго нарядъ наряжаютъ: на Андрѣевѣ есми подворьѣ у князя Юрья Токмакова подпищика и подписную кабалу вынялъ; и язъ, государь, на нихъ шлюсь въ послушество». При этомъ Шереметевъ просилъ царя, чтобъ онъ велѣлъ пытать подпищика Власку.

Царь приказалъ Шереметеву, къ 27 числу мая представить закладную кабалу и очищальную запись; князю же Юрью Токмакову къ тому же сроку велѣлъ поставить передъ судъ брата своего князь Андрея Ноздреватаго и положить выкупную кабалу его.

Тѣмъ временемъ подпищикъ Власка былъ

[149] Слѣдовательно, и тутъ было тяжебное дѣло, къ сожалѣнію, не дошедшее до насъ. Оно, безъ сомнѣнія, открыло бы нѣсколько данныхъ по вопросу о наслѣдственномъ переходѣ владѣній въ родѣ Беззубцовыхъ-Шереметевыхъ. Иванъ Ивановичь Беззубцовъ былъ внукъ Ивана Александровича Беззубцова, старшаго сына Александра Ѳедоровича Беззубца.

пытанъ и съ пытки показалъ: «Язъ, государь, не Власко: зовутъ меня Ваською. А присылалъ по меня князь Юрій Токмаковъ человѣка своего Семенчю, и язъ ко князю Юрью пришелъ на подворье и князь Юрій далъ мнѣ бумагу, а къ бумагѣ руки изприкладены, а велѣлъ писать кабалу, а сказалъ, что у него кабала утерялась, и язъ, государь, ту кабалу писалъ, которую со мною у князя Юрья выняли въ комнатѣ».

Царь приказалъ Токмакову поставить къ указанному сроку и человѣка своего Семенчю.

27 мая, князь Юрій Токмаковъ предъ царемъ сталъ и двоюроднаго брата своего князя Андрея Петровича Ноздреватаго съ человѣкомъ Семенчею поставилъ. Князь Андрей Ноздреватый положилъ выкупную кабалу, а Иванъ Васильевичь Шереметевъ—закладную кабалу и очищальную запись.

Прежде всего царь спросилъ подпищика Ваську: «Знаешь ли ты Семенчю и есть ли онъ передо мною»? Но Васька не позналъ Семенчи и сказалъ, что тотъ Семенча, который приходилъ къ нему, «молодецъ молодъ». Князь Юрій Токмаковъ возразилъ: «У меня, государь, Семенча одинъ, что̀ предъ тобою

стоитъ, а опроче того, иного Семенчи у меня нѣтъ».

За тѣмъ велѣно было прочесть выкупную кабалу, положенную княземъ Ноздреватымъ. Кабала эта оказалась совершенно тождественною съ той, которая уже была читана на судѣ. Шереметевъ, выслушавъ ее, сказалъ: «Та, государь, кабала на меня нарядная, а на послуховъ, которые въ сей кабалѣ писаны и на дьяка, который сю кабалу писалъ, шлюсь въ послушство; а вели, государь, сю кабалу съ тою кабалою спустити (сличить), которую кабалу язъ у князя у Юрья вынялъ съ подпищикомъ въ комнатѣ; та кабала съ тою кабалою слово въ слово».

Дѣйствительно, по сличеніи, обѣ кабалы оказались совершенно сходными. Тогда царь приказалъ прочитать документы, положенные Шереметевымъ.

Вотъ текстъ закладной кабалы, представленной Шереметевымъ:

«Се язъ князь Ондрѣй княжъ Петровъ сынъ Ноздреватого занялъ есми у Ивана Васильева сына Шереметева у Большего полтретьяста рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ отъ Николина дни отъ осенняго до Николина дни

на годъ, а въ тѣхъ есми деньгахъ заложилъ свою отчину у Ивана половину села Граворонова, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ Городецкомъ стану, на рѣкѣ на Коломенкѣ, опричь деревни Бузуковской, а пашни въ ней по 30-ти четьи въ полѣ. И Ивану въ той моей вотчинѣ во всей половинѣ села Граворонова, опричь деревни Бузуковской, за ростъ на 150 рублевъ земля пахати и сѣно косить и лѣсъ сѣчи, всякими угодьи владѣти и люди садить; а на 100 рублевъ мнѣ, князю Андрею, Ивану ростъ давати по розчету, какъ идетъ въ людехъ, на пять шестой, а поляжетъ сребро по сроцѣ, ино Ивану пахати и владѣти и ростъ по томужъ розчету; а на то послуси: Ѳѳонасей Олександровъ сынъ Корачова, да Ондрѣй Ѳедоровъ сынъ Щепотова, да Ондрѣй Дмитрѣевъ сынъ Иванова, да Василей Чюдиновъ сынъ Дмитрѣева, да Петръ Сидоровъ сынъ Яковцова; а кабалу писалъ Василей Васильевъ Рахманинова, лѣта 7052».

Текстъ, очищальной записи, представленной Шереметевымъ-же:

«Се язъ князь Андрей княжъ Петровъ сынъ Ноздреватаго есми заложилъ Ивану Васильеву сыну Шереметеву свою отчину половину

села Граворонова, опричь деревни Бузуковской, въ полутретьестѣ рублехъ и кабалу есми на собя въ тѣхъ деньгахъ далъ и вотчину заложилъ, а та вотчина не продана, ни заложена, ни замѣна (такъ!) ни у кого ни въ чемъ; а явитца на ту отчину мою кабала или иная которая крѣпость ни буди, и мнѣ князю Андрею та вотчина очищати, а Ивана убытка не привесть; а въ моей половинѣ въ селѣ Граворонове дворъ боярской, а на дворѣ изба да клѣть ветчана, да за дворомъ крестьянскихъ избъ шесть ветчаныхъ, а опричь тѣхъ хоромовъ нѣтъ никакихъ, и что Иванъ хоромъ поставитъ и дворовъ крестьянскихъ и людцкихъ поставитъ и учну язъ князь Андрей денги платить Ивану по кабалѣ, и мнѣ за прибыльные хоромы и за дворы Ивану оцѣня деньги платить; а на то послуси: (тѣ-же самые, что и подъ закладною кабалою, представленною Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ, только безъ Яковцова). Запись писалъ Василій Васильевъ сынъ Рахманинова, лѣта 7052».

По выслушаніи этихъ документовъ, царь спросилъ князя Андрея Петровича Ноздреватаго: «У Ивана еси Шереметева деньги по той кабалѣ займовалъ ли и вотчину свою пол-

сельца Граворонова у него въ тѣхъ деньгахъ заложилъ ли и запись такову на полсельца Граворонова Ивану давывалъ ли?»

Князь Андрей Ноздреватый отвѣчалъ: «Ту, государь, кабалу Иванъ положилъ нарядную. По которой есми, государь, кабалѣ у Ивана деньги займывалъ и свою отчину половину сельца Граворонова закладывалъ и язъ по той кабалѣ деньги заплатилъ и кабалу вынялъ, которую язъ передъ тобою положилъ; а запись есми очищальную Ивану на собя давалъ».

— «Сказываешь, кабалу еси у Ивана выкупилъ, а тоѣ еси очищальной записи о чемъ не вынялъ?»

На этотъ вопросъ царя князь Ноздреватый отвѣчалъ: «Коли есми, государь, у Ивана Шереметева кабалу выкупилъ, и Иванъ тогды тое запись потаилъ. А что̀, государь, Иванъ Шереметевъ, живучи въ моей отчинѣ, прибавитъ дворовъ и хоромъ, и мнѣ было Ивану, оцѣнивъ хоромы, деньги платить».

Царь спросилъ: «Которую кабалу Иванъ Шереметевъ предо мною положилъ, а ты ее называешь нарядною, на дьяка и на послухи шлешься ли?»

Князь Ноздреватый отвѣчалъ утверди-

тельно, а Шереметевъ возразилъ: «Называетъ, государь, князь Андрей тое кабалу, которую язъ положилъ предъ тобою, нарядною; а коли, государь, у меня князь Андрей ту отчину свою половину села Граворонова заложилъ и тое кабалу и запись мнѣ на собя далъ, да изъ села не пошелъ вонъ и людей своихъ не вывелъ и хоромы обжигалъ и рощи сѣкъ, и язъ, государь, по той кабалѣ и по записи предъ твоими государевыми бояры на немъ того искалъ, и князь Андрей передъ бояры сказалъ, что ту кабалу и запись на собя мнѣ далъ; а въ селѣ, сказалъ, самъ не живетъ и хоромъ не обжигаетъ и рощь не сѣчетъ и людей своихъ изъ села вывелъ. И язъ билъ челомъ твоимъ государевымъ бояромъ о приставѣ съ записью, выняти было мнѣ въ томъ селѣ княжъ Андреевыхъ людей и рощь своихъ дрова. И бояре мнѣ дали пристава съ записью на поличное Исупа Александрова сына Маслова, да къ тамошнему сыну боярскому грамоту къ Ивану Мишкову сыну Михайлова, а велѣли ему въ томъ селѣ съ Исупомъ досмотрити ѣхавъ: княжъ Андреевы люди въ томъ селѣ живутъ ли и рощи сѣкутъ ли и хоромы обжигаютъ ли и дворовъ хоромы приставливать новыхъ не даютъ ли. И князь

Андрей тогды мнѣ добилъ челомъ, самъ изъ села вышелъ и людей своихъ вывелъ; и язъ, государь, билъ челомъ твоимъ государевымъ бояромъ, чтобъ мнѣ тое кабалу и запись изъ суда велѣли выдать; и бояре кабалу и запись велѣли мнѣ выдать, а съ кабалы и съ записи велѣли списати памяти слово въ слово да вклеити въ дѣло; и язъ, государь, шлюсь на дѣло, а записано то дѣло у твоего государева дьяка у Микиты у Фуникова».

Царь спросилъ князя Ноздреватаго: «Судъ тебѣ по той кабалѣ и по записи, что̀ Иванъ Шереметевъ предо мною положилъ, предъ бояры бывалъ ли, на дѣло шлешься ли»?

Князь Ноздреватой отвѣчалъ: «Судъ мнѣ передъ бояры былъ съ Иваномъ по той кабалѣ, которую передъ тобою язъ положилъ, а не по той кабалѣ, которую предъ тобою Иванъ положилъ и на дѣло шлюсь же. А грамота къ Мишкову и недѣльщикъ по меня съ записью былъ, и язъ съ Иваномъ тогды помирился и людей своихъ изъ села вывелъ».

— «Сказываешь, что ту половину села Граворонъ у Ивана Шереметева выкупилъ; сколь давно ты у него выкупилъ и деньги платилъ»?

«Выкупилъ есмя тое половину села и деньги

платити сеѣ зимы за недѣлю до Стрѣтеньева дни».

— «Сказываешь, ты выкупилъ половину села за недѣлю Стрѣтеньева дни; о чемъ Ивану Шереметеву до сихъ мѣстъ молчалъ»?

«Мнѣ, государь, братья молчали, и язъ Ивану молчалъ».

— «О чемъ ты брату своему князю Андрею молчалъ»? спросилъ царь, обращаясь къ князю Юрью Токмакову. Тотъ отвѣчалъ: «Молчалъ есми, государь, князю Андрею потому, были есмя сеѣ зимы въ Казани, а Иванъ Шереметевъ упросилъ у насъ срокъ до Мироносицъ жити въ томъ селѣ».

Шереметевъ возразилъ: «Сказываютъ, язъ у нихъ упросилъ сроку жити въ томъ селѣ до Мироносицъ, и язъ, государь, шлюсь на весь Коломенской уѣздъ[150], что въ томъ селѣ до Велика дни мои люди и пашню попахали, а живутъ въ томъ селѣ и по се мѣста;

[150] Значитъ, тамъ давно знали Шереметевыхъ. Только истые старожилы могутъ такъ увѣренно ссылаться на весь уѣздъ, который, по замѣчанію Иванчина-Писарева, былъ «полонъ селъ и деревень, принадлежавшихъ роду Шереметевыхъ и составлявшихъ нѣкоторую нить отъ самаго подмосковнаго Кускова до Коломны, разсыпаясь также и по нынѣшнимъ Бронницкому и Серпуховскому уѣздамъ.... Здѣсь ихъ цѣлая круговина, прямое гнѣздо, коего средоточіемъ было село Чиркино» (Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду, стр. 69).

а они мнѣ и по ся мѣста молчали; а нынѣча, государь, какъ язъ у нихъ подпищика и кабалу нарядную вынялъ, и они сказываютъ, ту половину села у меня выкупили. Да сеѣ весны есми, государь, послѣ Мироносицъ посылалъ бити челомъ тебѣ государю царю къ Москвѣ на князя Андрея о приставѣ съ записью человѣка своего Олешу, что онъ у меня въ томъ полуселѣ въ закладномъ лугѣ коситъ и лѣсъ сѣчетъ сильно и человѣка у меня Зачку ограбилъ. И ты царь далъ пристава съ записью Максима Иванова сына Шубина».

Царь спросилъ князя Ноздреватаго: «Приставъ по тебя отъ Ивана Шереметева въ той землѣ бывалъ ли»?

«Приставъ по меня сеѣ весны въ той землѣ отъ Ивана былъ, а меня, государь, въ тѣ поры дома не было».

Послѣ того, опять выступилъ Шереметевъ и объяснилъ: «Сказываютъ, государь, тое мое кабалу нарядную, что̀ язъ предъ тобою положилъ; а коли князь Андрей у меня деньги заимовалъ и ту отчину свою заложилъ, и тогды, государь, мнѣ князь Андрей далъ своихъ съ дѣловыхъ грамотъ отъ стороннихъ земель отводную запись, куды межи отведены». Съ эти-

ми словами Шереметевъ положилъ предъ царя запись о раздѣлѣ села Граворонова между двоюродными братьями князьями Андреемъ Ноздреватымъ и Васильемъ Токмаковымъ, изъ которой, между прочимъ, видно, что тотъ раздѣлъ производилъ городовой прикащикъ Иванъ Васильевичь Кирѣевъ.

Царь, выслушавъ отводную запись, спросилъ князя Ноздреватаго: «Запись еси такову Ивану Шереметеву на себя съ дѣловой своей грамоты далъ ли»?

Тотъ отвѣчалъ: «Записи есми, государь, таковы Ивану съ дѣловыя грамоты не давывалъ; то, господине, на меня запись лживая. А съ братомъ мнѣ своимъ, со княземъ Васильемъ, въ той нашей отчинѣ и дѣлъ[151] не бывалъ и шлюсь на записнаго дьяка и на послуховъ».

На это Шереметевъ сказалъ: «Говоритъ, государь, князь Андрей, что ему съ братомъ его, со княземъ Васильемъ, и дѣлъ не бывалъ, и язъ шлюсь на Кирѣева: тотъ ихъ и дѣлилъ».

— «А язъ, государь, на Кирѣева шлюсь, что онъ насъ не дѣливалъ».

За тѣмъ 18 іюня поставлены были предъ царя дьякъ Петръ Яковцовъ и всѣ тѣ свидѣ-

[151] Т. е. раздѣлъ.

тели (послухи), имена которыхъ подписаны подъ кабальною записью, найденною у подпищика Васьки и подъ выкупною кабалою, представленною княземъ Ноздреватымъ.

Царь приказалъ снова прочесть вслухъ оба эти документа. Послѣ чего спросилъ послуховъ: «Въ тѣ кабалы въ послухи писались ли; а ты, Петръ Яковцовъ, тѣ кабалы обѣ ли писалъ, и смотрите рукъ своихъ, ваши ли руки»?

Послухи, всматриваясь въ подписи, сказали: «Мы, государь, въ тѣ въ обѣ кабалы въ послухи не писывались: тѣ, государь, кабалы нарядныя, руки наши подписаны» (т. е. поддѣлано подъ ихъ руку). Точно также и Петръ Яковцовъ сказалъ: «Язъ, государь, тѣхъ кабалъ не писывалъ, рука моя подписана; а тотъ нынѣче подпищикъ, которой руки наши подписывалъ, сидитъ у недѣльщика у Семена у Праксина. Вели, государь, того подпищика съ нами съ очій на очи поставити; да со княземъ Юрьемъ Токмаковымъ въ томъ прошу поля».

Привели подпищика Ваську на очную ставку съ послухами. Царь обратился къ нему съ словами: «Сказывай, чтó еси говорилъ на пыткѣ и послѣ пытки передо мною».

И Васька показалъ: «Далъ, государь, мнѣ князь Юрій Токмаковъ бумагу, а у неѣ послуховы руки; а сказалъ, что у него кабала утерялась, и язъ, государь, ту кабалу писалъ».

Одинъ изъ послуховъ, Григорій Злобинъ сынъ Петровъ заявилъ царю слѣдующее: «Язъ, государь, въ послухи ни въ какову кабалу не писывался, а писался есми въ послухи въ купчую у князя Юрья да у князя Василья Токмаковыхъ, и они, государь, съ тое съ моей руки руку мою подписали. А язъ, государь, той вотчинѣ вотчичь: за мною, государь, князю Ондрѣю родная сестра княжъ Петрова дочь Ноздреватаго».

Царь спросилъ Злобина: «Сказываешь, писался еси въ купчую въ послухи, а Шереметевъ живетъ и нынѣча въ той отчинѣ; почему ты въ купчую писался въ послухи»?

Злобинъ отвѣчалъ: «Того, государь, язъ не вѣдалъ, выкупилъ ли тое отчину князь Ондрѣй у Ивана Шереметева или не выкупилъ; а въ послухи есми писался по княжъ Юрьеву да по княжъ Васильеву (Токмаковыхъ) челобитью».

Послѣ того поставили предъ царя дьяка Василія Рахманинова и всѣхъ тѣхъ послу-

ховъ, имена которыхъ подписаны подъ закладною кабалою и очищальною записью, представленными Шереметевымъ.

И эти документы были снова прочитаны вслухъ. Всѣ послухи единогласно сказали: «Мы, государь, въ тое кабалу и запись въ послухи писались, руки у тоѣ кабалы и записи наши, и деньги князь Андрей Ноздреватой у Ивана Шереметева займывалъ и вотчину свою половина сельца Граворонъ заложилъ».

А Иванъ Кирѣевъ, на котораго сослались и князь Ноздреватый и Шереметевъ, заявилъ: «Сказываетъ князь Андрей Ноздреватой, что ему съ братомъ со княземъ Васильемъ Токмаковымъ и дѣлъ не бывалъ; и язъ шлюсь около того села Гравороновa версты по двѣ и по три и больши на всѣ стороны на дѣти боярскіе, и на игумены, и на попы, и на діаконы, и на сотцкіе, и на десятцкіе въ слухъ и въ обыскъ, что язъ ихъ дѣлилъ».

Тогда царь спросилъ князя Ноздреватаго: «Сказываешь, съ братомъ своимъ, со княземъ Васильемъ, вотчины своей не дѣливалъ; почемужъ ты Ивану Шереметеву ее заложилъ, съ братомъ своимъ не дѣливъ»?

На это князь Ноздреватой отвѣчалъ:

«Былъ, государь, у насъ въ той отчинѣ съ братомъ моимъ, съ княземъ Васильемъ, межъ себя дѣлъ полюбовной».

Въ заключеніе всего дьякъ Никита Фуниковъ принесъ дѣло Ивана Шереметева съ княземъ Андреемъ Ноздреватымъ, на которое оба они ссылались на судѣ. Царь велѣлъ прочесть предъ собою все дѣло, причемъ оказалось, что закладная кабала и очищальная запись, представленныя Шереметевымъ, записаны тамъ слово въ слово; выкупной же кабалы князя Ноздреватаго въ дѣлѣ не объявилось.

«И царь ищею Ивана Васильевича Шереметева оправилъ, а отвѣтчиковъ князя Юрья да князя Василья Токмаковыхъ да князя Андрея Петрова сына Ноздреватаго обвинилъ».

Всѣ пошлины и убытки, а также «проѣсть» Шереметевскаго человѣка Алешки, по деньгѣ въ день (съ 18 мая по 13 августа), опредѣлено взыскать съ обвиненныхъ отвѣтчиковъ. Въ случаѣ, если князья Токмаковы и Ноздреватой будутъ искать своей вотчины полсела Граворонова, то имъ «дати Ивану Шереметеву за ту вотчину 150 рублевъ безъ росту да 100

рублевъ съ росты отъ лѣта 7050 втораго (1543) отъ Николина дни осеннего, а за прибыльные дворы и хоромы, что́ въ томъ селѣ Иванъ Шереметевъ прибавитъ, оцѣня имъ деньги платить».

ГЛАВА IX.

Въ актахъ 1547 года въ первый разъ встрѣчается имя втораго сына инока Вассіана, дворянина Григорія Васильевича Шереметева. Въ числѣ другихъ 33 дворянъ и бояръ, онъ поручился предъ царемъ за князя Ивана Ивановича Пронскаго въ томъ, что онъ никогда не выѣдетъ изъ Россіи и будетъ продолжать службу царю и его дѣтямъ вѣрно и безпорочно. Въ случаѣ же побѣга князя Пронскаго, поручители (или по старому, поручники) обязывались заплатить въ казну десять тысячъ рублей[152]. Поручная запись подписана Григорьемъ Васильевичемъ Шереметевымъ 9 декабря 1547 года, а въ началѣ слѣдующаго года, онъ вмѣстѣ съ среднимъ своимъ братомъ Никитой Васильевичемъ отправился въ Казанскій походъ.

[152] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. стр. 458.

Въ Казани, послѣ того какъ Московскіе воеводы (въ томъ числѣ и Иванъ Васильевичь Шереметевъ) внезапно явились подъ стѣнами города и выжгли его окрестности, начались кровавыя междоусобія. Царь Сафа-Гирей, подозрѣвая своихъ князей и мурзъ въ измѣнѣ, принялся казнить ихъ и въ такой степени раздражилъ всѣхъ, что наконецъ былъ выгнанъ изъ Казани. Это случилось въ январѣ 1546 года. По просьбѣ Казанцевъ, Московскій воевода князь Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльскій посадилъ на ханскій престолъ извѣстнаго уже намъ Шигъ-Алея. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе на престолъ Шигъ-Алея оказалось дѣломъ только одной партіи, сочувственной Россіи. По удаленіи князя Бѣльскаго, противная Русской, Крымская партія взяла верхъ и Сафа-Гирей снова явился въ Казани, а Шигъ-Алей убѣжалъ оттуда. Началась обычная въ такихъ случаяхъ рѣзня и опустошеніе нашихъ пограничныхъ областей. Надлежало унять варваровъ. И вотъ, въ декабрѣ 1547 года, царь Иванъ Васильевичь рѣшился самъ вести войско къ Казани.

11 декабря, царь выступилъ изъ Москвы во Владиміръ, съ тѣмъ, чтобы оттуда «идти на

свое государево дѣло къ Казани». Но безпутица остановила царя верстахъ въ 30-ти отъ Нижняго, на островѣ Роботкѣ. По случаю сильной оттепели и безпрерывныхъ дождей, Волга покрылась водою, и дальнѣйшее движеніе по рыхлому льду становилось опаснымъ. Въ началѣ февраля 1548 года, царь вернулся назадъ, и при этомъ обратномъ слѣдованіи Иванъ Васильевичь Шереметевъ до самой Москвы ѣхалъ за окольничаго («въ окольничаго мѣсто») впереди государя[153] и, вмѣстѣ съ окольничимъ Григоріемъ Васильевичемъ Морозовымъ, наблюдалъ, чтобы вездѣ по дорогѣ было чисто и безопасно, занималъ дворы, заготовлялъ подводы и на станахъ держалъ все въ готовности. Служба эта исполнена была хорошо, что̀ можно заключить изъ того, что по возвращеніи въ Москву царь пожаловалъ Шереметева въ окольничіе, а Морозова—въ бояре[154].

Между тѣмъ къ Казани все-таки отправлено было многочисленное войско, подъ начальствомъ князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго, при которомъ состояли и два брата

[153] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 119.

[154] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. стр. 35 и 36.

И присла́ша ѿ себѧ ко црю, и великомꙋ
кнѧзю. стою ѿ вѣстїю. и ва́на михаи
ло васна юрьева. да микитоу шереме
тева. марта, аі. ѿ показа́нїю ѿ
дворѧнь црѧ и великого кнѧзѧ оубиша
григорїѧ василіева
сна шереме
те
ва
:

Фотолитографія М. М. Панова Петровка д. Кредит. Общества.

Шереметевы, Григорій Васильевичъ и Никита Васильевичъ. 18-го февраля, въ Цивильскомъ устьѣ, съ княземъ Бѣльскимъ соединилась другая Московская рать, двинутая изъ Мещеры, подъ начальствомъ бывшаго царя Казанскаго Шигъ-Алея и князя Владиміра Воротынскаго. Сафа-Гирей ожидалъ нашихъ воеводъ на Арскомъ полѣ. Князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій съ однимъ передовымъ полкомъ выступилъ противъ Казанскаго царя, разбилъ его на-голову и «втопталъ» въ городъ. 11-го марта, князь Бѣльскій послалъ въ Москву съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ двухъ свойственниковъ государя: Ивана Михайловича Юрьева (двоюроднаго брата царицы Анастасіи Романовны) и Никиту Васильевича Шереметева[155].

Послѣ Арской побѣды, соединенныя Московскія рати подошли къ Казани и раскинули станъ подъ самымъ городомъ.

Только семь дней простояли наши войска въ виду ханской столицы, опустошая ея окрестности и безпрестанно воюя съ Татарскими полчищами. Въ одинъ изъ этихъ семи дней былъ убитъ боярскій сынъ Григорій Василье-

[155] Царственная книга. Стр. 148.

вичь Шереметевъ. Имя его внесено въ синодикъ Московскаго Успенскаго собора, и ежегодно въ недѣлю Православія соборный протодіаконъ возглашалъ: «Лѣта 7056 (1548) посылалъ православный царь князь великій Иванъ Васильевичь всея Русіи къ Казани царя своего Шегалея и боярина своего и воеводу князя Димитрія Ѳеодоровича Бѣльскаго, и свое христолюбивое воинство; и бишася съ людьми Казанскими; и на той брани убіеннымъ: Григорію Васильевичу Шереметеву, Алексѣю Ѳеодорову сыну и Ивану Васильеву сыну Плещеевымъ — вѣчная память»[156].

Тѣло убіеннаго Григорія Васильевича Шереметева, пережившаго своего отца, инока Вассіана, только нѣсколькими недѣлями, было своевременно убрано съ поля сраженія и перевезено въ отечество. Онъ погребенъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, «у большой церкви, въ паперти на лѣвой сторонѣ», какъ сказано въ монастырской кормовой книгѣ[157]. Тамъ-же, подъ 14 числомъ февраля, записано:

[156] Чинопослѣдованіе въ недѣлю православія. Старинная пергаминная рукопись, хранящаяся въ Московской патріаршей (нынѣ сvнодальной) библіотекѣ.

[157] Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Т. I. Спб. 1851 (Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. стр. 70).

«По Өедорѣ Адашевѣ, во иноцѣхъ Арсеніѣ, дачи при игуменѣ Матөіѣ, денегъ 200 рублевъ.—Да по Григоріѣ Васильевичѣ Шереметевѣ дачи при игуменѣ Аөанасіѣ, денегъ 150 рублевъ. Кормъ по нихъ съ поставца и въ синодики написаны. На могилу соборомъ ходятъ».

Иванъ Васильевичь Шереметевъ, вскорѣ послѣ кончины брата Григорія, именно 1 мая 1548 года, далъ по немъ вкладу въ Троице-Сергіевъ монастырь 50 рублевъ[158].

Должно полагать, что Шереметевы, въ началѣ того-же 1548 года, лишились также своей матери инокини Евпраксіи, потому что 9-го апрѣля этого года Иванъ Васильевичь далъ и по ней вкладу 50 рублей[159].

Въ мартѣ 1549 года, въ Москвѣ узнали о скоропостижной смерти Казанскаго царя Сафа-Гирея. Онъ «убился въ своихъ хоромѣхъ». Казанцы посадили на престолъ двухлѣтняго сына его отъ Сумбеки, Утемишъ-Гирея, а въ іюлѣ отправили къ Московскому двору, отъ имени младенца-царя, грамоту съ мирными предложеніями. Царь Иванъ Васильевичь при-

[158] Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря, переписанная въ 1673 году. л. 120.

[159] Тамъ-же.

казалъ сказать, чтобы для переговоровъ о мирѣ присланы были «добрые люди», но ихъ почему-то не присылали, и государь опять рѣшился самъ вести войска въ Казанское царство, чтобы воспользоваться тамошними волненіями по случаю кончины Сафа-Гирея. 14 февраля 1550 года, Казань впервые увидѣла предъ своими деревянными стѣнами Московскаго царя, подступившаго къ городу съ 60.000-мъ войскомъ. Самъ царь съ дворомъ своимъ сталъ у озера Кабана, Шигъ-Алей съ княземъ Дмитріемъ Өедоровичемъ Бѣльскимъ на Арскомъ полѣ; остальное войско расположилось за рѣкою Казанкою. Одна часть огнестрѣльныхъ и стѣнобитныхъ орудій поставлена была при устьѣ Булака, а другая—у Поганаго озера. Около этого озера, за турами, стоялъ окольничій Иванъ Васильевичь Шереметевъ. Въ самый разгаръ приступа Шереметевъ былъ раненъ[160] и на его мѣсто поставили казначея Ивана Петровича Головина-Өому, незадолго предъ тѣмъ возвращеннаго изъ ссылки за приверженность къ Шуйскимъ. Наши би-

[160] О службахъ и походахъ боярскихъ съ 1361 по 1692 г. («Отечественныя Записки» 1830 г. Ч. 44. стр. 81).—Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 119.

лись цѣлый день, но крѣпости не взяли. Еще не насталъ послѣдній часъ Казани. Простоявъ подъ городомъ 11 дней, царь Иванъ Васильевичь, 25 февраля, поднялъ свой станъ и возвратился назадъ, такъ какъ, по сказанію лѣтописца, «пришло въ то время аерное нестроеніе, вѣтры сильные, и дожди великіе, и мокрота немѣрная; и впередъ ко граду приступати было невозможно, и изъ пушекъ и изъ пищалей стрѣляти было немочно»[161].

Раненый Шереметевъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ царемъ, который пожаловалъ его за послѣдній походъ въ бояре[162].

Дворъ возвратился въ Москву на пятой недѣлѣ поста, за два дня до Благовѣщенія; а въ 6-ю недѣлю по Пасхѣ, 24 мая 1550 года, отпразднована была свадьба двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича, съ дѣвицею Евдокіею Александровною изъ рода Нагихъ. На свадебномъ обѣдѣ въ большой палатѣ (впослѣдствіи грановитая) вновь пожалованный бояринъ Шереметевъ, уже оправившійся отъ раны, сидѣлъ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ Ростовскимъ, кня-

161 Царственная книга. стр. 158.

162 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 37.

земъ Васильемъ Семеновичемъ Серебренымъ и Долматъ Өедоровичемъ Карповымъ, въ кривомъ столѣ[163].

Старшій Шереметевъ все болѣе и болѣе приближался ко двору, и это нельзя объяснять однимъ только свойствомъ его съ царицей Анастасіей Романовною[164]. Безъ сомнѣнія, онъ выдѣлялся своими личными качествами. Современный писатель называетъ Шереметева «мужемъ зѣло мудрымъ и острозрительнымъ и со младости своея въ богатырскихъ вещахъ искуснымъ»[165].

Реформы, обѣщанныя царемъ на первомъ земскомъ соборѣ 1548 года, отчасти приведены были въ исполненіе въ 1550 году, когда издано было собраніе гражданскихъ законовъ,

163 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 57.—Какъ извѣстно, въ старину, на придворныхъ обѣдахъ, первый столъ, за которымъ сидѣлъ самъ государь, назывался большимъ; другой же столъ назывался кривымъ, потому что полумѣсяцемъ окружалъ первый и приборы были накрываемы только по наружной сторонѣ дуги, такъ что всѣ сидѣвшіе за этимъ столомъ видѣли лицо царя.

164 Здѣсь кстати указать на замѣчаніе Николая Ивановича Костомарова, что, будто бы, Грозный впослѣдствіи, со времени опалы Сильвестра, не могъ забыть въ Шереметевѣ прежняго друга Сильвестрова (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Спб. 1873. стр. 461). На чемъ основано это любопытное показаніе о дружбѣ Шереметева съ Сильвестромъ, неизвѣстно. Напротивъ того, изъ послѣдующаго разсказа читатель самъ увидитъ, что у нихъ должны были быть скорѣе враждебныя отношенія, чѣмъ дружескія.

165 Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2. стр. 42.

извѣстное подъ именемъ Судебника. 2-го октября того-же года, состоялся, между прочимъ, и указъ о раздачѣ подъ Москвою, верстъ на 60—70 въ окружности, помѣстій и вотчинъ избранной тысячѣ «дѣтей боярскихъ—лучшихъ слугъ», а также боярамъ и окольничимъ, «обязаннымъ быть готовыми къ посылкамъ», но не имѣющихъ жалованныхъ помѣстій и вотчинъ ближе 50 или 60 верстъ отъ Москвы. Избранная тысяча «боярскихъ дѣтей—лучшихъ слугъ» разбита была на три статьи: назначеннымъ въ первую статью, опредѣлено дать въ Московскомъ уѣздѣ помѣстье, каждому въ 200 четвертей земли; назначеннымъ во вторую статью—150 четвертей и въ третью —100 четвертей. Всѣ четыре брата Ивана Васильевича Шереметева, Коломенскіе помѣщики—Семенъ, Никита, Иванъ Меньшой и Ѳедоръ Васильевичи Шереметевы, зачислены въ избранную тысячу и записаны первые двое въ 1-ю статью, а послѣдніе—во 2-ю. Въ спискѣ Коломенскихъ помѣщиковъ, вмѣстѣ съ Шереметевыми записанныхъ въ избранную сотню, читаемъ имена и ихъ родственниковъ, праправнуковъ Ивана Ѳедоровича Кошкина, Ивана Михайловича Юрьева, записаннаго во вторую

статью и Никиту Романовича Юрьева (роднаго дѣда царя Михаила Ѳедоровича), записаннаго въ первую статью[166]. Каждый изъ этихъ владѣльцевъ обязанъ былъ по первому требованію являться на службу и приводить съ собою нѣсколько ратниковъ, исправно вооруженныхъ. По тому же указу получилъ помѣстье въ 200 четвертей земли и Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, записанный въ числѣ другихъ 28 бояръ и окольничихъ, не имѣвшихъ жалованныхъ помѣстій и вотчинъ ближе 50 или 60 верстъ отъ Москвы.

1550-й годъ завершился нападеніемъ на Мещерскія мѣста и на старую Рязань Ногайскихъ мурзъ «со многими людьми». Наши воеводы, князь Петръ Михайловичь Щенятевъ изъ Рязани, князь Дмитрій Ивановичь Микулинскій отъ Николы Зарайскаго и князь Константинъ Ивановичь Курлетевъ съ Семеномъ Васильевичемъ Шереметевымъ изъ Елатьмы, соединившись вмѣстѣ, всюду разбивали Ногайцевъ и гнали ихъ до Шацкихъ воротъ. По

[166] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. VIII. стр. 4 и 6. Избранная тысяча дѣтей боярскихъ записана была въ особую книгу, называвшуюся Тысячникомъ. Она хранится доселѣ въ Александровскомъ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ городѣ Александровѣ, Владимірской губерніи.

сказанію лѣтописца, спаслось всего съ 50 Ногайцевъ; остальные были или перебиты, или погибли отъ жестокой стужи[167]. По окончаніи похода, воеводы пріѣхали въ Москву, «и государь Богу веліе благодареніе воздаваше, воеводъ жаловалъ великимъ жалованіемъ, а столъ у государя былъ въ Набережной палатѣ, и пировалъ и жаловалъ государь дѣтей боярскихъ великимъ жалованьемъ»[168].

Набѣгъ Ногайцевъ имѣлъ тѣсную связь съ Казанскими событіями. Повелитель Ногайской орды князь Юсуфъ[169], отецъ Казанской царицы вдовы Сумбеки, испытавъ неудачу вооруженнаго вмѣшательства въ нашъ споръ съ Казанцами, задумалъ другимъ, болѣе мирнымъ способомъ укрѣпить въ Казани положеніе своей дочери, а слѣдовательно и свое собственное вліяніе на тамошнія дѣла. Онъ хотѣлъ выдать Сумбеку за Московскаго подручника Шигъ-Алея. Лѣтомъ 1551 года, князь Юсуфъ, не стѣсняясь тѣмъ, что незадолго передъ симъ, по его приказанію былъ ограбленъ и обезчещенъ нашъ посолъ Петръ Тургеневъ,

167 Царственная книга. стр. 106.

168 Татищевъ. Исторія Россійская. Кн. 5. М. 1848 стр. 278.

169 Родоначальникъ князей Юсуповыхъ.

отправилъ въ Москву своихъ пословъ съ разными ходатайствами по дѣламъ Казани. Царь не принялъ Юсуфовыхъ пословъ, «не велѣлъ имъ и корму давать». Вмѣсто того государь послалъ къ княжему послу Уразбахтыю боярина Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ дьякомъ Иваномъ Михайловичемъ Висковатымъ и приказалъ имъ говорить послу «о безчестіи и грабежѣ Петру Тургеневу учиненныхъ». Уразбахтый объяснилъ Шереметеву, что «Юсуфъ князь велѣлъ Петра прибить за то, что ему, его князьямъ и приказнымъ людямъ пошлины не далъ»[170].

Послѣ переговоровъ съ Ногайцами Шереметевъ отправленъ былъ къ войску, посланному еще весною съ Шигъ-Алеемъ для устройства крѣпости на рѣкѣ Свіягѣ. Къ ужасу Казанцевъ, крѣпость была готова въ четыре недѣли. При видѣ этой «грозной твердыни надъ главою ветхаго Казанскаго царства», жители всей нагорной стороны Волги, Чуваша, Мордва и Черемиса присягнули Россіи и присоединились къ нашему и безъ того многочисленному войску. Въ самой Казани усилилось

[170] Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики. Ч. IX. Спб. 1793. стр. 279.

смятеніе. Много мурзъ и князей перебѣжало къ Шигъ-Алею. Воинство Русское, «твердооружное и все златомъ испещренное»[171], надвигалось на Казань. Сумбека приказала укрѣплять городъ, собирать войска по всѣмъ улусамъ, но ее не слушались; любовникъ Сумбекинъ, Крымскій царевичь Уланъ-Кощакъ, смущенный общимъ нестроеніемъ, забравъ много имущества и своего и чужаго, выбѣжалъ съ Крымцами изъ города, въ надеждѣ пробраться въ Крымъ. Шигъ-Алей, предупрежденный о бѣгствѣ царевича самими-же Казанцами, послалъ въ погоню за нимъ Ивана Васильевича Шереметева съ коннымъ отрядомъ въ 10.000 человѣкъ. Шереметевъ догналъ Уланъ-Кощака «на переволокѣ межъ двою великихъ рѣкъ Дономъ и Волгою», перебилъ до пяти тысячъ сопровождавшихъ его Крымцевъ, отбилъ все увезенное ими изъ Казани имущество и полонилъ самого царевича съ братомъ, женою, двумя дѣтьми и тремя стами мурзъ и князей. «И послаша оттуда къ Москвѣ къ самодержцу Улана-Кощака, аки лютаго звѣ-

[171] Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка. Спб. 1791. стр. 119.

ря всего желѣзными чепми окована, не хотѣвшаго добромъ смиритися»[172].

За удаленіемъ Уланъ-Кощака съ Крымцами, сочувственная намъ партія въ Казани окончательно восторжествовала и тотчасъ-же былъ заключенъ миръ съ нашими воеводами. Въ августѣ 1551 года, Московскій присяжникъ Шигъ-Алей опять сѣлъ на ханскій престолъ; при немъ остался бояринъ Иванъ Ивановичь Хабаровъ съ 500-ми Московскихъ стрѣльцовъ; наши плѣнные, которыхъ набралось въ Казани за разное время до 60.000 человѣкъ, были освобождены, а Сумбека съ малолѣтнимъ сыномъ Утемишъ-Гиреемъ отправлена въ Москву.

Шигъ-Алей не умѣлъ однако удержаться на престолѣ. Онъ колебался между двумя партіями, Московскою и Крымскою, не имѣя мужества рѣшительно примкнуть къ той или другой. Казанцы возненавидѣли Алея, а онъ сталъ мстить имъ жестокимъ правленіемъ и довелъ до того, что они предложили Московскому царю полное подданство, лишь бы только онъ взялъ отъ нихъ своего присяжника.

[172] Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка. Спб. 1791. стр. 134.

Да велѣлъ есми боꙗромъ поговорити Ивану
Васильевичю Шереметеву. да дьꙗку
Ивану Михаилову. про что царь нелюбка
касѣ г(с)д(а)рю ц(а)рю свести. и намѣстнику
у нихъ великои обычае быти и чему у тово вѣ
рити. и они боꙗромъ про ц(а)рꙗ говорили.
что ихъ убиваетъ и грабитъ.

Фотолитографія М. М. Панова Петровка д. Кредит: Общества.

Въ январѣ 1552 года, въ Москву явились послы «отъ Казанской земли» съ жалобами на Шигъ-Алея и съ просьбою дать вмѣсто него Московскаго боярина въ намѣстники. Государь поручилъ Ивану Васильевичу Большому Шереметеву, остававшемуся въ Москвѣ со времени доставленія туда Уланъ-Кощака, и своему любимцу Алексѣю Ѳедоровичу Адашеву, переговорить съ послами: «про чтò царя (Алея) не любятъ въ Казани, кáкъ его свести и намѣстнику у нихъ коимъ обычаемъ быти и чему въ томъ вѣрить»? Послы разсказали Шереметеву о жестокости Шигъ-Алея и о ненависти къ нему всѣхъ Казанцевъ; объяснили, что если Алей добровольно не выѣдетъ изъ Казани, то стóитъ взять у него Московскихъ стрѣльцовъ и онъ самъ убѣжитъ оттуда, и что наконецъ они своими головами ручаются, что Казанцы будутъ вѣрны государю и примутъ его намѣстника, которому быть на тѣхъ-же основаніяхъ, что и въ Свіяжскѣ[173].

Царь Иванъ Васильевичь, не теряя времени, въ февралѣ мѣсяцѣ, отправилъ въ Казань Адашева, чтобы свести съ престола

[173] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 95 и 96. Свіяжскъ — только что построенная, при участіи Шереметева, крѣпость при впаденіи рѣки Свіяги въ Волгу.

Шигъ-Алея и посадить тамъ намѣстникомъ князя Семена Ивановича Микулинскаго. Вмѣстѣ съ Адашевымъ выѣхалъ и Шереметевъ къ войску, расположенному въ Свіяжскѣ.

6-го марта Шигъ-Алей оставилъ Казань и въ тотъ-же день князь Микулинскій послалъ сказать Казанцамъ, что онъ назначенъ намѣстникомъ Казани, но пріѣдетъ къ нимъ только тогда, когда они принесутъ присягу Московскому царю. Изъ Казани голова стрѣлецкій Иванъ Черемисиновъ увѣдомилъ, что всѣ люди «къ правдѣ приведены и нѣтъ никакого лиха». Тогда князь Микулинскій, отпустивъ изъ Свіяжска Казанскихъ князей, прибывшихъ для переговоровъ, повелъ полки для торжественнаго вступленія въ Казань. Впереди ѣхали Иванъ Васильевичъ Шереметевъ съ Адашевымъ. По пути множество Казанцевъ съ князьями встрѣчали войска съ любовью и били челѳмъ боярамъ, чтобы ѣхали въ городъ[174]. Каково же было удивленіе воеводъ, когда на Булакѣ встрѣтилъ ихъ Черемисиновъ и объявилъ: «Лиха де есмя по сесь часъ не видали, а теперево, какъ прибѣжали отъ васъ князи, такъ лихіе слова почали го-

[174] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 99.

къ стр. 145.

И приехалъ ко гдрю. и на печерїе блго
вѣщенїя прчтыя. и сказали гдрю
казаньскоую измѣноу.
гдрь же ѡ семъ не
оусомнѣ
пе
ни
ма
ло
.

Фотолитографія М. М. Панова Петровка д. Кредит: Общества.

ворить и люди замѣшались»[175]. Оказывается, что Татарскіе князья, отпущенные княземъ Микулинскимъ изъ Свіяжска, увѣрили Казанцевъ, что Русскіе непремѣнно истребятъ ихъ всѣхъ. Въ городѣ распространился ужасъ. Жители затворили крѣпость и начали вооружаться. Наши воеводы, оставивъ войска на Булакѣ, подъѣхали къ царевымъ воротамъ, но они были заперты. Выѣхавшіе къ воеводамъ князья Татарскіе «почали бити челомъ, чтобы ся не кручинили; возмутили-де ихъ землю лихіе люди; подождите-де доколѣ ся уговорятъ». Воеводы, напрасно простоявъ у воротъ Казани цѣлый день, 12 марта пошли назадъ къ Свіяжску. Они не велѣли трогать посада Казанскаго, чтобы съ своей стороны ни въ чемъ не нарушить крестнаго цѣлованія.

Съ извѣстіемъ объ этой новой измѣнѣ Казанцевъ немедленно былъ посланъ въ Москву Иванъ Васильевичь Шереметевъ, который пріѣхалъ туда въ навечеріе Благовѣщеньева дня.

175 Царственная книга. стр. 200.

ГЛАВА X.

Привезенное Шереметевымъ извѣстіе рѣшило судьбу Казанскаго царства.

«Помысли царь государь князь великій съ своею братьею со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ и со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со отцемъ своимъ преосвященнымъ митрополитомъ Макаріемъ всеа Русіи, и со всѣми бояры своими, поити въ свою отчину въ Новгородъ Свіяжскій: Божіею милостію тамо нѣчто мало поискати прародителей своихъ отчины»[176].

Въ маѣ 1552 года, по линіи отъ Коширы, черезъ Коломну, до Мурома, уже собралось полуторастотысячное войско Грознаго, готовое къ Казанскому походу. Большой полкъ порученъ былъ князю Ивану Ѳедоровичу Мсти-

[176] Софійскій Временникъ, изданный П. М. Строевымъ. Ч. 2. М. 1821. стр. 405.

Да сторожевомъ полку бояринъ и воевода
и князь Василеи Семеновичь Серебреной.
Да Семенъ Васильевичь Шереметевъ. А по
велѣлъ гдрь имъ в Муромѣ собиратися с люд
ми семо ко всими городы :·

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

славскому и князю Михаилу Ивановичу Воротынскому; передовой полкъ—князю Ивану Ивановичу Пронскому-Турунтаю и князю Дмитрію Ивановичу Хилкову; правая рука—князю Петру Михайловичу Щенятеву и князю Андрею Михайловичу Курбскому (автору извѣстнаго «Сказанія»); лѣвая рука—князю Дмитрію Ивановичу Микулинскому и Дмитрію Михайловичу Плещееву; сторожевой полкъ, собравшійся въ Муромѣ,—князю Василію Семеновичу Оболенскому-Серебряному и Семену Васильевичу Шереметеву; ертоульный полкъ (легко-конный отрядъ для разъѣздовъ)—князю Юрью Ивановичу Шемякину-Пронскому и князю Ѳедору Ивановичу Троекурову[177].

Такъ какъ самъ царь Иванъ Васильевичь лично отправлялся въ этотъ знаменитый походъ, то при его особѣ сформированъ былъ изъ отборныхъ войскъ отдѣльный полкъ, въ 10.000 человѣкъ, начальниками котораго («дворовыми воеводами») царь назначилъ князя Владиміра Ивановича Воротынскаго и Ивана Васильевича Большаго Шереметева. Въ

[177] Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 17. стр. 17.

государевомъ же полку, въ качествѣ выборныхъ головъ, были и два младшіе брата Ивана Васильевича, Никита и Иванъ Меньшой Шереметевъ. Лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ намъ, что̀ такое были выборные головы въ собственномъ государевомъ полку и кто назначался на эти должности: «И приказываетъ государь, да урядятъ въ полку въ его царскомъ коемуждо сту бранымъ дѣтемъ боярскимъ голову, изъ великихъ отцовъ дѣтей, изячныхъ молодцовъ и искусныхъ ратному дѣлу, для большаго дѣла супротивнаго и для розныхъ посылокъ; да коежды сынъ боярскій своего голову знаютъ и приближатся къ дѣлу»[178]. Кромѣ Шереметевыхъ, въ головы выбраны были: князь Иванъ Ивановичь Кашинъ-Сухой-Оболенскій, Василій да Петръ Петровичи Головины и Михаилъ Ивановичь Вороновъ[179].

Царь выѣхалъ съ своимъ полкомъ изъ Москвы 16-го іюня. На пути получено было извѣстіе, что Крымцы, подъ предводительствомъ новаго хана Девлетъ-Гирея, племянника свергнутаго съ престола Саипъ-Гирея, ворвались

[178] Царственная книга. Спб. 1769. стр. 251.
[179] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 305.

въ Россію. По пріѣздѣ въ Коломну, узнали, что ханъ уже осадилъ Тулу. Набѣгъ Крымцевъ нѣсколько замедлилъ Казанскій походъ. Царь отправилъ противъ хана большой полкъ съ княземъ Мстиславскимъ и правую руку съ княземъ Щенятевымъ и Курбскимъ. А дворовымъ воеводамъ князю Владиміру Воротынскому и Шереметеву поручено было осмотрѣть мѣста по Окѣ и расположить полки для встрѣчи непріятеля[180]. Девлетъ-Гирей, испуганный неожиданнымъ появленіемъ царскаго войска, бѣжалъ въ степи, «земли Рустѣй не доспѣ никотораго зла».

3 іюля Московское войско съ царемъ своимъ поднялось съ луговъ Коломенскихъ и тронулось въ дальнѣйшій походъ полемъ, черезъ Муромъ, на Свіяжскъ. Полки князя Мстиславскаго и князя Щенятева, по разбитіи Крымскаго хана на рѣкѣ Шиворони, двинулись туда-же черезъ земли Рязанскую и Мещерскую, заслоняя царя отъ заволжскихъ Татаръ. Огнестрѣльный снарядъ и съѣстные припасы отправлены Волгой, при особомъ отрядѣ, которымъ начальствовали Шигъ-Алей и князь Петръ Андреевичь Булгаковъ-Куракинъ. Въ

[180] Князь Щербатовъ. Исторія Россійская. Т. V. ч. 1. стр. 327.

Ильинъ день царское войско выступило изъ Мурома. По свидѣтельству лѣтописцевъ, мѣста, по которымъ слѣдовали наши войска, были щедро надѣлены дарами природы: «Таковое многое воинство всюду яко Богомъ уготованну пищу обрѣтаху: на поли убо всякимъ благовоннымъ овощіемъ ловляхуся; отъ животныхъ же лоси, яко самозванни на заколеніе прихождаху; въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху; отъ воздуха же множество безчисленное птицъ прилетаху, яко сами дающеся въ руцѣ человѣкомъ на пищу, имижъ все безчисленно воинство нетрудно доволяшеся.... Живущіи же въ тамошнихъ странахъ Черемиса и Мордва и прочіи.... вся потребная приношаху: хлѣбъ и медъ и говяды, ова дарованіемъ, иная же продаваху»[181].

13 августа, царь пришелъ въ Свіяжскъ и тамъ рѣшено было, не мѣшкая, идти къ Казани. Новому хану Казанскому Едигеру послана грамота, съ предложеніемъ добровольно выѣхать изъ города, во избѣжаніе кровопролитія. На это предложеніе ханъ отвѣтилъ «гордыми и скверными словами»[182].

[181] Царственная книга. стр. 254. — Исторія о Казанскомъ царствѣ. Спб. 1791. стр. 196.

[182] Царственная книга. стр. 261.

18-го числа, всѣ наши войска были уже за Волгой, на луговой Казанской сторонѣ, а 23-го обложили Казань со всѣхъ сторонъ. Царь съ своимъ полкомъ, въ которомъ находились, какъ сказано выше, три брата Шереметевы, сталъ лагеремъ между Волгою и Булакомъ[183], около мѣстности называемой Кураишевымъ, а нѣсколько выше, на самомъ устьѣ Булака, т. е. въ переднемъ углу треугольника, образуемаго Волгою и рѣкою Казанкою, расположился сторожевой полкъ съ княземъ Василіемъ Семеновичемъ Оболенскимъ-Серебрянымъ и Семеномъ Васильевичемъ Шереметевымъ. На другой день, 24 августа, царь приказалъ воеводамъ сторожеваго полка, князю Оболенскому и Семену Васильевичу Шереметеву ставить туры[184] по рѣчкѣ Булаку отъ самой Казанки. «И пришли воеводы противъ пятницы въ ночи, и туры поставили далъ Богъ безъ бою здорово»[185]. На слѣдующій, день по распоряженію тѣхъ-же воеводъ, выкопаны были по берегу Булака рвы и валы и разставлены въ назначенныхъ мѣстахъ пушки. Такимъ образомъ

[183] Рѣчка Булакъ (нынѣ грязный протокъ) вытекаетъ изъ озера Кабана и впадаетъ въ рѣку Казанку.

[184] Плетеныя корзинки, набивавшіяся преимущественно землею.

[185] Царственная книга. стр. 269.

вся эта сторона была обезпечена отъ вылазокъ непріятеля. Кромѣ того, воеводамъ удалось захватить и укрѣпить весьма важный пунктъ у самыхъ городскихъ стѣнъ, именно пустую каменную башню, называемую Даировою. 26-го августа, Казанцы сдѣлали сильную вылазку противъ втораго воеводы большаго полка, князя Михаила Воротынскаго, въ то время какъ онъ катилъ туры со стороны Арскаго поля къ западнымъ воротамъ крѣпости. Въ подмогу большому полку царь прислалъ изъ своего собственнаго полка выборныхъ головъ (слѣдовательно и двухъ младшихъ Шереметевыхъ) съ боярскими дѣтьми изъ числа наиболѣе «дородныхъ и искусныхъ ратному обычаю»[186]. Татары, подъ прикрытіемъ пушечной пальбы съ городскихъ стѣнъ, бросились на осаждавшихъ. «И бысть сѣча велика и преужасна отъ пушечнаго бою и отъ пищальнаго грому, и отъ гласовъ и вопу кричанія отъ обѣихъ (сторонъ) людей и о трескотѣ оружій, и не бысть слышати другъ друга глаголеннаго; бысть яко громъ велій.... И бьющеся черезъ всю нощь, за руки имающеся»[187]. На разсвѣтѣ Казанцы бы-

[186] Царственная книга. стр. 271.
[187] Тамъ же, стр. 272 и 273.

ли сбиты со всѣхъ пунктовъ и съ большимъ урономъ бѣжали назадъ въ крѣпость. Подобныя вылазки повторялись почти ежедневно и, не смотря на повсемѣстный успѣхъ нашего оружія, до крайности изнуряли войска. Участникъ осады князь Курбскій говоритъ: «И воистину на всякій день, аки три недѣли тое бѣды было, яко и брашна намъ онаго зѣло нужнаго не дали пріимати многажды.... А горче всѣхъ было отъ наѣзжанія тѣмъ христіанскимъ полкомъ, яже стояли на Арскомъ полѣ». Эти наѣзжанія или наѣзды производились въ тылъ нашего войска изъ Арскаго лѣса, куда еще въ началѣ осады Казанцы успѣли выслать до 30.000 всадниковъ, съ лихимъ наѣздникомъ князем Епанчею, и 25.000 Ногайцевъ.

Осада затянулась, не смотря на то, что осажденные, по видимому, лишены были самой существенной потребности—воды, такъ какъ обѣ рѣчки, окружающія Казань, были въ нашихъ рукахъ. Для всѣхъ было загадкой, откуда Казанцы берутъ воду. Наконецъ узнали о существованіи тайника у Муралеевскихъ воротъ, ведущаго къ ключу, который и поилъ весь городъ. Царь тотчасъ же приказалъ воеводамъ сторожеваго полка князю Оболенскому-

Серебряному и Семену Васильевичу Шереметеву, «да какъ возмогутъ, испорушить путь Казанцевъ къ водѣ». Оказалось однако, что уничтожить тайникъ не было никакой возможности, потому что этотъ пунктъ, по важности его, былъ сильно укрѣпленъ Казанцами. Между тѣмъ князь Оболенскій и Шереметевъ узнали, что подземный путь проходилъ, между прочимъ, вблизи Даировой башни, занятой воеводами при началѣ осады. Тогда воеводамъ приказано было подкопаться подъ тайникъ. Послѣ десятидневной подземной работы, докопались до моста, по которому Татары слѣдовали къ ключу. Князь Оболенскій и Шереметевъ сами входили въ подкопъ и услышавъ надъ собою голоса людей, пробиравшихся за водою, дали знать объ этомъ государю. Въ подкопъ вкатили 11 бочекъ пороха. 4 сентября, рано утромъ, послѣдовалъ страшный взрывъ. Тайникъ, съ Казанцами, ѣхавшими за водою, часть городской стѣны, бревна и камни съ громомъ и трескомъ взлетѣли на воздухъ. Казань обмерла отъ ужаса. Наши, воспользовавшись переполохомъ, ворвались въ городъ: «Многое же воинство крестоносныя хоругви Богомъ подвизаеми со всяцемъ дерзновеніемъ, яко обла-

комъ носими, скороустремительно на градныя стѣны и въ самый градъ скакаху, и яко львы рыкающе, свирѣпо безбожныхъ Татаръ убиваху, и живыхъ безчисленно плѣняху»[188]. Казанцы, опомнившись, вытѣснили нашихъ изъ города, и государь не велѣлъ возобновлять приступа. Тайницкій ключь и до нашихъ дней составляетъ предметъ благочестивыхъ путешествій мѣстныхъ Татаръ[189].

Уничтоженіе тайника имѣло бѣдственныя послѣдствія для осажденныхъ. Они принялись копать колодцы въ городѣ, но воды показывалось мало, притомъ смрадной и нездоровой. До конца осады граждане довольствовались однимъ мутнымъ потокомъ съ гнилою водою, отъ которой люди пухли и умирали. Вскорѣ послѣ того Казанцамъ нанесенъ былъ другой чувствительный ударъ: князь Александръ Борисовичь Горбатый-Шуйскій разбилъ дружину Епанчи, ежедневно тревожившую тылъ нашихъ полковъ внезапными налетами. Епанча съ остатками своей дружины заперся въ острогѣ на крутой горѣ, въ 15-ти верстахъ за

188 Царственная книга. стр. 284—286.

189 П. Заринскій. Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. Казань. 1877. стр. 145.

Арскимъ полемъ. Отрядъ князя Горбатаго слѣдовалъ за отступавшими. Впереди шли князь Семенъ Ивановичь Микулинскій, царскій шуринъ Данила Романовичь Юрьевъ и выборные головы государева полка Никита и Иванъ Меньшой Шереметевы. Дойдя до Острожной горы, наши сошли съ коней и сквозь дебрь и лѣса, подъ градомъ непріятельскихъ стрѣлъ, взлѣзли на высоту острога и взяли укрѣпленіе, избивъ и полонивъ его защитниковъ.

Затѣмъ, 30 сентября взлетѣли на воздухъ Татарскія тарасы[190] и землянки у Царевыхъ и Арскихъ воротъ. Русскія войска, увлекшись паникой непріятеля, опять ворвались въ городъ.... «И бысть сѣча зла и ужасна, и грому сильну бывшу отъ пушечнаго бою и отъ зуку и вопу»[191]. Князь Михаилъ Воротынскій напомнилъ царю, что время всѣмъ полкамъ идти на приступъ; но государь приказалъ отступить, находя, что не все готово для рѣшительнаго удара. Дѣйствительно, не были еще готовы всѣ подкопы.

Общій приступъ назначенъ былъ на 2-е число октября. Царь приказалъ по всѣмъ пол-

[190] Тарасы, подобно турамъ, насыпались землею и служили защитой для осажденныхъ.

[191] Царственная книга. стр. 295.

камъ исповѣдываться и причащаться: «приближилъ бо ся день, въ оньже пити общую чашу всѣмъ»[192]. На разсвѣтѣ съ 1-го на 2-е число, когда всѣ полки пріуготовившіеся къ бою выступили къ назначеннымъ мѣстамъ, царь въ полномъ боевомъ доспѣхѣ пошелъ въ походную церковь къ обѣднѣ, а дворовыхъ воеводъ князя Владиміра Воротынскаго и Ивана Васильевича Шереметева отпустилъ съ своимъ полкомъ къ городу, приказавъ имъ на урочномъ мѣстѣ ждать своего прихода. Выборнымъ же головамъ государева полка, съ нѣсколькими боярскими дѣтьми при каждомъ, приказано быть въ распоряженіи воеводъ штурмующихъ полковъ[193]. Въ то время, какъ въ походной церкви кончалось Евангеліе, земля дрогнула отъ взрыва 48 бочекъ пороха, подложенныхъ подъ городскія стѣны. Вскорѣ послѣ того при чтеніи сугубой эктеніи, какъ разъ въ то время, когда діаконъ оканчивалъ слова: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата»! — послѣдовалъ другой еще болѣе сильный взрывъ. Это было сигналомъ общаго приступа. Московское во-

[192] Татищевъ. Исторія Россійская. Книга 5. стр. 361.

[193] Тамъ же, стр. 362.

инство, воскликнувъ «съ нами Богъ»! устремилось къ проломамъ крѣпости. «И біющеся цареви вои во всѣхъ мѣстахъ, отъ всѣхъ воротъ мужественнѣ, за руки имаяся, копьями и саблями, въ тѣснотахъ ножи рѣжущеся, во многихъ улицахъ съ обѣихъ сторонъ Христіаномъ и Татаромъ ударившимся во многія копія, и на многихъ часахъ стояще на копіяхъ, ни единымъ поступившимъ»[194]. При этомъ кровопролитномъ штурмѣ Русскій мечь открылъ страшное богатство, накопившееся въ торговой Казани. «Воистину то мѣсто полно было дражайшихъ корыстей, златомъ, и сребромъ, и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло и другими великими богатствы»[195]. Московскіе воины, соблазнившись Казанскими сокровищами, принялись за грабежъ и, презирая опасность, толпами выносили награбленное за городъ и возвращались за новою добычею. Видя это, «мудрые и искусные сигклитове царскіе, повелѣша хоругвь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ Царскихъ, подвинути, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругви постави-

[194] Татищевъ. Исторія Россійская. Книга 5. стр. 367.
[195] Сказанія князя Курбскаго. стр. 31.

ша»[196]. Не смотря на эту рѣшительную мѣру, грабежъ, по видимому, не прекращался. Татары уже начинали одолѣвать нашихъ. Тогда половина государева полка сошла съ коней и съ дворовымъ воеводою Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ[197] ринулась на выручку. При появленіи этого свѣжаго войска, «въ пресвѣтлыя зброи оболоченнаго», Казанцы бросились на гору въ Царевъ дворъ, укрѣпленный высокими крѣпкими стѣнами. Вытѣсненные и изъ этого послѣдняго убѣжища, Татары, въ числѣ 10.000 человѣкъ, съ царемъ Едигеромъ, отступили въ нижнюю часть города, къ заднимъ воротамъ; но князь Курбскій съ своимъ отрядомъ заскакалъ впередъ и пресѣкъ имъ дальнѣйшій путь. Татары, убѣдясь въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія въ городѣ, выдали Русскимъ войскамъ своего царя, а сами, съ отчаянія, стали бросаться прямо со стѣны на берегъ Казанки, но будучи встрѣчены залпомъ изъ русскихъ пушекъ, бросились въ числѣ 6000 человѣкъ влѣво. Здѣсь они были настигнуты и разбиты послан-

196 Сказанія князя Курбскаго. стр. 32.

197 Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 119.

ными въ объѣздъ тремя воеводами: княземъ Семеномъ Ивановичемъ Микулинскимъ, Михаиломъ Васильевичемъ Глинскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ. Это было послѣднее, окончательное пораженіе Казанцевъ. Столица Казанскаго царства пала къ ногамъ Московскаго царя.

У Царевыхъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хоругвь, царь, въ присутствіи своего собственнаго полка, отслужилъ благодарственный молебенъ и своими руками заложилъ церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса. Послѣ того послѣдовало торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Казань черезъ Муралеевы ворота, взятыя во время приступа воеводою сторожеваго полка Семеномъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Государь шествовалъ въ царевъ дворъ, привѣтствуемый кликомъ всего воинства: «Многа лѣта царю благочестивому Ивану Васильевичу, побѣдителю варваровъ»[198]!

[198] Царственная книга. стр. 310—312.

ГЛАВА XI.

Казань была взята, но это еще не значило, чтобы все Казанское царство приведено было подъ Русскую державу. Напротивъ того, чуждыя и враждебныя намъ племена, входившія въ составъ этого царства, какъ-то: Мордва, Чуваши, Вотяки, Черемисы и Башкирцы, рѣшительно не хотѣли признавать власти Московскаго царя и, вмѣстѣ съ бѣжавшими отъ погрома Казанцами, готовы были на все, чтобы отстоять свою независимость. Можно было даже ожидать, что они, при первомъ-же нашемъ шагѣ изъ Казани, на обратномъ пути къ Москвѣ, откроютъ враждебныя дѣйствія противъ нашего войска, сильно истощеннаго долговременною осадою. По этимъ соображеніямъ, государю совѣтовали остаться въ Казани до весны, чтобы довершить покореніе Казанской земли или, по крайней мѣрѣ, обезпечить безопасный путь къ Московскимъ предѣламъ. Но

царскіе шурья Данила и Никита Романовичи Юрьевы настояли на немедленномъ возвращеніи въ Москву. Впослѣдствіи, Грозный, въ посланіи къ князю Курбскому, прямо говорилъ, что его насильно вывезли изъ Казани: «(меня) аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю; аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы»[199].

Какъ бы то ни было, 11 октября, царь выступилъ въ обратный путь, поручивъ Казань боярину и воеводѣ князю Александру Борисовичу Горбатому-Шуйскому, которому «въ царево мѣсто управливати велѣлъ». При князѣ Горбатомъ оставлена была часть войска, достаточная для защиты покореннаго города. Самъ государь съ своимъ полкомъ, предводительствуемымъ, по прежнему, Шереметевымъ и Владиміромъ Воротынскимъ, поѣхалъ Волгою на судахъ; а конная рать, подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго, отправилась полемъ на Василь-Сурскъ. Передовой полкъ рати князя Воротынскаго

[199] Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2. стр. 38 и 190.

вели воеводы Семенъ и Никита Васильевичи Шереметевы.

Въ Нижнемъ царь распустилъ все войско по домамъ, а самъ отправился сухимъ путемъ, на подводахъ, въ Москву. Въ Судогдѣ встрѣтилъ царскій поѣздъ бояринъ Василій Юрьевичъ Траханіотъ съ извѣстіемъ о рожденіи наслѣдника престола царевича Димитрія. «И царь возрадовашеся велми, яко отъ великія радости образу его цвѣтуще»[200].

29 октября, на память св. мученицы Анастасіи, царь-побѣдитель въѣхалъ въ Москву, при звонѣ во всѣ колокола. «И срѣчаху государя многое множество людей, веліими гласы вопіющи: Радуйся православный царю нашъ, побѣдителю врагомъ»!

На Михайловъ день, у государя былъ столъ въ большой грановитой палатѣ, къ которому приглашены были митрополитъ Макарій со властьми, а также всѣ бояре, воеводы, дворяне и дѣти боярскія, участвовавшіе въ послѣдней войнѣ. Три дня сряду угощалъ царь своихъ сподвижниковъ, «мужествовавшихъ съ нимъ въ бранѣхъ» и каждый разъ послѣ стола жаловалъ ихъ по достоянію шубами многоцѣн-

[200] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. стр. 314.

ными съ своихъ плечъ, бархатами на золотѣ, соболями, кубками, конями и доспѣхами. Къ сожалѣнію, не удалось узнать, какую именно награду получили при этомъ братья Шереметевы и вообще каждый изъ участниковъ Казанской осады. Именныхъ списковъ награжденныхъ не сохранилось. Извѣстно только, что по счету казначеевъ, кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, выдано было изъ казны денегъ и разныхъ вещей на сорокъ восемь тысячъ тогдашнихъ рублей[201]. Въ дѣлѣ о мѣстничествѣ окольничихъ Салтыковыхъ съ бояриномъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ, правда, сказано, что выборный голова государева полка Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ пожалованъ былъ, въ 1553 году, за Арскую службу, золотымъ; но тутъ же въ дѣлѣ выписана справка въ Разрядѣ, изъ которой видно, что «того пожалованія въ Разрядѣ не написано»[202]. При всемъ томъ, въ запискахъ сенатора Спиридова прямо сказано, что за Арскую службу Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ былъ по-

[201] Царственная книга. стр. 329 и 330.

[202] Русскій историческій сборникъ, изданный Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Т. V. стр. 233 и 313.

жалованъ золотымъ Угорскимъ, точно также какъ и братъ его Семенъ Васильевичъ[203], хотя изъ дошедшихъ до насъ разрядныхъ книгъ не видно, чтобы послѣдній былъ посылаемъ въ Арскія мѣста.

Мы уже видѣли, какъ рѣзко обнаружилось вліяніе на царя свойственниковъ его Романовыхъ-Захарьиныхъ. Они не даромъ настаивали на скорѣйшемъ возвращеніи изъ Казани. Присутствіе ихъ въ Москвѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что царица Анастасія Романовна была въ послѣднемъ періодѣ беременности, разрѣшившейся, наконецъ, сыномъ-наслѣдникомъ престола. Опасенія ихъ за участь царицы и самого новорожденнаго оправдались весьма скоро.

11 марта 1553 года, на третьей недѣлѣ великаго поста, царь Иванъ Васильевичъ разболѣлся «огневóю болѣзнью», т. е. горячкою. Болѣзнь эта развилась такъ быстро, что въ

203 Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 124 и 127.—Золотыми деньгами или просто золотыми начали жаловать еще при Иванѣ III-мъ. Смотря по тому, гдѣ эти монеты были отчеканены, ихъ называли золотыми Угорскими (Венгерскими), Португальскими и т. д. По свидѣтельству Флетчера, пожалованный золотой носили на рукавѣ или на шапкѣ. (О государствѣ Русскомъ или образъ правленія Русскаго царя. Сочиненіе Флетчера. Лондонъ. 1591. По переводу Н. В. Калачева, стр. 60).

Москвѣ узнали о ней одновременно съ извѣстіемъ, что государь при смерти. Больной былъ еще, однако, въ силахъ составить духовное завѣщаніе, которымъ назначилъ себѣ преемникомъ сына-младенца Димитрія. Когда дѣло дошло до присяги наслѣднику престола, среди бояръ, собравшихся у постели умиравшаго царя, произошла распря, имѣвшая роковыя послѣдствія. Прежде всего отказался присягнуть младенцу двоюродный братъ царя, удѣльный князь Владиміръ Андреевичь Старицкій, который вмѣсто того рѣшился даже самъ протянуть руку къ царскому вѣнцу. Одни бояре были за князя Старицкаго, высказывая опасеніе, что за малолѣтствомъ царевича правленіе можетъ перейти въ руки Романовыхъ-Захарьиныхъ; другіе, напротивъ того, требовали немедленной присяги царевичу Димитрію. Къ числу послѣднихъ принадлежали: князь Владиміръ Ивановичь Воротынскій (бывшій дворовый воевода), князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, Михаилъ Яковлевичь Морозовъ, Данила Романовичь и Василій Михайловичь Захарьины и дьякъ Иванъ Михайловичь Висковатый. Они просили князя Владиміра Андреевича,

чтобы онъ не упрямливался, государя бы послушалъ и крестъ бы поцѣловалъ. Но тотъ «почалъ кручиниться прытко».... И обратившись къ князю Воротынскому, говорившему больше всѣхъ, закричалъ: «Ты бы де со мною не бранился, ни мака де ты мнѣ не указывалъ, а противъ меня и не говорилъ»! Воротынскій же отвѣчалъ князю Старицкому: Язъ, государь, далъ душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и сыну его царевичу князю Дмитрею, что мнѣ служити имъ во всемъ въ правду и съ тобою мнѣ они жъ государи мои велѣли говорити, и служу имъ государемъ своимъ; а тебѣ служити не хочу, и за нихъ за государей своихъ съ тобою говорю; а будетъ гдѣ доведется, по ихъ государей велѣнію, и драться съ тобою готовъ. «И бысть межъ бояръ брань велія, и крикъ, и шумъ великъ, и слова многія бранныя»... Изнемогавшій въ тяжкомъ недугѣ царь, собравшись съ силами, сказалъ боярамъ: «Коли вы сыну моему Дмитрію креста не цѣлуете, инъ то у васъ иной государь есть, а цѣловали есте мнѣ крестъ и ни одинова, чтобы есте мимо насъ иныхъ государей не искали! А язъ васъ привожу къ цѣлованію, и велю вамъ слу-

жити сыну своему Дмитрію, а не Захарьинымъ.... И азъ съ вами говорити не могу много.... А вы свои души забыли, а намъ и нашимъ дѣтямъ служити не хочете. А на чéмъ есте намъ крестъ цѣловали, и того не помните? А не служите кому которому государю въ пеленицахъ, тому государю тотъ и великому не захочетъ служити. И коли мы вамъ ненадобны, и то на вашихъ душахъ»!

Князь Иванъ Михайловичь Шуйскій (братъ растерзаннаго, въ 1543 году, царскими псарями князя Андрея Михайловича Шуйскаго) возразилъ царю, что имъ не передъ кѣмъ было цѣловать креста, такъ какъ не видѣли передъ собою государя. Послѣ Шуйскаго изъ среды ослушныхъ бояръ выступилъ отецъ царскаго любимца, окольничій Ѳедоръ Григорьевичь Адашевъ, и сказалъ: «Вѣдаетъ Богъ, да ты государь: тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ Даніилу съ братіею намъ не служити; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Даніилу съ братіею; а мы ужъ отъ бояръ до твоего возраста бѣды видали многія». Опять поднялся шумъ и рѣчи многія. Бояре вышли изъ комна-

ты государя, рѣшительно заявивъ, что «не хотятъ пеленичному служити». Царь Иванъ Васильевичь, оставшись съ преданными себѣ боярами, княземъ Воротынскимъ, Шереметевымъ, Романовыми-Захарьиными и другими, подъ-вечеръ, самъ привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ и велѣлъ заготовить цѣловальную запись.

А между тѣмъ, по Москвѣ, въ разныхъ мѣстахъ уже говорили: «Вѣдь-де нами владѣть Захарьинымъ, и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ, а намъ служити государю младу, —и мы учнемъ служити старому князю Володимеру Андреевичу». Окольничій Левъ Андреевичь Салтыковъ самъ слышалъ, какъ князь Дмитрій Ивановичь Нѣмой говорилъ на площади: «Ка̀къ-де служити малому, мимо стараго! А вѣдь-де нами владѣти Захарьинымъ»....

На другой день послѣ описаннаго случая во дворцѣ, государь опять послалъ за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и велѣлъ ему присягнуть на цѣловальной записи. Но тотъ отказался на-отрѣзъ. Тогда царь, въ полномъ изнеможеніи, обратился къ князю Воротынскому, Шереметеву, Захарьинымъ и другимъ преданнымъ боярамъ и сказалъ: «Бояре, су

азъ не могу, а мнѣ не до того.... А вы на чемъ мнѣ и сыну моему Дмитрію крестъ цѣловали, и вы по тому и дѣлайте»! Они обратились къ ослушникамъ и съ новымъ рвеніемъ стали убѣждать ихъ исполнить волю государя. Но тѣ «почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотятъ сами владѣти, а они имъ служити, и ихъ владѣнія не хотятъ». Вечеромъ этого дня, молча и какъ-бы нéхотя, присягнулъ, наконецъ, и любимецъ государя Алексѣй Өедоровичь Адашевъ.

Въ то время какъ во дворцѣ, на глазахъ государя, шла перебранка между боярами, князь Владиміръ Андреевичь и въ особенности его мать княгиня Евфросинья (рожденная княжна Хованская) открыто собирали у себя дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Оказалось, что и знаменитый духовникъ—первосовѣтникъ царскій Сильвестръ держалъ сторону Старицкаго князя. Онъ упрекалъ князя Воротынскаго, Шереметева и Захарьиныхъ въ томъ, что они перестали допускать къ царю князя Владиміра Андреевича, увѣряя, что онъ «доброхотенъ государю». Бояре отвѣчали Сильвестру, что они присягнули государю и его сыну, а потому и дѣлаютъ, какъ бы ихъ

государству было крѣпче. «И оттолѣ,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—бысть вражда межи бояръ и Сильвестромъ и его совѣтники».

Шелъ третій день боярской распри. Началось колебаніе даже и въ средѣ присягнувшихъ. Такъ, князь Дмитрій Ѳедоровичь Палецкій, дочь котораго была за мужемъ за слабоумнымъ братомъ Грознаго, Юрьемъ Васильевичемъ, уже сталъ сноситься съ княгиней Евфросиньей на счетъ удѣла для своего зятя и дочери. Ослабла энергія и въ самихъ Захарьиныхъ.... Въ эту трудную минуту царь рѣшился въ послѣдній разъ собрать ослушныхъ бояръ и строго приказалъ имъ идти въ переднюю избу и цѣловать крестъ его сыну царевичу Димитрію, объяснивъ, что «при собѣ приводити ихъ къ цѣлованью—истомъ, понеже изнемогаше вельми». Ослушники «поустрашилися государскаго жесткаго слова» и молча вышли въ переднюю избу. По удаленіи ихъ царь, все-таки не имѣя еще надежды на благопріятное окончаніе дѣла, всказалъ оставшимся у его постели князю Воротынскому, Шереметеву, Захарьинымъ и другимъ присягнувшимъ уже боярамъ: «Су дали есте намъ душу и сыну моему Димитрію на томъ, что вамъ намъ служити. И нынѣ бо-

яре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣти, и будетъ станется надо мною воля Божія—меня не станетъ, и вы пожалуйте попамятуйте, на чемъ есте мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи, побѣжите съ нимъ въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ». За тѣмъ, обратившись къ Данилу Романовичу и Василью Михайловичу Захарьинымъ, сказалъ имъ слѣдующія замѣчательныя слова: «А вы Захарьины чего испужалися; али чаете бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете! И вы бы за сына моего да и за матерь его умерли; а жены моей на поруганіе бояромъ не дали».

Послѣ того, по приказанію царя, дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый, въ сопровожденіи преданныхъ бояръ, вышелъ съ крестомъ въ переднюю избу и началъ приводить къ присягѣ находившихся тамъ бояръ. Князь Воротынскій, Шереметевъ и Захарьины стояли все время у креста. Бояре безпрекословно исполнили священный обрядъ. Одинъ только князь Иванъ Ивановичь Пронскій-Турунтай, увидѣвъ у креста князя Владиміра Ивановича Воротынскаго, дерзко сказалъ ему: твой отецъ,

да и ты первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту! Тотъ спокойно отвѣтилъ: «Я су измѣнникъ, а тебя привожу ко крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію; а ты су прямъ, а государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію креста не цѣлуешь и служити ему не хочешь». Пронскій, по примѣру своихъ товарищей, поспѣшилъ принести присягу[204].

Самъ князь Владиміръ Андреевичь обязался клятвенною грамотою не думать о царствѣ и «по-неволѣ» цѣловалъ крестъ царевичу Димитрію. Княгиня же Евфросинія даже и послѣ этого долго отказывалась привѣсить къ той грамотѣ княжескую печать. Наконецъ и она исполнила рѣшительное требованіе бояръ, наговоривъ имъ «много рѣчей бранныхъ»[205].

Къ общему удивленію, царь выздоровѣлъ. Какъ ни странно, но крайнее напряженіе силъ въ продолженіи трехъ дней дворцовой смуты и глубокое нравственное потрясеніе, вызванное строптивостію бояръ, очевидно имѣли благотворное вліяніе на больнаго. Царь избавил-

[204] Царственная книга. стр. 336—346.

[205] Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. VIII. Изд. 2. стр. 210 и примѣч. 380 (ссылка на Александроневскую лѣтопись).

ся отъ тяжкаго недуга, но въ сердцѣ его осталась опасная рана. Онъ потерялъ вѣру даже въ такихъ людей какъ Сильвестръ и Адашевъ, пользовавшихся его неограниченною довѣренностію. Тяжелыя чувства злобы и подозрительности затаились пока на днѣ души царя.

Царевичь Димитрій недолго пережилъ бурю, разразившуюся надъ его колыбелью. Онъ скончался въ іюнѣ того-же 1553 года, на дорогѣ, при возвращеніи государя изъ богомольнаго путешествія въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Болѣзнь Грознаго и боярская распря отвлекли вниманіе отъ Казани. А между тѣмъ, оттуда еще въ декабрѣ прошлаго года пришло извѣстіе, что на Волгѣ побили нашихъ боярскихъ дѣтей, возвращавшихся съ запасами изъ-подъ Казани; вслѣдъ за тѣмъ вспыхнулъ бунтъ у Вотяковъ и Луговой Черемисы. Наконецъ, 10 марта 1553 года, Казанскій намѣстникъ князь Горбатый-Шуйскій донесъ, что бунтовщики явились даже подъ Казанью и на Арскомъ полѣ разбили на̀-голову высланнаго противъ нихъ воеводу Бориса Ивановича Салтыкова; послѣ чего засѣли въ выстроенномъ ими городѣ, на рѣкѣ Мешѣ, всего въ

Хромолитогр. В.К. Бахманъ въ Москвѣ.

о ѿпущенiи воевод в Казань. Сентября
ѿпоустил гдрь воевод своих в Казань
на арьские измѣнников. В болшем
полкоу боярина и воеводоу князя Семе
на Ивановича Микулиньского. Да бо
ярина Петра Васильевича Морозова.
В передовом полкоу боярина Ивана
Васильевича Шереметева. Да околниче
и оружейничего Лва Андреевича Са
лтыкова. А в сторожевом полкоу воево
доу князя Андрея Михайловича
Коурбьского. Да Михаила Волынь
ского Вороного. А велѣл им гдрь
итти по первомоу
поути. И пошли
из Нижнего
Новаго
рода
сентя
бря
дни

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитного Общества

70 верстахъ отъ Казани. По этимъ вѣстямъ посланъ былъ на Каму братъ царскаго любимца, Данила Ѳедоровичь Адашевъ, который съ боярскими дѣтьми все лѣто преслѣдовалъ измѣнниковъ по рѣкамъ Камѣ, Вяткѣ и Волгѣ. Но посылка эта далеко не соотвѣтствовала важности дѣла. Требовалось много войска и искусныхъ военныхъ дѣйствій, чтобы удержать въ своихъ рукахъ Казанскій край, этотъ оплотъ нашего поступательнаго движенія на востокъ. И вотъ, въ сентябрѣ 1553 года, отправилось, наконецъ, изъ Москвы къ Казани тридцатитысячное войско, подъ главнымъ начальствомъ стараго воина князя Семена Ивановича Микулинскаго. Передовой полкъ велъ Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ съ товарищемъ своимъ Львомъ Андреевичемъ Салтыковымъ, а сторожевой полкъ—князь Андрей Михайловичь Курбскій, который и оставилъ намъ краткое описаніе этого новаго похода въ Казанскую землю.

Изъ лѣтописей извѣстно только, что войско князя Микулинскаго ожидало въ Нижнемъ перваго зимняго пути и выступило оттуда въ Николинъ день[206]. О дальнѣйшей же судьбѣ

[206] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. Спб. 1791. стр. 208.

этой рати не сохранилось рѣшительно никакихъ извѣстій, а потому остается обратиться къ краткому разсказу самого участника похода:

«Мы же пришедше въ Казань, — пишетъ знаменитый историкъ Грознаго,—и опочинувшу мало воинству, поидохомъ въ предѣлы оные далеко, идѣже князіе Казанскіе съ воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчались. И было ихъ во ополченію вяще, нежели пятьнадесять тысящей. И поставляху битвы съ нами и со предними полки нашими; сражашася мало не двадесять кратъ, памятамися: бо имъ удобно бываше, яко знаемымъ во своей ихъ землѣ, паче же съ лѣсовъ прихождаху, сопротивляющижеся намъ крѣпцѣ. И вездѣ, за благодатію Божіею, поражаеми были отъ христіанъ. И къ тому погодно время Богъ далъ намъ на нихъ: понеже зѣло въ тую зиму снѣги были великіе безъ сереновъ[207], и того ради мало что ихъ осталось: понеже хождаху за ними мѣсяцъ цѣлый, а передніе полки наши гоняху за ними ажъ за Уржумъ и Мешь рѣку[208], за лѣсы великіе, и оттуду ажъ до Баш-

[207] Серены=ведреные, ясные дни. Лат. serenum.

[208] Рѣка Уржумка впадаетъ въ Вятку съ правой стороны. Рѣка Меша или Мюша течетъ въ Каму.

кирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ ко Сибири протязается. И что ихъ было осталося, тѣ покоришася намъ. И воистину было что̀ писати по ряду объ оныхъ сраженіяхъ съ бусурманы, да краткости ради оставляется: бо тогда больше десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихомъ со атаманы ихъ. Тогда же славныхъ кровопивцевъ христіанскихъ, Янчюру Измаильтянина и Алеку Черемисина и другихъ князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся, за Божіею благодатію, во отечество съ пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстьми. И оттуды начала усмирятися и покорятися Казанская земля цареви нашему»[209].

Въ запискахъ Спиридова[210] показано, что за послѣдній Казанскій походъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ былъ пожалованъ золотымъ корабленникомъ[211].

Когда именно возвратилась рать князя

209 Сказанія князя Курбскаго. стр. 48.

210 Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 119.

211 Это была древняя Англійская монета (нобельдоръ) изъ чистаго золота, большая, но тонкая, вѣсомъ около 2 червонцевъ. Съ одной стороны изображеніе корабля, а въ немъ короля въ латахъ; на оборотѣ—роза и надпись: «Jesus autem transiens per medium illorum ibat» (Іисусъ же прошедъ посредѣ ихъ, идяше).

Микулинскаго изъ Казанскаго похода, въ точности неизвѣстно. Утвердительно можно сказать только одно, что къ маю мѣсяцу 1554 года, ратники его, проникавшіе, по свидѣтельству князя Курбскаго, до предѣловъ Башкиріи, были распущены по домамъ. По крайней мѣрѣ, главнѣйшій участникъ этого отдаленнаго похода, воевода передоваго полка Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ находился въ маѣ мѣсяцѣ того года уже въ Москвѣ и хлопоталъ по устройству своихъ домашнихъ дѣлъ. Онъ былъ озабоченъ въ это время покупкою у помѣщика Мины Васильевича Лелѣчина вотчины его, въ Рязанскомъ уѣздѣ, села Дубовичи и деревни Маньясовой. Когда сдѣлка была окончена, Шереметевъ, по тогдашнему порядку, подалъ думному боярину Ѳедору Андреевичу Куракину-Булгакову слѣдующее заявленіе: «Се язъ бояринъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ купилъ есми собѣ и своимъ дѣтемъ въ прокъ безъ выкупа, по царя и великаго князя грамотѣ жаловальной, у Мини у Меншика (т. е. меньшаго) у Васильева сына Лелѣчина, матери его вотчину приданую Ѳеклину Семеновой дочери Хирины Зиновьева, въ Резанскомъ уѣздѣ, въ Старой Резани, въ

Перенѣжи, село Дубовичи да деревню Маньясово на рѣчкѣ на Тысьѣ, съ лѣсы и съ бортьми и съ озеры и съ луги и съ перевѣсьи[212] и со всякимъ угодьемъ, и куды къ тому селу къ Дубовичемъ и къ деревнѣ къ Маньясовѣ соха и коса и топоръ ходили; а далъ есми на селѣ на Дубовичахъ и на деревнѣ на Маньясовѣ пятьсотъ рублевъ». По этому заявленію вызванъ былъ Мина Лелѣчинъ, который подтвердилъ, что дѣйствительно продалъ Шереметеву свою Рязанскую вотчину и деньги за нее, 500 рублевъ, получилъ сполна. 28 мая, князь Куракинъ-Булгаковъ доложилъ все дѣло государю, послѣ чего Шереметеву выдана была купчая крѣпость на пріобрѣтенную вотчину[213]. Село Дубовичи и деревня Маньясова доселѣ извѣстны подъ тѣми-же названіями. Оба эти мѣста находятся въ 14—15 верстахъ отъ города Спасска, Рязанской губерніи, за рѣкою Пронею, между Рязанскимъ и Пронскимъ трактами, по правую сторону рѣки Оки[214].

[212] Перевѣсьи=мѣста, на которыхъ развѣшивались сѣти для ловли птицъ.

[213] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть 1. стр. 468—470.

[214] Списки населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи. Спб. 1862. стр. 141. №№ 3356 и 3360.

ГЛАВА XII.

1554 годъ ознаменовался взятіемъ Астрахани. Намъ нѣтъ надобности разсказывать объ этомъ событіи, потому что оно совершилось безъ участія Шереметевыхъ. Замѣтимъ только, что завоеваніе двухъ Татарскихъ царствъ высоко подняло Московскаго царя въ глазахъ современниковъ. Карамзинъ полагалъ даже, что то время было наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крымцевъ и что великое дѣло Екатерины II могло бы быть предупреждено двумя вѣками[215]. Грозному тогда же «совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго (Крымскаго) царя»[216].... Но неизвѣстность пути въ Крымъ, степи, даль, трудность продовольствія и другія соображенія не позволяли рѣшиться на это, во всякомъ случаѣ, рискованное предпріятіе. Впрочемъ

[215] Исторія государства Россійскаго. Т. VIII. стр. 240.
[216] Сказанія князя Курбскаго. стр. 63.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

О посылке гдрьской на ста да крымскіе.

Того году мца июня. Послалъ гдрь на ста
да крымскіе воеводъ. Ѣмамалоу. В бо
лшемъ полку боярина Ивана Василіевича
Шереметева. Да ѡколничего Лва Андрѣ
евича Салтыкова.

Фототипографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

Икакъпоѐподыпришлиперхъмѧ́каико
ломáкаипрнбежалъкнимъсторо
ѿстыгоръ. дастаничнилапрентеи
колтопской, топарыщаприслалъвести
црькрымскойдонецъперелѣзъсомнѡ
гимилюми. аидетыкразанскимъ
иланистоулескимъоукраинамъ :

Фотолитографія художника М. Панова Москва. Петровка, д. Кредитнаго Общества.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И воеводы послали царю и великому князю
с вестью, что крымской царь идет
на его украины. А сами воеводы вороти
лися. А пошли по сакмоу. И пригонили
ѿ воевод ко царю и великому князю с тою вѣ
стїю Ивашко Дарїин с товарищи. Їюня
в пятницу.

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества

царь Девлетъ-Гирей, озлобленный успѣхами нашего оружія на востокѣ, какъ-бы самъ вызывалъ насъ помѣряться силами. Онъ участилъ свои набѣги на Московскія украйны, задѣвая нашихъ союзниковъ. Такъ, лѣтомъ 1555 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе, что Девлетъ-Гирей со всѣми силами пошелъ воевать «землю Черкасовъ Пятигорскихъ», т. е. Большую Кабарду, владѣтельные князья которой, извѣстные у насъ подъ именемъ князей Черкасскихъ, еще со времени взятія Казани, сносились съ Москвою и «отъ всея Пятигорскія земли» просили защиты противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана. Царь Иванъ Васильевичь, обязавшись защищать этихъ новыхъ подданныхъ своихъ отдаленнаго Прикавказья, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послалъ въ южныя степи тринадцатитысячное войско подъ начальствомъ боярина Ивана Васильевича Большаго Шереметева, поручивъ ему идти прямо къ Перекопи и, отогнавъ ханскія стада, собравшіяся на Мамаевыхъ лугахъ, не допускать Татаръ до Черкасовъ. Въ рати Шереметева вторымъ воеводою Большаго полка назначенъ былъ окольничій Левъ Андреевичь Салтыковъ, бывшій товарищемъ Шереметева

и въ послѣднемъ походѣ къ предѣламъ Башкиріи. Передовой полкъ велъ окольничій Алексѣй Даниловичь Басмановъ съ Бахтеяромъ Григорьевичемъ Зюзинымъ, а сторожевой полкъ —Дмитрій Михайловичь Плещеевъ съ Степаномъ Григорьевичемъ Сидоровымъ[217]. Въ Троицынъ день, полки Шереметева выступили изъ Бѣлева и выбрались на торный Муравскій шляхъ, по которому Крымскія орды обыкновенно ходили для раззоренія Московскаго государства[218]. По свидѣтельству современнаго историка, Шереметевъ, «яко мужъ разумный», велъ войско со всѣми предосторожностями, имѣя «стражу съ обоихъ боковъ зѣло прилежную и подъѣзды подъ шляхи»[219]. Около Святыхъ горъ Шереметеву открылась наконецъ хитрость Крымцевъ, неизмѣнно державшихся стариннаго обычая: «инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять». Оказалось, что Девлетъ-Гирей нарочно пустилъ слухъ о движеніи на Кабарду и что настоящее намѣреніе его было

[217] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 241 и Русскій историческій сборникъ. Т. II. стр. 249.

[218] Дорога эта до сихъ поръ извѣстна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ именемъ Муравки (Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Спб. 1866).

[219] Сказанія князя Курбскаго. стр. 49.

напасть врасплохъ на Московскія украйны. Отъ Изюмскаго кургана шестидесятитысячное войско Гиреево неожиданно повернуло влѣво и устремилось на Ливны. Шереметевъ тотчасъ-же послалъ гонца въ Москву извѣстить царя, «иже грядетъ на него недругъ его въ силѣ тяжстѣй», а самъ повернулъ назадъ и пошелъ по слѣдамъ (сакмо̀ю) за Крымцами, отдѣливъ треть своего войска, чтобы захватить Крымскій обозъ, по обыкновенію оставленный Татарами, на всякій случай, позади главнаго войска. По вѣстямъ отъ Шереметева, самъ царь Иванъ Васильевичь, на третій же день, выступилъ съ войскомъ на встрѣчу Девлетъ-Гирея, который очутился, такимъ образомъ, между двумя арміями. Крымцы неминуемо были бы раздавлены съ обѣихъ сторонъ, если бы не болтливость Московскихъ дьяковъ (по Курбскому «писарей»), которые разгласили по всѣмъ украйнамъ о движеніи нашихъ войскъ: «Се! рекше, исчезнетъ убо царь Перекопскій со всѣми силами своими! Царь нашъ грядетъ со множествомъ воинства противъ его, а Іоаннъ Шереметевъ надъ главою его идетъ за хребтомъ»[220]. Розсказни эти

[220] Сказанія князя Курбскаго. стр. 50.

дошли и до Крымскаго хана, который, съ ужасомъ увидѣвъ себя въ западнѣ, повернулъ все свое шестидесятитысячное войско назадъ и въ 150 верстахъ отъ Тулы, близъ границъ Ефремовскаго уѣзда, при селѣ Судьбищахъ[221], встрѣтился съ Шереметевымъ, у котораго въ то время было всего 7000 человѣкъ, такъ какъ отрядъ, посланный за Крымскимъ обозомъ, еще не возвращался. Не смотря на чрезвычайную неравность силъ, Шереметевъ съ полдня до самой ночи бился съ Татарами, потоптавъ передовой полкъ, правое и лѣвое крыло непріятеля и отбивъ, кромѣ того, знамя Ширинскихъ князей[222]. Наступившая ночь пріостановила неравный, но славный для насъ бой. Этимъ временемъ Шереметевъ послалъ гонцовъ къ отряду, отправленному за Крымскимъ обозомъ, чтобы немедленно явился на выручку; но по этому приказу прибыло только нѣсколько дѣтей боярскихъ, остальные же вынуждены были съ отбитымъ у непріятеля обозомъ, состоявшимъ изъ 60.000 лошадей, 200 аргамаковъ и 80

[221] Село Судьбищи, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи, до сихъ поръ извѣстное подъ тѣмъ-же названіемъ, находится на большой Ефремовской дорогѣ, по правую сторону (въ 38 верстахъ отъ города Новосиля къ Ефремову), при рѣчкѣ Любовшѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Тульской губ. Спб. 1862. № 3151).

[222] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 242.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

вꙁѧли лошадей шесть десѧт тысѧ, да аргамаков з двѣсте, да восмь
десѧть верблюдовъ. да и вѣсть
воеводамъ прислали с тѣмъ. что
кошь взѧли. и двацать ѧзыковъ
к воеводамъ прислали. и ѧзыки
воеводамъ сказали что царь пошел
на тоулꙋ. а итти емꙋ на стѣхъ за рекꙋ
за ѡкꙋ по коширою :

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И поѣ подыпошли за царевна лѣстѣхѣ по са
кмою, ѥ стрѣтилися со царемъ пере
дъ полдень на соубищѣ, и со царемъ би
лися и до вечера. И передопои полкъ
черезъ. И правоую роуку, и лѣвоую по
топтали. И знамя подъзалиширинь
сѣкли на вѣи, и билися до ночи. И тоу
стояли полки чрезъ всю нощь :

Фотолитографія художника М. Панова Москва. Петровка, д. Кредитнаго Общест.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И по воеводы посылали на задъ по головы
и по дѣти боярские. что бы к нимъ
спѣшили. а они со царемъ бьются.
и прискакали к нимъ тѣ немногие люди:
И тѣ попортили оу краинѣх сотен
кошемъ. куды бли же
нарезань. ко
мцене
сѣв
.

Фотолитография художника М. Панова Москва, Петровка д. Кредитнаго Общества

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

Й на оутро в҃ четвергъ билисѧ до пѧто
почасоу дни . полки на полки напоу
щали . жестокимъ крѣпкимъ боем .
и многых в крымцовъ . в его полкѣ
передовых побили :

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

верблюдовъ, поспѣшить въ украйныя мѣста, чтобы спасти эту военную добычу. Между тѣмъ, Девлетъ-Гирей, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи о дѣйствительной численности войскъ Шереметева, съ другой стороны, устрашаемый приближеніемъ войскъ самого Московскаго царя, рѣшилъ-было въ ту-же ночь бѣжать въ орду, но на бѣду нашу, одинъ изъ плѣнныхъ, не выдержавъ страшныхъ пытокъ и прещеній, сказалъ Девлетъ-Гирею, сколько войска у Шереметева: «иже, рѣче, малый людъ, и того вяще четвертая часть на кошъ (обозъ) твой послано». На разсвѣтѣ ханъ съ бо́льшею увѣренностію возобновилъ бой, жестокій, кровопролитный. Наши герои не уступали, «бишася крѣпцѣ и мужественнѣ и многихъ Крымцевъ въ полкахъ передовыхъ побили». Такъ шло дѣло, съ явнымъ перевѣсомъ на нашей сторонѣ, до полудня. «И по грѣхомъ нашимъ, пишетъ князь Курбскій, въ томъ часу самъ гетманъ воинства христіанскаго (Шереметевъ) зѣлнѣ раненъ, и къ тому коня застрѣлиша подъ нимъ, иже еще къ тому сбилъ его съ себя (яко обычай раненымъ конемъ). И оброниша Шереметева храбрые воины нѣкоторые едва жива и наполы мертва». Войско Московское, не видя уже предъ

собою храбраго вождя, замѣшалось, и хотя бой продолжался еще около двухъ часовъ, но дѣло кончилось торжествомъ Татаръ. «Аще бы и львовъ стадо было, безъ добраго пастыря не спорно». Такъ заключаетъ князь Курбскій свой разсказъ о полуторадневномъ геройскомъ боѣ при Судьбищахъ, объясняя, между прочимъ, что остальные воеводы «не были такъ храбры и исправны», какъ Шереметевъ[223]. Но лѣтописецъ увѣковѣчилъ память о геройскомъ подвигѣ и другихъ двухъ сподвижниковъ Шереметева — Алексѣя Даниловича Басманова и Степана Григорьевича Сидорова. Послѣ того, какъ Шереметевъ еле живой вынесенъ былъ съ поля битвы, и войско осталось безъ вождя, Басмановъ и Сидоровъ «велѣли бить по набату и въ сурну играти», и съ горстью храбрецовъ до вечерень отбивались отъ Крымскаго хана, «приступавшаго къ нимъ со всѣми людьми и съ пушками и съ пищальми»[224].

Между тѣмъ, царь Иванъ Васильевичь, узнавъ, на половинѣ пути отъ Оки къ Тулѣ, о пораженіи Шереметевскаго войска, по совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ, намѣре-

[223] Сказанія князя Курбскаго. стр. 51.
[224] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 243.

вался вернуться назадъ; но другіе, болѣе мужественные удержали его отъ этого постыднаго шага, убѣждая: «да не дастъ хребта врагу своему, и да не посрамитъ прежнія славы своея добрыя и лицъ всѣхъ храбрыхъ своихъ, и да грядетъ мужественнѣ сопротивъ врага креста Христова»[225]. Царь поспѣшилъ къ Тулѣ, куда въ то время былъ уже привезенъ раненый Шереметевъ. Прибывшіе туда-же воеводы Басмановъ и Сидоровъ съ остатками храбраго войска, около двухъ тысячъ человѣкъ, доложили царю, что Крымскій ханъ уже три дня какъ ушелъ въ орду и дѣлаетъ по 70 верстъ въ день, такъ что уже нѣтъ возможности догнать его.

Примѣры исторіи неоднократно показывали, что иное пораженіе бываетъ славнѣе побѣды. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Прибывшіе, въ 1556 году, изъ Крымскаго плѣна дѣти боярскіе войска Шереметева, Иванъ Трофимовъ и Богданъ Шелонинъ, а также пріѣхавшій съ ними Крымскій посланецъ Баймеръ, на основаніи извѣстій собранныхъ на мѣстѣ, въ Крыму, показывали Грозному, что въ 1555 году, «у царя Крымскаго на бою бояринъ Иванъ

225 Сказанія князя Курбскаго. стр. 52.

Васильевичь Шереметевъ съ товарищи побилъ многихъ лутчихъ людей, князей и мурзъ и ближнихъ людей, и безчестіе царю и убытки сказываетъ въ томъ, что кошъ у него взяли и тѣ лошади на Украйну увели; а на бою съ нимъ Русскіе не многіе люди билися и побили у него многихъ людей[226]; хотя-де ихъ царь разгромилъ, а которые въ дубровѣ сѣли (Басмановъ и Сидоровъ) и тѣхъ не могъ взять, и назадъ наспѣхъ шелъ, блюдяся царя и великаго князя приходу на собя»[227].

Имя Шереметева грознымъ эхомъ отдалось на востокѣ: его подвигъ при Судьбищахъ записанъ и въ Турецкую лѣтопись. Самое событіе разсказано тамъ вполнѣ безпристрастно и правдоподобно; разница только въ началѣ разсказа и въ опредѣленіи численности нашего войска, черезъ-чуръ преувеличенной. Но за то имя виновника блестящаго Судьбищенскаго дѣла, Шереметева, такъ напоминавшее имя извѣстнаго Турецкаго военачальника Шере-

[226] Ученый Голландскій географъ XVII вѣка Исаакъ Масса, говоритъ, что у Девлетъ-Гирея было болѣе 400.000 войска, что у Шереметева (котораго называетъ княземъ) было тоже «большое войско» (сколько именно, не сказано) и что при Судьбищахъ убито до 80.000 Крымцевъ. Цифры очевидно преувеличенныя (Сказанія Массы. Спб. 1874. стр. 22).

[227] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 250.

меть-бея, рѣшительно сбило съ толку восточнаго лѣтописца, и онъ, подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ невѣрному, презрительно называетъ нашего героя «выкрестомъ изъ Персидскихъ Армянъ».... Вотъ что говорится въ Турецкой лѣтописи о битвѣ при Судьбищахъ: «Войско Московское овладѣло Астраханью. Ханъ Девлетъ-Герай пошелъ освободить этотъ городъ, но когда возвращался назадъ, обремененный безчисленною добычею, его настигъ на пути, предводительствуя 90.000 войскомъ, поселившійся въ Россіи и славный отважностью между невѣрными, выкрестъ изъ Персидскихъ Армянъ, по имени Ширъ-Мертунъ, ошибочно называемый Ширъ-Метомъ. Уйти было нельзя, потому ханъ по необходимости вступилъ въ бой. Но такъ какъ лошади, утомленныя дальнимъ походомъ и тяжестью добычи, не имѣли силъ, войско Татарское потеряло духъ и пришло въ разстройство. Ханскіе сыновья калга Ахмедъ-Герай и Хаджи-Герай, пять султановъ и безчисленное множество знатныхъ и простыхъ ратниковъ мусульманскихъ пали подъ ударами невѣрныхъ; совершенная гибель была уже близка. Но нѣтъ побѣды неже отъ Господа: сынъ Девлетъ-Ге-

раевъ, Мухамедъ-Герай-Султанъ, оставленный отцемъ стеречь Крымъ, устыдясь проводить время въ покоѣ и бездѣйствіи, тогда какъ отецъ его и братья были въ походѣ, собралъ, безъ позволенія на то Девлетъ-Герая, сколько можно было храбраго войска, и пустившись съ нимъ на помощь и подкрѣпленіе отцу, прибылъ именно въ то самое время, когда войско мусульманское близко уже было къ бѣгству. Помня божественныя слова: Знайте, что рай обрѣтается подъ сѣнью мечей, онъ немедля съ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! ударилъ на непріятельскій лагерь. Это движеніе придало силы изнемогавшему ханскому войску; оно снова завязало бой, и невѣрные были разбиты. По возвращеніи домой побѣдоноснаго и обогащеннаго добычею войска, Мухамедъ-Герай награжденъ былъ почетною одеждою и сдѣланъ калгою»[228]. Историкъ же Крымскихъ хановъ, эфенди Мухамедъ Ризà, извѣстный авторъ изданныхъ нашимъ профессоромъ Каземъ-Бекомъ «Семи планетъ» (Казань, 1832 г.), принявъ на вѣру показаніе Турецкой лѣтописи о происхожденіи Шереметева, разрисовалъ

[228] Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ I. стр. 384—385.

самыми мрачными красками этого мнимаго ренегата, провинившагося только въ томъ, что навелъ страхъ на единовѣрцевъ раздраженнаго эфенди. Передадимъ въ Русскомъ переводѣ, на сколько возможно точномъ, одно мѣсто изъ разсказа Ризы: «Въ то время, какъ ханъ Девлетъ-Гирей возвращался обремененный богатою добычею, одинъ проклятый невѣрный, родомъ изъ нечистаго племени Персидскихъ райевъ, по сочувствію существующему между невѣрными, составляющими одно и то-же племя, совершалъ гнусный торгъ остатками своей лживой вѣры, мѣняя ее на новую неосновательную вѣру Русскихъ.... Сей нечестивецъ, вслѣдствіе своей кабаньей смѣлости и собачьей наглости, проявленныхъ во многихъ битвахъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Ширемета, искаженное ширъмертъ (человѣкъ левъ или храбрый какъ левъ), —во главѣ 90.000 діаволовъ—своихъ собратій, преслѣдовалъ ханское войско, на подобіе огневой пыли»[229].

[229] Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'Histoire de Russie. St. Pétersbourg. 1834. Dissertation lue par F. B. Charmoy. Считаемъ нужнымъ оговориться, что приведенное мѣсто изъ сочиненія Ризы переведено не съ подлинника, а съ Французскаго текста нашего знаменитаго оріенталиста.

Не представляется никакой надобности останавливаться на фантастическихъ разсужденіяхъ восточныхъ авторовъ о происхожденіи Шереметева. Послѣ всего предъидущаго было бы странно доказывать, что родъ Шереметевыхъ начинается не съ героя Судьбищенскаго боя.... Приведенные отрывки дороги для насъ только какъ доказательство того, что самъ непріятель отдавалъ должное Шереметеву, какъ воину «славному отважностью», свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что храбрость его «проявлялась во многихъ битвахъ».

ГЛАВА XIII.

Выше было сказано, что вскорѣ послѣ Судбищенскаго боя, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ былъ привезенъ въ Тулу. Здѣсь больной имѣлъ утѣшеніе увидѣться со всѣми своими братьями (кромѣ Семена Васильевича), прибывшими въ Тулу при войскѣ, приведенномъ самимъ царемъ для Крымскаго дѣла. Никита Васильевичъ, по прежнему, находился въ государевомъ полку, выборнымъ головою для разсылокъ; Иванъ Меньшой Васильевичъ былъ вторымъ воеводою ертоульнаго полка; Ѳедоръ Васильевичъ (въ первый разъ здѣсь упоминаемый) состоялъ въ государевомъ же полку «рындою съ первымъ государевымъ копьемъ», а Семенъ Васильевичъ остался съ передовымъ полкомъ у Николы Зарайскаго[230].

[230] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 124, 125, 127 и 132.

Какъ извѣстно, царь Московскій во время походовъ имѣлъ при себѣ особый полкъ и военный дворъ, который составляли: дворовые воеводы, оружейничіе, окольничіе, а также рынды. На эти послѣднія придворныя должности обыкновенно выбирали рослыхъ и благообразныхъ юношей изъ лучшихъ фамилій. Въ государевыхъ походахъ рынды находились неотлучно при особѣ государя. Они носили его оружіе, пищаль, саадакъ (большой, малый и третій), копье (большое и малое), рогатину, самопалъ и всѣ доспѣхи. При каждомъ рындѣ было по нѣскольку молодыхъ людей, называвшихся подрындами или поддатнями[231]. При Ѳедорѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, державшемъ большое государево копье, было трое поддатней.

Въ Тулѣ царь пробылъ всего два дня и возвратился въ Москву, куда отправился и Иванъ Васильевичь Шереметевъ, съ двумя меньшими братьями—Иваномъ Меньшимъ и Ѳедоромъ. Семенъ же Васильевичь Шереметевъ посланъ былъ на воеводство въ Великій Новгородъ съ почетнымъ званіемъ дворецкаго Новгородска-

[231] Гавріилъ Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Изд. 2. Харьковъ. 1818. стр. 164—166.

го, а Никита Васильевичь назначенъ на самую границу съ Ливоніей, намѣстникомъ въ пограничную крѣпость Ивань-городъ, выстроенную еще въ 1492 году, на крутомъ берегу рѣки Наровы (впадающей въ Финскій заливъ), насупротивъ Ливонской крѣпости Нарвы. Оба эти назначенія, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, были довольно важны. Дѣло въ томъ, что послѣднія завоеванія наши на востокѣ, а также сближеніе съ Англіей по дѣламъ торговымъ[232] сильно озабочивали нашихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей Шведовъ. Они чуяли, что могущество Московскаго государства будетъ имъ не на добро. Король Густавъ-Ваза, на всякій случай, спѣшилъ обезпечить себя союзомъ съ Польшей, Ливоніей, Пруссіей и Даніей, тайно склоняя ихъ къ совокупнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ опаснаго сосѣда. Пока шли переговоры объ этомъ, споры наши съ Швеціей о неясныхъ границахъ обоихъ государствъ принимали все болѣе и болѣе острый характеръ. Русскіе, ссылаясь на старые договоры, признавали

[232] 24 августа 1554 года, первый Англійскій корабль съ капитаномъ Ченслеромъ присталъ къ нашему сѣверному берегу, у монастыря Св. Николая, гдѣ нынѣ городъ Архангельскъ.

границей рѣку Сестру, впадающую въ Финскій заливъ, немного выше Невы; Шведы же, не слушая никакихъ возраженій, переходили эту рѣку, косили сѣно, запахивали поля; потомъ стали даже жечь наши села, задерживали купцовъ, а одного сына боярскаго «на колъ горломъ посадили». Русскіе, разумѣется, отвѣчали тѣмъ-же: переходили на Шведскую территорію и жгли тамъ села и нивы. Все это происходило верстахъ въ 120-ти отъ Ивань-города, въ которомъ «берегъ государево дѣло» намѣстникъ Никита Васильевичь Шереметевъ. Въ сентябрѣ 1555 года, когда война и не была еще объявлена, Шведскій адмиралъ Яковъ Багге съ нѣсколькими судами появился съ моря на Невѣ и на спросъ Русскихъ о причинѣ такого появленія отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, объявлена ли война между обоими государствами или нѣтъ[232]; а между тѣмъ плылъ далѣе, и подойдя къ Орѣшку (по Шведски—Нотебургу)[233], осадилъ его вмѣстѣ съ подоспѣвшими изъ Выборга пѣшими войсками. Осажденные три недѣли отбивались отъ Шведовъ,

[232] Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Спб. 1807. Т. III. стр. 583.

[233] Нынѣшній Шлюссельбургъ.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

Исеменъ шереметевъ на тѣхъ приходилъ
А которые поѣхати нитѣ мцы выходили за
невꙋ, на ноꙋгородцкꙋю
сторонꙋ. и оутѣ
иѕыиснто
има
лв

Фотолитографія художника М. Панова Москва. Петровка д. Кредитнаго Общества.

пока изъ Новгорода не явилось къ нимъ на выручку Московское войско подъ начальствомъ князя Андрея Ивановича Суздальскаго-Ногтева, дворецкаго Семена Васильевича Шереметева и Захарія Ивановича Плещеева. Съ этой стороны Невы наступалъ князь Ногтевъ, съ той стороны (Выборгской)—Семенъ Васильевичь Шереметевъ; они всячески тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда[234]. Шведскій историкъ повѣствуетъ, что сухопутнымъ войскамъ осаждавшаго не оставалось ничего болѣе какъ только отступить отъ Орѣшка, но что и это было сопряжено съ великими затрудненіями. Адмиралъ Багге съ своимъ флотомъ едва выбрался изъ Невы, преслѣдуемый непрестанными нападеніями Русскихъ, и возвратился въ Выборгъ 4 октября[235].

По удаленіи Багга, Московскіе воеводы пошли къ Выборгу. Большой полкъ велъ князь Ногтевъ, передовой — Семенъ Васильевичь Шереметевъ, а сторожевой—Плещеевъ. Верстахъ въъ сорока отъ Орѣшка, наши встрѣти-

[234] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 238 и 249.— Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. VIII. стр. 245.

[235] Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Т. III. стр. 584.

лись съ многочисленнымъ Шведскимъ войскомъ. Встрѣча эта, по видимому, застигла врасплохъ Московскихъ воеводъ. Ихъ полки были не въ полномъ составѣ, что̀ можно заключить изъ слѣдующаго замѣчанія лѣтописца: «а люди съ ними (т. е. съ воеводами) не сошлися и тѣ, коимъ наряжено»[236]. По словамъ Шведскаго историка, Московскія войска, потерпѣвъ великое пораженіе, бѣжали и преслѣдуемы были до тѣхъ поръ, пока не наступилъ темный вечеръ, который такимъ образомъ спасъ ихъ[237]. Нашъ же лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующее: «И Нѣмцы (Свѣи) изъ пищалей и изъ пушекъ на полки учали стрѣляти, и передовой полкъ (Шереметева) дрогнулъ и всѣ отъѣхали, не въ мѣру имъ были люди; а не убили тутъ Нѣмцы никого; на обѣ стороны мертвыхъ, отъ стрѣлъ и отъ пищалей, человѣкъ по пяти и по шти»[238]. Наши возвратились назадъ, но и Шведы ушли въ Финляндію.

Король Густавъ-Ваза хорошо понималъ, что нападеніе Багга не могло остаться безъ

236 Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 249.
237 Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Т. III. стр. 584.
238 Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 249.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И тѣ́х въ кои́ мѣ̑ наряжено, и̑ приходи́ли на
нѣ́мцы и̑ нѣ́мцы и̑с пища́леи, и̑ ис пу
шекъ на поли́ и̑ оучаст стрѣла̑. и̑ передово
полкъ дрогнулъ. и̑ посѣ̑ о̑тъѣ̑хали нѣ́мцы
роубы ихъ и̑мъ люди. а̑ не оубили тоу тѣ̑
нѣ́мцы никого на о̑бе стороны мр҃твы
о̑ стрѣлъ и̑ о̑ пищалеи чл҃къ по пяти
пошти.

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

О ѿпоущенїи воеводъ на свиiского короля.

Того году, м(е)с(я)ца декабря ѿпоустилъ ц(а)рь
велики(и) кн(я)зь на свиiского короля гостя
на воеводъ и за его неправду. в болше(м)
полку боярин(ъ) и воевода кн(я)зь Петръ Ми
хаиловичь Щенятевъ, да боярин(ъ)
и воевода кн(я)зь Дмитреи Федоровичь
Палецкои. в передовомъ полку вое
воды Семенъ да Никита Васильеви
чи Шереметевы. в правои роуке кн(я)зь
Андреи Ивановичь Нохтевъ, да Ива
нъ меншеи Васильевичь Шереметевъ. в ле
вои роуке Захарiа Ивановичь Очинъ. да
Михаило Петровичь Головинъ. в сто
рожевомъ полку кн(я)зь Дмитреи Семено
вичь Шастуновъ. да Петръ Петро
вичь Головинъ. да ѿпоустилъ г(осу)д(а)рь
ц(а)р(е)вича Астороханского Каибоулоу Ахку
бековича. а с нимъ городецкихъ татаръ
всехъ. а велелъ ему ходити за пе
редовымъ полкомъ, и имъ сказавъ
г(осу)д(а)рь воеводъ ѿпоустилъ.
и ц(а)р(е)вича. велелъ
в новѣ горо
дѣ зби
рати
ся

отомщенія со стороны Москвы, а потому дѣятельно занялся приготовленіями къ войнѣ. Престарѣлый король, не смотря на то, что въ то время начинала свирѣпствовать моровая язва въ Выборгской сторонѣ, самъ ѣздилъ всюду и дѣлалъ нужныя распоряженія. Весь флотъ онъ собралъ на зимовку въ Гельсингфорсѣ, поставивъ его въ порядкѣ, напоминавшемъ правильно устроенный городъ, съ широкими улицами по льду между кораблями; а сухопутныя войска, во всякую минуту готовыя идти на помощь флоту, расположились въ вагенбургѣ, вдоль морскаго берега[239].

Приготовлялись къ войнѣ и на нашей сторонѣ. Въ Новгородѣ собиралось большое войско и распредѣлялись воеводы по полкамъ. Главное начальство поручено было князю Петру Михайловичу Щенятеву, а князь Дмитрій Ѳедоровичь Палецкій назначенъ къ нему въ товарищи. Передовой полкъ порученъ былъ опять Семену Васильевичу Шереметеву, а въ товарищи къ нему вызвали изъ Ивань-города брата его Никиту Васильевича Шереметева; въ правую руку опредѣленъ воеводою князь Андрей Ивановичь Суздальскій-Ногтевъ, а къ

[239] Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Т. III. стр. 585.

нему въ товарищи присланъ изъ Москвы Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. Въ лѣвой рукѣ написаны были воеводы: Захарій Ивановичь Плещеевъ и Михаилъ Петровичь Головинъ; въ сторожевомъ полку—князь Дмитрій Семеновичь Шестуновъ и Петръ Петровичь Головинъ[240]. Ертоульный же полкъ порученъ князю Никитѣ Борисовичу Пріимкову-Ростовскому и Ѳедору Пушкину. Замѣчательно, что къ Новгородскому войску присланъ былъ также отрядъ вновь покоренныхъ Астраханскихъ Татаръ, съ ихъ царевичемъ Кайбулою Ахкубековичемъ, прибывшимъ на службу въ Москву еще въ маѣ 1552 года[241]. Въ Иванъ-городъ, на мѣсто Никиты Васильевича Шереметева, назначенъ былъ Михаилъ Васильевичь Годуновъ. Предписано было принять мѣры, чтобы этотъ важный пунктъ не остался безъ начальника, на тотъ случай, еслибъ Годуновъ не явился туда къ назначенному сроку. По этому поводу Семенъ Васильевичь Шереметевъ получилъ изъ Москвы нижеслѣдующую царскую грамоту, отъ 17 ноября 1555 года: «Отъ царя и вели-

[240] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 252.

[241] Царевичу Кайбулѣ тогда же отданъ былъ въ кормленіе городъ Юрьевъ со всѣми его доходами (Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XVII. 154).

каго князя Ивана Васильевича, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, дворецкому нашему Семену Васильевичю Шереметеву, да дьякомъ нашимъ: Ѳедору Борисову сыну Еремѣеву да Казарину Дубровскому. Послали есмя на Иванъ-городъ Михайла Васильевича Годунова, а велѣли ему быти на Иванѣ-городѣ за недѣлю до Николина дни, и дѣла нашего беречи: и какъ Михайло на Иванъ-городъ поѣдетъ, а будетъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и вы бъ Михайлу нашъ наказъ о береженьѣ дали, по томужъ, какъ даваны были напередъ сего. Да нѣчто Михайло Годуновъ до того сроку въ Новгородъ не пріѣдетъ, и вы бъ послали на Иванъ-городъ сына боярскаго сверстна, или городничего, котораго пригоже, а велѣли ему побыти на Иванѣ-городѣ, доколѣ на Иванъ-городъ пріѣдетъ Михайло Годуновъ, чтобъ тамъ на Иванѣ-городѣ намѣстнику нашему Никитѣ Васильевичю Шереметеву нашего для дѣла не замотчать»[242].

За двѣ недѣли до Рождества, когда все войско было уже снаряжено, Новгородскій намѣстникъ князь Палецкій попытался-было уладить дѣло мирнымъ путемъ. Онъ послалъ къ Швед-

[242] Дополненіе къ актамъ историческимъ. Т. I. стр. 127.

скому королю, въ Выборгъ, грамоту, съ предложеніемъ либо самому прибыть на рубежъ для переговоровъ, либо прислать для сего лучшихъ людей, предупреждая, что если къ Рождеству не будутъ высланы полномоченные, то «кровь старыхъ и молодыхъ проліется отъ него Густава короля и его державцевъ, а не отъ Московскаго государя и его намѣстника». Король, всегда раздражавшійся обычаемъ Московскаго двора сноситься съ нимъ не непосредственно, а черезъ Новгородскаго намѣстника, не отвѣчалъ князю Палецкому. Выборгскіе чиновники послали отъ себя въ Новгородъ отписку, въ которой, не говоря ни слова о мирномъ съѣздѣ, объясняли, что адмиралъ Багге воевалъ своевольно безъ королева вѣдома, причемъ похвалялись тѣмъ, что наши воеводы «дрогнули» отъ адмирала[243]. Такой отвѣтъ развязывалъ руки Московскимъ воеводамъ и они, въ началѣ 1556 года, о Крещеньи, пошли за Шведскій рубежъ «мстити за свою обиду, какъ милосердый Богъ поможетъ».

Всѣ мѣста по пути слѣдованія нашихъ войскъ къ Выборгу предавались огню и мечу. Шведы, гонимые Московскими полками, сами

[243] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 253.

Хромолитогр. В.К. Бахманъ въ Москвѣ.

Ꙗ не доходѧ до Выбора за .е҃. верстъ встрѣ
тили нѣмцы конные и пѣшие. И при
шли на ертаоулскои полкъ. А въ ерто
оулѣхъ были кн҃зь Никита Приимковъ
Ростовской да Федоръ Поушкинъ,
и Федора с коня збили. И ранили добрѣ
а кн҃зя Никиту ранили же. И полкъ
ертоулскои потоптали :

Фотолитографія художника М. Панова Москва. Петровка д. Кредитнаго Общества.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И напоустили передовымъ полкомъ. семе(н) данилича шереметева. и которые пришли на артоулской полкъ тѣхъ побили немного

пв

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

И гонили ихъ с версту по горѹ. а тоут оу
нихъ конные и пѣшие многие с пищали
стоят в камение. приѣзды с ним
тѣсен. и тоут ранили воеводоу
никитоу васильє
вича шереме
тева:

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

А поспѣвши с ними мѣ царевичь казанской и Булатседо
имъ полкомъ. И учали
с ними тпоутѣ
битиса

а ѡ солоѡбше правою рукою и в хамелешо пшира хле
тьс да побили и вмесе на голову и топтали до са
мого вазвора

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

зажгли свой городокъ Киновепь (Кивенъ, Кинодепь), но наши ворвались въ городокъ вслѣдъ за ними и успѣли еще захватить 7 пушекъ и «рухлядь всякую многую». Выжегши Киновепь до основанія, Московское войско устремилось къ Выборгу и въ 5 верстахъ отъ этого города имѣло первый бой съ непріятелемъ. Шведская пѣхота, поддерживаемая конницею, опрокинулась на ертоульный полкъ князя Пріимкова-Ростовскаго и смяла-было его, но на выручку ертоула явились братья Шереметевы, Семе̂нъ и Никита Васильевичи, съ своимъ передовымъ полкомъ. Шереметевы сильно побили Шведовъ и гнали ихъ съ версту подъ гору, но тутъ наскочили на передовые по̂сты непріятеля, который встрѣтилъ нашихъ залпомъ изъ пищалей, причемъ Никита Васильевичь Шереметевъ былъ раненъ. Шведы занимали весьма выгодное положеніе между скалами «и въ ка́меніе пріѣздъ къ нимъ былъ тѣсенъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Къ счастію, подоспѣлъ на помощь царевичь Кайбула съ Астраханскими Татарами, а Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, предводительствовавшій, за болѣзнію князя Ногтева, правою рукою, удачно зашелъ въ тылъ Шведамъ,

отъ Выборга. Непріятель, стѣсненный съ двухъ сторонъ, былъ разбитъ на-голову и разбѣжался, оставивъ въ нашихъ рукахъ множество королевскихъ дворянъ. Послѣ того все наше войско обступило Выборгъ. Три дня били по городу изъ наряду[244], но Выборгскія крѣпкія стѣны не поддавались. На четвертый день, въ Московскомъ станѣ узнали, что на помощь осажденнымъ высланы изъ Стекольни (Стокгольма) свѣжія войска и что они уже приближаются къ Выборгу. На встрѣчу этой подмоги Московскіе воеводы послали особый отрядъ, который разбилъ Шведовъ при Латрецкомъ погостѣ, верстъ за 100 отъ Выборга. Посылка эта подорвала, однако, силы осаждавшихъ и Выборгъ не былъ взятъ. Не смотря на это, Русскіе по праву считали себя побѣдителями, потому что вредъ нанесенный Шведамъ былъ дѣйствительно весьма великъ. Выборгскій край былъ раззоренъ и выжженъ, а плѣнныхъ оказалось такъ много, что мужчину продавали за гривну, а дѣвку—за 5 алтынъ. Самъ Грозный остался очень доволенъ дѣйствіями нашихъ воеводъ и посылалъ къ нимъ съ жалованьемъ[245].

[244] Далинъ говоритъ, у насъ было 15 полевыхъ орудій и 2.000 пищалей (Исторія Шведскаго государства. Т. III. 586).

[245] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 254—255.

«И воеводы во свояси здраво пріидоша, свѣтлу побѣду носяще, и хваляще Бога»[246].

Изъ вкладной книги Троице-Сергіева монастыря видно, что въ мартѣ 1556 года, Семенъ Васильевичь Шереметевъ былъ уже въ Москвѣ и 27 числа посѣтилъ обитель, конечно, для благодарственной молитвы у раки преподобнаго Сергія, по случаю благополучнаго возвращенія изъ дальняго похода. Тогда же онъ далъ вкладу по своимъ родителямъ и по себѣ 100 рублей[247].

Въ томъ-же 1556 году, Семенъ Васильевичь Шереметевъ пожалованъ былъ въ бояре[248], а Никита Васильевичь Шереметевъ—въ окольничіе. Должно полагать, что пожалованія эти не имѣли прямаго отношенія къ отличіямъ въ послѣднюю войну: иначе было бы непонятно, почему обойденъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, успѣшныя дѣйствія котораго въ тылъ непріятеля очевидно рѣшили

246 Книга степенная царскаго родословія. Ч. II. стр. 274.

247 Въ вкладной монастырской книгѣ (л. 120) отецъ Семена Васильевича названъ мірскимъ именемъ Василіемъ, а мать Киликеею—вѣроятно также мірское имя, ибо въ постригѣ она наречена была Евпраксіею.

248 Какъ извѣстно, боярство жаловалось только окольничимъ; но по послужнымъ спискамъ не видно, когда именно Семенъ Васильевичь Шереметевъ былъ пожалованъ этимъ послѣднимъ чиномъ. Въ разрядахъ онъ ни разу не былъ названъ окольничимъ.

судьбу боя подъ Выборгомъ. Предположеніе это подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ спискѣ лицъ, которымъ одновременно съ Шереметевыми сказано было боярство и окольничество, нѣтъ ни одного изъ участвовавшихъ въ Шведской войнѣ[249].

И Шведы и Русскіе въ одинаковой мѣрѣ нуждались въ скорѣйшемъ окончаніи войны. Король Густавъ-Ваза сознавалъ, что безъ помощи Польши и Ливоніи, обманувшихъ на этотъ разъ его ожиданія, онъ не въ силахъ бороться съ Москвою. А Грозному предстояли новыя заботы съ Крымцами.

Девлетъ-Гирей, не успѣвъ еще оправиться отъ значительныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ Судбищенскомъ бою съ Шереметевымъ, въ началѣ 1556 года приготовлялся уже къ новому набѣгу на Московскую украйну. Въ маѣ мѣсяцѣ получена была вѣсть, что ханъ вышелъ со всѣми людьми на Конскія-воды и запасается продовольствіемъ на все лѣто. По этому извѣстію, царь Иванъ Васильевичь съ братьею и боярами рѣшилъ самъ идти съ войскомъ въ Серпуховъ, потомъ въ Тулу, затѣмъ, выйдя къ полю, дожидаться тамъ полныхъ вѣстей о

[249] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 41.

томъ, куда именно пойдетъ ханъ: на Рязань, Одоевъ или Козельскъ, и сообразно съ этими вѣстями, «дѣлати съ нимъ прямое дѣло, какъ Богъ поможетъ».

ГЛАВА XIV.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1556 года, предъ заговѣньемъ Петровымъ, Грозный выступилъ съ своимъ полкомъ изъ Москвы. При государѣ были опять три брата Шереметевы: бояринъ Иванъ Васильевичь Большой, окольничій Никита Васильевичь и Өедоръ Васильевичь. Послѣднему сказано было быть рындою у государевой рогатины[250]. При государѣ же находились: братъ его, Старицкій князь Владиміръ Андреевичь, бывшій царь Казанскій Едигеръ (уже принявшій христіанство съ именемъ Симеона) и Астраханскій царевичь Кайбула съ своими Татарами. По прибытіи въ Серпуховъ, царь осмотрѣлъ все войско и сдѣлалъ нужныя распоряженія къ дальнѣйшему движенію. Окольничій Никита Васильевичь Шереметевъ уже посланъ былъ въ поле занять мѣста за рѣкою Шиворо-

[250] Древняя Россійская Вивліоөика. Ч. XIII. стр. 253—255.

Хромолитогр. В. К. Бахманъ въ Москвѣ.

о приговорѣ црскомъ. И потомъ цр҃а при
говорилъ гдрь итти и зарекоу. а ѿсю
ли ничего своего Никитоу Васильеви
ча Шереметева ѿпоусти.
а велѣлъ мѣста
занати за
шаворо
ною на
поле.

Фотолитографія художника М. Панова Москва, Петровка, д. Кредитнаго Общества.

ною[251]. Но всѣ эти приготовленія оказались излишними. Дьякъ Ржевскій, посланный еще въ мартѣ подъ Крымскіе улусы добывать языковъ, прислалъ сказать государю, что ханъ не пойдетъ къ Московскимъ украйнамъ, потому что боится царскаго войска, а главное—по случаю мороваго повѣтрія, распространившагося въ его полчищахъ[252].

По полученіи извѣстія отъ Ржевскаго, Грозный вызвалъ окольничаго Никиту Васильевича Шереметева съ поля въ Серпуховъ и возвратился въ Москву, оставивъ, на всякій случай, воеводъ своихъ въ разныхъ пограничныхъ мѣстахъ, для осенняго прихода Крымскихъ людей. Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, находившійся еще до выступленія царя изъ Москвы въ Рязанскомъ городкѣ Михайловѣ, а потомъ, по прибытіи государевомъ въ Серпуховъ, отправленный въ поле къ Усть-Ельцу, опять возвращенъ въ Михайловъ, куда посланъ былъ и меньшой братъ его Ѳедоръ Васильевичь[253].

Отсрочка войны съ Девлетъ-Гиреемъ и

[251] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 256.—Рѣчка Шиворона, Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, впадаетъ въ Упу.

[252] Татищевъ. Исторія Россійская. Книга 5. стр. 446—447.

[253] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 251—252.

миръ, заключенный съ Швеціей, давали возможность свободнѣе заняться Ливоніей, стоявшей на очереди въ общей системѣ расширенія предѣловъ Московскаго государства. Ливонія закрывала отъ насъ море и мѣшала естественному распространенію государства на западъ. Этого достаточно для объясненія вѣковой тяжбы нашей съ Ливоніей. Географическое положеніе этой страны, съ открытыми границами къ намъ, уже само по себѣ давало много поводовъ къ столкновенію съ Москвою. Въ описываемое время война съ Ливонцами была вызвана уклоненіемъ ихъ платить намъ дань по старымъ договорамъ съ Русскими великими князьями. Московскіе бояре, находя однако болѣе полезнымъ беречь пока силы для борьбы съ Крымомъ, не выказывали расположенія начинать войну съ Ливонцами и спорили изъ-за нея съ царемъ. Но Грозный въ то время уже дѣйствовалъ по-своему и настоялъ на войнѣ, начавшейся съ того, что осенью 1557 года, сорокатысячное войско, подъ начальствомъ бывшаго Казанскаго царя Шигъ-Алея, двинуто было на Ливонцевъ «не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати»[254],

[254] Сказанія князя Курбскаго. стр. 54.

иначе сказать, пройти страну съ огнемъ и мечемъ.

Незадолго до этого суроваго рѣшенія, именно 31 мая 1557 года, царица Анастасія Романовна разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Өеодоромъ[255] (будущимъ царемъ Өеодоромъ Ивановичемъ). Одновременно съ этимъ радостнымъ событіемъ, можетъ быть даже по поводу его, Никита Васильевичь Шереметевъ пожалованъ былъ въ бояре, а братъ его Иванъ Васильевичь Меньшой—въ окольничіе[256].

Войско, назначенное для Ливонскаго похода, собралось въ Новѣгородѣ. Тутъ были и Новгородцы съ Псковичами, и изъ Московскихъ городовъ многіе люди выборомъ, множество Татаръ вновь покоренныхъ царствъ[257], и Черкасы Пятигорскіе. Въ большой полкъ, кромѣ Шигъ-Алея, назначены были родственники царя—князь Михаилъ Васильевичь Глинскій и Данила Романовичь Юрьевъ. Передовой полкъ порученъ былъ Астраханскому царевичу Тохтамышу, Ивану Васильевичу Большому Шереметеву, Алексѣю Даниловичу Плещееву-

[255] Это былъ третій сынъ. Второй—царевичь Иванъ родился 28-го марта 1554 года.

[256] Древняя Россійская Вивліоөика. Ч. XX. стр. 42.

[257] Книга степенная царскаго родословія. Ч. II. стр. 276.

Басманову и Данилу Ѳедоровичу Адашеву. Правою рукою начальствовалъ царевичь Кайбула съ княземъ Васильемъ Семеновичемъ Серебрянымъ и вновь пожалованнымъ окольничимъ Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ. Въ сторожевой полкъ написаны: князь Андрей Михайловичь Курбскій и Петръ Петровичь Головинъ[258]. Семенъ и Никита Васильевичи Шереметевы не участвовали въ этомъ первомъ Ливонскомъ походѣ, потому что въ то время оба они, одинъ за другимъ, были на воеводствѣ въ Казани: первый съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Микулинскимъ, а второй съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Воротынскимъ[259]. Ѳедоръ же Васильевичь Шереметевъ оставался въ Москвѣ при государѣ.

22 января 1558 года, въ страшную стужу, войско Московское вторглось въ Ливонію и, въ теченіи мѣсяца, опустошило ее въ разныхъ направленіяхъ на пространствѣ 200 верстъ. Ливонцы не давали никакого отпора и съ ужасомъ разбѣгались въ укрѣпленные города. Только одинъ Юрьевъ (Дерптъ) обнаружилъ

[258] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 293.

[259] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки. 1830 года. Ч. 44. стр. 105).—Дворцовые Разряды. Т. II. стр. 32.

нѣкоторые признаки сопротивленія. Когда наши войска подошли къ этому городу, оттуда вылѣзли пѣшіе и конные Нѣмцы, въ числѣ 500 человѣкъ, и бросились на ертоулъ. Воевода передоваго полка Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ послалъ противъ нихъ голову Василья Вешнякова съ дѣтьми боярскими, которые вмѣстѣ съ дѣтьми же боярскими правой руки, отправленными воеводами княземъ Серебрянымъ и Ивановъ Меньшимъ Шереметевымъ, разбивъ на-голову смѣльчаковъ, гнали ихъ до самыхъ городскихъ стѣнъ и возвратились съ полсотней плѣнныхъ[260]. Московскіе воеводы, пройдя съ огнемъ и мечемъ всю Ливонію до Финскаго залива, возвратились, въ концѣ февраля, въ Ивань-городъ и оттуда послали къ гермейстеру Ливонскаго ордена Фирстенбергу грамоту, въ которой объяснили ему, что страна наказана за его неисправленіе и клятвопреступленіе, присовокупивъ: «аще не исправитеся предъ государемъ, горша сего узрите надъ вами»[261]. Гермейстеръ умолялъ воеводъ о заступничествѣ, обѣщая внести требуемую дань. Заключенное вслѣдствіе этого обѣщанія переми-

260 Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 297.
261 Книга степенная царскаго родословія. Ч. II. стр. 276.

ріе было нарушено жителями города Нарвы (по нашему Ругодива). Въ то время какъ благочестивые Ивань-городцы, по случаю великаго поста отложивъ злобу дня, говѣли и молились въ церквахъ, Нарвскіе Нѣмцы, по выраженію современника «ужравшися и упившися», потѣхи ради, стали стрѣлять черезъ рѣку по Ивань-городу и «побиша люду немало христіанскаго, со женами и дѣтками, и проліяша кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни»[262]. Вѣроломство Нѣмцевъ пробудило ярость въ Московскомъ войскѣ. Ливонія снова задымилась кровью. 11 мая была взята Нарва, не смотря на жестокое сопротивленіе ея жителей. Въ іюлѣ обложенъ былъ Дерптъ. «И стояли есмы—пишетъ участникъ осады князь Курбскій—подъ тѣмъ великимъ мѣстомъ и градомъ двѣ недѣли, пришанцовася и заточа дѣла и все мѣсто тое облегши, отъ негоже не могоша уже не исходити, ни входити въ него; и бишася съ нами крѣпцѣ, бронящеграда и мѣста, яко огненною стрѣльбою, тако частыя вытечки творяще на войско наше, воистину яко достоитъ рыцарскимъ мужемъ»[263]. 20-го числа сдался

[262] Сказанія князя Курбскаго. стр. 55.
[263] Тамъ-же, стр. 60.

Дерптъ, примѣру котораго послѣдовали Ревель и многіе другіе Ливонскіе города.

Въ сентябрѣ войско наше, оставивъ въ завоеванныхъ городахъ гарнизоны, возвратилось въ Москву «съ великою и свѣтлою побѣдою». Въ числѣ другихъ воеводъ, оставленъ былъ въ пограничномъ съ Ливоніей городкѣ Вышегородѣ сынъ боярскій Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, незадолго предъ тѣмъ прибывшій изъ Москвы.

Удаленіемъ Московскаго войска воспользовался новый гермейстеръ Ливонскаго ордена Готгардъ Кетлеръ. Собравъ болѣе 10.000 ратниковъ, онъ напалъ на одинъ изъ завоеванныхъ нами городковъ Рингенъ (Рындехъ, Рынголъ), въ которомъ сидѣлъ стрѣлецкій голова Русинъ Игнатьевъ, а съ нимъ всего 40 дѣтей боярскихъ и 50 стрѣльцовъ[264]. Оставшіеся въ Ливоніи воеводы, въ томъ числѣ и Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, поспѣшили на выручку Игнатьева; но они, не имѣя возможности собрать болѣе 2000 человѣкъ, принуждены были ограничиться нападеніемъ на отдѣльные отряды Нѣмцевъ, выходившіе

[264] Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 5. стр. 133 (Лѣтописецъ Нормантскаго, въ которомъ описываемое событіе ошибочно отнесено къ 1554 году).

за сборомъ кормовъ[265]. Кетлеръ взялъ Рингенъ, опустошилъ пограничныя мѣста Псковской области, но на дальнѣйшія военныя дѣйствія не отважился, устрашась возвращенія Русскаго войска изъ Москвы и наступавшей стужи.

Между тѣмъ, Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, довѣрясь ложному слуху, что Московскій царь, вслѣдствіе новыхъ замѣшательствъ въ Ливоніи, выступилъ будто-бы туда со всѣми своими силами, рѣшился напасть врасплохъ на наши украйны, пренебрегая опасностями такого предпріятія въ суровую зиму: «та бо зима зѣло была студена и снѣги великіе»[266]. До ста тысячъ Крымцевъ пустилось тремя отрядами на Рязань, Тулу и Каширу. Ханскій сынъ Мегмедъ-Гирей, предводительствовавшій главнымъ отрядомъ, достигъ уже рѣки Мечи, протекающей верстахъ въ 50-ти отъ Судьбищъ. Здѣсь плѣнные рыбаки сказали царевичу, что государь не выходилъ изъ Москвы и что въ Ливоніи находится только малая часть нашего войска. «А Иванъ Шереметевъ въ Нѣмцахъ-ли»? допытывалъ царевичь. Рыбаки отвѣтили, что Шереметевъ находится въ Ря-

[265] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 310—311.
[266] Сказанія князя Курбскаго. стр. 61.

зани. Показаніе это навело ужасъ на Татаръ: «И Божіимъ милосердіемъ,—говоритъ лѣтописецъ,—пріиде на нихъ страхъ и трепетъ и вскорѣ назадъ воротились, на бѣгство устремишася»[267]. Это было въ декабрѣ 1558 года; а въ началѣ слѣдующаго 1559 года, братъ Ивана Васильевича Шереметева, одно имя котораго наводило ужасъ на Крымцевъ, окольничій Иванъ Меньшой Васильевичь Шереметевъ пожалованъ былъ въ бояре. Вмѣстѣ съ нимъ пожалованъ въ окольничіе братъ царицы, Никита Романовичь Юрьевъ[268] (дѣдъ царя Михаила Ѳедоровича).

Ханъ Девлетъ-Гирей не успѣлъ еще опомниться, какъ въ самомъ Крыму появилось восемь тысячъ Русскихъ воиновъ, предводительствуемыхъ окольничимъ Даниломъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ. Они на ладьяхъ спустились отъ Кременчуга къ устью Днѣпра, захватили на морѣ два корабля, высадились въ Крыму и проникли въ такія мѣста, въ которыхъ, по выраженію лѣтописца, «Русская сабля кровію очервлена не бывала и по се время, ниже трубѣ прежъ сего гласящи, православно воинство

[267] Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 5. стр. 137.

[268] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 43.

созывающе»[269]. Болѣе двухъ недѣль Адашевъ безнаказанно гулялъ по Крыму, выжигая селенія, хватая стада. Онъ освободилъ множество плѣнныхъ Русскихъ и Литовцевъ, и нагрузивъ ладьи большою добычею, съ торжествомъ вернулся тѣмъ-же путемъ домой.

Курбскій повѣствуетъ, что въ это время многіе бояре, одушевленные подвигомъ Адашева, опять совѣтовали царю воспользоваться паникою, господствовавшею въ Крыму, и просили послать туда сильное войско, чтобы навсегда покончить съ врагами старовѣчными, христіанскими кровопивцами. Но Грозный упорствовалъ, по-прежнему, подчиняясь вліянію «ласкателей, добрыхъ и вѣрныхъ товарищей трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзей»[270]. Въ январѣ 1559 года, послано было сто-тридцати-тысячное войско, но не въ Крымъ, а на Ливонцевъ, наказать ихъ за дерзкое впаденіе въ наши собственныя владѣнія. И этотъ новый походъ не обошелся безъ участія Шереметевыхъ. Главное начальство надъ войскомъ поручено было боярину князю Семену Ивановичу Микулинскому-Пункову и его товарищу

[269] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. VIII, примѣчаніе 562.

[270] Сказанія князя Курбскаго. стр. 64.

Петру Васильевичу Морозову. Въ передовой полкъ назначены князь Василій Семеновичь Серебряной и Никита Романовичь Юрьевъ; въ правую руку—князь Юрій Ивановичь Кашинъ-Оболенскій и вновь пожалованный бояринъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ; въ лѣвую руку—князь Петръ Семеновичь Серебряной и Иванъ Андреевичь Бутурлинъ; въ сторожевой полкъ—Михаилъ Яковлевичь Морозовъ и Ѳедоръ Игнатьевичь Салтыковъ[271]. По другому же разряду, въ передовомъ полку написанъ въ воеводахъ сынъ боярскій Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, вызванный изъ Псковскаго городка Острова[272]. Въ войскѣ князя Микулинскаго, вступившемъ въ Ливонію 15 января, было много Татаръ съ царевичемъ Тохтамышемъ, Черемисы и Черкасовъ Пятигорскихъ. По замѣчанію лѣтописца, «въ то время зима была добрѣ студена»[273] и это еще болѣе увеличивало ужасъ нашествія. Войска исходили всю страну «и не бѣ мѣста идѣже не воеваша». На морѣ, подъ самой Ри-

271 Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 5. стр. 136 (Лѣтописецъ Нормантскаго, въ которомъ и этотъ разрядъ ошибкою отнесенъ къ 1554 году).

272 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 280.

273 Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 311.

гой сожжено было множество кораблей. Взявъ семь Ливонскихъ городовъ и опустошивъ страну изъ конца въ конецъ, Московскія войска, по случаю даннаго Нѣмцамъ перемирія до ноября, возвратились 17 февраля въ Вышегородъ[274]. Перемиріе это было дано вслѣдствіе ходатайствъ сосѣднихъ дворовъ Шведскаго, Датскаго и Литовскаго, причемъ условлено было, чтобы гермейстеръ Кетлеръ пріѣхалъ въ Москву бить челомъ Московскому царю о своей винѣ. Было ли исполнено это условіе и какъ воспользовался перемиріемъ гермейстеръ Кетлеръ, увидимъ ниже; а теперь вернемся на нѣкоторое время въ Москву къ Ивану Васильевичу Большому Шереметеву, стоявшему, на этотъ разъ, въ сторонѣ отъ военныхъ тревогъ. Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ напечатана разрядная роспись, отъ 11 марта 1559 года, изъ которой видно, что въ то время царь Иванъ Васильевичь опять собирался идти противъ Крымцевъ. Въ этой росписи сказано, между прочимъ, что «съ царемъ съ Москвы на Крымскаго царя Девлетъ-Гирея будутъ бояре: Иванъ (Большой) да Никита Васильевичи Шереметевы». Въ дворовыхъ же воеводахъ напи-

[274] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 311.

саны главнѣйшіе дѣятели послѣдняго Ливонскаго похода князь Семенъ Ивановичь Микулинскій и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, а также царскій шуринъ Данила Романовичь Юрьевъ[275]. Война съ Крымцами не состоялась; но что къ ней готовились, видно, между прочимъ, и изъ домашнихъ распоряженій Ивана Васильевича Большаго Шереметева, на случай смерти въ бою съ лютымъ врагомъ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, онъ далъ вкладъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, заповѣдавъ внести свое имя въ синодикъ, «какъ Богъ по душу его пошлетъ». Люди минувшихъ поколѣній, посвящавшіе всю свою жизнь ратному дѣлу, конечно, не могли оставить послѣ себя много памятниковъ своего гражданскаго быта. По крайней мѣрѣ до насъ дошли, и то въ самомъ ограниченномъ числѣ, только крѣпостные документы и разныя записи въ монастырскихъ книгахъ. Понятно, почему такъ дороги даже и эти, сравнительно скудные, остатки старой бытовой жизни. Вотъ какъ записаны въ монастырской книгѣ Іосифовой обители дача Шереметева и его заповѣдь: «Лѣта 7068 (1559) апрѣля въ 20

[275] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 293.

день, далъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ Большой въ домъ Пречистыя Богородицы въ Осифовъ монастырь игумену Пимену съ братіею 100 рублевъ денегъ и за тѣ деньги Ивана Васильевича поминати на молебенѣ въ суботу на всякой недѣлѣ доколѣ живъ. Да кормити кормъ болшой на его именины заздравной ноября въ 12 день Ивана Милостиваго. А какъ Богъ по Иванову душу пошлетъ ино Ивана написати въ повседневной списокъ и въ сенаникъ. Доколе и монастырь Пречистыя стоитъ изъ списка и изъ сенаника его не выгладить, да быти по немъ корму болшому на его преставленіе на всякъ годъ»[276].

По примѣру старшаго брата, и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ далъ въ Іосифовъ монастырь, 12 октября того-же 1559 года, 100 рублей съ тѣмъ, чтобы его поминали на молебнѣ въ четвергъ каждой недѣли и чтобы въ день его имянинъ, 24 февраля, давали братіи заздравный кормъ большой[277].

Въ томъ-же 1559 году, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ душеприкащикомъ нѣкоего Якова Стефановича Бундо-

[276] Дачи Іосифову монастырю въ память усопшихъ. Листъ 127. Глава 238 (Монастырская рукопись, по описи № 684).

[277] Тамъ-же, листъ 125.

ва[278], и по его духовной грамотѣ далъ «въ домъ Пречистой въ Кирилловъ монастырь игумену Ѳеоктисту съ братіей, по Яковѣ по Стефановѣ сынѣ Бундовѣ, дворъ его на Орбатѣ, подлѣ двора Савинскаго монастыря»[279]. Данная на Бундовъ дворъ для насъ любопытна въ томъ отношеніи, что къ ней приложена небольшая черновосковая печать Ивана Васильевича Шереметева, на которой изображена Діана, идущая на охоту. Разумѣется, такія печати не имѣли ничего общаго съ гербами, о которыхъ въ то время и помину не было. Печати, подобныя той, которая принадлежала Ивану Васильевичу Шереметеву, употреблялись только для прикладыванія къ разнымъ бумагамъ, преимущественно находились на перстняхъ и не имѣли присущихъ гербамъ свойствъ неизмѣняемости и наслѣдственности. Вотъ что говоритъ Котошихинъ о печатяхъ частныхъ лицъ: «У старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ; да не токмо у князей, бояръ и иныхъ чиновъ, но и у вся-

278 Подъ 1536 годомъ упоминается сынъ боярскій и конюхъ Бунда, посланный великимъ княземъ въ Новгородъ для отобранія пожней у тамошнихъ монастырей (Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. VIII, прим. 71).

279 Акты юридическіе. стр. 147.

каго чину людей Московскаго государства гербовъ не бываетъ; а когда лучитца кому къ какимъ письмамъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а не породная»[280].

[280] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859. стр. 23.

ГЛАВА XV.

Гермейстеръ Кетлеръ поѣхалъ не въ Москву, какъ было положено, а въ Вильну, къ Польскому королю Сигизмунду-Августу, который за 600.000 Польскихъ гульденовъ обязался защищать Орденъ отъ Московскаго государя и въ обезпеченіе условленной платы оставилъ у себя въ залогѣ часть Ливонской земли отъ Литовскихъ границъ по теченію Двины до города Ашерата (Скровенъ). Договоръ объ этомъ подписанъ былъ 15 сентября 1559; въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда срокъ перемирія еще не кончился, Кетлеръ съ наемными «заморскими» войсками уже шелъ къ Дерпту и на пути разбилъ на-голову посланный изъ Пскова для развѣдокъ отрядъ воеводы Захарья Плещеева. Изъ Москвы приказано было немедленно изготовиться къ походу вой-

скамъ, расположеннымъ въ пограничныхъ городахъ. Собралась 60.000-ная рать, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго и князя Василія Семеновича Серебренаго-Оболенскаго. Передовымъ полкомъ начальствовалъ бояринъ Иванъ Петровичь Яковлевъ съ Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ; правою рукою—князь Петръ Ивановичь Шуйскій съ Никитой Васильевичемъ Шереметевымъ; лѣвою рукою—князь Михаилъ Петровичь Репнинъ съ Петромъ Петровичемъ Головинымъ, а сторожевымъ полкомъ—князь Андрей Ивановичь Ногтевъ-Суздальскій съ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ[281].

Нѣмцы осадили Дерптъ; но простоявъ тамъ безъ успѣха 50 дней, отошли на сѣверъ къ городу Лаису (Лаюсу), въ которомъ сидѣлъ стрѣлецкій голова Андрей Кошкаровъ съ тремя стами дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Русскіе изумили непріятеля отчаяннымъ сопротивленіемъ. Нѣмцы, не взявъ и этого города, «со многимъ срамомъ»[282] бѣжали къ Оберпалену. Положеніе Ливонцевъ, не получавшихъ объ-

[281] Синбирскій сборникъ. стр. 1.

[282] Книга степенная царскаго родословія. Ч. II. стр. 282.

щанной помощи отъ Польскаго короля, было по истинѣ ужасно. Не смотря на безснѣжье и крайне дурныя дороги, Московское войско неудержимо стремилось за бѣгущимъ врагомъ. Оно нигдѣ не встрѣчало серьезнаго сопротивленія, снова опустошило страну, на этотъ разъ отъ Псковскаго озера до Рижскаго залива, и заключило 1559-й годъ взятіемъ города Маріенбурга (Алиста)[283].

Считаемъ нужнымъ оговориться разъ навсегда, что цѣль настоящаго повѣствованія заключается въ изображеніи жизни и дѣяній собственно Шереметевыхъ, на сколько это открывается изъ дошедшихъ до насъ историческихъ свидѣтельствъ; а потому мы останавливаемся только на такихъ событіяхъ Русской исторіи, которыя имѣютъ какое либо отношеніе къ нашему предмету. Событія, совершившіяся при прямомъ или косвенномъ участіи Шереметевыхъ, описываются съ большею или меньшею подробностію, сообразно со степенью этого участія. На этомъ основаніи мы даже и не упомянули бы о первыхъ Ливонскихъ войнахъ, если бы вышеприведенныя разрядныя росписи не указывали на присутствіе Шере-

[283] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 311.

метевыхъ въ войскѣ, исполнявшемъ историческую задачу Москвы въ Прибалтійскомъ краѣ.

Война съ Ливоніей, не смотря на заступничество за Орденъ Римскаго цесаря Фердинанда I-го и Польскаго короля, продолжалась и въ 1560 году, но уже безъ участія Шереметевыхъ, которые всѣ, кромѣ Ивана Васильевича Большаго, оставались въ теченіи этого года въ пограничныхъ Псковскихъ мѣстахъ.

Въ то время, какъ въ Ливоніи новая рать, подъ предводительствомъ князя Андрея Михайловича Курбскаго, громила Нѣмцевъ, при Московскомъ дворѣ совершились одно за другимъ два событія, имѣвшія роковое значеніе въ жизни Грознаго. Мы разумѣемъ удаленіе отъ дѣлъ Сильвестра и Адашева и смерть царицы Анастасіи Романовны.

Остуда Грознаго къ своимъ любимцамъ-первосовѣтникамъ, Сильвестру и Адашеву, начавшаяся еще со времени болѣзни царя, съ весны 1560 года обратилась въ явную опалу. Въ маѣ мѣсяцѣ 1560 года, Адашевъ былъ отправленъ въ почетную ссылку въ Ливонію, къ войску[284]; около того же времени священ-

[284] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. прим. 8.

никъ Сильвестръ постригся въ монашество. Собственно для Шереметевыхъ удаленіе отъ дѣлъ этихъ двухъ любимцевъ царя было скорѣе благопріятнымъ событіемъ. Мы уже видѣли во время болѣзни Грознаго, съ какою злобою относилась Сильвестрова партія къ роду Юрьевыхъ-Захарьиныхъ и ко всѣмъ родственникамъ царицы Анастасіи Романовны, въ томъ числѣ, разумѣется, и къ Шереметевымъ. Не самое удаленіе Сильвестра съ Адашевымъ, но послѣдствія этого факта устрашали Шереметевыхъ и всѣхъ истинныхъ друзей порядка. Дѣло въ томъ, что паденіе партіи Сильвестра было торжествомъ людей новой партіи, «вѣрныхъ товарищей трапезъ и кубковъ и разныхъ наслажденій друзей», давно уже нашедшихъ доступъ къ царю, по природѣ своей весьма склонному ко всякаго рода увлеченіямъ. Главнѣйшіе представители этой новой партіи были: бояринъ Алексѣй Даниловичь Басмановъ, сынъ его кравчій Ѳедоръ Алексѣевичь Басмановъ, князь Аѳанасій Ивановичь Вяземскій[285], дворянинъ Василій Григорьевичь Грязной, знаменитый извергъ Ма-

[285] Прямой потомокъ Рюрика (въ XX-мъ колѣнѣ). Умеръ въ 1575 году бездѣтнымъ.

люта Скуратовъ и Чудовскій архимандритъ Левкій. Присутствіе кроткой, добродѣтельной царицы Анастасіи Романовны еще поддерживало благочиніе во дворцѣ. Смерть ея, послѣдовавшая 7 августа 1560 года, развязала руки Грозному.... «Умершей убо царицѣ Анастасіи нача царь быти яръ и прелюбодѣйственъ зѣло»[286].

Кровавая эпоха казней началась съ умерщвленія друзей и сторонниковъ Сильвестра и Адашева, подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто-бы извели царицу. Ясно, что подобное обвиненіе не могло касаться Шереметевыхъ и первая гроза Ивановыхъ мучительствъ пронеслась мимо ихъ.

Спустя годъ послѣ кончины царицы Анастасіи Романовны, именно 21 августа 1561 года, царь Иванъ Васильевичь женился вторично на дочери знатнаго Черкасскаго князя Темгрюка, нареченной въ святомъ крещеніи Маріею. Въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранилась память о богатствѣ царскаго зятя, князя Черкасскаго:

[286] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 28.

«Какъ женился православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату-серебру мѣры не было,
Бѣлу жемчугу вѣсу не было»[287]....

Впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе о князьяхъ Черкасскихъ, неоднократно вступавшихъ въ брачные союзы съ Шереметевыми, въ родъ которыхъ перешла значительная часть ихъ несмѣтнаго богатства.

Осенью того-же 1561 года, братья Шереметевы понесли утрату въ своемъ собственномъ семействѣ. 8-го октября скончался бояринъ Семенъ Васильевичь Шереметевъ[288], о которомъ не было слышно съ 1557 года, со времени отправки на воеводство въ Казань. Передъ смертью Семенъ Васильевичь принялъ постригъ съ именемъ Стефана и погребенъ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ; но могила его заглохла такъ скоро, что уже въ концѣ XVI-го столѣтія не могли найти и слѣдовъ ея. Это видно изъ слѣдующей поминальной записи того времени въ «Обиходѣ» Іосифова монастыря, подъ 8-мъ числомъ октября:

287 Лѣтописи Русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ. М. 1862. Т. IV. стр. 17. (отд. II).

288 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 44.

«По Семіонѣ Шереметевѣ, во иноцѣхъ Стефанѣ, да по инокѣ Саввѣ Клокачовѣ. Гроба Шереметева нѣтъ, а Саввинъ зарослъ на монастырѣ на дорожкѣ»[289].

По благочестивому обычаю стараго времени, Иванъ Васильевичь Большой Шеремеметевъ далъ въ Іосифовъ монастырь, «въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по братѣ по своемъ Семіонѣ, а въ иноцѣхъ Стефанѣ, на вѣчный поминокъ и на кормъ 100 рублевъ денегъ», съ тѣмъ чтобы имя его навсегда поминалось въ повсядневномъ спискѣ и чтобы самый кормъ производился ежегодно 8-го октября[290], т. е. въ день кончины Семена Васильевича.

Кромѣ того, въ томъ-же году, Иванъ Васильевичь Шереметевъ вмѣстѣ съ братомъ Никитою дали вкладу и въ Троице-Сергіевъ монастырь, по усопшемъ братѣ Семенѣ и по себѣ, «вотчину свою въ Переяславскомъ (Залѣсскомъ) уѣздѣ сельцо Пищиково, да двѣ деревни, да двѣ пустоши со всѣми угодьи; а сколько въ той вотчинѣ крестьянъ и пашни и ка-

[289] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1863 годъ. Кн. 4 (Смѣсь, стр. 3).

[290] Книги записныя Іосифова монастыря. Рукопись Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. № 141/196. Листъ 24.—Дачи Іосифову монастырю въ память усопшихъ (По монастырской описи № 684, листъ 122).

Къ стр. 223.

посл҃ꙋ ѥрѣѧ н҃ирѹкꙋ
прѧ лох҃п

кихъ угодій и за сколько денегъ дана, того (въ монастырской вкладной книгѣ) не написано»[291].

Семенъ Васильевичъ Шереметевъ умеръ бездѣтнымъ. Имя жены его узнаемъ изъ слѣдующей записи во Вкладной книгѣ Троицкаго же монастыря: «105 года (1596—97) далъ вкладу бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ[292] денегъ 50 рублевъ по Семеновѣ женѣ Васильевича Шереметева по инокѣ Марьѣ».

Но возвратимся къ Ливонскимъ дѣламъ. Успѣшныя дѣйствія князя Курбскаго уничтожали послѣднія силы Ордена, который въ крайности вынужденъ былъ напомнить Польскому королю объ обѣщанной помощи. Весною 1560 года, Сигизмундъ-Августъ поручилъ Виленскому воеводѣ Радзивилу занять всѣ заложенные Литвѣ замки и волости, что̀ и было исполнено; но дѣйствительной помощи все-таки не было. Русскіе продолжали забирать городъ за городомъ, пока не взяли первостепенной Ли-

291 Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря 1673 года. Листъ 120.—Деревня Пищиково, Владимірской губерніи, Переяславскаго уѣзда, находится въ 30 верстахъ отъ города Переяславля, по лѣвую сторону почтоваго тракта къ городу Юрьеву (Списки населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи. Спб. 1863 г. № 3767).

292 Родной племянникъ Семена Васильевича Шереметева.

вонской крѣпости Феллина (Вельяна)[293]. Это было въ августѣ 1560 года. Послѣ того Радзивилъ наконецъ двинулъ Литовскія войска къ городу Торвасту и осадилъ его. Этимъ начались открытыя враждебныя дѣйствія противъ насъ Рѣчи Посполитой. Во Псковѣ собиралась новая рать «воевати Ливонскія земли для того, что король вступается за Ливонскіе Нѣмцы». Главное начальство было поручено князю Петру Андреевичу Куракину-Булгакову и Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву; а въ полкахъ воеводы росписаны были въ слѣдующемъ порядкѣ: въ передовомъ полку—Петръ Васильевичь Морозовъ и Ѳедоръ Игнатьевичь Салтыковъ; въ правой рукѣ—князь Петръ Семеновичь Серебреный-Оболенскій и князь Григорій Петровичь Звенигородскій; въ лѣвой рукѣ — Никита Васильевичь Шереметевъ и князь Николай Григорьевичь Гундоровъ; а въ сторожевомъ полку — князь Дмитрій Ивановичь Хилковъ и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ.

[293] Князь Щербатовъ (Исторія Россійская. Т. V. Ч. II. стр. 68) говоритъ, что противъ этой крѣпости выслана была особая рать, подъ начальствомъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и Ивана Васильевича Большаго Шереметева. Откуда взято это извѣстіе— не указано.

20 апрѣля 1561 года, Московскіе полки выступили изъ Пскова на Дерптъ къ Торвастскимъ мѣстамъ[294]. Воеводы, за долгими сборами, не поспѣли придти на помощь къ Торвасту; къ тому же дорогой они заспорили о мѣстахъ. Такъ, изъ Дерпта воевода передоваго полка Петръ Васильевичь Морозовъ писалъ государю, что его товарищъ Салтыковъ «списковъ не взялъ для боярина Никиты Васильевича Шереметева», т. е. что онъ отказывался быть вторымъ воеводою передоваго полка въ то время, какъ послѣдній назначенъ первымъ воеводою лѣвой руки. Чѣмъ доказывалъ Салтыковъ свое старшинство предъ Шереметевымъ—неизвѣстно, но только доводы его не были уважены. Царь отписалъ Морозову, «чтобы Салтыковъ списки взялъ и былъ по росписи». Во время похода роспись эта была нѣсколько измѣнена. Между прочимъ Ѳедора Васильевича Шереметева перевели изъ сторожеваго полка въ правую руку, на мѣсто князя Звенигородскаго, выбывшаго изъ строя. Войску князя Куракина-Булгакова и Шереметева, посланному противъ Литовцевъ, пришлось дѣйствовать противъ Ливонцевъ, «пото-

[294] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 317—320.

му что Литовскіе люди отъ Торваста пошли прочь»[295]. Московскіе воеводы, опять раззоривъ «Нѣмецкія земли отъ Ровнаго (Роннебургъ) до моря, сами здорово вышли»[296]. Мы ограничиваемся этимъ краткимъ показаніемъ лѣтописца, потому что въ подробностяхъ не находимъ никакихъ свѣдѣній о личныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ братьевъ Шереметевыхъ. Наши воеводы вышли изъ Ливоніи, вѣроятно къ 1 сентября—тогдашнему новолѣтію, когда обыкновенно производилась смѣна старыхъ воеводъ новыми, такъ что, въ октябрѣ того года, при погребеніи Семена Васильевича Шереметева могли присутствовать всѣ четыре брата усопшаго.

Въ отсутствіе Шереметевыхъ, въ Ливоніи совершилось важное событіе. Рыцари Ордена Меченосцевъ, видя крайнее положеніе страны, рѣшились навсегда отдаться Польшѣ и Литвѣ. Радзивилъ указывалъ имъ на эту мѣру, какъ на единственный исходъ изъ бѣдственнаго состоянія. Виленскимъ договоромъ 28-го ноября 1561 года прекратилось существованіе знаменитаго Ордена, въ смыслѣ военно-монаше-

[295] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 321.

[296] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 313.

скаго братства, и владѣнія его распались на три части. Сигизмундъ-Августъ провозглашенъ былъ государемъ Ливоніи (собственно южной ея части, нынѣшней Лифляндіи), а Кетлеръ —наслѣдственнымъ владѣтелемъ герцогства Курляндскаго, съ вассальными отношеніями къ Польскому королю. Сѣверная же Ливонія съ городомъ Ревелемъ, или такъ называемая нынѣ Эстляндія, отдалась Швеціи. Событіе это поставило насъ лицомъ къ лицу съ болѣе сильнымъ врагомъ: въ Ливоніи встрѣтились интересы Польши и Москвы. И той и другой нужны были морскіе берега, удобныя гавани. У Польши были, по крайней мѣрѣ, Прусскія гавани на Балтійскомъ морѣ, у насъ же—никакихъ. Царь Иванъ Васильевичь пытался было разойтись съ Сигизмундомъ-Августомъ мирнымъ образомъ, путемъ женитьбы на его сестрѣ «младшей королевнѣ» Екатеринѣ, но сватовство не удалось. И самъ Сигизмундъ уклонялся отъ войны, по неимѣнію средствъ, и оттягивалъ кровавую развязку дипломатическими сношеніями и переговорами, продолжавшимися весь 1562-й годъ. Тѣмъ временемъ, Польскій король, подъ рукою, сносился и съ Крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ,

подстрекая его къ новому набѣгу на Россію. На берегахъ Днѣпра перехваченъ былъ королевскій гонецъ Михайла Гара́бурда съ Сигизмундовымъ письмомъ къ хану[297]. Крымцы дѣйствительно побывали въ окрестностяхъ Мценска; но провѣдавъ о сильномъ войскѣ, стоявшемъ на берегу, подъ предводительствомъ брата государева, князя Владиміра Андреевича,—бѣжали назадъ. Тогда Грозный рѣшилъ нанести сильный ударъ Польскому королю въ собственныхъ его владѣніяхъ.

Въ декабрѣ 1562 года, въ Москвѣ шли дѣятельныя приготовленія къ войнѣ, являвшейся для многихъ спасеніемъ отъ ужасовъ дворцоваго своеволія. Женитьба царя на княжнѣ Черкасской не могла обуздать звѣрской натуры Грознаго и онъ весь отдался разврату и инстинктивной страсти къ мучительству. Покойная царица Анастасія Романовна желала и умѣла сдерживать его звѣрскіе порывы. Новая же царица сама слыла за злую женщину. Достаточно было одного неодобрительнаго отзыва о комъ либо изъ новыхъ любимцевъ, чтобы быть замученнымъ самымъ звѣрскимъ

[297] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 60.

образомъ. «Воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся»[298]. Но покамѣстъ «жертвами Крону» все еще были преимущественно люди Адашевскаго совѣта, быстро исчезавшіе одинъ за другимъ. Шереметевыхъ, какъ родственниковъ покойной царицы, во имя которой совершались казни и опалы, оставляли до времени въ покоѣ.

[298] Сказанія князя Курбскаго. стр. 90.

ГЛАВА XVI.

30-го ноября 1562 года, самъ царь Иванъ Васильевичь, «за неисправленіе и враждованіе Литовскаго краля Августа, подвижеся къ славному граду Полтеску» (Полоцку)[299]. Грозный выступилъ изъ Москвы «въ велицѣй силѣ и съ нарядомъ, съ пушками съ большими съ павлинами и со огненными; посохи[300] было пѣшей и конѣвой 80.900 человѣкъ»[301]. Всего войска было 400.000 человѣкъ[302].

Въ царскомъ походѣ принимали участіе и братья Шереметевы, кромѣ самаго младшаго, Ѳедора Васильевича, который въ то время находился на сторожевой службѣ въ пограничномъ городѣ Козельскѣ, вмѣстѣ съ боярами

[299] Книга степенная царскаго родословія. Ч. II. стр. 283.

[300] Посоха=нарядъ людей съ сохи.

[301] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 314.

[302] Татищевъ. Исторія Россійская. Кн. 5. стр. 493.—Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣч. 66.

княземъ Юрьемъ Ивановичемъ Кашинымъ-Оболенскимъ и Петромъ Васильевичемъ Морозовымъ[303]. Никита Васильевичъ Шереметевъ состоялъ при особѣ государя, въ числѣ 11-ти бояръ[304], составлявшихъ какъ-бы военный совѣтъ царя. Главное начальство надъ войскомъ было ввѣрено Старицкому князю Владиміру Андреевичу и боярамъ: князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Петру Ивановичу Шуйскому и князю Василью Семеновичу Серебреному. Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ, новымъ любимцемъ царя, находился въ передовомъ полку, которымъ предводительствовалъ Татарскій царевичъ Бекъ-Булатъ, а Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ записанъ былъ въ лѣвую руку, въ которой первымъ воеводою былъ царевичъ Кайбула[305].

По случаю сильной стужи и глубокихъ снѣговъ, Московское войско остановилось въ Смоленскѣ, выжидая болѣе благопріятнаго времени для дальнѣйшаго движенія. Тѣмъ временемъ посылались въ непріятельскую страну

303 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 340.
304 Тамъ-же, стр. 331.
305 Синбирскій сборникъ. стр. 4.

для развѣдокъ легкіе отряды, составленные преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ. Съ этими отрядами ходили, между прочимъ, Иванъ Васильевичь Большой и Никита Васильевичь Шереметевы[306].

31 января 1563 года, войско Грознаго обложило Полоцкъ. Во время осады, продолжавшейся всего двѣ недѣли, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ опять раненъ, и на его мѣсто въ передовой полкъ назначили боярина князя Юрья Ивановича Шемякина[307]. Городъ сдался на масленицѣ, 15 февраля, послѣ того какъ упорнымъ дѣйствіемъ нашего наряда крѣпостныя стѣны были разрушены на пространствѣ 300 саженъ. Лютость Грознаго проявилась и въ покоренномъ городѣ: «которыя были въ городѣ жили люди Жидове и князь великій велѣлъ ихъ и съ семьями въ воду въ рѣчную вметати, и утопили ихъ»[308]. По взятіи Полоцка военныя дѣйствія были пріостановлены, вѣроятно, по случаю распространившагося тогда мороваго повѣтрія. Въ нашей лѣтописи отмѣчено: «бысть моръ и мно-

306 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 325—327.

307 Синбирскій сборникъ. стр. 4.

308 Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 314.

го людей мерло и дѣтей боярскихъ»[309]. Литвѣ дано было перемиріе на шесть мѣсяцевъ и 26 февраля царь Иванъ Васильевичь выѣхалъ въ Москву, оставивъ въ Полоцкѣ на годъ слѣдующихъ бояръ и воеводъ: князя Петра Ивановича Шуйскаго, двухъ братьевъ князей Василья и Петра Семеновичей Серебреныхъ-Оболенскихъ и Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева[310]. Оставленнымъ воеводамъ дана была въ руководство наказная память, въ которой обстоятельно опредѣлялся кругъ ихъ занятій и обязанностей. Весь городъ былъ распредѣленъ между боярами по воротамъ. Ивану Васильевичу Шереметеву указано было вѣдать Богородицкія ворота. Наказною памятью предписано «держати царскую вотчину въ великомъ береженьи отъ огня и отъ всякаго лиха и отписывать царю ежечасъ о всякихъ о земскихъ и о разныхъ дѣлѣхъ». Бояре должны были по очереди ночевать, съ сотнею стрѣльцовъ, въ особо устроенной свѣтлицѣ, лично дѣлать разъѣзды и безпрестанно посылать по городу хожалыхъ съ фонарями. Особливо наказано было беречься отъ огня

309 Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 314.

310 Синбирскій сборникъ. стр. 4.—Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 334.

лѣтомъ, въ засуху: «огня бы въ сухмѣнь въ городѣ не было и въ поварняхъ, опричь воеводъ и дворянъ, ѣсти ни у кого не варили, а воеводамъ себѣ подѣлати поварни въ землѣ». Жители же должны были варить себѣ пищу за городомъ. На обязанность бояръ возложено было также наблюденіе за выборными головами изъ дворянъ, чтобы они судили земскихъ людей сообразно съ мѣстными обиходами и обычаями, притомъ безволокитно, прямо, безъ посуловъ и поминковъ, и чтобы вообще въ судебнѣ «обиды и насильства ни которыми обычаи не было». Жители Полоцкаго повѣта должны были являться въ Полоцкъ для крестнаго цѣлованія Московскому государю; а которые сами не явятся, тѣхъ велѣно неволею приводить и на нихъ посылки посылать. «А въ первую посылку посылати боярина и воеводу Ивана Васильевича Меньшого Шереметева да изъ воеводъ прибрать кого пригоже»[311].

При обратномъ шествіи царя въ Москву, Никита Васильевичъ Шереметевъ былъ третьимъ воеводою сторожеваго полка[312], а изъ Великихъ Лукъ отправленъ, вмѣстѣ съ бояри-

[311] Акты историческіе. Т. I. стр. 321—325.

[312] Синбирскій сборникъ. стр. 4.

номъ Михаиломъ Яковлевичемъ Морозовымъ, на годовую воеводскую службу въ Смоленскъ[313]. Иванъ же Васильевичь Большой Шереметевъ, какъ раненый, не былъ внесенъ въ роспись воеводъ и ранѣе другихъ возвратился въ Москву, но не на радость: тамъ, по возвращеніи царя, началось уже поголовное преслѣдованіе всего боярскаго сословія. Мрачный призракъ измѣны окончательно помутилъ умъ несчастнаго царя, всюду видѣвшаго небывалые заговоры и умыслы на свою жизнь. Явилось множество гнусныхъ доносителей, подслушивавшихъ тайные разговоры въ семействахъ. Извѣты ихъ принимались безъ повѣрки и оклеветанныя лица умерщвлялись всюду: дома, на улицѣ, даже въ церкви. Невозможно понять, почему тогдашнее общество не давало никакого отпора, въ виду этихъ безумныхъ дѣяній. Нужно удивляться терпѣнію бояръ. Единственное, что они употребляли съ свою защиту,—это отъѣздъ за рубежъ, въ Литву или Крымъ, но и въ этомъ невинномъ способѣ самозащиты усматривалась измѣна. Отъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи уйти за рубежъ, отбирали поручныя или крестоцѣловальныя

[313] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 337.

записи въ томъ, что они не измѣнятъ и не отъѣдутъ въ другое государство.

Въ 1563 году, царская опала постигла наконецъ и Ивана Васильевича Большаго Шереметева. Это мы узнаемъ изъ наказа, даннаго государемъ окольничему Аѳанасію Ѳедоровичу Нагому, отправленному 25 апрѣля того года въ Крымъ для склоненія Девлетъ-Гирея къ миру. Въ наказѣ этомъ, между прочимъ, сказано, что если ханскій первосовѣтникъ князь Сулешъ спроситъ «о измѣнникахъ», которые ссорили царя съ ханомъ, «и ему Аѳанасію говорити: которые, господине, люди ближніе были при государѣ, Иванъ Шереметевъ, Алексѣй Адашевъ, Иванъ Михайловъ (Висковатый) и иные люди государя нашего съ царемъ (т. е. съ ханомъ) ссорили, и государь нашъ того сыскалъ и опалу на нихъ свою положилъ. А опричь Сулеша того слова съ инымъ ни съ кѣмъ не говорити»[314].

Историкъ Устряловъ полагаетъ, что Шереметевъ, котораго онъ называетъ «мужемъ войны и совѣта», подвергся опалѣ по подозрѣнію въ намѣреніи бѣжать въ Литву[315]. Но въ

[314] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. Примѣчаніе 76.

[315] Сказанія князя Курбскаго. Примѣчаніе 153.

1563 году, отъ Шереметева еще не была взята обычная въ подобныхъ случаяхъ поручная запись. Могла быть и другая причина опалы. Одновременное упоминаніе въ вышеприведенномъ наказѣ именъ Шереметева и Висковатаго приводитъ на память слѣдующее мѣсто изъ посланія царя Ивана Васильевича къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, писаннаго нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ то время, когда Шереметевъ принялъ монашество: «А и въ міру тотъ Шереметевъ съ Висковатымъ первые не почали за кресты ходити; и на то смотря, всѣ не почали ходити, а дотудова все православное христіяньство, и съ женами и со младенцы, за кресты ходили, и не торговали того дни, опричь съѣстного, ничѣмъ; а кто учнетъ торговати, и на томъ имали заповѣди»[316]. По какой причинѣ и когда именно отказался Шереметевъ идти за крестами, т. е. участвовать въ крестномъ ходѣ, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что рѣчь идетъ о церковной церемоніи, которая сопровождалась какими нибудь кощунственными дѣйствіями любимцевъ Ивановыхъ, и что Шереметевъ, открыто осуждая это, устранился отъ участія въ це-

[316] Акты историческіе. Т. I. стр. 383.

ремоніи. Мы указываемъ на приведенное мѣсто изъ посланія игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря только какъ на доказательство того, что у Грознаго были и другія неудовольствія на Шереметева, кромѣ возможнаго подозрѣнія въ намѣреніи его бѣжать въ Литву.

Лица, которымъ объявлялась опала или царскій гнѣвъ, обыкновенно тотчасъ-же надѣвали черное платье. Самая опала налагалась въ различныхъ видахъ, смотря по важности преступленія: однимъ запрещался пріѣздъ ко двору, другихъ посылали на житье въ деревню, наконецъ третьихъ сажали въ тюрьму[317]. Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ подвергся высшей опалѣ: онъ былъ посаженъ въ тюрьму и пытанъ. Передадимъ этотъ страшный эпизодъ изъ жизни доблестнаго воеводы словами самого современника, князя Андрея Михайловича Курбскаго:

«Мудраго совѣтника своего Іоанна, глаголю Шереметева, мучилъ (царь) такою презлою, узкою темницею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ неподобно, и око-

[317] Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича. Примѣч. В. Н. Татищева на стр. 7.

валъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще и по чресламъ обручь толстый желѣзный, и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и нощь мужа мучилъ. Потомъ (царь) пришелъ глаголати съ нимъ; ему же, на̀-полы мертву сущу и едва дышущу, въ таковыхъ тяжкихъ оковахъ и на таковомъ остромъ помостѣ лежащу поверженну, началъ между иными вопросы о семъ пытати его:

«Гдѣ многи скарбы твои? скажи ми. Вѣмъ бо яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти.

«Отвѣщалъ Іоаннъ (Шереметевъ): Цѣлы, сокровенны лежатъ, идѣже уже не можешь достати ихъ.

«Царь же рече: Скажи ми о нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти.

«Іоаннъ же отвѣща: Твори, еже хощеши! Уже бо ми близъ пристанище.

«Царь же рече: Повѣждь ми, прошу тя, о скарбѣхъ твоихъ.

«Іоаннъ отвѣща: Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, яко уже рекохъ, не можешь ихъ

одержати: принесохъ бо ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище, ко Христу моему.

«И другіе отвѣты зѣло премудрые, яко единъ премудрѣйшій философъ или учитель великій, отвѣщалъ ему тогда.

«Царь же умилився мало, повелѣлъ отъ тѣхъ тяжкихъ узовъ разрѣшити его и отвесть въ легчайшую темницу»[318].

По сказанію Курбскаго же, Грозный, пощадивъ жизнь побѣдителя Крымцевъ, въ тотъ-же день велѣлъ удавить брата его Никиту Васильевича, «уже въ сигклитскомъ сану почтенна суща, мужа храбраго и на тѣлеси отъ варварскихъ рукъ немало ранъ имуща»[319].

Въ историческихъ памятникахъ напрасно будемъ искать указаній, въ чемъ именно провинился Никита Васильевичъ Шереметевъ, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ на воеводствѣ въ Смоленскѣ. Въ страшное время Ивановыхъ казней жизнь человѣка безуслов-

318 Сказанія князя Курбскаго. стр. 105. 106.

319 Въ Послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ (Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. 46) годъ смерти Никиты Васильевича Шереметева означенъ невѣрно. Вмѣсто напечатаннаго тамъ 7073 года слѣдуетъ читать 7072, соотвѣтствующій 1564 году новаго лѣтосчисленія отъ Рождества Христова.—По нашимъ свѣдѣніямъ, Никита Васильевичъ Шереметевъ былъ раненъ только одинъ разъ, именно въ бою со Шведами, подъ Выборгомъ, въ 1556 году.

но зависѣла отъ личной прихоти царя, который впослѣдствіи самъ же записывалъ свои жертвы въ синодики, приказывая молиться за нихъ какъ за невинныхъ страдальцевъ. Тиранъ не получилъ законнаго возмездія на землѣ за неповинно пролитую кровь. А наши благодушные лѣтописцы видимо старались даже снять съ него всю отвѣтственность, объясняя всѣ бѣдствія, постигшія Россію, постороннимъ, злымъ вліяніемъ на царя: «По смерти царицы Анастасіи,—пишутъ они,—аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія царскаго припаде, и нѣкако превратися многомудростный его умъ на яростный нравъ, и нача многихъ отъ сродства своего сокрушати, такоже и вельможъ отъ сигклита своего. Во истину бо сбыстся въ притчахъ реченное, яко пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ»[320].

Шведскій писатель Петръ Петрей, проживавшій въ Россіи въ началѣ XVII-го вѣка, свидѣтельствуетъ, что Никита Шереметевъ (у Петрея Petro Sermeta) «былъ ложно обнесенъ царю»; самую же казнь его изобра-

320 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX, примѣчаніе 3.

жаетъ въ болѣе ужасныхъ чертахъ, чѣмъ князь Курбскій. Петрей разсказываетъ, что царь Иванъ Васильевичь велѣлъ, будто-бы, на своихъ глазахъ изрубить Никиту Васильевича Шереметева въ куски, а ноги и руки его завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ его женѣ[321].

Невинная жертва лютости царя Ивана, бояринъ Никита Васильевичь Шереметевъ по прямой линіи доводится прапрадѣдомъ знаменитому фельдмаршалу Борису Петровичу и Кіевскому губернатору Владиміру Петровичу Шереметевымъ—представителямъ двухъ нынѣшнихъ поколѣній Шереметевыхъ, графскаго и дворянскаго. Бренные останки страдальца покоятся въ Кирилло-Бѣлозерской обители «у большой церкви за алтаремъ», какъ это значится въ монастырской кормовой книгѣ[322].

321 Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1866 годъ. Кн. I (Матеріалы, стр. 149).

322 Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго археологическаго общества. Т. I. Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, стр. 54. Къ сожалѣнію, этотъ важный историческій памятникъ напечатанъ несовсѣмъ исправно. Дача по Никитѣ Васильевичѣ Шереметевѣ въ 200 рублей отнесена къ 1557 году, тогда какъ онъ умеръ въ 1564-мъ и къ игуменству Θеоктиста, тогда какъ послѣдній управлялъ монастыремъ съ 15 февраля 1559 по 1560 годъ. Наконецъ, кормъ съ поставца по Шереметевѣ производился 15 сентября, а напечатано 17-го числа.

Имя Никиты Васильевича Шереметева записано въ синодикѣ «по опальныхъ людяхъ», присланномъ Грознымъ, въ 1583 году, въ Никитскій Переяславль-Залѣсскій монастырь[323]; а также и въ другомъ опальномъ синодикѣ, присланномъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь[324], съ 800 рублями на поминокъ замученныхъ имъ князей, бояръ и прочихъ опальныхъ людей. Печерскому архимандриту повелѣно было соборнѣ служить по тѣхъ опальныхъ людяхъ панихиду и обѣдню ежегодно въ первый вторникъ послѣ радуницы[325].

Въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь[326] Никита Васильевичъ еще при жизни своей внесъ 100 рублей, съ тѣмъ чтобы его вѣчно поминали въ синодикахъ и давали братіи кормъ ежегодно въ день его ангела 15 сентября, на память святаго великомученика Никиты[327].

323 Древній синодикъ Переяславль-Залѣсскаго Никитскаго монастыря. Листъ 7.

324 Синодикъ третій кормовой Нижегородскаго Печерскаго монастыря, листъ 107; а также Синодикъ № 2-й 1595 года, листъ 121.

325 Въ Костромской и Нижегородской губерніяхъ радуницей и понынѣ называется вся Ѳомина недѣля (Толковый словарь Даля).

326 Книги записныя Іосифова монастыря. Рукопись Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. № 141/196. Листъ 17 на оборотѣ.

327 Сергій Михайловичъ Соловьевъ, повторивъ разсказъ Курбскаго о пыткѣ Ивана Шереметева и убіеніи Никиты, присовокупляетъ: «Но из-

Въ заключеніе скажемъ, что послѣ Никиты Васильевича Шереметева остался единственный сынъ—младенецъ Петръ; имя же жены его открывается изъ жалованной грамоты Бориса Годунова, данной, въ 1599 году, игуменьѣ Московскаго Новодѣвичья монастыря и келарю старицѣ Евдокіи Мещерской. Въ этой грамотѣ, при перечисленіи монастырскихъ вотчинъ въ разныхъ уѣздахъ, о селѣ Львовскомъ, Верейскаго уѣзда, сказано: «а дала имъ то село Микитина жена Шереметева Евдокѣя»[328].

Изъ шести сыновей невольнаго постриженника Троице-Сергіева монастыря старца Вассіана Шереметева остались въ живыхъ только трое. Старшій томился въ Москвѣ, въ «легчайшей темницѣ»; а двое младшихъ берегли государево дѣло на рубежѣ: Иванъ Васильевичь Меньшой—въ Полоцкѣ, Өедоръ Васильевичь—въ Калугѣ.

вѣстіе, особенно о смерти Никиты Шереметева сомнительно» (Исторія Россіи. Т. VI, изд. 2. стр. 208). Мы не имѣемъ основаній раздѣлять сомнѣнія достопочтеннаго историка. Самый фактъ убіенія Никиты Васильевича Шереметева засвидѣтельствованъ и въ поминальныхъ записяхъ, въ которыхъ его имя нерѣдко сопровождается прилагательнымъ «убіенный». Смотри, напримѣръ, синодикъ Николо-Радовицкаго монастыря (Рязанской епархіи). л. 45.

[328] Акты историческіе. Т. IV. стр. 319. Царская несудимая грамота, отъ 2 апрѣля 1662 года, въ которой цѣликомъ вписана указанная грамота Годунова.

Замѣчательно, что Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ не только не подвергался гоненію со стороны Грознаго, наравнѣ съ своими старшими братьями, но, по видимому, пользовался даже особеннымъ его расположеніемъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ опалы Алексѣя Ѳедоровича Адашева, Грозный пожаловалъ ему Костромскую вотчину своего бывшаго любимца, село Борисоглѣбское, на рѣкѣ Солоницѣ, съ слободою Бошаровою и 56-ю деревнями. Изъ подлинной жалованной грамоты, отъ 6 октября 1560 года, видно, что въ Борисоглѣбской вотчинѣ числилось въ то время 943 четверти средней земли и 80 четвертей худой земли въ одномъ полѣ, а въ двухъ по томужъ; лѣсу пашеннаго и непашеннаго 184 четверти, а сѣна накашивалось 2825 копенъ[329]. И такъ всей пашенной средней и худой земли въ Борисоглѣбской вотчинѣ было 1023 четверти въ одномъ полѣ, а въ двухъ остальныхъ поляхъ по томужъ, т. е. всего 3069 четвертей. Межевою инструкціею 1766 года положено считать каждую четверть въ одномъ полѣ за полдесятины, въ другомъ и въ третьемъ по полу жъ десятинѣ, а всего въ

[329] Архивъ графа Сергія Дмитріевича Шереметева. № 122.

трехъ поляхъ полторы десятины[330]. По этому расчету выходитъ, что Шереметеву пожаловано было одной пашенной земли 1534 десятины съ половиною. Село Борисоглѣбское и доселѣ остается въ родѣ Шереметевыхъ[331].

330 Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Томъ XVII. № 12.659. стр. 735.

331 Принадлежитъ графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

ГЛАВА XVII.

Въ началѣ 1564 года, Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ участвовалъ въ сраженіи съ Литовцами на берегахъ рѣчки Улы (недалеко отъ Полоцка), окончившемся полнымъ пораженіемъ Московскаго войска.

Припомнимъ, что въ февралѣ 1563 года, по взятіи Полоцка, Литовцамъ дано было перемиріе на шесть мѣсяцевъ, которое потомъ продолжено было до 6 декабря. Все это время Литовцы вели переговоры о мирѣ, не имѣвшіе однако никакого успѣха, и въ началѣ 1564 года военныя дѣйствія возобновились.

По указу Грознаго, князь Петръ Ивановичь Шуйскій выступилъ съ своими войсками изъ Полоцка на Оршу. Передовой полкъ велъ Захарій Ивановичь Плещеевъ съ княземъ Иваномъ Петровичемъ Охлебининымъ, а сторо-

жевой полкъ—Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ[332]. На Оршу же послана была изъ Москвы, черезъ Вязьму и Смоленскъ, другая рать, подъ начальствомъ князей Петра и Василія Семеновичей Серебреныхъ-Оболенскихъ. Въ Оршѣ оба войска должны были соединиться и слѣдовать далѣе къ Минску и къ Новугородку Литовскому.

Князь Шуйскій, къ удивленію, шелъ безъ всякихъ предосторожностей; воины его слѣдовали даже безъ оружія, которое везли отдѣльно на саняхъ[333]. А между тѣмъ въ Витебскѣ стоялъ съ четырехъ-тысячнымъ отрядомъ Троцкій воевода князь Николай Радзивилъ и помощью искусныхъ лазутчиковъ зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ Московскаго войска. Князь Шуйскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ 25.000 воиновъ, не придавалъ никакого значенія малочисленному отряду князя Радзивила, который, впрочемъ, и самъ не отваживался помѣшать соединенію нашихъ войскъ, пока не былъ подкрѣпленъ прибывшими наспѣхъ сильными отрядами Сангушки, Сапѣги, Зеновича и другихъ воеводъ. 26 января 1564 го-

[332] Синбирскій сборникъ. стр. 6.

[333] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 55.

да, въ среду, на берегахъ рѣчки Улы, при селѣ Иванцовѣ, войско Шуйскаго было внезапно атаковано Радзивиломъ. Подробностей этой несчастной битвы нѣтъ въ Русскихъ источникахъ. Въ Псковской лѣтописи сказано только слѣдующее: «И (бысть) Божія непомощь: князя Петра (Шуйскаго) убили и иныхъ воеводъ и дворянъ, а иныхъ воеводъ живыхъ поимали—Захарья Плещеева да князя Ивана Охлябинина, а дѣтей боярскихъ побили немного, а иные всѣ разбѣглися, прилучилося къ ночи»[334]. Немногословна запись объ этой битвѣ и въ разрядной книгѣ начала XVII вѣка. Тамъ сказано: «И бояре и воеводы сошлись съ Литовскими людьми со многими, безъ вѣсти въ селѣ Иванцовѣ, и Литовскіе люди Московскихъ людей побили; и на томъ бою убили боярина князя Петра Ивановича Шуйскаго»[335]. Въ дополненіе къ этимъ краткимъ, но правдивымъ записямъ, воспользуемся нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями объ Ульской битвѣ изъ иностранныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно заключить, что Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ и въ этомъ несчастномъ для

[334] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 315.

[335] Синбирскій сборникъ. стр. 6.

насъ дѣлѣ показалъ свое обычное мужество. Онъ лично боролся до послѣдней возможности, оставивъ даже на полѣ битвы свой колчанъ и мечь, найденные потомъ между убитыми воинами. Эта находка подавала, въ свое время, поводъ предполагать, что Шереметевъ тутъ же сложилъ и свою доблестную голову. Но на самомъ дѣлѣ, онъ былъ только раненъ и весьма странно: по словамъ современника—неизвѣстнаго Литвина, онъ былъ «древомъ шкодливѣ (т. е. опасно) пробитъ». Мы еще возвратимся къ этому показанію, а теперь прочтемъ отрывокъ изъ современной реляціи объ Ульской битвѣ, писанной 4 февраля 1564 года (слѣдовательно, 6 дней спустя) папскимъ нунціемъ въ Варшавѣ, кардиналомъ Коммендоне, въ Римъ къ племяннику папы Пія IV-го кардиналу Карлу Борромео. Папскій нунцій пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Говорятъ, что весь бой продолжался не болѣе двухъ часовъ, бывъ сначала сомнительнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ что тѣ и другіе отступали поперемѣнно.... Подъ ночь войско враговъ стало ослабѣвать. Воевода Шуйскій, будучи раненъ, поспѣшилъ спастися бѣгствомъ, а за нимъ послѣдовало все войско. Въ

это время мѣсяцъ сіялъ полнымъ блескомъ и при его свѣтѣ наши до глубокой ночи преслѣдовали бѣжавшихъ.... Между тѣлами убитыхъ найдены колчанъ и мечь Шереметева, мужа знатнаго у Москвитянъ (Seremetoni, maximi apud Moscos viri): еще неизвѣстно, что сдѣлалось съ нимъ самимъ. Захваченъ лагерь, полный варварской роскоши. Пишутъ, что въ немъ было болѣе 5000 повозокъ. Кромѣ оружія, кольчугъ и кирасъ, тамъ были мѣха, одѣянія, покрывала, съѣстные припасы и серебреная посуда.... Говорятъ, что въ этомъ сраженіи убито до 10.000 воиновъ, множество взято въ плѣнъ и не менѣе потоплено въ ближней рѣкѣ, а потомъ въ другой рѣкѣ Кривицѣ, находящейся въ 5 миляхъ отъ мѣста битвы.... Всего удивительнѣе, что изъ нашихъ убито только 20 человѣкъ, а ранено около 700. Бѣгство воеводы, слывшаго весьма храбрымъ, поразило враговъ такимъ страхомъ, что не смѣя оглядываться они бѣжали какъ стадо барановъ»[336].

Не менѣе любопытенъ другой современный документъ, — это Листъ о новинахъ, писанный вышеупомянутымъ неизвѣстнымъ Ли-

[336] Historica Russiae monimenta. Спб. 1841. Т. I. стр. 201. Здѣсь напечатанъ Латинскій текстъ реляціи Коммендоне; Русскій же переводъ помѣщенъ въ «Чтеніяхъ» 1847 г. кн. 3 (Матеріалы, стр. 9).

твиномъ, изъ Вильны, отъ 11 февраля 1564 года: «Вельможный милостивый пане[337]!... Ваша милость вѣдати рачь (изволь), ижъ въ середу, мѣсяца генваря 26 дня поражо̀но есть войско непріятельское Московское черезъ пановъ гетмановъ ихъ милость Литовскихъ, навышшого и дворного, тымъ обычаемъ: ижъ маючи ихъ милость вѣдомость о войску непріятельскомъ, которое съ княземъ Петромъ Шуйскимъ съ Полоцка мѣло ити до Друцкихъ поль чрезъ панство его королевской милости, чинячи плѣнъ и шкоду, и зниматися съ другимъ войскомъ, которое мѣло ити зъ Смоленска подъ Оршу. А ижъ певная (точная) и частая вѣдомость о тыхъ людехъ непріятельскихъ до ихъ милости доходила, и слышечи о томъ войску отъ себе въ колько миляхъ, того дня, въ середу, рушилися ихъ милость зъ обозу своего противку имъ, и, доѣхавши мѣстечка пани Кишчиноѣ Чашникъ[338], при бѣгли сторожы повѣдаючи, ижъ зъ сторожою Московскою видѣлися. Потомъ отправлено ротъ двѣ, а зъ ними иншіе люди, и панъ гетманъ дворный зъ людми передовыми, такъ тежъ и

337 Кому адресованъ Листъ, также неизвѣстно.

338 Мѣстечко Чашники находится въ Витебской губерніи, между Лепелемъ и Бѣшенковичами, на рѣкѣ Улѣ.

панъ гетманъ навышшій зъ войскомъ великимъ. Заразъ отъ Чашникъ тые двѣ ротѣ зъ людьми Московскими поткалися, и тамъ колько вязней людей передовыхъ Московскихъ доставши, противку пановъ гетмановъ послали просячи о посилокъ. Якожъ для посилку отправлено имъ князя Соломерецкаго и пана Миколая Сапѣгу, и панъ гетманъ дворный зъ иньшими гуфами (отрядами) за ними пошелъ, и его милость панъ навышшій (т. е. Радзивилъ), также зъ иньшими гуфы и съ дѣлы (пушки) и съ драбы (телѣги). А притягнувши на поле немалое подъ село при рѣцѣ Улѣ, тамъ обачивши Московскіе гуфы, застановилися, и, сождавшися, вси сполечнѣ гуфы росправили.... И зъ росказанья пана гетмана навышшаго, панъ гетманъ дворный подступилъ къ нимъ зъ людомъ и росказалъ учинити потканье (встрѣчу) пану старостѣ Черскому, пану Миколаю Сапѣгѣ и князю Саломерецкому,... которые яко зъ ними (т. е. Московскими отрядами) поткали, заразомъ ихъ сперли, ажъ потомъ почали тылъ додавати. И такъ тежъ гонячи за ними били ихъ, ижъ зъ ласкою Божьею тое войско на голо-

ву поразили, бьючи ихъ и гонячи ажъ черезъ 5 миль. Того войска было тысячей двадцать чотыри. А такъ побивши и кошъ увесь войско господарское взяло, которыхъ возовъ было большъ трехъ тысечъ, и здобычу немалую войско его королевскоѣ милости взяло: зброй большъ двухъ тысечъ и иншихъ многихъ жечей (вещей)»....

Въ концѣ листа находится слѣдующая приписка: «По написанью тоѣ цедулы моее, другая потѣшная новина пришла, ижъ въ той битвѣ самого Шуйскаго забито и тѣло его въ рѣцѣ знайдено; а то повѣдилъ подскарбій его, котораго поймано отъ нашихъ людей, ищучи тѣла пана своего. А Шереметевъ также въ битвѣ будучи, древомъ шкодливѣ пробитъ, и скоро пріѣхавши до Полоцка умеръ»[339]. Какъ извѣстно, Шереметевъ здравствовалъ послѣ Ульской битвы еще нѣсколько лѣтъ. Но эта неточность въ показаніи неизвѣстнаго Литвина, писавшаго изъ Вильны, по слухамъ, тѣмъ болѣе извинительна, что и самъ гетманъ Радзивилъ не могъ сказать точно, убитъ ли Ше-

[339] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Т. III. стр. 133—135.

реметевъ или живъ. Въ письмѣ къ королю, отъ 3 февраля 1564 года, Радзивилъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: ...«О Шереметевѣ (онъ также Московскій князь) я вашей милости не могу сказать точно: убитъ ли онъ или возвратился въ Полоцкъ. Его мечь и колчанъ, которые онъ носилъ на себѣ, найдены между убитыми и принесены ко мнѣ»[340].

Доспѣхи, оброненные Шереметевымъ въ горячемъ бою вѣроятно были достаточно цѣнны, если нашли нужнымъ поднести ихъ главнокомандующему войска. Въ Литовскомъ лагерѣ думали даже, что тотъ мечь и колчанъ принадлежали самому царю Ивану[341]....

Между тѣмъ князья Серебреные-Оболенскіе стояли подъ Оршею и ждали вѣстей отъ князя Шуйскаго; но когда узнали, наконецъ, о побѣдѣ Радзивила, поспѣшили возвратиться въ Смоленскъ, опустошивъ всѣ мѣста отъ Дубровны до Кричева. Литовцамъ только и нужно было, чтобы Московское войско вышло изъ королевскихъ владѣній. Военныя дѣйствія въ Литвѣ опять пріостановились до лѣта. Мы

340 Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1847 годъ. Книга 3 (Матеріалы, стр. 2).

341 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX, примѣчаніе 99.

воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы возвратиться въ Москву къ Ивану Васильевичу Большому Шереметеву.

Послѣ казни брата Никиты, Иванъ Васильевичь былъ выпущенъ изъ «легчайшей темницы» на свободу, но съ двойнымъ поручительствомъ его братьевъ Ивана Меньшаго да Ѳедора и 9-ти бояръ въ томъ, что онъ не выѣдетъ изъ Россіи ни въ которое чужестранное государство и будетъ продолжать свою службу государю царю Ивану Васильевичу и его дѣтямъ вѣрно и безпорочно. Вотъ полный текстъ поручной записи по Шереметевѣ, писанной 8 марта 1564 года:

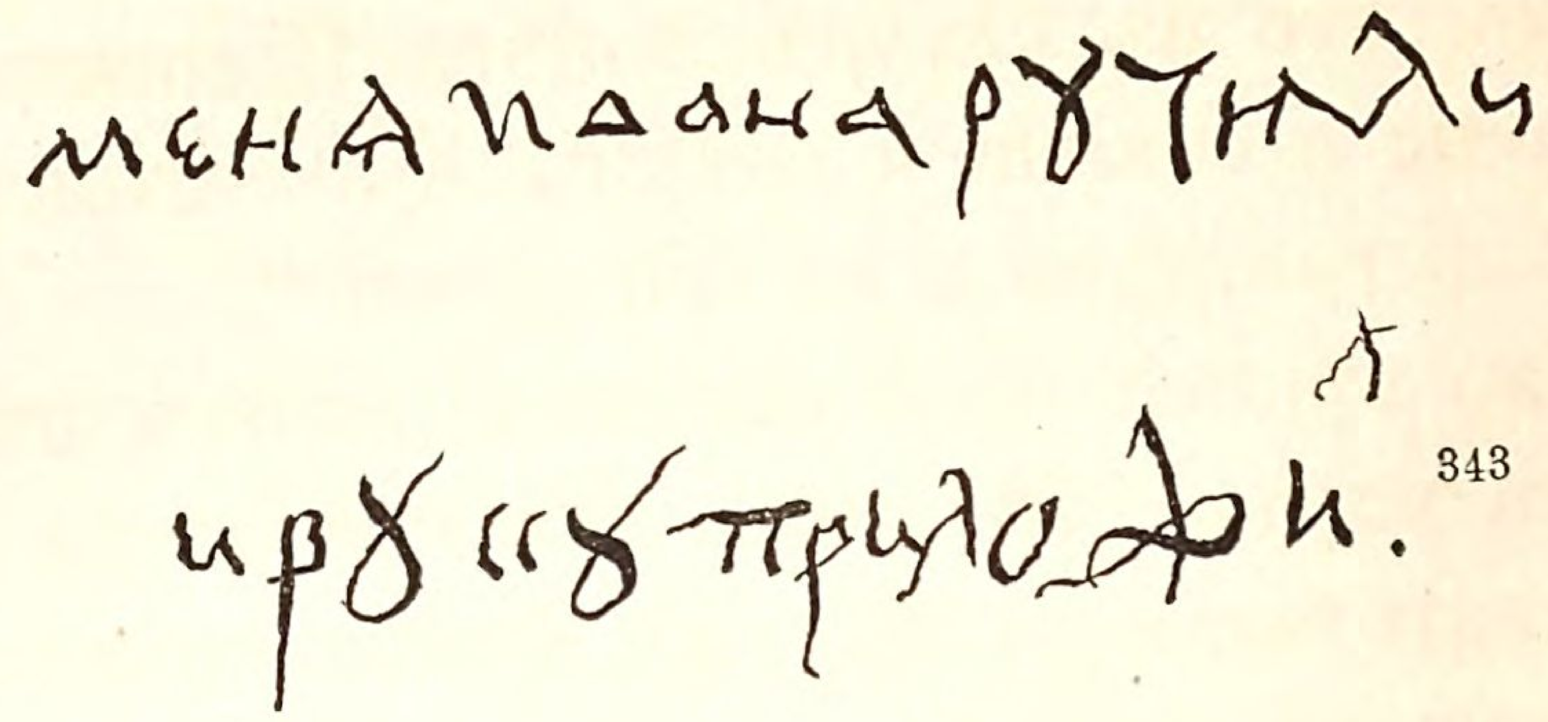
«Се язъ царя великаго князя бояре Иванъ Петровичь Ѳедоровъ (Челяднинъ) да Яковъ Андреевичь Салтыковъ, да язъ Василій Ивановъ сынъ Наумовъ, да язъ Аѳонасій да Иванъ Андреевичи Бутурлины, да язъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Бутурлинъ, да язъ Ѳедоръ Васильевъ сынъ Шереметевъ, да язъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ Меньшой, да язъ Микита Ивановъ сынъ Чюлковъ, да язъ Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ Салтыковъ, да язъ Володимеръ Васильевъ сынъ Карповъ-Лошкинъ, выручили есмя у царева великаго князя сына бояр-

скаго у Григорья Ябедена, Ивана Васильевича Большово Шереметева въ томъ: что ему за нашею порукою отъ государя нашего царя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и отъ его дѣтей, отъ царевича Ивана и отъ царевича Ѳедора, не отъѣхати въ Литву, ни въ Крымъ, ни въ иные которые государства, ни въ удѣлы. А отъѣдетъ онъ за нашею порукою въ Литву, или въ Крымъ, или въ иные которые государства, или въ удѣлы, или индѣ гдѣ ни буди: ино на насъ на поручникахъ государю нашему царю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи и его дѣтямъ, царевичю Ивану и царевичю Ѳедору, взяти десять тысячъ рублевъ денегъ и наши поручниковы головы въ Ивановы головы мѣсто. А Ивана Шереметева царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи и его дѣти царевичь Иванъ и царевичь Ѳедоръ ищутъ собѣ». Запись подписана четырьмя свидѣтелями, а на оборотѣ подписи поручниковъ:

«Ѳедоръ Шереметевъ ручалъ и руку приложилъ» и т. д.[342].

342 Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. стр. 496. Подписи Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева нѣтъ, потому что онъ не зналъ грамоты, какъ это объяснено въ одномъ изъ послѣдующихъ актовъ (Тамъ-же, стр. 556).

Тутъ-же слѣдующая собственноручная подпись самого Ивана Васильевича Большаго Шереметева:

[343]

Поручная запись показалась однако недостаточно крѣпкою, и въ тотъ-же день взята была еще такъ называемая подручная запись съ 79-ти новыхъ лицъ по тѣхъ боярахъ, которые поручились за Шереметева. Въ случаѣ несостоятельности поручителей уплатить 10.000 рублей за побѣгъ Шереметева, подручники обязывались внести всю эту сумму, сколько на кого положено по записи. Между подручниками встрѣчаемъ сородичей Шереметева, трехъ братьевъ Колычовыхъ: Василья Ѳедоровича, Петра Ѳедоровича и Михаила Ѳедоровича. Первому положено заплатить, въ слу-

[343] Снимокъ съ подписи находящейся въ Русскомъ историческомъ альбомѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ. М. 1853. Л. 9. № 59.

чаѣ несостоятельности поручителей, 200 рублей, второму—150, третьему—100 рублей. Въ концѣ подручной записи, подписанной дьякомъ Андреемъ Яковлевичемъ Щелкаловымъ, оговорено, что въ случаѣ побѣга Шереметева, «животы и статки и отчины его» отписываются на государя и на его дѣтей[344].

Изъ приведенной поручной записи видно, что въ мартѣ 1564 года, всѣ три брата Шереметевы были въ Москвѣ. Должно полагать, что около этого времени у нихъ былъ раздѣлъ отцовскихъ вотчинъ, о которомъ упоминается въ двухъ документахъ XVII вѣка[345]. Раздѣльный актъ не сохранился; но извѣстно, что на долю одного Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева пришлось 7 родовыхъ вотчинъ, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи.

Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ оставался въ Москвѣ недолго. Изъ современной разрядной росписи видно, что лѣтомъ того-же 1564 года, онъ находился въ Вязьмѣ воеводою правой руки, предводительствуемой

344 Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть I. стр. 497—503.

345 Челобитная и духовное завѣщаніе Ѳедора Ивановича Шереметева 1645 года (Архивъ графа С. Д. Шереметева, №№ 320 и 157). Тамъ сказано, что этотъ раздѣлъ совершенъ послѣ смерти Никиты Васильевича.

княземъ Иваномъ Ивановичемъ Пронскимъ[346]. Городъ Вязьма, вмѣстѣ съ Великими Луками, Ржевомъ и Дорогобужемъ, входилъ въ составъ нашей западной оборонительной линіи. По всѣмъ этимъ городамъ разставлены были воеводы съ полками. Военныя дѣйствія хотя и были пріостановлены, какъ сказано выше, но Литовцы, ободренные побѣдой на берегахъ Улы и отступленіемъ князей Серебреныхъ-Оболенскихъ изъ-подъ Орши, отдѣльными отрядами нападали на наши пограничныя мѣста. Говорятъ, ихъ побуждалъ къ тому князь Андрей Михайловичь Курбскій, перебѣжавшій въ томъ году на Польскую службу, изъ ненависти къ царю Ивану и его жестокому правленію.

1564-й годъ, вообще неудачный для Шереметевыхъ, обошелся безъ несчастій для одного только Өедора Васильевича. Онъ участвовалъ при взятіи приступомъ важной Литовской крѣпости Озерища—единственномъ крупномъ дѣлѣ въ продолженіи всей Литовской кампаніи этого года.

Вскорѣ по возобновленіи военныхъ дѣйствій, Радзивилъ съ 70.000-мъ войскомъ об-

346 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 351.

ложилъ Полоцкъ, расположивъ свои силы по сю сторону, между Двиною и Полотою. Вопреки совѣтамъ Курбскаго, онъ не рѣшался на открытый приступъ города, разсчитывая на добровольную сдачу его; но сидѣвшій въ Полоцкѣ князь Петръ Михайловичь Щенятевъ на всѣ льстивыя предложенія о сдачѣ упорно отвѣчалъ выстрѣлами. Тѣмъ временемъ, Московское войско, подъ начальствомъ бывшаго Казанскаго царя Симеона (Едигера) и князя Ивана Ивановича Пронскаго, поспѣшно выступило изъ Великихъ Лукъ и, зайдя въ тылъ непріятеля, заставило его удалиться на Литовскую сторону. Въ войскѣ Симеона правою рукою начальствовали воеводы князь Василій Семеновичь Серебреный-Оболенскій и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; передовой полкъ велъ князь Петръ Семеновичь Серебреный; сторожевой—князь Иванъ Михайловичь Воротынскій; а у наряда былъ князь Юрій Ивановичь Токмаковъ[347]. По удаленіи Радзивила, Московское войско подступило къ сильно укрѣпленному зàмку Озерищу. 6 ноября, на память преподобнаго отца нашего Варлаама Хутынскаго чудотворца, зàмокъ былъ зажженъ при-

[347] Синбирскій Сборникъ. стр. 7.

метомъ[348], и наши воины «со всѣхъ сторонъ на городъ пошли, и много полону въ городѣ поимали; а иные многіе Литовскіе люди отъ огня сгорѣли въ городѣ, а иные съ города метались; а царя великаго князя людей ничѣмъ не вредили.... А городъ Озерищи весь сгорѣлъ»[349]. Въ настоящее время Озерищи есть мѣстечко Витебской губерніи, Городецкаго уѣзда. Тамъ еще уцѣлѣли земляные окопы[350], окружавшіе нѣкогда грозный зáмокъ, разрушенный войсками Грознаго. Въ Озерищахъ, составлявшихъ весьма важный стратегическій пунктъ, оставлены были «для береженья» князь Петръ Семеновичь Серебреный-Оболенскій и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ[351].

[348] Приметомъ назывался матеріалъ, употреблявшійся при осадѣ для зажженія крѣпости. Сдѣлать приметъ значило обложить крѣпость лѣсомъ и другими зажигательными веществами.

[349] Синбирскій Сборникъ. стр. 7.

[350] Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Спб. 1866.

[351] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 358.

ГЛАВА XVIII.

Побѣгъ князя Курбскаго за рубежъ и его досадительныя письма оттуда вызвали неизъяснимую ярость въ душѣ царя Ивана Васильевича. Кромѣ несчастнаго Шибанова, принесшаго дерзкое посланіе Курбскаго, не на комъ было вымѣстить злобу; всюду мерещились тайные доброжелатели Литвы. Въ такомъ страшномъ настроеніи души, Грозный додумался до странной мѣры: онъ положилъ опалу на всю землю, опричь избранной имъ тысячи довѣренныхъ лицъ, преимущественно незнатнаго происхожденія. Эта избранная царская тысяча составила новый дворъ, на содержаніе котораго Грозный отписалъ 20 городовъ и нѣсколько улицъ въ Москвѣ: Чертольскую, Арбатскую съ Сивцовымъ Вражкомъ и половину Никитской. Эта часть

Россіи и Москвы и тысячная дружина или дворъ, находясь подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ самого царя, названы были опричниною. Все остальное — земщиною, названіе, ставшее синонимомъ измѣны. Управленіе земщиною поручено было старымъ земскимъ боярамъ, которымъ предоставлялось только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю. Учрежденіе опричнины, послѣдовавшее въ февралѣ 1565 года, освобождало царя отъ необходимости постояннаго, ежедневнаго сообщенія съ ненавистными ему боярами. Самая Москва опостылѣла Ивану. Александровская слобода[352], окруженная дремучими лѣсами, служившая дотолѣ становищемъ для наѣзжихъ охотниковъ-звѣролововъ, стала любимымъ мѣстопребываніемъ Грознаго, — такъ сказать, столицею опричнины. Тамъ онъ завелъ что-то въ родѣ монастыря, братію котораго составляли 300 отборныхъ опричниковъ, одѣтыхъ въ черныя рясы, поверхъ шитыхъ золотомъ кафтановъ съ собольей опушкой, а на головахъ у нихъ были тафьи или скуфейки. Царь Иванъ назвалъ самъ себя игуменомъ,

[352] Нынѣ уѣздный городъ Александровъ, Владимірской губерніи.

князя Аѳанасія Ивановича Вяземскаго—келаремъ, а Малюту Скуратова—пономаремъ. Вся эта монашеская обстановка съ полунощницами, повечеріями, постомъ, земными поклонами, увлекала Грознаго своею картинностію. Онъ даже какъ-бы забывалъ, что каждый изъ его честной братіи имѣлъ подъ рясою длинный ножъ съ неостывшею еще кровію невинныхъ жертвъ изъ земщины, сотнями приводимыхъ въ страшную слободу-монастырь.

Здѣсь было бы неумѣстно останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ чудовищныхъ дѣяніяхъ опричниковъ: «о таковыхъ злостяхъ и гоненіяхъ не моглъ бы на цѣлую книгу написати». Къ тому же собственно Шереметевыхъ, по счастію, миновала эта горькая чаша постигшаго Россію бѣдствія. Пытка одного изъ нихъ и убіеніе другого, предшествовавшія учрежденію опричнины, послужили какъ-бы искупительными жертвами, обезпечившими всю семью отъ дальнѣйшихъ напастей. Старшій въ семьѣ, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ—гроза Крымцевъ, послѣ пытки уже не появлялся на ратномъ полѣ. Удрученный ранами, «сокрушенну уже тѣлу насиліемъ»[353], онъ оставался

[353] Сказанія князя Курбскаго. стр. 106.

въ Москвѣ и съ раздѣленіемъ государства на опричнину и земщину, поставленъ былъ, вмѣстѣ съ другими старыми земскими боярами, во главѣ управленія земщиною. Членами Земскаго правленія, кромѣ Шереметева, были слѣдующія лица: князь Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій, князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій, князь Иванъ Ивановичь Пронскій, Иванъ Петровичь Ѳедоровъ (Челяднинъ), Никита Романовичь Юрьевъ, Василій Михайловичь Юрьевъ, казначей Никита Аѳанасьевичь Фуниковъ-Курцовъ и печатникъ Иванъ Михайловичь Висковатый.

Всѣ эти лица, въ маѣ 1565 года, подписались подъ приговорною грамотою объ отправленіи посольства въ Ногайскую орду[354], къ новому владѣтелю ея Тинъ-Ахмату, сыну умершаго въ 1563 году Измаила, заклятаго врага Девлетъ-Гиреева. Въ этой грамотѣ Иванъ Васильевичь Шереметевъ подписался четвертымъ, выше знаменитаго конюшаго Ивана Петровича Челяднина и царскаго шурина Никиты Романовича Юрьева. Но какъ бы ни было высоко положеніе Шереметева въ сонмѣ старыхъ бояръ, все же царская опала тяготѣла и те-

[354] Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики. Ч. XI. стр. 139.

перь надъ нимъ, и если уже не лично, то какъ на представителѣ опальной земщины, всецѣло отданной произволу опричниковъ, ежедневно порскавшихъ по Москвѣ, какъ по завоеванному городу.

Меньшіе братья Ивана Васильевича Шереметева почти все время находились вдали отъ ужасовъ, царившихъ въ Москвѣ; они переходили изъ одного украиннаго города въ другой съ войсками, оберегавшими государство со стороны Крыма, Литвы и Ливоніи.

1-го марта 1565 года, въ то время какъ въ Москвѣ вводилась опричнина, 12 тысячъ Литовцевъ, подъ предводительствомъ князя Богуша Ѳедоровича Корецкаго и князя Андрея Михайловича Курбскаго, вторгнулись въ Псковскую область и подступивъ къ пригородку Красному, принялись бить по немъ изъ наряду. Незадолго передъ тѣмъ, по первымъ же вѣстямъ о приходѣ Литовскихъ людей, Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ посланъ былъ изъ Вязьмы въ Великія Луки въ помощь стоявшему тамъ съ войсками князю Андрею Ивановичу Шуйскому[355]. Ни мало не медля, князь Шуйскій и Шереметевъ двинулись къ осажденному

[355] Синбирскій сборникъ. стр. 6, 7 и 14.

пригородку. Литовцы, свѣдавъ объ этомъ движенiи, отослали нарядъ и поднялись изъ-подъ Краснаго на встрѣчу Московскаго войска, съ которымъ и сошлись при селѣ Велье[356]. Подробныхъ извѣстiй объ этомъ столкновенiи нѣтъ; но наши уступили поле битвы непрiятелю. Вотъ что записано объ этомъ въ первой Псковской лѣтописи: «И Литовскiе люди сошлись съ нашими подъ Вельемъ, и потравилися наши съ ними немного, да отступивъ, пошли прочь къ Вороначу, и Литва за нашими ходили, за 5 верстъ не доходили до Воронача; и оттуду воротяся, воевали много земли Псковской, Красногородщину и Велейщину и Островщину, и вышли ко Улеху[357], а воевали полторы недѣли, полону много вывели и помѣщиковы и крестьянскiе дворы жгли, церквей не жгли, а вышли изъ земли въ первую недѣлю поста»[358]. Неприкосновенность церквей напоминала всѣмъ о присутствiи въ непрiятельскомъ войскѣ набожнаго Русскаго князя, вынужденнаго обстоятельствами сражаться противъ своего отечества.

[356] Село Велье и нынѣ извѣстно подъ тѣмъ-же названiемъ. Оно расположено при озерѣ Велье, въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губ.

[357] Улехъ=Влехъ=Валькъ, порубежный Ливонскiй городъ.

[358] Полное собранiе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 316.

Къ выгодѣ нашей, силы Литовцевъ были въ то время раздѣлены. Имъ приходилось въ одно и тоже время сражаться и съ нами, и съ Шведами. Обстоятельство это давало возможность Московскому правительству усилить оборону со стороны южныхъ степей, откуда доходили все болѣе и болѣе тревожные слухи о Крымцахъ, непрестанно побуждаемыхъ Польскимъ золотомъ къ набѣгу на Россію. 19 мая прибылъ въ Москву посланецъ отъ станичнаго головы Романа Семичева съ извѣстіемъ, что по обѣ стороны Муравскаго шляха открыты сакмы (слѣды) Крымскихъ людей и что самъ Семичевъ «позади сакмы слышалъ зукъ великій, а чаялъ приходу царева (т. е. ханскаго)»[359]. По этому извѣстію Грозный выслалъ для встрѣчи Крымцевъ сильное войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, который съ большимъ полкомъ сталъ въ Коломнѣ; князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій съ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ, предводительствовавшіе правой рукой, стали въ Каширѣ; а передовой полкъ, съ воеводами княземъ Иваномъ Ивановичемъ Турунтай-Пронскимъ и Иваномъ Ва-

[359] Синбирскій сборникъ. стр. 11.

сильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ—въ Калугѣ. Къ полю же посланъ былъ изъ Озерища и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ. Послѣдній долженъ былъ оставаться въ городѣ Михайловѣ до тѣхъ поръ, пока не сойдутся полковые воеводы; а какъ сойдутся, быть вмѣстѣ съ братомъ въ передовомъ же полку[360]. Благодаря искуству и настойчивости нашего посла въ Крыму, Аѳанасья Ѳедоровича Нагова, война была покамѣстъ устранена. Наша сторона въ ханской думѣ, по видимому, взяла верхъ надъ Литовскою. Войско же продолжало стоять на берегу; мѣнялись только воеводы по полкамъ. Такъ, въ іюнѣ, съ отозваніемъ князя Бѣльскаго въ Москву, поставленъ былъ «по тайной росписи», на случай прихода Крымцевъ, главнымъ воеводою войска князь Мстиславскій, а ему въ помощники, т. е. вторымъ воеводою большаго полка, назначенъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ[361].

Тѣмъ временемъ, именно 15-го августа 1565 года, пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву гонецъ Леонардъ Станиславъ Узловскій съ грамотою отъ королевской рады, на имя Москов-

360 Синбирскій сборникъ. стр. 11.

361 Тамъ-же. стр. 12.

скаго митрополита Аѳанасія и двухъ первостепенныхъ земскихъ бояръ князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго и Ивана Васильевича Большаго Шереметева. Въ этой грамотѣ, подписанной 13 іюля, Литовскіе вельможи и бискупъ писали митрополиту и боярамъ, что они упросили своего государя прекратить войну съ Москвою, и что король Сигизмундъ-Августъ «поволилъ имъ сослатися о доброй смолвѣ съ царевыми и великаго князя бояры; а царевы бы и великаго князя бояре также государя своего на доброе дѣло наводили, чтобъ господаремъ учинити ссылка о послѣхъ»[362]. Въ грамотѣ высказано было также сожалѣніе о безплодности посольства Хоткѣвича, который года два тому назадъ пріѣзжалъ въ Москву съ мирными предложеніями. Гонецъ Узловскій, выставляя на видъ, что онъ присланъ какъ отъ свѣтскихъ, такъ и отъ духовныхъ особъ королевской рады, настаивалъ на томъ, чтобы ему дозволено было видѣть митрополита, но ему отказали въ этомъ. Можетъ быть, Аѳанасій отвѣтилъ въ этомъ случаѣ то же самое, что и предмѣстникъ его осторожный Макарій, который на просьбу

362 Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею. Т. II. Спб. 1876. столб. 265.

Литовскихъ вельможъ о посредничествѣ, сказалъ: «знаю только дѣла церковныя; не стужайте мнѣ государственными». 16-го августа, Узловскій представлялся князю Бѣльскому и Шереметеву. Онъ просилъ ихъ склонить царя къ прекращенію военныхъ дѣйствій и дозволить пріѣхать въ Россію Польскимъ полномочнымъ посламъ. Князь Бѣльскій и Шереметевъ отвѣтили, что царь Иванъ Васильевичь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. 21-го августа, Узловскій откланялся боярамъ и на другой же день выѣхалъ изъ Москвы съ отвѣтною боярскою грамотою, въ которой, по поводу сѣтованій о безплодности посольства Хоткѣвича, бояре объясняли Литовскимъ вельможамъ, что Хоткѣвичь не имѣлъ полномочія договариваться о Лифляндіи, а потому ни съ чѣмъ и отпущенъ, и что, наконецъ, самъ царь, «единственно для покою христіанскаго, въ противность прежнимъ обычаямъ и презирая честь свою государскую, самъ съ послами говорилъ многія рѣчи, приводя ихъ къ добру; но какъ и симъ не успѣлъ, тогда началась паки война»[363].

363 Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 годъ. Кн. 4 (Матеріалы. стр. 122).

Вслѣдъ за Узловскимъ, совершенно неожиданно пріѣхали въ Москву и Крымскіе гонцы съ дерзкимъ требованіемъ отдать хану Казань и Астрахань. Гонцамъ отвѣчено было, что подобное требованіе къ добру нейдетъ; а за столомъ дали имъ, по обычаю, шубы, но полегче тѣхъ, которыя давались прежде[364].

Въ концѣ сентября пришло изъ Путивля извѣстіе, что Татарскія полчища въ теченіи двухъ дней переправлялись черезъ Донецъ. Наши воеводы уже стояли на мѣстахъ. Сдѣлано было только распоряженіе, чтобы, на случай отъѣзда царя къ войску, Москвою вѣдали первостепенные бояре: Иванъ Петровичь Челяднинъ, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, Никита Романовичь Юрьевъ, Яковъ Андреевичь Салтыковъ, Василій Юрьевичь Траханіотовъ и другіе[365]. 1 октября, Девлетъ-Гирей, съ тяжелыми пушками, поставленными на большія телѣги, подступилъ къ городу Болхову. Тамошній воевода князь Иванъ Андреевичь Щепинъ-Золотой-Оболенскій, своевременно подкрѣпленный воеводами: княземъ Петромъ Михайловичемъ Щенятевымъ и Иваномъ

[364] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 290.
[365] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 380.

Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ[366], произвелъ удачную вылазку и не допустилъ Крымцевъ сжечь посадъ. А между тѣмъ, съ сѣвера надвигалось сильное войско князей Бѣльскаго и Мстиславскаго. Девлетъ-Гирей, проклиная Литовцевъ, увѣрившихъ его, что всѣ Московскія войска стянуты къ западнымъ границамъ, въ ночь на 19 октября, бѣжалъ назадъ, въ Крымъ. За эти дѣйствія противъ Крымцевъ, награжденъ былъ, въ числѣ другихъ, и Шереметевъ: ему былъ пожалованъ золотой[367].

По уходѣ Крымцевъ, въ Москву прибылъ другой Литовскій гонецъ, Өедоръ Богдановичь Юряга, съ вѣстью о скоромъ пріѣздѣ большихъ пословъ Хоткѣвича и Тышкевича. Любопытно, что въ наказѣ данномъ приставу, назначенному къ Юрягѣ, между прочимъ, сказано, что «если гонецъ спроситъ: что это теперь у государя вашего слыветъ опричнина? —на это отвѣчать: у государя никакой опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему

366 Синбирскій сборникъ. стр. 17.

367 Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 127.

правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя по дальше»[368].

Большіе Литовскіе послы: Юрій Александровичь Хоткѣвичь, Юрій Васильевичь Тышкевичь и писарь Михайло Гарабурда, пріѣхали въ Москву 30 мая 1566 года. Какъ ни желательно было кончить съ Литвою кровавый споръ изъ-за Ливоніи, длившійся съ 1558 года, но и новые переговоры съ Литовскими послами, продолжавшіеся около мѣсяца, не привели къ прямому соглашенію. Царь уступалъ Литвѣ Курляндію и нѣсколько городковъ по сю сторону Двины, требуя себѣ Ригу и другіе города Балтійскаго поморья. Послы уступали намъ Полоцкъ и всѣ мѣста занятыя Московскими войсками, но крѣпко стояли за Ригу и Венденъ,—два важнѣйшіе города Ливоніи.

Среди этихъ переговоровъ, Грозный рѣшился созвать выборныхъ представителей отъ всей земли Русской и предложить на ихъ обсужденіе вопросъ: мириться ли съ Литвою на предъявленныхъ ею условіяхъ, или же продолжать войну и добиваться бо́льшаго? Созваніе земскаго собора само по себѣ представ-

368 Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 262.

ляется такимъ грандіознымъ явленіемъ, что не хотѣлось бы ослаблять его силы дознаніями о дѣйствительныхъ побужденіяхъ царя Ивана, вызвавшихъ его на эту мѣру, составляющую, во всякомъ случаѣ, лучшее украшеніе его царствованія.

Засѣданіе земскаго собора[369] происходило во дворцѣ. Собралось 376 человѣкъ всѣхъ состояній, кромѣ крестьянскаго. Неподалеку отъ царя, сидѣвшаго на тронѣ, размѣстились за особымъ столомъ власти (духовенство). Поодаль на лавкахъ сидѣли бояре, одинъ за другимъ, въ порядкѣ, «кто кого породою ниже, а не тѣмъ кто выше и прежъ въ чину; окольничіе—подъ боярами противъ того-жъ» и т. д. Всѣхъ бояръ присутствовало 16 человѣкъ; между ними пятое мѣсто занималъ Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ братъ его Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ.

Мнѣнія отбирались по группамъ. Духовенство дало государю совѣтъ не отступаться отъ Риги, Вендена, Вольмара, Роненбурга, Кокенгаузена, а также и другихъ городовъ, «которые къ государскимъ къ порубежнымъ го-

[369] Втораго по порядку; первый былъ въ 1548 году.

родамъ ко Псковскимъ и къ Юрьевскимъ подошли». Бояре и окольничіе прямо заявили, что государю мириться съ королемъ непригоже: «знатно-молъ, что послы Литовскіе все говорятъ о съѣздѣ, чтобы мало переманити, и съ людьми ся пособрати, и съ Ляхи постановленіе учинити, и Ливонская земля укрѣпити, и въ ней рати прибавити, чтобъ впередъ больши своего дѣла королю искати; а по всѣмъ-де вѣстемъ, королю еще и самому недосугъ, нынѣ съ цесаремъ у него брань». Въ такомъ же смыслѣ поданы были мнѣнія и отъ остальныхъ группъ. Всѣ говорили, чтобы не отдавать королю вышеназванныхъ Ливонскихъ городовъ и землю на правомъ берегу Двины, принадлежавшую Полоцку, выражая при этомъ готовность, по приказу государя, «стояти противъ его недруговъ, кто во что пригодится и до своего живота». Приговорная грамота собора подписана 2 іюля 1566 года и закрѣплена подписями 57-ми лицъ, между которыми читаемъ: «Язъ Иванъ Шереметевъ Болшей къ сей грамоте руку приложилъ». Послѣ всѣхъ подписей сдѣлана слѣдующая оговорка: «А Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не

умѣютъ»[370]. Читатель не забудетъ, что дѣло происходило въ половинѣ XVI вѣка, когда, по замѣчанію покойнаго Константина Сергѣевича Аксакова, примѣры безграмотности нерѣдко можно было встрѣтить и среди вельможъ Западной Европы[371].

На земскомъ соборѣ митрополитъ не присутствовалъ: еще 16 мая, Аѳанасій, «за немощью веліею», оставилъ митрополію и отошелъ на свое постриженіе, въ Чудовъ монастырь. 20 іюля, слѣдовательно уже послѣ подписанія приговорной грамоты собора, состоялся достопамятный приговоръ архіепископовъ, епископовъ и архимандритовъ о поставленіи въ митрополита всероссійскаго сродника Шереметевыхъ, уже прославившагося святою жизнію, игумена пустынной Соловецкой обители Филиппа Колычова. Будущій святитель и угодникъ Божій прямо сказалъ царю, что онъ соглашается принять престолъ Россійской церкви, но съ тѣмъ, чтобы государь упразднилъ опричнину «и соединилъ (государство) во едино, какъ прежде того было». Царь

370 Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. стр. 545—556.

371 К. С. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. М. 1861. стр. 234.

распалился гнѣвомъ на столь смѣлое требованіе монаха, но по челобитью властей и бояръ отложилъ гнѣвъ свой. Избраніе состоялось; но вновь поставленный первосвятитель долженъ былъ дать подписку въ томъ, что онъ «въ опришнину и въ царьскій домовой обиходъ вступаться не будетъ»[372].

372 Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. № 193.

ГЛАВА XIX.

Въ августѣ или сентябрѣ 1567 года, двоюродный братъ митрополита Филиппа, Ѳедоръ Ивановичь Умный-Колычовъ, отправленъ былъ посломъ въ Литву, для заключенія перемирія на точномъ основаніи постановленія земскаго собора. Колычова долго не пропускали за границу, по случаю появившейся въ Смоленскѣ моровой язвы. Только въ концѣ февраля 1567 года, ему дозволено было наконецъ продолжать путь въ Гродно. Мирные переговоры длились до августа мѣсяца, и недовѣріе нашихъ бояръ къ Литовцамъ оправдалось на самомъ дѣлѣ. Предложенія Колычова были отвергнуты, о чемъ онъ и отписалъ въ Москву, жалуясь на дурной пріемъ, оказанный посольству. Опять предстояла война съ новыми

затратами, тяжко отзывавшимися на хозяйствѣ страны. Въ царствованіе Грознаго войны стòили дорого. Это можно видѣть изъ того, что во время Полоцкаго похода 1563 года, самому послѣднему разряду войска, такъ называемой посòхи, давали по 5 рублей конному и по 2 рубля пѣшему воину[373]. Военныя издержки всецѣло ложились на землю. Вслѣдствіе того, подати и повинности росли съ каждымъ годомъ, и это было особенно чувствительно при хлѣбномъ недородѣ, повѣтріяхъ и плохомъ хозяйствѣ землевладѣльцевъ, безпрестанно отрываемыхъ отъ своего дѣла для службы. Писцовыя книги XVI вѣка указываютъ на огромныя пространства пустопорожнихъ земель, значительную часть которыхъ составляли запустѣлыя имѣнія раззорившихся помѣщиковъ и укромные участки крестьянъ, цѣлыми волостями бросавшихъ свои земли ради тяжести податей и повинностей. Не смотря на такія неблагопріятныя условія, Шереметевы находили возможнымъ пріумножать свое достояніе новыми пріобрѣтеніями. Такъ, весною 1567 года, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ купилъ у помѣщицы Марьи Михайловны Арга-

[373] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 314.

маковой запустѣлую вотчину, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Торокмановѣ станѣ, состоявшую изъ трехъ деревень—Борисковой, Варваркиной, Володиной, и двухъ селищъ—Третьяковскаго и Обришкина. Борисковская вотчина запустѣла еще въ 1557 году; а какъ досталась помѣщику Ивану Аѳанасьевичу Ергольскому, послѣднiй «тѣ мѣста до̀сталь запустошилъ, и крестьянъ разогналъ, и деревни развезъ, и землю запереложилъ, и лѣсъ повысѣкъ и повыпродалъ». Въ такомъ непригляндомъ видѣ вотчина эта дана была Аргамаковой, въ замѣнъ старой Костромской ея вотчины, отписанной на государя, «съ Костромою вмѣстѣ». По заведенному порядку, выборному старостѣ Василiю Гунцову данъ былъ царскiй наказъ осмотрѣть купленную Шереметевымъ вотчину и описать ее. Гунцовъ записалъ въ своей книгѣ, что въ Борисковской вотчинѣ имѣется «дворъ, а въ немъ Шереметева человѣкъ дѣловой (работникъ), дворъ крестьянской, да два мѣста дворовыя; пашни паханые 8 чети въ одномъ полѣ, а въ дву по тому жъ; да перелогомъ пашни и лѣсомъ поросло 87 чети въ одномъ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 50 копенъ; лѣсу въ колъ и въ тычину на 10 чети; да лѣсу жъ дро-

вянаго, хворосту и пороснику 20 чети всѣхъ трехъ поль». Значитъ, всего 315 четвертей или нынѣшнихъ 157 десятинъ съ половиною.

1-го мая 1567 года, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ подалъ царю челобитье, въ которомъ объяснилъ, что-дей «у него вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Торокмановѣ стану, купля: деревня Борисково, да деревня Варваркино, да деревня Володина, да селище Третьяковское да селище Обришкино, а купилъ-де онъ тѣ деревни сеѣ весны пусты. И выборный староста съ цѣловальники правятъ-де оброкъ за дань и за посошной кормъ, и за ямскіе деньги, и за городовое дѣло съ пуста. По царскому же наказу, ту его вотчину куплю писалъ и про пустоту обыскивалъ выборный староста Василей Гунцовъ, и написалъ-де тѣ деревни пусты же». Шереметевъ просилъ государя «пожаловать его, на пусто велѣти ему дать льготы, какъ-бы ему мочно на пусто крестьянъ назвати и пашня роспахати».

Челобитье Шереметева было уважено. 12 числа того-же мая, въ Торокмановъ станъ послана выборному старостѣ и цѣловальникамъ грамота царя Ивана Васильевича, въ которой, между прочимъ, сказано: «И мы бо-

ярина Ивана Васильевича Шереметева пожаловали, велѣли ему на ту его вотчину дати льготы на 5 лѣтъ отъ Семена дни лѣтопроводца (1-го сентября, память Симеона столпника) лѣта 7076 (1567) года до Семена дни лѣтопроводца лѣта 7081 (1572) году; а тѣ ему урошные льготные лѣта на пустыхъ мѣстахъ дворы велѣти ставить и крестьянъ назвати и пашня роспахати; а нашего оброку за дань и за ямскіе деньги и за городовое дѣло всякихъ податей въ оброшные льготные лѣта не давати. А какъ отойдутъ урошные льготные лѣта, и Ивану Васильевичу съ тое своей вотчины оброкъ за дань и за посошной кормъ и за городовое дѣло давати, по писцовымъ книгамъ, сполна. А не велитъ ставити Иванъ Васильевичь на пустѣ дворовъ, и крестьянъ не назоветъ, и пашни не роспашетъ, и наши ямскіе и приметные деньги и за городовое дѣло и за засѣчные деньги и за ямчужное дѣло (селитряное дѣло) взяти на Иванѣ и на прошлые льготные лѣта»[374].

[374] Грамота эта, напечатанная во II-мъ томѣ издаваемой археографическою коммиссіею Русской исторической библіотеки (Спб. 1875. столб. 41—45), извлечена изъ сборника грамотъ и другихъ актовъ, списанныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія К. М. Бороздинымъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Купчая Дмитрея Останкова на треть деревни Клементьевой 7015 [illegible] Подлинник 1
в Коломенском уезде

[illegible]

1?0

[illegible] по записи Дмитрея Останкова руку приложил

По слову [illegible] руку приложил

По [illegible] руку приложил

По слову [illegible] руку приложил

Въ томъ-же году, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ купилъ еще у помѣщика Дмитрія Остапкова сына Клементьева вотчину его въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ Маковскомъ станѣ, треть деревни Клементьевой, съ лѣсами, лугами и со всѣми угодьями. А заплатилъ за ту вотчину «90 рублевъ денегъ, да пополнъка (придачи) меринъ сѣръ»[375].

Пріобрѣтеніе пустопорожнихъ земель было весьма выгодно для богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, какимъ конечно былъ и бояринъ Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ. Не даромъ же Грозный такъ настойчиво допытывалъ его о скарбахъ: «вѣмъ бо, яко богатъ еси зѣло», говорилъ онъ страдальцу, заключенному въ тяжкія оковы. Крестьяне весьма охотно селились у знатныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ всегда могли найти защиту и покровительство отъ разныхъ притѣсненій и обидъ. Расчетъ ихъ былъ очень вѣренъ. Не далѣе какъ въ августѣ 1566 года, одинъ изъ крестьянъ, поселившихся у Ивана Васильевича Большаго Шереметева, по имени Сельчукъ, былъ обиженъ сосѣднимъ землевладѣльцемъ и дѣло его разбиралось самимъ ца-

375 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 1052.

ремъ. Правда, тутъ задѣтъ былъ за живое самъ Шереметевъ; но крестьянину было все равно: лишь бы только привлеченъ былъ къ отвѣтственности обидчикъ, хотя бы для острастки на будущее время. Мы разскажемъ этотъ случай съ Сельчукомъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ служитъ какъ бы продолженіемъ знакомой читателю тяжбы Шереметева съ княземъ Ноздреватымъ изъ-за половины села Граворонова, разбиравшейся въ 1547 году.

Въ началѣ мая 1567 года, крестьянинъ Сельчукъ подалъ царю жалобницу слѣдующаго содержанія: «Дѣялося, государь, въ четвергъ послѣ Петрова дни, тому годъ будетъ, пріѣхалъ есми съ дѣловцы въ лугъ государя своего Ивана Васильевича Шереметева сѣна косити, и князь Ондрѣй Петровичь Ноздреватый меня и съ дѣловцы съ лугу сбилъ, а сѣна косити не далъ, а называетъ тотъ лугъ своимъ, не вѣдаю почему. А тѣми луги и всякими угодьи владѣлъ государь мой и по ся мѣста по закладной кабалѣ: заложилъ тотъ князь Ондрѣй государю моему полсела Граворонъ со всѣми съ тѣми угодьи. Да отнялъ у меня князь Ондрѣй на томъ лугу меринъ буръ съ сѣдломъ и съ уздою; а цѣна ме-

рину полтора рубли съ гривною. Государь царь, смилуйся»!

Жалобница была принята и судъ по ней судилъ самъ царь Иванъ Васильевичь въ присутствіи князя Петра Семеновича Серебренаго-Оболенскаго, Аѳанасія Андреевича Бутурлина и Ивана Ивановича Чулкова. Вмѣсто истца Сельчука явился Шереметевскій человѣкъ Якушъ Михайловъ.

Царь, выслушавъ жалобницу, спросилъ князя Андрея ПетровичаНоздреватаго: «Отвѣчай, Шереметева ты человѣка Сельчука и съ дѣловцы съ лугу сбивывалъ ли и меринъ у него съ сѣдломъ и съ уздою отнимывалъ ли»?

Князь Ноздреватый сказалъ: «Язъ, государь, того Сельчука и съ дѣловцы съ лугу не сбивывалъ и мерина у него не отнимывалъ. А луги язъ кошу свои къ деревнѣ Бузуковской».

Послѣ обычнаго опроса сторонъ относительно крестнаго цѣлованія, царь спросилъ Якуша Михайлова: «Сказываешь ты, что государь твой Иванъ Васильевичь Шереметевъ тѣми луги владѣетъ по закладной кабалѣ. Гдѣ та кабала? положь ее предо мною; и какъ тотъ лугъ зовутъ прозвищемъ?»

Якушъ отвѣчалъ: «Прозвища тому лугу нѣтъ, а та кабала писана въ правой грамотѣ, что государь мой Иванъ Васильевичь прежъ сего тягался съ тѣмъ-же княземъ Андреемъ Ноздреватымъ, да съ князь Юрьемъ и Васильемъ Токмаковыми о той же вотчинѣ. И ты царь тогда государя моего оправилъ, а тѣхъ обвинилъ, да и правую грамому государю моему на нихъ далъ. А вели мнѣ дати срокъ, и язъ тое правую грамоту передъ тобою положу».

И царь вспросилъ отвѣтчика князя Ноздреватаго: «А у тобя какъ тотъ лугъ зовутъ имянно?»

Князь Ноздреватый отвѣчалъ: «Прозвища тому лугу нѣтъ, а кошу лугъ свой къ деревнѣ къ Бузуковской; а у Ивана Васильевича Шереметева въ кабалу язъ заложилъ полсела Граворонова, опричь деревни Бузуковской и угодей».

И царь вспросилъ князя Андрея: «Заложилъ ты у Ивана полсела Граворонова со всѣми угодьи, и у твоей деревни Бузуковскіе пашни на колко четвертей и что у неѣ угодей?»

Князь Ноздреватый сказалъ: «Заложилъ язъ у Ивана Васильевича Шереметева полсела со всѣми угодьи, опричь деревни Бузу-

ковскіе. А у деревни сей пашни по 30 четвертей въ полѣ, да сѣна ставитца копенъ съ 30, да лѣсу по врагу четверти на двѣ».

Якушъ возразилъ: «Князь Андрей называетъ тѣ угодья къ своей деревнѣ Бузуковскіе. А князь Андрей заложилъ государю моему Ивану Васильевичу полсела Граворонова со всѣми угодьи; у деревни же Бузуковскіе угодій нѣтъ никакихъ опричь пашни».

Царь приказалъ Якушу положить предъ собою правую грамоту «въ первое воскресенье, уговѣвъ Петрова поста».

30-го мая читана была предъ царемъ извѣстная уже читателю правая грамота, отъ 13 августа 1547 года.

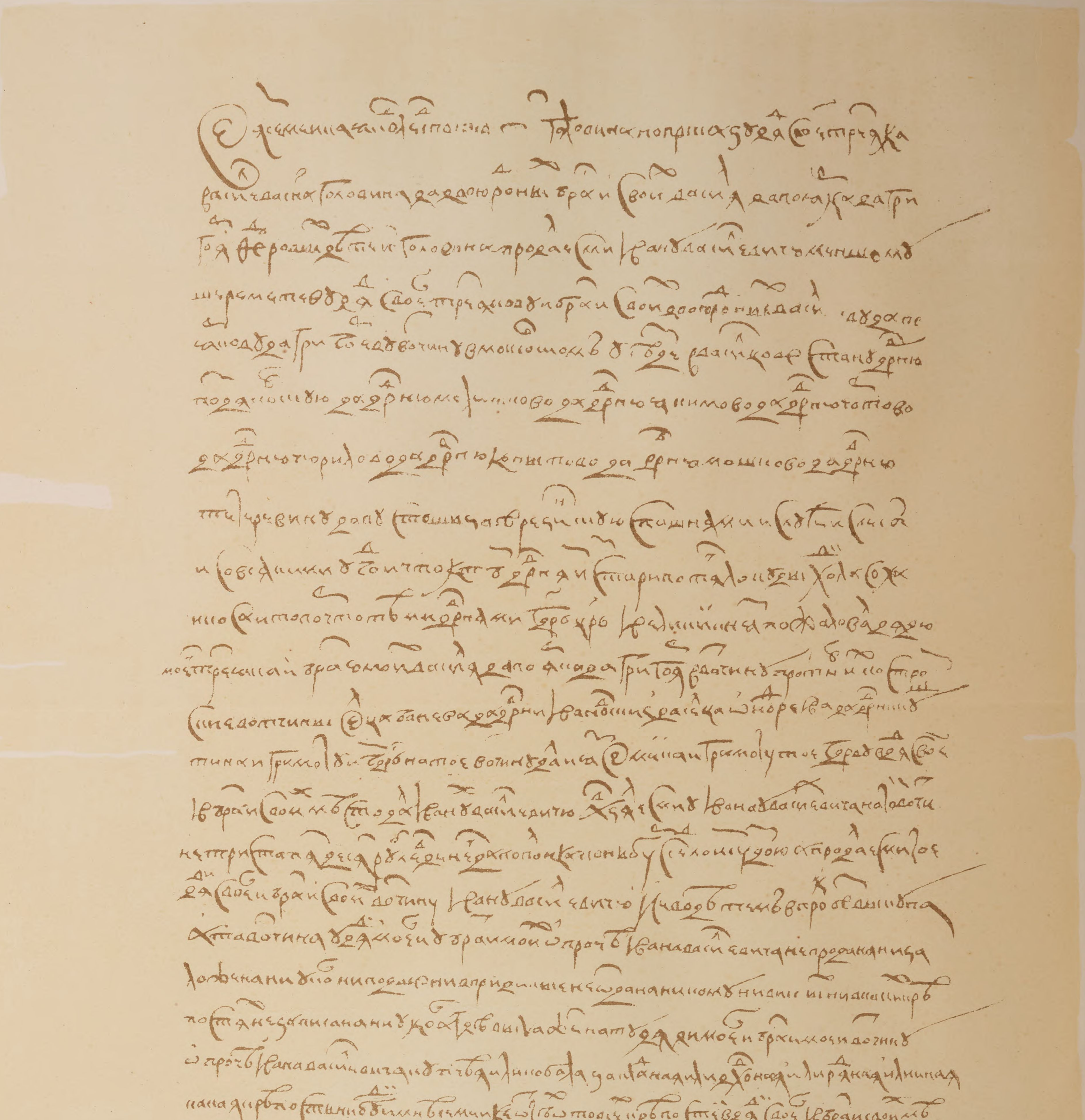
По выслушаніи грамоты, царь велѣлъ возвратить ее Шереметеву, человѣка его Якуша оправилъ, а князя Ноздреватаго опять обвинилъ. Въ данной по этому случаю новой правой грамотѣ, подписанной 14 іюня 1567 года, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «И велѣлъ царь боярину Ивану Васильевичу Шереметеву владѣти тѣмъ полуселомъ Граворонымъ и со всѣми угодьи по прежней по правой грамотѣ и по кабалѣ, которая кабала написана въ правой грамотѣ; а князю Андрею

Поздреватому велѣлъ владѣти деревнею Бузуковскою, а пашни по 30-ти четвертей въ полѣ. А въ Селчюковѣ иску въ полуторѣ рублѣ съ гривною оба истца помирились, а за пошлины ималися по половинамъ и пошлины на нихъ взяты»[376].

Послѣ этого у Шереметева уже не возобновлялось тяжбы съ княземъ Ноздреватымъ, и сельцо Гравороново осталось навсегда въ его безспорномъ владѣніи.

Въ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева сохранилась полуистлѣвшая купчая крѣпость 1567 года, писанная Юрьемъ Михайловымъ Чириковымъ, изъ которой видно, что въ томъ году и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ купилъ себѣ вотчину у Головиныхъ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильковѣ станѣ, состоящую изъ 8-ми деревень: Поздяковской, Меленковой, Якимовой, Чортовой, Чюриловой, Копытовой, Мошковой, Тетеревиной и пустоши Заберезинской, съ пашнями, службами, лѣсомъ и со всѣми угодьями. За всю вотчину Шереметевъ заплатилъ 350 рублей денегъ, «да пополонка конь бурый съ сѣд-

[376] Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. I. стр. 230.

ломъ и уздою». Изъ купчей видно, что означенная вотчина продана Шереметеву Семеномъ Яковлевичемъ Головинымъ, по приказу дяди его Третьяка Васильевича да двоюродныхъ братьевъ Василья, Поярка и Григорія Өедоровичей Головиныхъ, которымъ она была пожалована царемъ Иваномъ Васильевичемъ, въ замѣнъ Костромской ихъ вотчины сельца Банева съ деревнями[377].

Возвратимся къ посольству Колычова.

Какъ и слѣдовало ожидать, ближайшимъ результатомъ этого неудачнаго посольства были приготовленія къ новой войнѣ съ Литвою. Въ концѣ сентября 1567 года, самъ Грозный отправился къ войску въ Новгородъ и тамъ занялся распредѣленіемъ полковъ. Өедоръ Васильевичъ Шереметевъ былъ перемѣщенъ съ поля, изъ города Михайлова, на Литовскую границу въ городъ Вороначь, а на его мѣсто посланъ князь Андрей Репнинъ[378]. Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шуйскимъ и Васильемъ Бутурлинымъ, оставленъ былъ въ Дорогобужѣ[379].

[377] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 194.

[378] Синбирскій сборникъ. стр. 15.

[379] Древняя Россійская Вивліоөика. Ч. XIII. стр. 388.

Пробывши съ недѣлю въ Новгородѣ, царь Иванъ Васильевичь выступилъ съ войсками къ Литовскому рубежу, но подъ городомъ Краснымъ, въ селѣ Оршанскомъ, былъ остановленъ извѣстіемъ о появленіи «лихого повѣтрія» въ Ливоніи. Собрался военный совѣтъ, которому предложено было обсудить—возможно ли продолжать походъ, въ виду чрезвычайной трудности перевозки наряда и недостатка съѣстныхъ припасовъ. Прибывшіе на совѣтъ воеводы, въ томъ числѣ и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, единогласно совѣтовали царю отложить походъ и самому возвратиться въ Москву[380]. Рѣшено было ограничиться оборонительною войною и на случай прихода Литовскихъ людей ко Пскову, указано выступить противъ нихъ воеводамъ по слѣдующей росписи: съ большимъ полкомъ—князю Ивану Магметовичу Канбарову, съ передовымъ полкомъ—Ѳедору Васильевичу Шереметеву, а съ сторожевымъ полкомъ—Дмитрію Григорьевичу Плещееву[381].

10 декабря Грозный былъ уже въ Москвѣ.

[380] Князь Щербатовъ. Исторія Россійская. Т. V. Ч. 2. стр. 161.

[381] Синбирскій сборникъ. стр. 19.—Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 387. 388.

По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ этотъ день онъ, вмѣстѣ съ царевичами Иваномъ и Ѳедоромъ, присутствовалъ при освященіи придѣла въ дворцовой церкви Благовѣщенія на Сѣнѣхъ (что̀ нынѣ Благовѣщенскій соборъ), совершенномъ Филиппомъ митрополитомъ[382].

Въ отсутствіе государя, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ «вѣдалъ Москву» и по этой почетной обязанности жилъ все время и ночевалъ въ государевыхъ палатахъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, которыми на этотъ разъ были: Василій Юрьевичь Траханіотовъ, Аѳанасій Андреевичь Бутурлинъ, Михаилъ Ивановичь Колычовъ и Далматъ Ѳедоровичь Карповъ[383]. До того времени, въ отсутствіе государя, обыкновенно начальствовалъ въ Москвѣ старый конюшій и начальникъ казеннаго приказа Иванъ Петровичь Челяднинъ, но его уже не было въ живыхъ. Онъ былъ оклеветанъ въ намѣреніи овладѣть престоломъ. Грозный, въ припадкѣ дикаго изступленія, велѣлъ одѣть маститаго старца въ царское одѣяніе, посадилъ на тронъ, и за тѣмъ собственноручно вонзилъ ему ножъ въ сердце. Въ раз-

[382] Русская историческая библіотека. Т. III. столб. 285.
[383] Синбирскій сборникъ. стр. 20.

строенномъ воображенiи царя снова замелькали ковы и заговоры. Опять начались невообразимыя казни мнимыхъ измѣнниковъ: ихъ жгли на сковородахъ, забивали иглы подъ ногти и проч. и проч.

Митрополитъ Филиппъ, обязавшись не вступаться въ царскiй домовый обиходъ, не могъ отказаться отъ святительскаго права «печаловаться». Онъ увѣщевалъ царя Ивана наединѣ, но тотъ сталъ избѣгать встрѣчъ съ святителемъ. Всѣмъ извѣстно происшествiе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 21 марта 1568 года, когда Филиппъ митрополитъ, отказавшись благословить царя, строго обличалъ его порочную жизнь и злодѣянiя. Царь, погруженный въ мрачную думу, вышелъ изъ храма. Долго прiискивали лжесвидѣтелей и наконецъ, 4 ноября, «по соборному суду», Филиппъ былъ сверженъ съ святительской каѳедры и сосланъ въ Тверской Отрочь монастырь. Тамъ, по приказанiю царя, святой мужъ былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ. Это страшное дѣло совершилось въ январѣ 1570 года, когда Грозный «съ великою опалою» шелъ на Новгородъ и по пути останавливался подъ Тверью.

Передъ Новгородскимъ походомъ, царь

Иванъ лишился второй супруги, Марьи Темгрюковны Черкасской († въ сентябрѣ 1569 г.). Онъ подозрѣвалъ, что и она, также какъ и царица Анастасія Романовна, изведена лихими людьми. Злую мысль эту внушилъ Грозному «Нѣмчинъ, лютый волхвъ Елисѣй», какъ названъ въ нашей лѣтописи Голландскій докторъ Бомелій (Eliseus Bomelius), который «на Русскихъ людей царю возложи свирѣпство, и много множество роду боярскаго и княжеска изусти убити цареви, послѣди же и самого (царя) приведе еже бѣжати въ Англійскую землю и тамо женитися, а свои бояре оставшіе побити»[384].

[384] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 318.

ГЛАВА XX.

Ивана Васильевича Большаго Шереметева, въ послѣдній разъ, мы видѣли главноначальствующимъ въ Москвѣ, въ отсутствіе государя. Это была его послѣдняя служба.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1567 года, Иванъ Васильевичь лишился своей супруги Евдокіи, о которой только и знаемъ, что она погребена въ Троице-Сергіевой обители какъ это видно изъ слѣдующей записивъ монастырской вкладной книгѣ: «76-го года (7076=1568) генваря во 2-й день Иванъ Васильевичь Шереметевъ далъ вкладу по женѣ своей Евдокіѣ денегъ 50 рублевъ и за тотъ вкладъ жены его тѣло погребли у Животворящія Троицы»[385]. До сихъ поръ неизвѣстно ни отчества Евдокіи Шереметевой, ни родовой ея фамиліи.

[385] Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря 1673 года. л. 120.

О самомъ Иванѣ Васильевичѣ Шереметевѣ не сохранилось рѣшительно никакихъ извѣстій за цѣлыхъ два года: 1568 и 1569-й. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить, каковы были отношенія Шереметева къ извѣстному дѣлу «богоноснаго» сродника его Филиппа митрополита. Не былъ ли и онъ подвергнутъ новому гоненію, подобно ближайшимъ родственникамъ святителя — Колычовымъ, «мужамъ свѣтлымъ и нарочитымъ, единоплеменнымъ сущимъ Шереметевымъ», какъ опредѣляетъ ихъ современникъ князь Курбскій[386]. Оставивъ догадки и предположенія, обратимся къ положительнымъ фактамъ.

Въ послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ, подъ 1570 годомъ, бояринъ Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ показанъ умершимъ[387]. Это ошибка, на которую уже неоднократно указывали наши историки. Достаточно однако взглянуть на самый списокъ, чтобы увидѣть, что ошибка эта заключается лишь въ недоразумѣніи писца, который внесъ имя Шереметева подъ рубрику «умерли» вмѣсто руб-

[386] Сказанія князя Курбскаго. стр. 108.
[387] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 50.

рики «выбыли». Въ 1570 году, Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ дѣйствительно выбылъ изъ сословія бояръ, такъ какъ удалился на Бѣлоозеро, въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и постригся въ монашество, принявъ имя Іоны. Шереметевъ, по старому обычаю, при вступленіи въ обитель, отдалъ ей свою вотчину сельцо Бутово[388], что и записано въ кормовой книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря[389], съ означеніемъ даже года, когда сдѣланъ былъ этотъ первоначальный вкладъ, и это весьма важно для насъ, какъ документальное свидѣтельство о времени постриженія Шереметева. Вотъ эта запись: «Въ 78 (1570) году, при игуменѣ Кириллѣ[390], Иванъ Васильевичь Шереметевъ Большой, во иноцѣхъ Іона, далъ въ вотчину сельцо Бутово съ деревнями, и съ хлѣбомъ, и съ животиною за 800 рублевъ».

[388] Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Московской губерніи (Спб. 1862) показаны два сельца Бутова: одно въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 45 верстахъ отъ города Дмитрова, между Рогачевскимъ и Клинскимъ трактами, другое—въ Подольскомъ уѣздѣ, въ 12 верстахъ отъ Подольска, по Тульскому шоссе.

[389] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго археологическаго общества. Т. I. стр. 61.

[390] Кириллъ былъ игуменомъ Бѣлозерскаго монастыря съ 1564 по 1572 годъ (Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. Спб. 1877. стр. 55).

Шереметеву ближе всего было бы постричься въ томъ-же монастырѣ, въ которомъ погребена его супруга и въ которомъ подвизался его отецъ инокъ Вассіанъ; но очевидно Троице-Сергіева обитель, находившаяся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Александровской слободою, далеко не представляла тогда надежнаго убѣжища для иноческой жизни. Грозный нерѣдко наѣзжалъ и туда съ своими неистовыми опричниками.

Напротивъ того, Кирилловъ монастырь, стоявшій вдали «отъ лютаго треволненія мірскаго», на пути къ великому богомолью Русскаго народа, къ Соловкамъ, привлекалъ къ себѣ своею пустынностію и дѣйствительно былъ истиннымъ пристанищемъ спасенія. Вся окрестность Бѣлозерская еще дышала святостью строгаго пустынножителя, озарившаго свѣтомъ благочестія дальніе предѣлы нашего угрюмаго сѣвера.

Припомнимъ къ тому же, что въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ похоронены были братья Ивана Васильевича — Григорій Васильевичь, убитый въ 1548 году, подъ Казанью, и Никита Васильевичь, казненный Грознымъ.

Отъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева потомства «не повелось», какъ выражались составители родословныхъ росписей. Единственный сынъ его Іеремія Ивановичь Шереметевъ умеръ бездѣтнымъ; онъ извѣстенъ только по родословнымъ книгамъ и по вкладу въ 50 рублей, данному имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, 12 іюля 1571 года[391]. Должно полагать, Іеремія Ивановичь послѣдовалъ за отцомъ на Бѣлоозеро и, не постригаясь въ монашество, жилъ при немъ до конца своей жизни. По крайней мѣрѣ, тамъ онъ похороненъ, именно «у большой церкви на паперти, на лѣвой сторонѣ», и по вкладу отца, по немъ ежегодно производилось братіи обители два корма рядовые: 20 января (вѣроятно день рожденія) и 1 мая, память Св. Пророка Іереміи[392]. 1-го же мая, въ память Іереміи Ивановича Шереметева положено «пѣть панихиду и служить соборне» въ Псково-Печерскомъ монастырѣ[393].

391 Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря. 1673 года. л. 120.

392 Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, стр. 68 и 76 (Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. I).

393 Кормовая книга Псково-Печерскаго монастыря (переписанная съ древнѣйшей въ 1658 году). Ч. 2. тетр. 17. л. 2.

Кромѣ бездѣтнаго сына, Иванъ Васильевичь Шереметевъ оставилъ въ міру еще двухъ дочерей-дѣвицъ: Марію и Агаѳію[394], которымъ онъ и предоставилъ часть своихъ вотчинъ съ тѣмъ условіемъ, что если «Божья воля станетца, котороя его дочери не станетъ до замужья или за-мужемъ бездѣтны, и та вотчина еѣ жеребей—дочери его, а еѣ сестрѣ». Этотъ отрывокъ изъ духовнаго завѣщанія Ивана Васильевича, составленнаго въ 1570 году, слѣдовательно въ годъ постриженія его, впослѣдствіи включенъ былъ, въ видѣ справки, въ одну изъ жалованныхъ грамотъ царя Михаила Ѳедоровича[395]. Полнаго же текста этого

[394] Исторіографъ Миллеръ, а за нимъ и другіе писатели повторяютъ, что у Ивана Васильевича Большаго Шереметева была дочь Елена, бывшая въ супружествѣ за первенцемъ Грознаго, царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ. Это ошибка: Елена Ивановна Шереметева была дочь другого Ивана Васильевича Шереметева—Меньшаго. Въ музеѣ императорскаго Русскаго археологическаго общества подъ № 44 находится сообщенная намъ Павломъ Ивановичемъ Савваитовымъ родословная княжескихъ и боярскихъ родовъ (скоропись XVII вѣка, 4°), въ которой прямо сказано: «У Ивана меншова (Шереметева) сынъ Ѳедоръ да дочь Елена, а была за царевичемъ за Иваномъ Ивановичемъ» (л. 113). Упомянутый въ этой родословной Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ своей челобитной, поданной царю Михаилу Ѳедоровичу, въ 1645 году, объясняя о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ его дядей Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, при постриженіи въ монашество, также упоминаетъ только о двухъ его дочеряхъ — Агаѳьѣ и Марьѣ (архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320).

[395] Рукописнаго отдѣленія Румянцевскаго музея № 63. л. 12.

важнаго для насъ документа, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Судьба дочерей Ивана Васильевича Шереметева довольно своеобразна, и мы разскажемъ о нихъ теперь же, дабы не перебивать дальнѣйшаго повѣствованія.

Марья Ивановна Шереметева была за-мужемъ за княземъ Васильемъ Агишевичемъ Тюменскимъ, однимъ изъ тѣхъ мелкихъ владѣтелей Прикавказья, которые, со времени взятія нами Астрахани, такъ охотно шли на службу въ Москву, крестились въ Христіанскую вѣру и вступали въ родство съ знатнѣйшими Московскими фамиліями. Владѣнія князей Тюменскихъ были на берегахъ Терека и постоянно подвергались нападеніямъ то Крымцевъ, то сосѣднихъ горскихъ князей, такъ что переселеніе ихъ въ Россію являлось послѣдствіемъ, дѣйствительно, невыносимаго положенія ихъ на родинѣ. Съ другой стороны, и самъ Грозный всячески поощрялъ подобныя переселенія. Независимо отъ разныхъ политическихъ соображеній, онъ любилъ видѣть у себя на заурядной службѣ бывшихъ царей, царевичей и владѣтельныхъ князей отдаленныхъ странъ и царствъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о замужествѣ Марьи Ивановны Шереметевой и объ ея приданомъ находятся въ указанной грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича. Изъ этого документа можно заключить, что душеприкащикомъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева былъ меньшой братъ его Ѳедоръ Васильевичь, который, вѣроятно, и руководилъ выборомъ жениха для своей племянницы Марьи. Князь Тюменскій былъ его товарищемъ по походамъ. Въ приданое за Марьей Ивановной Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ далъ тѣ вотчины, которыя были назначены на ея долю по духовному завѣщанію отца, а именно: въ Коломенскомъ уѣздѣ—половину села Граворонова и деревню Подберезники[396], «купленную Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ у князей Токмаковыхъ»; да въ Ржевскомъ уѣздѣ—сельцо Быханово съ деревнями, село Старое, деревню Трубицыну и деревню Городчикову, со всѣми угодьями. Княгиня Марья Ивановна Тюменская дѣтей не имѣла, и по ея смер-

[396] Деревня Подберезники до сихъ поръ извѣстна подъ тѣмъ-же названіемъ и находится въ Коломенскомъ уѣздѣ, по правую сторону тракта изъ села Малина въ Коломну, въ 12 верстахъ отъ послѣдней (Списокъ населенныхъ мѣстъ Московской губерніи. Сб. 1862. № 3967).

ти означенными вотчинами владѣлъ мужнинъ племянникъ князь Василій Васильевичь Тюменскій. Послѣдній былъ убитъ «ворами» въ 1613 году, послѣ чего вотчины княгини Марьи Ивановны Тюменской, въ силу духовнаго завѣщанія отца ея, Ивана Васильевича Большаго Шереметева, утверждены были царскою грамотою, отъ 27 ноября 1613 года, за другою его дочерью Агаѳьей Ивановной. Вотъ эта грамота, съ первыхъ же строкъ указывающая намъ то лицо, съ которымъ была связана судьба Агаѳьи Ивановны Шереметевой:

«Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь, всеа Русіи самодержецъ, пожаловали есмя царевича Михайловскую Кайбулаевича царицу старицу Агаѳью Иванову дочь Васильевича Большаго Шереметева, отца еѣ вотчиною, что по духовной дядя еѣ бояринъ нашъ Федоръ Васильевичь Шереметевъ далъ племянницѣ своей, а еѣ сестрѣ Марьѣ; а сестра еѣ Марья была за мужемъ за княземъ Васильемъ Агишевичемъ Тюменскимъ; и тое вотчину дядя ихъ Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ далъ за сестрою еѣ за Марьею въ приданые князя Василью Тюменскому. И князя Василья-де Тю-

менского и княгини его, а еѣ Агаѳьины сестры Марьи не стало; а послѣ-де ихъ тою вотчиною владѣлъ племянникъ еѣ князь Василей княжъ Васильевъ сынъ Тюменской; и племянника-де еѣ князя Василья въ прошломъ во 121-мъ году убили воры, а дѣтей послѣ ихъ не осталось[397]. А въ духовной Ивана Васильевича Большаго Шереметева, лѣта 7079 года, написано: Божья воля станетца, которой его дочери не станетъ до замужья или за мужемъ бездѣтны, и та вотчина, еѣ жеребей,—дочери его, а еѣ сестрѣ. А волно старицѣ Агаѳье та своя вотчина роду своему и племяни отдать и продать и заложить и по душѣ дать. Дана сія наша царская жалованная вотчинная грамота въ царствующемъ градѣ на Москвѣ, лѣта 7122 года, ноября въ 27 день»[398].

Мужъ Агаѳьи Ивановны Шереметевой, именовавшійся до крещенія царевичемъ Муртазой-Али, былъ родной внукъ Астраханскаго царя Абдуллы-Ахъ-Кубека, сынъ котораго (т. е. отецъ Муртазы-Али) извѣст-

397 Опускаемъ перечисленныя уже выше вотчины въ Коломенскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ.

398 Списокъ съ приведенной грамоты обязательно сообщенъ намъ хранителемъ отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Алексѣемъ Егоровичемъ Викторовымъ.

ный въ нашей исторіи царевичь Кайбула, въ маѣ 1552 года, слѣдовательно за два года до покоренія Астрахани, прибылъ въ Москву и поступилъ на службу къ Русскому государю. Кайбулѣ данъ былъ на содержаніе городъ Юрьевъ-Повольскій со всѣми доходами, и онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ нашихъ войнахъ. Одинъ изъ пяти сыновей Кайбулы, Мустафа-Али, съ 1573 года, былъ царемъ Касимовскимъ[399]. Кайбула и въ Россіи продолжалъ исповѣдывать исламъ, точно также какъ и сыновья его, кромѣ младшаго, Муртазы-Али, который, по собственному желанію, крестился, а въ святомъ крещеніи нареченъ былъ Михаиломъ, и сталъ называться у насъ царевичемъ Михайломъ Кайбуловичемъ (или Кайбулаевичемъ). Это было, приблизительно, въ концѣ 1569 года. По крайней мѣрѣ дворянинъ Иванъ Новосильцевъ, на аудіенціи у новаго Турецкаго султана Селима, въ началѣ 1570 года, говорилъ объ этомъ событіи какъ о новости дня. Увѣряя султана, что Московскій государь не есть врагъ мусульманской вѣры и никого не

[399] Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II. Спб. 1864. стр. 84.—Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. X. стр. 60.

приневоливаетъ креститься, Новосильцевъ оговорился, что «если царевичь Муртаза сдѣлался христіаниномъ, то онъ самъ желалъ того, самъ требовалъ крещенія»[400]. Царь Иванъ Васильевичь далъ новокрещенному царевичу Михаилу Кайбуловичу въ пожизненное владѣніе городъ Звенигородъ. Объ этомъ сказано и въ духовномъ завѣщаніи Грознаго, писанномъ въ 1572 году: «А что есми пожаловалъ царевича Муртазалея, а во крещеніи Михаила Кайбулина сына Ахкибекова, городомъ Звенигородомъ, по тому же какъ былъ Звенигородъ за царемъ Симеономъ Казанскимъ: и сынъ мой Иванъ держитъ за нимъ Звенигородъ, по нашему жалованью, а служитъ царевичь Муртазалей, а во крещеніи Михайло, сыну моему; а отъѣдетъ куды нибудь, и городъ Звенигородъ — сыну моему Ивану»[401].

Михайло Кайбуловичь, взысканный милостями Русскаго царя, и не думалъ отъѣзжать куда либо, окончательно закрѣпивъ связи съ своимъ новымъ отечествомъ женитьбою на Агаѳьѣ Ивановнѣ Шереметевой, дочери зна-

400 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. X. стр. 178.
401 Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. I. стр. 381 и 382.

менитаго побѣдителя Крымцевъ. Онъ до конца жизни владѣлъ Звенигородомъ[402], гдѣ, конечно, и жилъ все время съ своею супругою, которая, по документамъ, именовалась то княгиней, то царицей. Годъ кончины царевича Михайла Кайбуловича неизвѣстенъ. Агаѳья Ивановна многими годами пережила мужа и, по примѣру своего отца и дѣда, посвятила остатокъ дней своихъ иноческой жизни. Она была сперва въ Московскомъ Рождественскомъ монастырѣ[403]; а въ 1597 году, поступила въ Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь[404], весьма живописно пріютившійся на лѣвомъ берегу Шексны, за горами, почему и называется Горицкимъ или, по-просту, Горами, Горицами. Изъ Кирилло-Бѣлозерской обители едва видны главы Горицкаго монастыря, памятнаго, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1605 году тамъ была временно заточена Ксенія Борисовна Годунова. Она еще застала въ монастырѣ Агаѳью Ивановну Шереметеву, которая здравствовала и въ 1613 году, какъ это видно изъ приведенной царской грамоты.

402 Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II. стр. 86.

403 Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. I. № 225.

404 Въ 6-ти верстахъ отъ города Кирилова, Новгородской губерніи.

Агаѳья Ивановна, поступая въ Горицкую обитель, дала, между прочимъ, вкладъ и въ мѣсто постриженія отца своего, Кирилловъ монастырь, откуда высылали ей въ Горы, на содержаніе, годовые запасы по особой росписи. Въ кормовой книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря сказано: «Въ 1597 году, княгиня старица Агаѳія Ивановна дала въ домъ къ Пречистой Богородицѣ и Кириллу чюдотворцу два села своихъ съ деревнями: село Щапово, Коломенскаго уѣзда, и село Юрцово, Ростовскаго уѣзда[405], со всѣми угодьи, да ожерелье жемчюжное, да бархатъ, да жемчюгъ, всего на 105 рублевъ съ полтиною, опричь селъ. И за то ей давати на годъ, въ Горы отпущати годоваго запаса: 30 четвертей ржи, 30 четвертей овса, 10 четвертей солоду ячнаго, 6 четвертей пшеницы, 2 четверти гороху, 3 четверти крупъ гречневыхъ, 2 четверти крупъ овсяныхъ, 4 пуда масла ко-

[405] Село Щапово, Коломенскаго уѣзда, и до сихъ поръ извѣстно подъ тѣмъ-же названіемъ. Оно находится на проселочной дорогѣ изъ села Малина въ Бронницы, въ 37 верстахъ отъ Коломны.

Въ Ярославскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Утмѣ есть погостъ Юрцево (Горки) и деревня Юрцево. Оба мѣста находятся между торговыми дорогами въ городъ Угличь и въ село Курбу, къ границѣ Угличскаго уѣзда (Списки населенныхъ мѣстъ—Московской губерніи. Спб. 1862. № 3929.—Ярославской губерніи. Спб. 1865. № 901 и 902).

ровьяго, 6 пудъ соли, 4 осетра, 3 пуда семги, 4 пуда патоки, 14 гривенъ воску, 2 гривны ладону, 2 гривенки перцу, 2 гривенки брынцу[406], два пуда икры, по четверику осминному маку и пшена Русскаго, 10 рублевъ денегъ. А написано въ грамотѣ княгини старицы Агаѳіи Ивановны, что давати 10 рублевъ, а давати ей по шти рублевъ да 4 сажени дровъ полѣнныхъ, 10 копенъ волоковыхъ сѣна. А Богъ пошлетъ по душу княгинину, и намъ ее имя написати въ оба синодика безъ выкладки; а на преставленіе княгинино кормъ кормити покамѣстъ и монастырь стоитъ. А ей старицѣ давати платье братское; а какъ то платье издержитъ, ино платье давать новое, а вятчаное платье взяти въ казну»[407].

Въ приходорасходныхъ книгахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря записано, что княгиня старица Агаѳья Шереметева, въ 1606

406 Въ Новгородской губерніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до сихъ поръ «брынцемъ» называютъ сыръ.

407 Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. I (Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. стр. 81 и 89; въ указателѣ къ этой книгѣ инокиня Агаѳія ошибочно названа супругою царевича Кайбулы, вмѣсто Михаила Кайбуловича).—Принадлежащій археографической коммиссіи рукописный сборникъ грамотъ и другихъ актовъ, списанныхъ К. М. Бороздинымъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. № 224. стр. 826 и слѣд.

году, пріѣзжала въ обитель «для богомолья» и что она, вмѣстѣ съ другими лицами, участвовала въ пожертвованіяхъ на украшеніе знаменитой мѣстной иконы Божіей Матери Одигитріи[408].

Агаѳья Ивановна Шереметева погребена въ Кирилловомъ монастырѣ, подлѣ брата Іереміи, «у большой церкви въ паперти, на лѣвой рукѣ». Когда именно скончалась она и куда поступили доставшіяся ей послѣ сестры Марьи вотчины—неизвѣстно.

[408] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859 годъ. Кн. 3 (Изслѣдованія. стр. 82. прим. 3 и стр. 9).

ГЛАВА XXI.

Удаленіе Ивана Васильевича Большаго Шереметева въ монастырь, совпадавшее по времени съ умерщвленіемъ святителя Филиппа, должно было казаться Грозному протестомъ противъ этого страшнаго злодѣянія, и онъ учредилъ строгое наблюденіе за непокорливымъ бояриномъ, укрывшимся за монастырскими стѣнами отъ ужасовъ царившаго безправія. Въ доносчикахъ не было недостатка, и царю Ивану извѣстно было во всѣхъ подробностяхъ и о монастырской обстановкѣ Шереметева и о томъ почетѣ, которымъ окружила его братія обители. Этотъ почетъ возбуждалъ особливую ревность въ Грозномъ, и онъ излилъ наконецъ свою досаду на Шереметева въ извѣстномъ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козьмѣ. Подъ видомъ сокрушенія о послабленіи иноческаго житія,

царь силился возстановить монастырскую братію вообще противъ бояръ-постриженниковъ, яко бы, виновниковъ такого послабленія, и въ особенности противъ Шереметева. Онъ не пощадилъ даже покойнаго отца Ивана Васильевича, Троицкаго инока Вассіана Шереметева, и злобно восклицаетъ: «А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ; таковы тѣ Шереметевы»!

На посланіи Грознаго къ игумену Козьмѣ года не выставлено[409], но въ самомъ текстѣ этого замѣчательнаго историческаго памятника[410],—весьма важнаго для біографіи инока Іоны Шереметева и самого царя Ивана,—имѣются нѣкоторые признаки, по которымъ можно хотя приблизительно опредѣлить время написанія его. Такъ, въ заключеніи всего Грозный говоритъ: «А что весну сю къ вамъ Собакины отъ моего лица злокозненную прислали грамоту».... По послужному же списку ста-

[409] Козьма былъ игуменомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ 2 сентября 1572 по 29 декабря 1581 года (Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви. Спб. 1877. стр. 55).

[410] Посланіе Грознаго въ первый разъ было напечатано архимандритомъ Амвросіемъ въ Исторіи Россійской іерархіи (Т. IV. стр. 420—479); за тѣмъ, было перепечатано въ Актахъ историческихъ (Т. I. стр. 372—395), по пяти новымъ спискамъ, указаннымъ П. М. Строевымъ.

ринныхъ бояръ, всѣ трое Собакиныхъ (ихъ только и было на службѣ) умерли и выбыли въ теченіи 1574 года[411]; слѣдовательно, посланіе не могло быть писано позже слѣдующей весны 1575 года. Карамзинъ[412] полагалъ, что документъ этотъ писанъ въ 1578 году, такъ какъ Грозный упоминаетъ въ немъ о Ливонскомъ походѣ 1578 года: «По него (т. е. по инокѣ Варлаамѣ Собакинѣ) потому не послали, что намъ походъ учинился въ Нѣмецкую землю; и какъ мы изъ походу пришли, и по него послали».... Но вѣдь и въ 1573 году царь ходилъ войною на Ливонскихъ Нѣмцевъ. Въ посланіи упоминается походъ именно этого года, а не 1578-го, потому что Грозный говоритъ объ обоихъ братьяхъ инока Іоны Шереметева,— Иванѣ Васильевичѣ Меньшомъ и Ѳедорѣ Васильевичѣ Шереметевыхъ, какъ о живыхъ лицахъ, а между тѣмъ, извѣстно, что Иванъ Васильевичь Меньшой убитъ подъ Колыванью въ началѣ 1577 года. И такъ, по нашему мнѣнію, посланіе было написано въ промежутокъ времени между весною 1574 года и весною 1575 года.

411 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 54.
412 Исторія государства Россійскаго. Т. IX. прим. 37.

Изъ посланія царя Ивана Васильевича видно, между прочимъ, что Шереметевъ, кромѣ келліи, имѣлъ за монастыремъ свой дворъ, съ поварнею, со всякими годовыми запасами и съ многочисленною прислугою; что монашествующая братія за-частую сходилась къ нему для духовной бесѣды и вообще относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и что, наконецъ, знатный постриженикъ не прерывалъ сношеній съ обоими братьями своими Иваномъ Меньшимъ и Ѳедоромъ, которые присылали къ нему въ обитель людей съ грамотками или отписками, съ запасами и поминками. Все это было извѣстно Грозному и усугубляло его злобу. А къ тому же у Шереметева вышли какія-то непріятности съ инокомъ Варлаамомъ Собакинымъ, присланнымъ въ Кирилловъ монастырь самимъ царемъ, можетъ быть, для ближайшаго наблюденія за Шереметевымъ. У этого Собакина были въ Москвѣ три племянника, которые жаловались Грозному, что дядя ихъ терпитъ изъ-за Шереметева разныя притѣсненія отъ монастырской братіи. Царь приказалъ-было отозвать Варлаама Собакина назадъ въ Москву, чтобы лично отъ него узнать, за что у нихъ съ

Шереметевымъ вражда учинилась; но приказаніе это было отмѣнено по случаю похода въ Нѣмецкую землю. По окончаніи похода, инокъ Варлаамъ былъ вызванъ въ Москву особою «злокозненною грамотою», написанною его племянниками «отъ имени царя». Грамота эта, какъ видно, переполошила Кирилловскую братію, и она выслала Собакина въ сопровожденіи старца Антонія, который явился къ царю съ поминками отъ Кирилловской братіи. Старецъ былъ отпущенъ назадъ съ строгимъ наказомъ, чтобы Шереметеву не дозволяли ни малѣйшаго отступленія отъ монастырскаго устава, чтобы онъ ѣлъ въ общей трапезѣ и проч. Братія дружно вступилась за уважаемаго всѣми постриженика и отправила къ царю челобитную, заключавшую въ себѣ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ посланіи, возраженія на упомянутую «злокозненную грамоту», а также весьма сильныя ходатайства за Шереметева, по вниманію къ его болѣзненному состоянію. Челобитная оканчивалась обычными просьбами о преподаніи наставленія къ болѣе вящшему исполненію иноческаго подвига. Достопамятное посланіе Грознаго является отвѣтомъ на эту челобитную.

Мы воспользуемся изъ него преимущественно тѣми мѣстами, которыя прямо или косвенно направлены противъ Шереметева.

Грозный начинаетъ съ смиреннаго сознанія, что не ему бы «псу смердящему» учить и наставлять другихъ: «Самъ бо всегда въ пьянствѣ, и въ блудѣ, и въ прелюбодѣйствѣ, въ сквернѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ.... Но понеже вижу, грѣхъ ради моихъ, нудите вамъ мене о семъ, сего ради мала нѣкая отъ своего безумія изреку вамъ. И се мое отъ послушанія къ вамъ отвѣщаніе: Первое, господіи мои и отцы, имате уставъ великаго чюдотворца Кирилла. Сего имуще, о немъ стойте. Чюдотворцово преданіе держите крѣпко, и инѣмъ не попущайте раззоряти. Не предавайте чюдотворцова преданія, никтожъ отъ васъ, яко Іюда Христа сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ[413]; и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ, чюдотворцово преданіе преобидимо. Бога ради, отцы святіи, и мало въ чемъ осла-

[413] Сынъ знаменитаго Хабара Симскаго.

бу попустите, то и велико будетъ. Вспомяните, святіи отцы, великаго святителя епископа Василія Амасійскаго, еже писа къ нѣкоему мниху. Тамо писано есть ко оному мниху сице, еже и къ вамъ прилично, ко овѣмъ убо, яко отъ великія высоты мірскаго пристрастія и богатства ко иноческому житію пришедшимъ».

Слѣдуетъ длинная выписка изъ творенія епископа Василія Амасійскаго, и за тѣмъ, послѣ пространнаго объясненія о томъ, какого плача и скорби достойно ослабленіе иноческаго житія, Грозный продолжаетъ:

«И по тому вашему ослабленію, ино-то Шереметева для и Хабарова для, такова у васъ слабость учинилася и чюдотворцову преданію преступленіе. И только намъ благоволитъ Богъ у васъ пострищися, ино-то всему царьскому двору у васъ быти, а монастыря уже и не будетъ. Ино почто въ черньцы, и какъ молвити: отрицаюся міра и вся яже суть въ мірѣ, а міръ весь въ очѣхъ? И како на мѣстѣ семъ святѣмъ въ повиновеніи быти игумену, и всей братіи въ послушаніи и въ любви, якоже во обѣщаніи иноческомъ стоитъ? А Шереметеву какъ назвати братіею? ано у него и деся-

тый холопъ, которой у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ.

«Бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели: ино то не они у васъ постриглися; не вы имъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кириловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногда иной иную слабость введетъ, да помалу, помалу весь обиходъ монастырской крѣпостной испразднится и будутъ вси обычаи мірскіе.

«А вы се надъ Воротынскимъ[414] церковь есте поставили! Ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чюдотворцомъ нѣтъ. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ Воротынской да Шереметевъ выше станутъ по тому: Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кирилова крѣпчае. Во се у васъ сперва Іасафу Умному[415] дали оловянники въ келью, дали Серапіону Ситцкому[416], дали Іонѣ Ручки-

[414] Князь Владиміръ Ивановичь Воротынскій, тотъ самый, который во время болѣзни Грознаго, вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ, приводилъ къ присягѣ бояръ. Онъ умеръ въ 1554 году и похороненъ въ Кирилловомъ монастырѣ.

[415] Иванъ Ивановичь Умной-Колычовъ, дядя Св. Филиппа митрополита.

[416] Князь Семенъ Өедоровичь Сицкій.

ну (?), а Шереметеву уже съ поставцемъ, да и поварня своя. Вѣдь дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможѣ, ино и просто-му. Ино бо есть единому жити, а ино въ об-щемъ житіи. А коли жестоко въ черньцѣхъ, ино было жити въ боярѣхъ, да не стрищися.

«Годъ уже равенъ, какъ былъ игуменъ Ни-кодимъ на Москвѣ: отдоху нѣтъ, таки Соба-кинъ да Шереметевъ; а язъ имъ отецъ ли ду-ховный, или начальникъ? какъ собѣ хотятъ, такъ и живутъ, коли имъ спасеніе душа сво-ея не надобѣть. Но доколѣ молвы и смущенія, доколѣ плища и мятежа, доколѣ рети и шепе-танія и суесловія, и чесо ради? Или бѣсова для сына Ивана Шереметева, или дурака для и упиря Хабарова? Воистинну, отцы святіи, нѣсть сіи черньцы, но оругатели иноческому житію. Или не вѣсте Шереметева отца, Ва-силья? вѣдь его бѣсомъ звали; и какъ постриг-ся, да пришелъ къ Троицѣ въ Сергіевъ мона-стырь, да снялся съ Курцовыми, а Асафъ, что былъ митрополитъ, тотъ съ Коровиными, да межъ собя браниться, да оттолѣ се имъ и по-чалося: и въ каково простое житіе достиже святая та обитель, всѣмъ, разумъ имущимъ и хотящимъ видѣти, видимо. Нынѣ, грѣхъ ра-

ди нашихъ, во святомъ томъ мѣстѣ древле, хуже и Пѣсноши, какъ дотудова Пѣсношь бывала. А вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева, подобно иконоборцомъ въ Цариградѣ, царема Лву Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному. Понеже Левъ точію сѣмяна злочестія посѣя, Констянтинъ же всего царьствующаго града во всякомъ благочестіи помрачи: тако и Васьянъ Шереметевъ въ Сергіевѣ монастырѣ, близъ царьствующаго града, постническое житіе своимъ злокозньствомъ испроверже. Еще и сынъ его Іона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, и душамъ совершенное пристанище спасенія, въ Кириловѣ монастыри, въ самой пустыни, постническое житіе искоренити. А и въ міру тотъ Шереметевъ съ Висковатовымъ первые не почали за кресты ходити, и на то смотря, всѣ не почали ходити. А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы тѣ Шереметевы! И намъ видится, что и въ Кириловѣ по тому же хотятъ благочестіе потребити. А будетъ кто речетъ, что мы на Шереметевыхъ гнѣвомъ то чинимъ, или Собакиныхъ для: ино свидѣтель Богъ и Пречистая Богородица и

чюдотворецъ Кирилъ, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю. У васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да и иные чернцы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ розневѣсть со свадбы, невѣсть съ родинъ, розсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о таковомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А иніи глаголютъ, будто-де и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: ино по монастыремъ и Фрязскія вина зазоръ, не токмо что горячіе. Ино то ли путь спасенія, то ли иноческое пребываніе? Или было вамъ нечѣмъ Шереметева кормити, чтобъ у него особые годовые запасы были? Милые мои! Кириловъ доселѣ многіе страны препитывалъ и въ гладныя времена, а нынѣ и самѣхъ васъ, въ хлѣбное время, толко бы не Шереметевъ прекормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети.... Іона Шереметевъ таково же безъ начяла хочетъ жити, какъ и отецъ его безъ начяла жилъ: и отцу его еще слово, что неволею, отъ бѣды постригся; да и тутъ Лѣствич-

никъ написалъ: видѣхъ азъ неволею постригшихся, и паче волныхъ исправившихся. Да то о невольныхъ. А Іону вѣдь Шереметева не кто въ зашеекъ билъ: про что такъ безчиньствуетъ? И будетъ такіе чины пригожи у васъ въ монастырѣ, то вы вѣдаете: Богъ свидѣтель, монастырьскаго для безчинія говорилъ. А что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати, ино вѣдь есть братья его въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити; а надъ черньцомъ что опалятися, или поругатися? А будетъ кто молвитъ, что про Собакиныхъ; и мнѣ и про Собакиныхъ не про что кручиниться. Варламовы племянники хотѣли-было меня и съ дѣтми чяродѣйствомъ извести, но Богъ меня отъ нихъ укрылъ: ихъ злодѣйство объявилося, а потому и сталося; и мнѣ про своихъ душегубцевъ не про что мстити[417]. Одно было мнѣ досадно, что есте моего слова не подержали. Собакинъ пріѣхалъ съ моимъ словомъ, и вы его не поберегли, да еще моимъ имянемъ и поносили, чему судъ Божій произшелъ быти: ино было пригоже, нашего для слова и насъ для, его дурость и покрыти да вкратцѣ учинити. А

[417] Указываемый здѣсь случай съ Собакиными вовсе неизвѣстенъ по исторіи.

Шереметевъ о собѣ пріѣхалъ, и вы того чтите и бережете: ино уже не Собакину ровно; моего слова болши Шереметевъ; Собакинъ моего для слова погиблъ, а Шереметевъ о собѣ воскресъ. Про что Шереметева для годъ равенъ мятежъ чинити, да такую великую обитель волновати? Другой на васъ Селивестръ наскочилъ, а однако его семьи. А что было про Собакина, моего для слова, на Шереметевыхъ мнѣ гнѣвно, ино то въ міру отдано; а нынѣ воистину монастырьскаго для безчинія говорилъ; а не было бы страсти, ино было и Собакину съ Шереметевымъ не про что браниться. Слышахъ отъ нѣкоего брата вашея обители, безумные глаголы глаголюще, яко Шереметеву съ Собакинымъ давняя мірская вражда есть: ино то ли путь спасенія и ваше учителство, что постриженіемъ прежнія вражды не разрушити? Како же отрещися міра и вся яже суть въ мірѣ, и со отъятіемъ власъ и долу влекущая мудрованія соотрѣзати, Апостолу повелѣвшу «во обновленіи живота шествовати»? И толко постриженіемъ вражды мірскія не разрушити, ино то и царства и боярства и славы мірскія никоея не отложити: но кто былъ великъ въ бѣлцѣхъ, тотъ и въ

черньцѣхъ? ино по тому жъ быти и въ царствіи небеснѣмъ: кто здѣсе великъ и богатъ, тотъ и тамъ великъ и богатъ будетъ? Ино то Моамеѳова прелесть, и какъ онъ говорилъ: у кого здѣсе богатства много, тотъ и тамъ будетъ богатъ; кто здѣсе великъ и честенъ, тотъ и тамо, и ина много блядословилъ. Ино то ли путь спасенія, что въ черньцѣхъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? Да како Апостолово слово: «нѣсть Еллинъ ни Скиѳъ, нѣсть рабъ ни свободь, вси едино есте о Христѣ»? да како едино, коли бояринъ по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? Нынѣ то и слово: тотъ великъ, а тотъ того болши, ино то и братства нѣтъ: вѣдь коли ровно, ино то и братство; а коли неровно, которому братству быти? ино то и иноческаго житія нѣтъ. А нынѣ бояре по всѣмъ монастыремъ то испразднили своимъ любострастіемъ. Да еще реку сего и страшнѣе: како рыболовъ Петръ и поселянинъ Богословъ, и станутъ судити Богоотцу Давиду, и славному царю Соломону, и великому святому царю Констянтину, и всѣмъ сильнымъ царемъ, обладавшимъ вселенною? Дванадесять убогихъ учнутъ судити всѣмъ тѣмъ.... Тѣ учнутъ

предстояти, а рыболови учнутъ на 12 престолу сидѣти и судити всей вселеннѣй. А Кирила вамъ своего тогды какъ съ Шереметевымъ поставити, котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кирилъ и въ Приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ сласть завела? И не глаголи никтоже студныя сія глаголы: яко толко намъ съ бояры не знатися, ино монастырь безъ даянія оскудѣетъ. Сергій, и Кирилъ, и Варламъ, и Димитрій, и иніи Святіи мнози, не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители ихъ распространились: благочестіемъ бо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ.

«Сія убо написахомъ мало отъ многа. Аще хощете высочайша сего видѣти, и вы сами болши насъ вѣсте, и много въ божественномъ писаніи о семъ обрящете.—А будетъ помните то, что язъ Варлама (Собакина) изъ монастыря взялъ, его же жалуючи, а на васъ кручиняся: ино Богъ свидѣтель, никакоже иного чего для, развѣе того для велѣли есмя ему быти у собя: какъ пришла война та, а вы къ намъ немного поизвѣстили, и мы вамъ Варлама приказали про его безчиніе посмирите, по монастырьскому чину; а племянники его

намъ сказывали, что ему отъ васъ для Шереметева утѣсненіе великое. А еще Собакиныхъ предъ нами измѣны тогды не было; и мы жалуючи ихъ, велѣли есмя Варламу у собя быти, а хотѣли есмя его распросити: за что у нихъ вражда учинилася? И зиму сю по него потому не послали, что намъ походъ учинился въ Нѣметцкую землю; и какъ мы изъ походу пришли, и по него послали, и его роспрашивали, и онъ заговорилъ вздорную, на васъ доводити учялъ, что будто вы про насъ негораздо говорите, со укоризною; и азъ на то плюнулъ, и его бранилъ; и онъ уродствуетъ, а сказывается правъ. И язъ его спрашивалъ о его жителствѣ, и онъ заговорилъ не вѣсть что. И мы видя его сатонинское разженіе любострастное, по его неистовому любострастію, въ любострастное житіе и отпустили жити. А къ вамъ есмя его не послали воистинну потому: не хотя собя кручинити, а васъ волновати; а ему добрѣ хотѣлось къ вамъ, а онъ мужикъ очюнной, вретъ и самъ себѣ не вѣдаетъ что. А и вы негораздо доспѣли, его прислали, какъ-бы изъ тюрмы, да старца соборнаго, какъ-бы приставъ у него; а онъ пришелъ какъ-бы нѣкоторой государь. А вы съ нимъ прислали къ намъ

поминки, да еще ножи, какъ-бы не хотя намъ здоровья. Что съ такою враждою съ сатонинскою поминки къ намъ посылати? поминковъ было въ томъ кручинномъ дѣлѣ непригоже посылати. А вѣдь соборной тотъ старецъ ни прибавилъ, ни убавилъ ничего, его не умѣлъ уняти, что захотѣлъ то вралъ; а мы чего захотѣли, того слушали: соборный старецъ не испортилъ, ни починилъ ничего; а Варламу есмя не повѣрили ни въ чемъ. А то есмя говорили, Богъ свидѣтель и Пречистая и Чюдотворецъ, монастырьскаго для безчинія, а не на Шереметева гнѣваючись. А будетъ кто молвитъ, что такъ жестоко, ино-су совѣтъ дати, по немощи сходя, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ, и онъ ѣшь въ кельѣ, да одинъ съ келейникомъ. А сходы къ нему на что? да пировати, да овощи въ келіи на что? Досюдова въ Кириловѣ и иглы были и нити лишніе въ келіѣ не держали, не токмо что иныхъ вещей. А дворъ за монастыремъ да и запасы на что? то все беззаконіе, а не нужа; а коли нужа, и онъ ѣшь въ кельѣ, какъ нищей, крому хлѣба, звѣно рыбы да чяша квасу; а сверхъ того, коли вы послабляете, и вы давайте, сколко хотите, толко бы ѣлъ одинъ, а сходовъ бы и пировъ не

было, какъ прежъ сего у васъ же было. А кому къ нему прiити бесѣды ради духовныя, и онъ прiйди не въ трапезное время, ѣствы бы и питiя въ тѣ поры не было, ино то бесѣда духовная. А что пришлютъ братiя поминковъ, и онъ бы то отсылалъ въ монастырьскiе службы, а у собя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что къ нему пришлютъ, и то бъ раздѣлялъ на всю братiю, а не двѣма, ни трема, по дружбѣ и по страсти. А чего мало, ино держите на время, и иное что пригоже, ино и его тѣмъ покойте; да вы бъ его, въ кельѣ, монастырьскимъ всѣмъ покоили, толко бъ то безстрастно было. А люди бы его за монастыремъ не жили; а и прiѣдутъ отъ братiй, съ грамотою или съ запасомъ и съ поминки, и они поживи дни дватри, да отписку взявъ, поѣди прочь: ино такъ ему покойно, а монастырю безмятежно. А нынѣ прислали естя къ намъ грамоту, а отдоху отъ васъ нѣтъ о Шереметевѣ; а написано, что говорилъ вамъ нашимъ словомъ старецъ Антоней о Iонѣ Шереметевѣ да о Асафѣ Хабаровѣ, чтобы ѣли въ трапезѣ съ братiею; и язъ то приказывалъ монастырьскаго для чину, а Шереметевъ себѣ поставилъ какъ-бы въ опалу; и язъ сколко уразумѣлъ и что̀ слы-

шалъ, какъ дѣялось у васъ и по инымъ крѣпкимъ монастыремъ, и язъ то и написалъ повыше сего, какъ ему жити покойно въ келіѣ, а монастырю безмятежно будетъ добро, и вы по тому учините ему покой. А потому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братія его и нынѣ не перестанутъ въ Крымъ посылати, да бесерменьство на христіянство наводити? А Хабаровъ велитъ мнѣ себя переводити въ иной монастырь: и язъ ему не ходатай и скверному житію, а уже больно докучило. Иноческое житіе не игрушка; три дни въ черньцѣхъ, а семой монастырь. Да коли былъ въ міру, ино образы окладывати, да книги оболочати бархаты, да застежки и жуки серебряны, да налои убирати, да жити затворяся, да келья ставити, да четки въ рукахъ; а нынѣ съ братіею вмѣстѣ ѣсти лихо. Надобѣ четки не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердецъ плотянъ: язъ видалъ, по четкомъ матерны лаютъ; что въ тѣхъ четкахъ? И о Хабаровѣ мнѣ нечего писати: какъ себѣ хочетъ, такъ дуруетъ. А что Шереметевъ сказываетъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: ино вѣдь не всѣхъ леженекъ для разорити законы святые.

«Сія мала отъ многихъ изрекохъ вамъ, люб-

ви ради вашея и иноческого для житія, ихъже сами множае насъ вѣсте, и аще хощете, обрящете много въ божественномъ писаніи. А намъ къ вамъ болши того писати невозможно, да и писати нечего; се уже конецъ моихъ словесъ къ вамъ. А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ о такихъ безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ въ томъ отвѣту никако не давати. Сами вѣдаете: коли благочестіе не потребно, а нечестіе любо, и вы Шереметеву хотя и золотые сосуды скуйте и чинъ царьской устройте, то вы вѣдаете; уставьте съ Шереметевымъ свои преданія, а чюдотворцово отложите, такъ будетъ добро; какъ лутче, такъ и дѣлайте, сами вѣдаете, какъ собѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ: впередъ о томъ не докучяйте; воистинну ни въ чемъ не отвѣчивати. А что весну сю въ вамъ Собакины отъ моего лица злокозненную прислали грамоту, и вы бъ съ нынѣшнимъ моимъ писаніемъ сложили, и по слогнямъ уразумѣли, и по тому и впередъ безлѣпицамъ не вѣрили. Богъ же мира и Пречистыя Богородицы милость, и чюдотворца Кирила молитвы, буди со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господіе мои и отцы, челомъ біемъ до лица земнаго».

Идеалъ строгой подвижнической жизни плѣнялъ художественную натуру царя Ивана. Его завѣтною мыслію было сложить съ себя бремя царской власти и постричься именно въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, къ которому онъ питалъ особенное уваженіе. Онъ совершенно искренно писалъ Кирилловскимъ старцамъ: «И мнится мнѣ окоянному, яко исполу есмь чернецъ, аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа». Будучи большимъ знатокомъ и ревнителемъ строгихъ уставовъ восточнаго подвижничества, Грозный пытался примѣнить ихъ и къ своему своеобразному монастырю въ Александровой слободѣ и безпощадно укорялъ другіе монастыри въ отступленіи отъ этихъ уставовъ. Приведенное посланіе его къ Кирилловскому игумену поражаетъ силою доводовъ, неумолимой логикой, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и большимъ знаніемъ твореній святыхъ отцовъ. Оно даже искренно. Но дѣло въ томъ, что монастырскій аскетизмъ увлекалъ царя Ивана только своею внѣшнею красотою, точно также какъ и казни и мучительства влекли его къ себѣ своею страшною картинностію. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, какъ кажется, очень вѣрно опредѣлилъ

натуру Грознаго: «Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра, и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно, хорошо,—и довольствуется этимъ»[418]. Отсюда невозможныя противорѣчія слова съ дѣломъ. Обличая Кирилловскихъ иноковъ въ ослабленіи монастырскаго житія, онъ въ тоже время шлетъ имъ въ даръ братину золотую, вокругъ которой вылиты изъ золота изображенія нагихъ женщинъ[419]. Подобныхъ противорѣчій не оберешься, но здѣсь было бы неумѣстно останавливаться на нихъ. Для насъ было бы важнѣе доискаться, въ какой степени ухудшилось положеніе Шереметева послѣ посланія Грознаго и были ли примѣнены къ нему во всей строгости тѣ мѣры ограниченія личной свободы, которыхъ требовалъ царь Иванъ. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ не сохранилось рѣшительно никакихъ извѣстій и даже неизвѣстно о времени кончины многострадальнаго инока Іоны, одно имя котораго когда-то наводило ужасъ на Крымцевъ. Князь

418 Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова. Т. I. стр. 167.

419 Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Ч. 2. стр. 14.

Курбскій, упомянувъ объ удаленіи Ивана Васильевича Шереметева въ монастырь, прибавляетъ: «И не вѣмъ, аще и тамъ не повелѣлъ ли (Іоаннъ) уморити его»[420].

Въ кормовой книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря записано только слѣдующее: «Ноября въ 12 день (память Св. Іоанна Милостиваго) по Иванѣ Васильевичѣ Шереметевѣ Большомъ, во иноцѣхъ Іонѣ, кормъ съ поставца. Въ синодики написанъ. Дачи его денегъ и судовъ серебреныхъ, и платья, и лошадей, и дворъ—всего на 600 рублевъ; да онъ же въ 1570 году, при игуменѣ Кирилѣ, далъ въ вотчину сельцо Бутово съ деревнями и съ хлѣбомъ и съ животиною за 800 рублевъ; а всего дачи его на 1400 рублевъ. А за то даяніе кормити по немъ два корма. 2-й кормъ мая въ 27 день (память Св. Іоны, митрополита Кіевскаго). Попъ прибылой служитъ. Пища хлѣбы бѣлые, рыба, пироги подовые, квасъ ячной.... Иванъ, во иноцѣхъ Іона лежитъ у большой церкви въ папертѝ, на лѣвой сторонѣ. На могилу ходятъ соборомъ»[421].

420 Сказанія князя Курбскаго. стр. 106.

421 Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. I (Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. стр. 61 и 79).

Сколько намъ извѣстно, Шереметевъ записалъ въ поминовеніе свой родъ только въ одномъ Рязанскомъ каѳедральномъ соборѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ одну изъ поѣздокъ черезъ Рязань въ свою вотчину въ Спасскомъ уѣздѣ, купленную, въ 1554 году, у помѣщика Лелѣчина. Заносимъ эту запись дословно, какъ она значится въ соборномъ синодикѣ, переписанномъ, въ 1670 году, съ стараго синодика: «Родъ Іоанна Васильевича Шереметева: Инокъ Васьянъ, инока Евпраксія, инокъ Григорій, Стефанъ (въ міру Семенъ), инокъ Никита, инока Киликія, Мареміана, Алексій»[422].

Кромѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Шереметевъ раздавалъ щедрою рукою вклады и въ другіе монастыри: въ Троице-Сергіевъ, Іосифовъ-Волоколамскій, Спасъ-Новый (нынѣ Московскій Новоспасскій), Ѳерапонтовъ, Ростовскій Борисоглѣбскій и другіе. Большое усердіе показывалъ онъ и къ Николаевскому-Антоніеву Бѣжецкому монастырю. Вотъ что, между прочимъ, записано въ лѣ-

[422] Синодикъ Рязанскаго каѳедральнаго собора. № II. л. 30. Кто записанъ подъ тремя послѣдними именами—неизвѣстно. Замѣчательно, что Иванъ Васильевичъ Шереметевъ записалъ иноками всѣхъ своихъ братьевъ и даже Григорія, убитаго въ сраженіи.

тописцѣ этой обители[423]: «Лѣта 7029 (1521) году мая въ 4 день, далъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ Большой въ домъ Николѣ чудотворцу ферязи бархатные на золотѣ червчатые, да шубу лисью черевью подъ камкою подъ вишневою, да 50 рублевъ денегъ, да 326 четвертей хлѣба; да прежъ того далъ Иванъ же Васильевичь, при игуменѣ Паисеѣ[424], на церковное строеніе 50 рублевъ денегъ. И за тотъ ево вкладъ игумену и братіи поминать Ивановыхъ родителей въ повсядневномъ синодикѣ и ежедней поминать на литіяхъ послѣ утреннихъ и на обѣдняхъ за просфоромисаніемъ и послѣ вечерни, доколѣ монастырь стоитъ, за Иваново здравіе Бога молить до его живота и братію кормы кормить по двою въ годъ на его имянины, на память иже во святыхъ отца нашего Іоанна Милостиваго».

[423] Сообщено игуменомъ Николаевскаго-Антоніева монастыря о. Анатоліемъ, при письмѣ къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 13 апрѣля 1879 года.

[424] Паисій былъ игуменомъ Антоніева монастыря въ 1494 году (Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. Спб. 1877. стр. 458).

ГЛАВА XXII.

Неизбѣжное отступленіе слишкомъ отдалило насъ отъ двухъ меньшихъ братьевъ Кирилловскаго инока Іоны,—Ивана Васильевича Меньшаго и Ѳедора Васильевича Шереметевыхъ, о которыхъ мы говорили въ послѣдній разъ при описаніи похода Грознаго изъ Новгорода къ Литовскому рубежу, осенью 1567 года. По отъѣздѣ царя въ Москву, оставленнымъ на границѣ войскамъ указано было быть готовыми къ встрѣчѣ Литовцевъ, на случай прихода ихъ ко Пскову. Причемъ Ѳедору Васильевичу Шереметеву назначено было вести передовой полкъ, а Иванъ Васильевичъ Меньшой, вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Троекуровымъ, оставленъ въ самомъ Псковѣ[425]. Въ то время король Сигизмундъ сдѣ-

[425] Дворцовые разряды. Т. I. стр. 705.

лалъ почти тоже, что и царь Иванъ въ послѣдній свой походъ: онъ приготовился-было идти подъ самую Москву, но, простоявъ нѣсколько недѣль въ Минской области, возвратился въ Гродну. Весь 1568 годъ прошелъ въ незначительныхъ дѣйствіяхъ отрядовъ гетмана Яна Хоткѣвича и князя Сангушки и притомъ вдали отъ Пскова—мѣста стоянки братьевъ Шереметевыхъ. Тѣмъ временемъ въ Москвѣ возобновлены были переговоры съ Литвою о прекращеніи войны, и вновь присланный «для доброе змовы» Литовскій гонецъ Букраба[426] уже отпущенъ былъ назадъ съ предложеніемъ королю прислать большихъ пословъ для заключенія мира, какъ вдругъ, въ началѣ января 1569 года, Литовскіе воеводы князья Александръ и Иванъ Полубенскіе, стоявшіе въ Ливонскомъ городѣ Вольмарѣ, внезапно появились подъ Псковомъ и какимъ-то обманомъ взяли Псковской пригородъ Изборскъ. Въ лѣтописи случай этотъ записанъ весьма загадочно: «7077 году, Литва взяша Изборескъ оманомъ, впрошалися опритчиною, генваря въ 11-й день»[427]. По приказу изъ Мос-

[426] Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. Ч. I. М. 1843. № 176.

[427] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. стр. 318.

квы, къ Изборску немедленно послано было войско подъ начальствомъ Михаила Яковлевича Морозова; первымъ воеводою передоваго полка былъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, у него товарищемъ—князь Никита Гундоровъ; а съ нарядомъ ходилъ князь Юрій Ивановичь Токмаковъ. Къ Изборску же посланы были и изъ опричнины: два брата Плещеевы, Василій Ивановичь Умной-Колычовъ и Игнатій Борисовичь Блудовъ[428]. Московскіе воеводы взяли Изборскъ приступомъ, захвативъ въ плѣнъ всѣхъ Литовцевъ, засѣвшихъ въ пригородѣ. Царь Иванъ послалъ къ Сигизмунду съ жалобою на князей Полубенскихъ боярскаго сына Ѳедора Мясоѣдова, которому, между прочимъ, наказано было, что если «станетъ съ нимъ говорить князь Андрей Курбскій, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: «съ измѣнникомъ что̀ говорить? Вы своею измѣною сколько не лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ побѣду и вашу измѣну разрушаетъ; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а съ простымъ измѣнникомъ и того не гово-

[428] Синбирскій сборникъ. стр. 23.

рить: выбранивъ его, плюнуть въ глаза, да и пойти прочь»[429].

Поступокъ князей Полубенскихъ, объясненный недоразумѣніями, не остановилъ мирныхъ переговоровъ съ Литвою, окончившихся, въ 1570 году, заключеніемъ перемирія на три года. Успѣшному окончанію этого дѣла въ значительной мѣрѣ способствовали тревожныя вѣсти, полученныя у насъ изъ Крыма. Новый Турецкій султанъ Селимъ настойчиво приступилъ къ осуществленію мысли возстановить мусульманскія царства на берегахъ Волги и всячески склонялъ Крымскаго хана къ дѣятельному участію въ этомъ предпріятіи. Девлетъ-Гирей, боясь Турецкаго сосѣдства болѣе чѣмъ Московскаго, тянулъ дѣло отписками и старался вовсе отклонить султана отъ предполагаемаго похода на Астрахань, убѣждая его совокупными силами ударить на Московскія украйны. Всѣ эти обстоятельства были извѣстны въ Москвѣ, и тревога, ими вызванная, особенно замѣтна въ разрядныхъ росписяхъ 1569 и 1570 годовъ. Росписи эти безпрестанно замѣнялись новыми и, оставаясь записанными въ книги рядомъ съ

[429] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 271.

замѣнившими ихъ росписями, представляютъ въ общемъ большую путаницу. Еще съ весны 1569 года войска начали стягивать отъ Литовскаго рубежа къ Полю. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно вскорѣ послѣ Изборскаго дѣла, Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ былъ назначенъ въ Серпуховѣ вторымъ воеводою передоваго полка, предводительствуемаго княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ; но въ росписи оговорено, что когда «Крымскіе люди учнутъ воевати государевы украйны», то передовой полкъ вести боярину и дворецкому Никитѣ Романовичу Юрьеву, а Ивану Меньшому Васильевичу Шереметеву—сторожевой полкъ. Рядомъ находится другая роспись, въ которой Шереметевъ записанъ вторымъ воеводою большаго полка князя Михаила Ивановича Воротынскаго, стоявшаго въ Калугѣ. Потомъ слѣдуетъ опять новая роспись, по которой Шереметевъ значится вторымъ воеводой правой руки, подъ начальствомъ князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго[430]. Өедоръ Васильевичь Шереметевъ оставался на Литовскомъ рубежѣ до 1570 года, когда былъ посланъ въ Данковъ вторымъ

[430] Древняя Россійская Вивліоѳика, Ч. XIII. стр. 395. 396 и 416.

воеводою, на мѣсто князя Ивана Мегметовича Канбарова, отозваннаго въ Москву. А когда воеводы сойдутся, сказано въ росписи, въ большомъ полку быть воеводамъ изъ Данкова: князю Ивану Петровичу Шуйскому и Ѳедору Васильевичу Шереметеву[431].

Безпрестанныя передвиженія войскъ и неурожаи вызвали неслыханную дороговизну: въ Москвѣ четверть ржи стоила 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ серебряныхъ рублей; люди мерли отъ голода на улицахъ и на дорогахъ. Какъ естественное послѣдствіе голода, появилось страшное моровое повѣтріе. «Въ лѣто 7078 (1570),—повѣствуетъ лѣтописецъ,—бысть въ Москвѣ и во многихъ градѣхъ великое моровое повѣтріе, и таковаго повѣтрія не бысть, отнелѣже и царство Московское начася»[432]. Въ одномъ Устюгѣ померло 12.000 человѣкъ, «а мерли прищемъ да желѣзою»[433].

Царь Иванъ два раза посылалъ въ Константинополь пословъ[434], въ надеждѣ зару-

431 Синбирскій сборникъ. стр. 24 и 25.—Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 398 и 399.

432 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 328 (по Морозовской лѣтописи).

433 Архангелогородскій лѣтописецъ. М. 1781. стр. 193.

434 Въ 1570 году — дворянина Новосильцова и въ 1571 году— Андрея Ищеина-Кузминскаго.

читься пріязнью султана Селима для обузданія хищнаго Девлетъ-Гирея; но дѣло это не имѣло успѣха. Война неизбѣжно должна была довершить бѣдствія, постигшія Россію. Наши же перебѣжчики, Бѣлевецъ Кудеяръ Тишинковъ и съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, подговаривали Крымскаго хана воспользоваться благопріятнымъ временемъ для набѣга. Они объясняли ему, что «на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскихъ по два года была меженина (засуха) великая и моръ.... многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ людей государь въ своей опалѣ побилъ; а достальные воинскіе люди и Татарове всѣ въ Нѣмцѣхъ; а государя-де чаютъ въ Серпуховъ съ опришниною, а людей-де съ нимъ мало. И ты-де поди прямо къ Москвѣ»[435].

Съ весны 1570 года, отъ береговыхъ воеводъ начали приходить вѣсти о вторженіи Крымцевъ въ предѣлы Россіи. 22-го мая писалъ къ царю изъ Коширы и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, что «пришли на Рѣзанскія мѣста и на Коширскія Крымскіе люди». По отпискѣ Шереметева, царь Иванъ,

[435] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 352.

только что вернувшійся изъ кроваваго Новгородскаго похода, тотчасъ-же выѣхалъ изъ Москвы въ Коломну. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Михаилъ Ивановичь Воротынскій писалъ отъ Николы Зарайскаго, что 21 мая, ночью, воеводы князья Хворостининъ и Львовъ «сошлись съ Крымскими людьми и побили ихъ, и что Крымскіе люди пошли всѣ за Почежскій лѣсъ»[436]. Царь, успокоившись этимъ донесеніемъ, возвратился въ Москву, приказавъ быть на берегу воеводамъ: князю Ивану Андреевичу Шуйскому и Петру Васильевичу Морозову на Коширѣ, а Ивану Васильевичу Шереметеву—въ Серпуховѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ опять стали получаться отъ разныхъ станичниковъ тревожныя вѣсти. Одинъ видѣлъ, верстъ за 20 не доѣзжая Донца Сѣверскаго, пыль великую, а по сакмѣ смѣтилъ тысячъ съ тридцать; другой слышалъ «отъ стадъ лошадиныхъ прыскъ и ржаніе великое»; третій замѣтилъ огни многіе и что «бито 13 дорогъ до Черныя земли» и т. д. По этимъ вѣстямъ, царь переѣхалъ въ Серпуховъ. Между тѣмъ донесенія станичниковъ,

[436] Почежскій лѣсъ неизвѣстенъ и Арцыбашеву (Повѣствованіе о Россіи. Т. II. Кн. 4. прим. 1906).

не оправдывавшіяся на дѣлѣ, по-немногу теряли вѣру, прискучили всѣмъ, и 22-го сентября Московскіе бояре приговорили слѣдующее: «станичники во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сказали видѣли людей и по сакмѣ смѣчали до 30.000, то солгали; и государю самому стояти въ Серпуховѣ нечево; а постояти по берегу воеводамъ за Покровъ Пресвятыя Богородицы съ недѣлю и съ того бъ дни ѣхать по домамъ»[437]. Приговоръ этотъ имѣлъ бѣдственныя послѣдствія. Послѣ Покрова войска были распущены по домамъ и о Татарахъ, по видимому, забыли даже и думать. И вотъ, весною 1571 года, Крымскій ханъ, собравъ 100.000 улусниковъ, съ необыкновенною стремительностію ворвался въ Россію. По первому же извѣстію объ этомъ царь Иванъ отправился въ Серпуховъ съ двумя полками, передовымъ и сторожевымъ, и съ опричниною. Со вторымъ саадакомъ царскимъ шелъ статный благолѣпный опричникъ Борисъ Годуновъ[438], впервые появляющійся на исторической сценѣ. Воеводы другихъ полковъ, большаго — князь Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій да Михаилъ Яковле-

[437] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIII. стр. 400 и слѣд.
[438] Тамъ-же. Ч. XIII. стр. 418.

вичь Морозовъ, и правой руки—князь Иванъ Өедоровичь Мстиславскій да Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, поспѣшили занять берега Оки, но уже было поздно. Девлетъ-Гирей обошелъ ихъ и другимъ путемъ подошелъ къ Серпухову. Царь Иванъ малодушно бѣжалъ съ опричниною въ Бронницы, оттуда, чрезъ Александрову слободу—въ Ростовъ. Въ виду обходнаго движенія Крымцевъ названные воеводы, не отдыхая, поспѣшили назадъ на защиту Москвы, куда безостановочно неслись Татарскія полчища. Воеводы пришли въ Москву 13 мая, на канунѣ Вознесенія, цѣлымъ днемъ раньше Крымцевъ. Малочисленность войска не дозволяла встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ, а потому воеводы рѣшили обороняться въ Московскихъ предмѣстьяхъ. Князь Бѣльскій и Морозовъ, съ большимъ полкомъ, стали на большой Варламовской улицѣ; князь Мстиславскій и Шереметевъ, съ правою рукою,—на Якиманкѣ; князья Михаилъ Ивановичь Воротынскій и Татевъ—на Таганскомъ лугу, противъ Крутицъ[439]. Въ самый Вознесеньевъ день, Татары обступили Москву и, не рѣшаясь на приступъ,

[439] Князь Щербатовъ. Т. V. Ч. II. стр. 279.

зажгли предмѣстья въ десяти разныхъ мѣстахъ. «И Божіимъ гнѣвомъ, грѣхъ ради нашихъ, Москва сгорѣла вся, городъ, и въ городѣ государевъ дворъ[440], и всѣ дворы и посады всѣ, и за Москвою; и людей погорѣло многое множество, имъже не бѣ числа; и всякое богатство и все добро погорѣло; и церкви каменныя отъ жару разсѣдались; и люди въ каменныхъ церквахъ и въ каменныхъ погребѣхъ горѣли и задыхалися, едва гдѣ кто Божіимъ сохраненіемъ отъ смерти избылъ»[441]. Пожаръ сопровождался сильной бурей съ молніей. Зрѣлище было ужасное. Одинъ Англичанинъ-очевидецъ писалъ послѣ на родину, что «кто видѣлъ это зрѣлище, тотъ вспомнитъ о немъ всегда съ новымъ ужасомъ и будетъ молить Бога не видать онаго вторично»[442]. Другой очевидецъ, Ливонскій дворянинъ Крузе, свидѣтельствуетъ, что «описаніе этого событія всегда останется ниже дѣйствительности, и кто не видалъ его собственными глазами, не повѣритъ всей ужасной крайности бѣдствія»[443]. Въ какихъ ни-

440 Арбатскій любимый дворецъ Грознаго.

441 Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 313.

442 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 357.

443 Аделунгъ. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи. Ч. I. стр. 174.

будь три часа сгорѣло все, кромѣ нѣсколькихъ каменныхъ церквей и Кремля, гдѣ все время сидѣлъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ Кириллъ со святынею и казною. Воеводы, стоявшіе въ предмѣстьяхъ, напослѣдокъ заперлись въ Кремлѣ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Ивану Васильевичу Шереметеву приходилось при этомъ защищать и свое собственное достояніе, ибо въ самомъ Кремлѣ, противъ Николы Гостунскаго, у него былъ дворъ о 26-ти житьяхъ палатныхъ и погребныхъ, принадлежавшій прежде брату государеву, князю Юрью Васильевичу[444]. Татарамъ, ворвавшимся въ пылавшій городъ, нечего уже было и грабить. До Кремля они не могли даже дойти, вслѣдствіе чрезвычайнаго жару, отъ котораго перегорало и ломалось въ государевыхъ палатахъ «прутье желѣзное толстое, что̀ кладено крѣпости для на связки». Другіе говорятъ, что Девлетъ-Гирей былъ напуганъ ложнымъ слухомъ о приближеніи къ Москвѣ многочисленнаго войска. Какъ бы то ни было, но Татары поспѣшили выбраться изъ города въ свой станъ и 26 мая пошли къ своимъ грани-

[444] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

цамъ, безпрепятственно опустошая все, что̀ ни попадалось имъ на пути. Они угнали съ собою до 150.000 плѣнныхъ. Съ нашей стороны уныніе было столь велико, что не было даже сдѣлано никакого распоряженія о преслѣдованіи хищниковъ.

Царь Иванъ, узнавъ объ удаленіи Татаръ, возвратился изъ Ростова въ Москву, но на дорогѣ, именно въ селѣ Братовщинѣ, долженъ былъ вынести новое униженіе. Тамъ представили ему Крымскихъ гонцовъ съ ханской грамотой. «Я пришелъ на тебя,—писалъ Девлетъ-Гирей Грозному,—городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что-де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ бы пришелъ противъ насъ и стоялъ. Отдай нашъ юртъ Астрахань и Казань. А государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ; снова буду къ тебѣ»![445] Въ отвѣтъ на эту грамоту царь Иванъ послалъ хану челобитную, въ которой униженно просилъ его не ходить войною и обѣщалъ уступить Астрахань.

[445] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 185.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IV. стр. 302.

Грозный изыскивалъ способъ хотя чѣмъ нибудь оправдать свою постыдную трусость. Тотчасъ-же по возвращеніи въ Москву, онъ принялся развѣдывать о виновникахъ внезапнаго нашествія Крымцевъ. Онъ увѣрялъ, что боярскіе дѣти Кудеяръ Тишинковъ и другіе сносились съ Девлетъ-Гиреемъ по наущенію бояръ. Начались новыя подозрѣнія въ измѣнѣ, новыя казни. Замѣчательно, что князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій торжественно признался, что онъ съ товарищами своими навелъ хана на Россію. Было ли это признаніе добровольное или вынужденное пытками—достовѣрно неизвѣстно; но вотъ что самъ Мстиславскій заявилъ въ такъ называемой п р о к л я т о й г р а м о т ѣ, писанной въ томъ-же 1571 году: «Се язъ князь Иванъ Мстиславской есми Богу и святымъ Божьимъ церквамъ и всему православному крестьянству вѣры своей не соблюлъ, а государю своему и его землямъ и всему православному крестьянству и всей Русской землѣ измѣнилъ, навелъ есми съ моими товарищи безбожного Крымскаго Девлетъ-Кирѣя царя на святыя православныя церкви, и на святыя монастыри и тѣ святыя мѣста моею измѣною и мо-

ихъ товарищевъ изпровержены, а крестьянская кровь многая пролита»[446]....

При чтеніи этого страшнаго самообличенія Мстиславскаго, невольно приходитъ на память слѣдующее замѣчаніе князя Щербатова: «изысканіи тогда съ толикими мученіями производились, что тягостію мукъ удрученный человѣкъ, видя въ самомъ продолженіи жестокихъ мученій болѣе тягости себѣ, нежели въ самой смерти, признаніемъ никогда не содѣланнаго имъ преступленія, могъ тщиться единожды навсегда страданія свои прекратить». Грозному, конечно, нужно было такое признаніе для оправданія и своего бѣгства въ Ростовъ, и неистовыхъ казней. По ходатайству митрополита Кирилла и прочихъ властей, Мстиславскій былъ прощенъ и трое бояръ дали поручную запись въ томъ, что, въ случаѣ побѣга Мстиславскаго къ Турскому султану, или въ Крымъ, или въ Литву, или въ иныя которыя государства, они обязываются заплатить за него въ казну 20.000 рублей[447].

Тѣмъ дѣло и кончилось. Остается сильное подозрѣніе, что князь Мстиславскій вынуж-

[446] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. № 191.
[447] Тамъ-же. Ч. I. № 197.

денъ былъ принять на себя небывалую вину. Однакоже нельзя оставить безъ вниманія того мѣста въ заявленіи князя, въ которомъ онъ показываетъ (добровольно или вынужденно) объ участіи въ измѣнѣ и своихъ товарищей. Читатель припомнитъ, что ближайшимъ товарищемъ Мстиславскаго былъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, который, однако, не только не былъ обличенъ или заподозрѣнъ въ измѣнѣ, но даже пользовался особенною милостію Грознаго, именно послѣ нашествія Девлетъ-Гирея. По дѣлу Мстиславскаго онъ, вмѣстѣ съ княземъ Воротынскимъ, сидѣлъ въ думѣ и принималъ бояръ, окольничихъ и дворянъ, взявшихъ на себя отвѣтственность за трехъ бояръ, выручившихъ князя Мстиславскаго. Это видно изъ подручной записи, въ концѣ которой написано: «Къ сей подручной грамотѣ бояре князь Михайло Ивановичь Воротынской, да Иванъ Меньшой Васильевичь Шереметевъ печати свои приложили. Лѣта ҂з семдесятъ девятаго (1571)»[448].

[448] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. № 198. Издатели объясняютъ, что на приложенныхъ къ подручной записи двухъ боярскихъ восковыхъ печатяхъ «никакого изображенія видѣть не можно».

Доказательствомъ государева благоволенія къ Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву можетъ служитъ и участіе его въ семейномъ торжествѣ царя Ивана, осенью того-же 1571 года.

Въ самый разгаръ казней, Грозный задумалъ вступить въ третье супружество. Изъ двухъ тысячъ дѣвицъ-красавицъ, знатныхъ и незнатныхъ, свезенныхъ на смотръ въ Александровскую слободу, выборъ палъ на дочь Новгородскаго купца Марѳу Васильевну Собакину. На бѣду, государева невѣста занемогла. Этотъ случай навлекъ подозрѣніе на родственниковъ царицы Маріи Темгрюковны, будто-бы испортившихъ невѣсту, и Грозный, не долго думая, посадилъ на колъ своего любимаго шурина князя Михаила Темгрюковича Черкасскаго. Болѣзнь Собакиной не помѣшала однако свадьбѣ, которая совершилась 28 октября въ Александровской слободѣ[449]. По свадебному росписанію, за столомъ у государя сидѣлъ царевичъ Михайла Кайбуловичъ, супругъ Агаѳіи Ивановны Шереметевой; за столомъ же противъ боярынь сидѣлъ

[449] Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. Т. II. Кн. 4. стр. 323. примѣч. 1935.

Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, вмѣстѣ съ знатнымъ Ногайскимъ княземъ Петромъ Тутаевичемъ Шейдяковымъ и княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Трубецкимъ. Когда же въ палатахъ все было устроено по чину, Шереметевъ ходилъ звать царя на мѣсто. На этой свадьбѣ дружками съ невѣстиной стороны были Малюта Скуратовъ и Борисъ Годуновъ; послѣднiй былъ также въ мыльнѣ съ государемъ[450].

Свадебные пиры заключились похоронами. 13-го ноября, царица Марѳа Васильевна скончалась. Ея преждевременная смерть до сихъ поръ представляетъ неразъясненную загадку.

Безъ малаго мѣсяцъ спустя, именно 10-го декабря 1571 года, митрополитъ Всероссiйскiй Кириллъ разослалъ по монастырямъ богомольныя грамоты, въ которыхъ извѣщалъ, что государь «пошелъ на свое дѣло и на земское, на своего непослушника на Свитскаго». Митрополитъ просилъ монашествующую братiю, чтобы «воздержали бы ся есте отъ пьянственнаго питья въ сiй постъ (Рождественскiй), и въ великiй мясоѣдъ, и въ великiй свя-

450 Описанiе седьми старинныхъ свадебъ. М. 1798. стр. 20.

тый четыредесятный постъ, и до велика дни во пьянство не упивалися; и чтобъ есте пожаловали, отнынѣ и впередъ, пѣли соборнѣ по вся дни молебны въ соборныхъ церквахъ, и молили всесильнаго Бога, чтобы даровалъ устроеніе земское и миръ и тишину, и послалъ бы свыше свою благодать и одолѣніе на враги рабу своему, боговѣнчанному царю государю Ивану Васильевичу»[451].

При тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, новая наступательная война, хотя бы и съ слабою Швеціею, конечно, была вызвана весьма важными причинами, для разъясненія которыхъ намъ придется обратиться къ Ливонскимъ дѣламъ, заключавшимъ въ себѣ въ то время ключъ къ уразумѣнію политическихъ отношеній Московскаго государства къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ.

Краткій очеркъ Ливонскихъ дѣлъ, со времени упраздненія Ордена Меченосцевъ, значительно облегчитъ и дальнѣйшее повѣствованіе о родѣ Шереметевыхъ, представителей

[451] Акты Археографической экспедиціи. Т. I. № 283 (Здѣсь напечатана грамота собственно въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; но, само собою разумѣется, подобныя же грамоты разосланы были и во всѣ другія обители).

котораго мы неоднократно увидимъ на поляхъ несчастной Ливоніи, ставшей театромъ опаснаго совмѣстничества четырехъ сѣверныхъ державъ.

ГЛАВА XXIII.

Упраздненіе Ордена Меченосцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ, послѣдовавшее 28 ноября 1561 года, было началомъ новыхъ бѣдствій для Ливоніи. Орденскія земли распались собственно на пять частей: за Россіей остались, по праву завоеванія, Нарва, Дерптъ, Аллентакенъ, часть Ервенскаго и Везенбергскаго уѣздовъ и всѣ мѣста, прилегавшія къ нашему рубежу; Швеція получила Ревельскій уѣздъ (Гаррію), городъ Ревель и другую часть Везенбергскаго уѣзда (называвшуюся Вирляндіей); Курляндія и Семигалія отданы были въ наслѣдственное владѣніе Гетгарду Кетлеру; вся южная Ливонія, съ городомъ Ригой, отошла къ Литвѣ. Что же касается до острова Эзеля, то онъ еще въ 1559 году проданъ былъ

Датскому королю Фридриху II-му, а послѣдній передалъ его во владѣніе своему брату принцу Магнусу.

Во время раздѣла Орденскихъ владѣній, Шведскаго короля Густава-Вазы уже не было въ живыхъ. Онъ умеръ осенью 1560 года. Новый король Эрикъ XIV-й на первыхъ же порахъ попытался оставить осторожную политику отца своего по отношенію къ Ливоніи. Онъ отправилъ пословъ къ Грозному, съ требованіемъ исключить изъ стараго договора (1557 года) ту статью, которою отецъ его обязывался не помогать ни Литвѣ, ни Ордену противъ Москвы, и чтобы ему предоставлено было сноситься во всемъ прямо съ царемъ, а не черезъ посредство Новгородскихъ намѣстниковъ. При этомъ Шведскіе послы дали понять, что Датскій король Фридрихъ и Сигизмундъ-Августъ уже предлагаютъ королю Эрику свою дружбу и склоняютъ его къ союзу для изгнанія общими силами Русскихъ изъ Ливоніи. Наши думные бояре отвѣтили посламъ, что Россія стародавнихъ прародительскихъ обычаевъ не порушитъ и что она не устрашилась бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы Эрикъ вступилъ въ дружбу и со всѣми коро-

лями и царями Европы. Шведамъ предложено было подтвердить миръ по отношенію къ Швеціи и Финляндіи на десять лѣтъ; что же касается до Ливоніи, то Московское правительство предоставило себѣ переговорить объ этомъ черезъ особыхъ пословъ[452].

Твердый отвѣтъ думныхъ бояръ имѣлъ хорошее дѣйствіе, и въ 1561-мъ году Шведы подтвердили миръ на указанныхъ условіяхъ, не смотря даже на то, что и на этотъ разъ, съ нашей стороны, переговоры ведены были опять-таки отъ имени Новгородскихъ намѣстниковъ. Царь Иванъ очень досадовалъ на притязательность новаго Шведскаго короля, но въ то время все его вниманіе устремлено было на болѣе опаснаго врага — на Литву, и потому Грозному нужно было сохранить миръ съ Швеціей. Въ іюнѣ 1562 года, царь Иванъ послалъ въ Стокгольмъ обѣщанныхъ пословъ, которые въ слѣдующемъ году и заключили съ Швеціей по Ливонскому дѣлу перемиріе на два года, на тѣхъ условіяхъ, чтобы оба государства оставили за собою въ Ливоніи всѣ завоеванныя мѣста. Это было очень выгодно

[452] Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Ч. III. Спб. 1807. стр. 678.

и для Эрика, который велъ въ то время войну съ Польшей, домогавшейся присоединить къ своимъ владѣніямъ богатый Ревель и всю Эстонію.

Когда срокъ перемирія съ Москвою приходилъ къ концу, король Эрикъ искалъ продолжить его, въ виду предстоявшей новой войны съ Даніей, и для успѣха въ этомъ рѣшился на мѣру неблаговидную. Выше говорилось о неудачномъ сватовствѣ царя Ивана къ сестрѣ Сигизмундовой, Польской принцессѣ Екатеринѣ. 4-го октября 1562 года, Екатерина вышла за брата Эрикова, герцога Финляндскаго Іогана. Братья ненавидѣли другъ друга, и въ 1563 году, король Эрикъ, оклеветавъ Іогана въ государственной измѣнѣ, заключилъ его въ Грипсгольмскій замокъ, куда добровольно послѣдовала за нимъ и молодая супруга. Эрикъ тайно предложилъ Грозному отправить къ нему жену своего заточеннаго брата! Этимъ безчеловѣчнымъ предложеніемъ Шведскій король купилъ себѣ отсрочку перемирія еще на семь лѣтъ. Между тѣмъ Грозный, желая какъ можно болѣе досадить Сигизмунду-Августу, требовалъ поспѣшить высылкой въ Москву его сестры и, лѣтомъ 1566 года, далъ

знать королю Эрику, что онъ, кромѣ прежняго мирнаго трактата, готовъ войти и во всякія другія соглашенія, лишь бы была выслана принцесса Екатерина. Эрикъ передалъ настоящее дѣло на обсужденіе Шведскаго сената, который постановилъ отправить дружеское посольство къ Московскому царю съ извиненіемъ, что требованіе его не можетъ быть исполнено, какъ противорѣчащее законамъ Божескимъ и человѣческимъ[453].

Съ Шведскими послами, прибывшими въ февралѣ 1567 года, прямо въ Александровскую слободу, заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго Грозный отказывался отъ притязаній на ту часть Ливоніи, которая досталась Швеціи, обѣщалъ помочь Эрику въ войнѣ съ Сигизмундомъ, а также помирить его съ Даніей и за все это снова обязалъ Эрика выслать свою невѣстку въ Москву. Съ договорною грамотою отправлены были въ Стокгольмъ: бояринъ Иванъ Михайловичь Воронцовъ и дворянинъ Василій Наумовъ; а бояринъ Михаилъ Яковлевичь Морозовъ съ товарищами выѣхали уже на границу для принятія принцессы Екатерины.

[453] Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Ч. III. стр. 834.

Въ Стокгольмѣ наше посольство потерпѣло полную неудачу. Король Эрикъ даже уклонялся отъ свиданія съ Воронцовымъ; а совѣтники его говорили, что Шведскіе послы заключили договоръ объ Екатеринѣ безъ вѣдома короля. Между тѣмъ, 29 сентября 1568 года, въ столицѣ Швеціи совершился извѣстный переворотъ: Эрикъ XIV былъ сверженъ съ престола и попалъ въ тотъ самый замокъ, въ которомъ сидѣлъ его братъ, а послѣдній вступилъ на престолъ съ именемъ Іогана III. Во время этого переворота наши послы вынесли всевозможныя оскорбленія и едва не были убиты. Положеніе Грознаго относительно новаго короля Швеціи, супруги котораго онъ домогался такъ настойчиво, было весьма неловкое. Онъ поспѣшилъ отправить къ Іогану грамоту, въ которой оправдывался относительно Екатерины тѣмъ, что считалъ ее вдовою и бездѣтною, увѣрялъ короля въ дружбѣ и просилъ отпустить задержанныхъ пословъ Московскихъ.

Въ 1569 году, Воронцовъ и Наумовъ были отпущены изъ Швеціи, при чемъ король Іоганъ велѣлъ проводить ихъ своимъ полномочнымъ посламъ, съ которыми, однако, поступили у насъ довольно вѣроломно. Какъ только прiѣ-

хали Шведскіе послы въ Новгородъ, ихъ взяли, по приказанію царя, подъ стражу, въ отместку за задержаніе нашихъ пословъ въ Стокгольмѣ и отправили сперва въ Москву, а въ сентябрѣ 1570 года—въ Муромъ. Этого было мало для царя Ивана. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало выгнать Шведовъ изъ Эстоніи, и какъ только уладилъ отношенія съ Сигизмундомъ-Августомъ, поднялся «на своего непослушника Свитскаго». Это было, какъ сказано выше, въ декабрѣ 1571 года, вскорѣ послѣ похоронъ царицы Мареы Васильевны.

Войскамъ приказано было собираться въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, для одновременной войны съ Шведами—и въ Финляндіи, и въ Эстоніи. Царь выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ, а именно: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, князя Михаила Ивановича Воротынскаго, князя Петра Даниловича Пронскаго, князя Ѳедора Михайловича Трубецкаго, князя Никиты Романовича Одоевскаго, князя Василія Андреевича Сицкаго, Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева, князя Петра Тутаевича Шейдякова-Ногайскаго и другихъ. По поводу этой свиты, составлявшей походную или воинскую думу

Грознаго, Карамзинъ замѣчаетъ: «Дворъ Іоанновъ, не смотря на избіеніе столь многихъ вельможъ, еще казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи, украшенные сѣдиною и заслугами»[454].

Грозный пріѣхалъ въ Новгородъ на канунѣ Рождества Христова. Къ тому же времени привезли туда и Шведскихъ пословъ, томившихся, съ сентября 1570 года, подъ стражею въ Муромѣ. Дьяки, прибывшіе съ государемъ, объявили посламъ гнѣвъ царя на Шведское государство и требовали, чтобъ они отъ имени короля дали обязательство добровольно отказаться отъ Эстоніи и заплатить 10.000 рейхсталеровъ за оскорбленія, нанесенныя въ Стокгольмѣ Воронцову и Наумову. Послы обратились къ нашимъ боярамъ съ мольбою о смягченіи гнѣва царя и о дозволеніи имъ возвратиться въ отечество, для представленія этихъ требованій своему королю, безъ разрѣшенія котораго не могутъ-де давать никакихъ обязательствъ. Смиренный видъ Шведскихъ пословъ, истомленныхъ долгой неволей, подѣйствовалъ на самого Грознаго. 6 января 1572 года, онъ ихъ принялъ и сказалъ, что,

[454] Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 190 и прим. 370.

по ходатайству своихъ совѣтниковъ, онъ дозволяетъ имъ возвратиться въ Швецію, но съ тѣмъ, чтобы они убѣдили короля Іогана выслать къ Троицыну дню новыхъ пословъ для заключенія мирнаго договора, на указанныхъ его дьяками условіяхъ. За тѣмъ отозваны были войска, собранныя въ Орѣшкѣ, и 18-го января, царь Иванъ уѣхалъ въ Москву, увѣренный, что и безъ войны получитъ удовлетвореніе отъ Шведскаго короля.

По пріѣздѣ въ Москву, Грозный, вопреки церковному уставу, вступилъ въ четвертый бракъ, съ дѣвицей Анной Алексѣевной Колтовскою. Онъ даже не спрашивалъ на это и святительскаго благословенія. Соборъ епископовъ утвердилъ однако этотъ бракъ, не въ примѣръ прочимъ, «и благовѣрнаго царя, его ради теплаго умиленія и покаянія, во всемъ простиша и разрѣшиша». Грозный долженъ былъ только выдержать наложенную на него эпитимію, которую, въ случаѣ войны, освященный соборъ принималъ на себя[455].

Между тѣмъ, Девлетъ-Гирей сдержалъ свое слово, и съ весны стали доходить вѣсти объ его приготовленіяхъ къ новому набѣгу на

[455] Акты Археографической экспедиціи. Т. I. стр. 329—332.

Москву. Грозный поручилъ защиту столицы князьямъ Юрью Ивановичу Токмакову и Тимоѳею Ивановичу Долгорукову, а самъ, подъ предлогомъ заключенія мира съ Шведами, опять уѣхалъ въ Новгородъ, вмѣстѣ съ молодою супругою и со всею казною, уложенною на 450 возахъ[456].

Для встрѣчи Крымцевъ отправлено было на Оку, подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго, войско, при которомъ были оба брата Шереметевы, Иванъ Васильевичъ и Ѳедоръ Васильевичъ. Послѣдній во время прошлогодняго набѣга Крымцевъ былъ въ Данковѣ, а по удаленіи непріятеля, посланъ, вмѣстѣ съ бояриномъ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, ставить городъ на одномъ изъ полуостровов озера Нещерди[457], въ нынѣшней Витебской губерніи близъ границъ Себежскаго и Невельскаго уѣздовъ.

Въ войскѣ, выставленномъ противъ Крымцевъ, воеводы были распредѣлены въ полкахъ по слѣдующей росписи: въ большомъ полку, стоявшемъ въ 3-хъ верстахъ отъ Серпухова, у перевоза, первымъ воеводою былъ князь

456 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 199 и прим. 385.

457 Синбирскій сборникъ. стр. 29.

Михаилъ Ивановичь Воротынскій, онъ же главный начальникъ всего войска; въ товарищи ему назначенъ Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. Въ правой рукѣ, стоявшей въ Тарусѣ, первымъ воеводою—князь Никита Романовичь Одоевскій, вторымъ воеводою—Өедоръ Васильевичь Шереметевъ; въ лѣвой рукѣ, стоявшей на Лопаснѣ[458], первымъ воеводою князь Андрей Васильевичь Репнинъ, вторымъ — князь Петръ Ивановичь Хворостининъ; въ передовомъ полку, стоявшемъ въ Калугѣ, — князь Андрей Петровичь Хованскій и князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ; наконецъ, въ сторожевомъ полку, стоявшемъ на Каширѣ, князь Петръ Ивановичь Шуйскій и Василій Ивановичь Умной-Колычовъ[459].

Главнымъ пунктомъ обороны былъ перевозъ подъ Серпуховымъ, противъ котораго расположился большой полкъ съ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ; къ нимъ въ сводные воеводы назначены были князья

458 Названіе трехъ сгрупированныхъ селеній при рѣкѣ Лопаснѣ, Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, по Тульско-Московскому шоссе.

459 Синбирскій сборникъ. стр. 35.

Андрей Дмитріевичь Палецкій и Юрій Константиновичь Курлятевъ-Оболенскій, а также нѣмецъ Францбекъ (Фаренсбахъ) съ седмитысячною нѣмецкою дружиною[460]. Воеводы наскоро огородились плетнемъ изъ хворосту, выкопали рвы, а у самаго перевоза на горѣ поставили «гуляй-городъ». Такъ назывался подвижной деревянный городокъ, «иже нѣкоею мудростію на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополченію зѣло угоденъ»[461]. Укрѣпленіе это могло передвигаться съ одного мѣста на другое и состояло изъ нѣсколькихъ большихъ телѣгъ (а зимою саней), соединенныхъ желѣзными цѣпями, съ большою оградою изъ брусчатыхъ или досчатыхъ щитовъ, въ которыхъ дѣлалось множество отверстій для пищалей; для стрѣльбы изъ пушекъ, поставленныхъ на телѣги, щиты раздвигались, а самыя орудія прикрыты были большими турами[462]. О гуляй-городѣ впервые упоминается подъ 1530 годомъ, во время осады Казани. Должно полагать, что эта подвижная крѣпость

[460] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 388.

[461] Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII. стр. 338.

[462] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I. стр. 147.

была новинкою для при-Окскихъ жителей и до того поразила ихъ своею необычайностію, что та гора, на которой она была поставлена (въ 3 верстахъ отъ Серпухова, внизъ по Окѣ, на лѣвомъ берегу) до сихъ поръ называется Гуляй-городомъ[463].

Въ лѣтописныхъ источникахъ нѣтъ указаній о другихъ какихъ либо приготовленіяхъ нашихъ воеводъ для встрѣчи Девлетъ-Гирея, который, по словамъ современника, «хотяше уже до конца спустошити землю (Русскую) и самого князя великаго выгнати изъ царства его, пойде яко левъ кровоядецъ, рыкая, имѣя распростерты злыя свои челюсти на пожреніе христіанъ, со всѣми силами своими бусурманскими»[464].

26 іюля 1572 года, Крымцы увидѣли хорошо знакомые имъ берега Оки. Девлетъ-Гирей съ многочисленнымъ войскомъ, въ которомъ насчитывали до 120.000 человѣкъ, подошелъ къ перевозу, оберегаемому княземъ Воротынскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ, и открылъ жестокую пальбу, показывая видъ, что подготовляетъ себѣ переправу.

463 Д. И. Языковъ. Его статья о Гуляй-городѣ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара. Спб. 1838.

464 Сказанія князя Курбскаго. Стр. 98.

Но онъ не даромъ говорилъ, что «опозналъ пути Московскаго государства». Для дѣйствительной переправы Девлетъ-Гирей уже выбралъ другое мѣсто, нѣсколько ниже, къ Каширѣ, такъ называемый Сенкинъ бродъ, куда и послалъ Ногайскаго мурзу Терибердѣя съ 20-ю тысячами Ногайцевъ. Въ ночь съ 26 на 27 іюля, Терибердѣй-мурза внезапно явился у Сенкина брода. Здѣсь было первое дѣло Татаръ съ Русскими, именно съ сторожевымъ полкомъ князя Шуйскаго и Колычова. Терибердѣй безъ труда сбилъ защищавшее бродъ укрѣпленіе, если только можно такъ назвать притинъ, огороженный плетнемъ, за которымъ сидѣло всего 200 человѣкъ дѣтей боярскихъ отъ сторожеваго полка. Перебродясь черезъ Оку, Терибердѣй-мурза встрѣтился съ воеводами правой руки княземъ Никитой Романовичемъ Одоевскимъ и Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Гдѣ именно произошла эта встрѣча неизвѣстно, но, по отмѣткѣ въ разрядной книгѣ, «дѣло было большое» и лично для Ѳедора Васильевича Шереметева особенно несчастливое: «онъ побѣжалъ и саадакъ съ себя скинулъ»[465].

[465] Синбирскій сборникъ. стр. 35.

Между тѣмъ, Девлетъ-Гирей, перестрѣливаясь цѣлый день съ большимъ полкомъ, въ ночь съ 27-го на 28 іюля, также пошелъ къ Сенкину броду, оставивъ у перевоза, для отвлеченія вниманія Русскихъ, 2000 улусниковъ, которымъ приказалъ «травиться» съ большими воеводами. Князь Воротынскій и Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ узнали объ удаленіи хана только по-утру, когда онъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на ихъ берегу и мчался по направленію къ Москвѣ, распредѣляя уже и улицы беззащитной столицы, «коемуждо мурзѣ коя улица»[466].

Все наше войско двинулось въ погоню за Крымцами. Воевода князь Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ первый настигъ Крымскій сторожевой полкъ и завязалъ съ нимъ жаркое дѣло. Находившіеся въ этомъ полку два царевича поспѣшно отправились къ хану и стали упрекать его, что онъ, уходя самъ въ Москву, оставляетъ другихъ своихъ сподвижниковъ на вѣрную гибель: «Ты идешь къ Москвѣ,—говорили они,—а насъ Московскіе люди сзади побили, а и на Москвѣ не безъ лю-

[466] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 393.

дей же будетъ». Съ царевичами послана была помощь въ 12 тысячъ человѣкъ Ногайцевъ и Крымцевъ, по прибытіи которыхъ, князь Хворостининъ искуснымъ отступленіемъ навелъ весь непріятельскій отрядъ на большой полкъ князя Воротынскаго и Ивана Васильевича Шереметева. При этомъ князь Хворостининъ быстро свернулъ вправо и тѣмъ далъ возможность пустить въ дѣло гуляй-городъ. Скрытые за стѣнами этой подвижной крѣпости стрѣльцы ударили изъ пищалей, а пушкари — изъ большаго наряда. «И на томъ бою Татаръ безчисленно побили». Послѣ того князь Воротынскій и Иванъ Васильевичь Шереметевъ ринулись со всѣми полками за Девлетъ-Гиреемъ, который, будучи преслѣдуемъ по пятамъ войскомъ хотя и немногочисленнымъ, но одушевленнымъ успѣхомъ, не рѣшился идти далѣе къ Москвѣ, и перейдя рѣку Пахру, сталъ въ 50-ти верстахъ отъ столицы, между рѣчками Лопасней и Рожаемъ, при селѣ Молодяхъ, Подольскаго уѣзда. На этомъ болотистомъ мѣстѣ четыре дня, съ 30 іюля по 2 августа включительно, кипѣлъ жестокій бой на смерть. Обѣ стороны дрались съ одинаковымъ отчаяніемъ. Терибердѣй и нѣ-

сколько другихъ мурзъ были убиты, а одинъ Суздалецъ взялъ въ плѣнъ живьемъ Крымскаго богатыря и главнаго воеводу Дивія-мурзу. 2-го августа, Девлетъ-Гирей въ послѣдній разъ попытался завладѣть полемъ битвы. Съ неописуемымъ остервенѣніемъ онъ кинулся на гуляй-городъ выручать Дивія-мурзу. По словамъ стариннаго повѣствователя[467], «Татарове, пришедъ къ гуляю, имались за стѣну и стрѣльцы многихъ Татаръ побили и рукъ Татарскихъ безчисленно обсѣкли»[468]. Въ ночь на 3-е августа, Девлетъ-Гирей, оставивъ въ Молодяхъ тысячи съ три «рѣзвыхъ людей» (наѣздниковъ?), побѣжалъ назадъ къ Окѣ «невирно, не путми, не дорогами, въ малѣ дружинѣ; а наши воеводы силы у Крымскаго царя убили 100 тысячъ и двадцать»[469].

Четырехдневный Молодинскій бой принадлежитъ къ числу великихъ дѣлъ нашей во-

[467] Весь этотъ эпизодъ разсказанъ по старинной «повѣсти о бою воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ», находящейся въ I томѣ Книги о древностяхъ Россійскаго государства Т. Каменевичъ-Рвовскаго (Рукопись патріаршей, нынѣ синодальной, библіотеки № 52. л. 98).

[468] Обычай отсѣкать руки у непріятеля до сихъ поръ держится у Кавказскихъ горцевъ. Отсѣченныя руки коптятъ и берегутъ какъ доказательство боевыхъ заслугъ (Слышалъ отъ генералъ-адъютанта Сергія Алексѣевича Шереметева).

[469] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. III. стр. 173.

инской славы. По словамъ Карамзина, «Россіяне спасли Москву и честь; утвердили въ нашемъ подданствѣ Астрахань и Казань; отмстили за пепелъ столицы, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго уняли Крымцевъ, наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли между Лопаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ стоятъ высокіе курганы, памятники нашей знаменитой побѣды»[470].

Село Молоди, при рѣчкѣ Рожайкѣ, находится въ 18-ти верстахъ отъ города Подольска, Московской губерніи. Это шестая станція желѣзной дороги изъ Москвы въ Курскъ. Кому доведется проѣзжать это мѣсто, тотъ да вспомнитъ о знаменитой Молоденской битвѣ и почтитъ благодарною памятью «мужественныхъ и въ полкоустроеніяхъ зѣло искусныхъ» стратилатовъ Русскаго воинства: князя Михаила Ивановича Воротынскаго, Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева и князя Дмитрія Ивановича Хворостинина!

[470] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Томъ IX. стр. 203.

ГЛАВА XXIV.

6-го августа прибыли въ Новгородъ посланцы съ радостнымъ извѣстіемъ о Молодинской побѣдѣ. Они представили царю и военные трофеи: доспѣхи самого Девлетъ-Гирея—два лука, двѣ сабли и сайдачьки со стрѣлами[471]. «И того же дни въ Новигороди звонили по всимъ церквамъ весь день въ колоколы, и до полуночи звонили, и молебны пѣли по церквамъ и по монастыремъ всю ночь»[472]. Извѣстіе о побѣдѣ надъ Крымцами пришло какъ нельзя болѣе кстати. Событіе большой важности требовало присутствія царя Ивана въ Москвѣ. Туда пріѣхалъ Литовскій гонецъ Ѳеодоръ Воропай съ извѣстіемъ о кончинѣ коро-

[471] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 397.

[472] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. III. стр. 173.

ля Сигизмунда-Августа, послѣдняго изъ Ягеллоновъ, и о желаніи пановъ рады видѣть Московскаго царевича Ѳедора Ивановича королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ[473]. Но Грозному трудно было выѣхать изъ Новгорода. Съ одной стороны, неизвѣстность чѣмъ кончится борьба съ Крымцами, съ другой стороны—досадительныя дѣйствія Шведскаго короля, который не только не высылалъ потребованныхъ отъ него пословъ для заключенія мира, но еще говорилъ непригоже, будто-бы самъ царь Московскій просилъ мира у его пословъ.

Отпраздновавъ Молодинскую побѣду, Грозный собрался въ Москву и 11 августа, за недѣлю до отъѣзда, писалъ королю Іогану: «Чаяли мы, что уже ты и Свейская земля въ своихъ глупостяхъ познаетеся.... И ты аки изумленъ: и по августа 8 день никотораго отъ тебя отвѣту нѣтъ. Выборгскій твой приказчикъ писалъ, будто нашія степень величество сами просили миру у вашихъ пословъ. Увидишь нашего порога степени величества на сей зимѣ прошеніе. Опять будемъ въ своей вотчинѣ въ великомъ Новѣгородѣ декабря мѣ-

[473] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 318.

сяца; и ты толды посмотришь, какъ мы и люди наши учнемъ у тебя миру просити.... А чтȯ Крымскому безъ насъ отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ узнаешь.... И похочешь бранную лютость утолити, пришлешь пословъ съ нашею заповѣдью, и мы, смотря по твоему покоренію, такъ же пожалуемъ»[474].

По пріѣздѣ въ Москву, царь Иванъ прямо объявилъ гонцу Воропаю, что онъ самъ желаетъ наслѣдовать престолъ Сигизмунда[475]; причемъ старался оправдать жестокость своего правленія — вѣроломствомъ бояръ, а постыдное бѣгство отъ хана—боярскою же измѣною: «Я не силы Татарской боялся, но видѣлъ измѣну своихъ людей, и потому своротилъ немного на сторону отъ Татаръ»[476]. Грозный клялся, что если будетъ избранъ на Польскій престолъ, то не только сохранитъ права и вольности Поляковъ и Литовцевъ, но еще пріумножитъ ихъ. Отпуская Воропая, онъ поручилъ ему просить пановъ рады поскорѣе прислать «людей добрыхъ, для добраго постановленія».

[474] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣч. 398.—Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. Т. II. стр. 328.

[475] Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, собранные А. И. Тургеневымъ. Т. I. стр. 229.

[476] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 319.

Карамзинъ полагаетъ, что именно въ этотъ пріѣздъ въ Москву Грозный уничтожилъ ненавистную опричнину. Предположеніе это основывается на показаніи Флетчера, что опричнина существовала семь лѣтъ, а начало ея было, какъ извѣстно, въ 1565 году[477]. Очень можетъ быть, что уничтоженіемъ опричнины царь Иванъ надѣялся окончательно помирить съ собою Поляковъ и Литовцевъ, которымъ хорошо были извѣстны всѣ ужасы этого страшнаго учрежденія. Замѣчено, что съ 1572 года, число дѣлъ по спорамъ о мѣстахъ удвоется и возрастаетъ съ каждымъ годомъ почти въ геометрической пропорціи. Это явленіе объясняютъ тѣмъ, что именно въ 1572 году уничтожена была опричнина, которая спутала всѣ родовыя и служебныя отношенія[478].

Вскорѣ послѣ отъѣзда Литовскаго гонца Воропая, въ Москвѣ получено было письмо Шведскаго короля, въ отвѣтъ на «грозное повелѣніе» царя Ивана. Шведскій историкъ Далинъ приводитъ отрывокъ изъ этого письма, исполненнаго грубой брани. Такъ, между прочимъ, король Іоганъ писалъ Грозному, что «онъ

[477] Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣч. 400.

[478] Д. А. Валуевъ. Предисловіе къ Синбирскому сборнику. стр. 33.

до несносности глупъ, до грубости надмененъ и безъ всякаго воспитанія; что надобно полагать, яко-бы отецъ его былъ или монахъ или мужикъ»[479] и т. п. Легко себѣ представить гнѣвъ царя Ивана. Громовою тучею понесся онъ съ 80.000-мъ войскомъ въ Эстонію и 27 декабря уже стоялъ подъ крѣпостью Виттенштейномъ (Пайда), которую и взялъ 1 января 1573 года; при чемъ былъ убитъ извѣстный Малюта Скуратовъ. Мы оставимъ Грознаго оплакивать кончину своего любимца, а сами возвратимся къ войску, разбившему Крымцевъ при Молодяхъ.

Послѣ бѣгства Девлетъ-Гирея, всѣ полки стали на прежнія свои мѣста, кромѣ сторожеваго полка, который остался въ Коломнѣ, и лѣвой руки, посланной въ Каширу. Изъ сохранившейся разрядной росписи, отъ 11 апрѣля 1573 года, видно, что въ это время сдѣланы были большія перемѣны въ распредѣленіи воеводъ по полкамъ. Помощникомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго назначенъ былъ бояринъ Михаилъ Яковлевичь Морозовъ, а Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ перемѣщенъ въ правую руку, вторымъ вое-

479 Далинъ. Исторія Шведскаго государства. Ч. III. стр. 45.

водою, на мѣсто брата Ѳедора Васильевича Шереметева, который даже вовсе не упомянутъ въ этой новой росписи. Въ лѣвую руку назначены воеводы князь Андрей Петровичь Хованскій и князь Иванъ Петровичь Охлебининъ; въ передовой полкъ—князь Семенъ Даниловичь Пронскій и князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ; а въ сторожевой полкъ —князь Василій Юрьевичь Голицынъ и князь Василій Андреевичь Сицкій[480]. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ той-же разрядной книгѣ читаемъ: «И царь положилъ опалу на бояръ и воеводъ на князя Михаила Ивановича Воротынскаго, да на князя Никиту Романовича Одоевскаго, да на Михайла Яковлевича Морозова, велѣлъ казнить ихъ смертною казнію. А воеводѣ князь Василью Юрьевичу Голицыну, да боярину князь Василью Андреевичу Сицкому велѣлъ быть къ Москвѣ».

Такое распоряженіе ясно указываетъ, что на береговой линіи при-Окской случилось какое нибудь важное происшествіе, навлекшее опалу на трехъ главнѣйшихъ воеводъ. Въ лѣтописныхъ источникахъ не находимъ разъясненія этого случая. Князь Курбскій го-

[480] Синбирскій сборникъ. стр. 39.

ворить только, что князь Воротынскій былъ обвиненъ, будто бы, въ томъ, что «хотѣлъ счаровати» царя и «добывалъ на него бабъ шепчущихъ»[481]. По удаленіи пяти названныхъ лицъ, оба брата Шереметевы возвращены были на тѣ самыя мѣста, которыя они занимали во время приближенія Татарскихъ полчищъ къ Окѣ. По новой росписи, на мѣсто князя Воротынскаго написанъ князь Семенъ Даниловичь Пронскій, а къ нему въ помощники опять назначенъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ; на мѣсто князя Одоевскаго, въ правую руку, присланъ князь Юрій Константиновичь Курлятевъ-Оболенскій, а къ нему въ помощники, по прежнему, назначенъ Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; въ передовой полкъ, на мѣсто князя Пронскаго, опредѣленъ князь Андрей Петровичь Хованскій, а на мѣсто послѣдняго первымъ воеводою лѣвой руки назначенъ вновь прибывшій изъ Москвы князь Ѳедоръ Михайловичь Троекуровъ[482]. Новая роспись вызвала мѣстническій споръ между воеводами: князь Троекуровъ билъ челомъ на князя Юрья Курлятева, а Хворостининъ съ Охле-

481 Сказанія князя Курбскаго. стр. 100.

482 Синбирскій сборникъ. стр. 39.

бининымъ — на Троекурова. Самый споръ не имѣетъ для насъ значенія. Обратимъ только вниманіе на приписку къ оправдательной грамотѣ, данной князю Ѳедору Михайловичу Троекурову. Въ этой припискѣ сказано: «А та грамота дана ему (Троекурову) по дружбѣ дружачи дьяка Андрея Щелкалова Івану Шереметеву, что онъ князь Ѳедоръ Івану шуринъ»[483]. Такимъ образомъ получаемъ разомъ двѣ біографическія подробности: 1) что Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ былъ друженъ съ знаменитымъ думнымъ дьякомъ Андреемъ Яковлевичемъ Щелкаловымъ, однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, и 2) что жена Ивана Васильевича Шереметева, извѣстная намъ доселѣ только по одному имени (Домна), была родною сестрою князя Ѳедора Михайловича Троекурова, сынъ котораго, князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ, впослѣдствіи былъ женатъ на теткѣ царя Михаила Ѳедоровича, Аннѣ Никитишнѣ Романовой[484].

Девлетъ-Гирей, послѣ пораженія при Молодяхъ, уже не имѣлъ силъ тревожить Мос-

[483] Синбирскій сборникъ. стр. 40.

[484] Россійская родословная книга, составленная княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Т. I. стр. 26. № 11.

ковскія украйны. Къ тому же въ Крыму свирѣпствовалъ сильный голодъ. Но ханъ нашелъ другой способъ вредить намъ. Онъ началъ возбуждать волненія между Черемисами Казанской области и дѣйствительно поднялъ на насъ всю Черемисскую страну и луговую и горную. Вѣсть о возстаніи Черемисъ получена была Грознымъ въ Новгородѣ, и онъ поспѣшилъ отправить къ Шведскому королю новое письмо, но уже далеко не бранное, въ которомъ извѣщалъ, что пріостанавливаетъ военныя дѣйствія и ждетъ пословъ для заключенія мира. Тогда же Грозный принималъ присланнаго отъ пановъ рады посланника Михайла Гарабурду, которому въ заключеніе всего сказалъ: «Мы сами желаемъ быть королемъ Польскимъ, а болѣе—только великимъ княземъ Литовскимъ; въ случаѣ же несогласія рады, пусть изберетъ она Эрнеста, сына императора Максимиліана». Передъ отъѣздомъ изъ Новгорода, царь Иванъ женилъ прибывшаго туда Датскаго принца Магнуса на своей племянницѣ, княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ и 19 апрѣля 1573 года былъ уже въ Москвѣ.

Царь собирался строго наказать Череми-

совъ за нежеланіе жить подъ его государевою рукою. Собрана была большая рать и воеводы распредѣлены по полкамъ по слѣдующей росписи: въ большомъ полку—князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ и Петръ Васильевичь Морозовъ; въ правой рукѣ — князь Василій Юрьевичь Голицынъ и Иванъ Васильевичь Шереметевъ; въ лѣвой рукѣ—князь Андрей Петровичь Хованскій и князь Иванъ Петровичь Охлебининъ; въ передовомъ полку—князь Юрій Константиновичь Курлятевъ и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; наконецъ, въ сторожевомъ полку—князь Борисъ Петровичь Хованскій и князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ. Большой полкъ поставленъ былъ въ Муромѣ, правая рука — въ Нижнемъ[485]. Дѣятельныя приготовленія къ походу имѣли то благодѣтельное послѣдствіе, что предотвратили обоюдное кровопролитіе. «Черемиса послышала царя и великаго князя воеводъ со многими людьми, и государю добили челомъ». Но между воеводами поднялась другая война—мѣстническая. Въ октябрѣ (1573 года), Иванъ Васильевичь Шереметевъ послалъ государю, изъ Мурома, челобитье на

[485] Синбирскій сборникъ. стр. 42.

князя Хованскаго и на князя Юрья Курлятева, того самаго, на котораго передъ тѣмъ билъ челомъ его шуринъ князь Троекуровъ. Челобитье послано не изъ Нижняго, мѣста расположенія полка Ивана Васильевича, а изъ Мурома, можетъ быть потому, что здѣсь, при большомъ полку, находился, по тогдашнему обыкновенію, дьякъ съ разрядомъ для справокъ и разрѣшенія всѣхъ представлявшихся между военачальниками случаевъ и споровъ о мѣстахъ. Къ выгодѣ Шереметева, на этотъ разъ съ разрядомъ былъ его пріятель Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ.

Вотъ дословный текстъ поданнаго Шереметевымъ челобитья: «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи холопъ твой Иванецъ Шереметевъ челомъ бьетъ. Велѣлъ еси, государь, мнѣ быти на своей государеве службѣ въ Казанскомъ походѣ въ правой рукѣ, со княземъ Васильемъ Голицынымъ въ другихъ, а въ передовомъ полку въ первыхъ (воеводахъ) князю Юрью Курлетеву, а въ лѣвой рукѣ велѣлъ еси быти князю Андрею Хованскому въ первыхъ. Милостивый государь царь! покажи милость. Тебѣ государю извѣстно: князь Александръ Кашинъ

былъ менши отца моего Василья, на свадьбѣ у отца твоего, а нашего государя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, а князю Костентину Курлетеву былъ дядя (пятый); а со княземъ Костентиномъ Курлетевымъ равенъ князь Иванъ Лугвица Прозоровской; а братъ меншой князь Ивановъ, князь Ѳедоръ Прозоровской, бывалъ со княземъ Иваномъ Троекуровымъ; а князь Иванъ въ своемъ роду и къ чужому менши князь Михайла Курбскаго. Покажи, государь, милость, вели сыскати своими государевыми разряды: были воеводы на берегу, въ большомъ полку князь Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльской да князь Ѳедоръ Михайловичь Мстиславской, да отецъ нашъ Василей; а въ лѣвой рукѣ князь Ѳедоръ да князь Романъ Одоевскіе да князь Михайло Курбской; да князь Иванъ же, государь, Троекуровъ былъ менши Ивана Ляцкаго, а Иванъ Ляцкой бывалъ не одинова менши отца нашего; а князь Андрей Хованской на твоихъ государевыхъ службахъ князя Юрья Курлетева вездѣ менши живетъ, а меня холопа твоею царскою милостію на твоихъ государевыхъ службахъ нигдѣ болши не бывалъ; а зимою, государь, въ Казанскомъ походѣ я, холопъ

твой, былъ въ передовомъ полку въ первыхъ, а князь Андрей въ лѣвой рукѣ въ первыхъ, а тебѣ государю на меня не билъ челомъ. Милостивый царь государь, покажи милость, пожалуй холопа своего какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ»[486].

Мѣстничество, — это любопытнѣйшее явленіе древней Русской жизни,—представляло въ себѣ цѣлую систему отношеній родовыхъ и служебныхъ, отъ которой утрачены нами даже всѣ преданія. Самый языкъ мѣстническій уже мало вразумителенъ теперь. А между тѣмъ, въ ту далекую старину, къ которой относится только что приведенное челобитье, мѣстническіе счеты обусловливались не только личною честью, но и честью, достоинствомъ всего рода. Какъ скоро разрядъ назначалъ быть вмѣстѣ лицамъ, которымъ по ихъ родовымъ отношеніямъ быть вмѣстѣ не приходилось, чтò на мѣстническомъ языкѣ носило названіе стычки, то немедленно являлось челобитье со стороны того, кто считалъ себя униженнымъ; ибо въ противномъ случаѣ, если онъ замедлялъ челобитьемъ, то этимъ самымъ

486 Синбирскій сборникъ. стр. 42 и 43.—О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 г. Ч. 44. стр. 132 — 135).

отказывался отъ своихъ правъ, уступалъ чужому роду права своего рода, становился измѣнникомъ въ глазахъ послѣдняго. Потерка или бытіе въ разрядахъ одного изъ родичей въ меньшихъ съ такимъ, съ коимъ быть ему было невмѣстно, понижала и всѣхъ остальныхъ родичей. Обыкновенно потерка предполагалась добровольною и о ней даже въ оффиціальныхъ документахъ нерѣдко поминается съ презрѣніемъ, какъ о дѣлѣ противномъ родовой чести. Отсюда понятно, почему наши бояре всегда были на-сторожѣ за себя и за другихъ. Для того, чтобы не поступиться честью своего рода, они необходимо должны были хорошо знать родословныя и всѣ службы не только своего рода, но и чужихъ. Говоря вообще о мѣстничествѣ, нельзя не вспомнить слѣдующаго замѣчанія Валуева: «Мѣстничество завѣщало по себѣ потомству одну память какого-то нелѣпаго и смѣшнаго предразсудка, не дождавшись даже своего Сервантеса. На Западѣ параллельнымъ явленіемъ мѣстничеству было рыцарство; какъ одно было естественнымъ произведеніемъ быта родоваго, такъ второе—дружины; но и Донъ-Кихотъ не могъ оставить рыцарству одну его смѣш-

ную сторону и не заставилъ забыть у потомства его другое, когда-то великое и святое значеніе, но надо помнить для этого, что рыцарство жило въ такихъ народахъ, которые умѣли цѣнить и уважать свое прошедшее»[487].

[487] Считая неумѣстнымъ вдаваться въ новыя изслѣдованія по вопросу о мѣстничествѣ, мы будемъ пользоваться, при случаѣ, фактами, выводами и замѣчаніями по настоящему предмету, заключающимися въ двухъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ: Д. А. Валуева—Введеніе къ Синбирскому сборнику. М. 1845. и С. М. Соловьева—«О мѣстничествѣ», въ Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ на 1847 годъ.

ГЛАВА XXV.

Весьма любопытно, что Грозный не только не преслѣдовалъ мѣстническихъ споровъ (во всякомъ случаѣ вредныхъ для службы), но даже любилъ заниматься ими. По склонности къ историческимъ розысканіямъ и критикѣ вообще, онъ иногда бралъ на себя трудъ разбирать челобитчиковъ и самъ выводилъ ихъ поколѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія многостороннія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ. Доказательствомъ тому можетъ служить грамота его по вышеприведенной челобитной Ивана Васильевича Шереметева. Въ этой грамотѣ, посланной на имя большаго воеводы князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго, занявшаго мѣсто князя Ивана Юрьевича

Голицына, читаемъ слѣдующее: «Писалъ къ намъ бояринъ нашъ и воевода Иванъ Шереметевъ на князь Юрья Курлятева да на князь Андрея Хованскаго, что написанъ князь Юрій Курлятевъ въ передовомъ полку въ первыхъ; а князь Андрей Хованской въ лѣвой рукѣ въ первыхъ; а Иванъ писанъ въ правой рукѣ въ другихъ. И Иванъ сказываетъ, что князь Александръ Кашинъ князю Костентину (Курлятеву) дядя пятой, а сказываетъ, князь Александръ Кашинъ былъ отца его менши Василья, какъ Нагай встрѣчали; и князь Александръ Кашинъ князю Костентину-де (Курлятеву) каковъ будетъ отъ Хованскихъ мнѣ невѣсно, потому что были въ удѣлѣ, а прежъ сего есмя къ вамъ роспись послалъ; и вы бъ по росписи разсудили, какъ воеводамъ быть; а нынче есмя къ вамъ роспись послалъ же, а по Ивана не угадать, какъ ся ему хочетъ, чтобъ промежъ воеводъ въ нашемъ дѣлѣ розни не было. А роспись княжъ Ивановыхъ дѣтей Оболенскаго: князь Никита, а у него сынъ князь Василій; а (у) князь Василья — князь Иванъ Курля первой; а у Курляти другой — князь Костентинъ; а у князя Ивана пятой—князь Володимеръ; а у князя

Володимера первой — князь Иванъ Лыковъ, другой—князь Василій Каша; у князя Василья первой сынъ князь Иванъ Глухой, другой — князь Александръ Кашинъ. Роспись, что̀ прислалъ Иванъ Шереметевъ, что розвели князя Ивана Прозоровскаго: братъ князь Ивановъ меншой былъ со княземъ Иваномъ Троекуровымъ, а князь Иванъ Троекуровъ былъ со княземъ Иваномъ Курбскимъ; а князь Михайло Курбскій былъ въ лѣвой рукѣ третій, отецъ же его былъ въ большомъ полку въ третьихъ. И то смутилъ Овчина, написанъ въ томъ разрядѣ въ правой рукѣ третьихъ князь Семенъ Гундоровъ. Князь Семену Гундорову мощно ли быть больши князя Михаила Курбскаго; а въ сторожевомъ полку былъ Ѳедоръ Булгаковъ въ третьихъ, и Ѳедору мощно быть большимъ князь Михаила Курбскаго; а Одоевскій былъ въ другихъ, князь Романъ въ лѣвой рукѣ, а Иванъ Молодой Хабаровъ въ правой рукѣ въ другихъ; а князь Романовъ отецъ князь Иванъ Семеновичь Сухорукъ на Щеня не глядѣлъ, а Шереметевымъ на Щенятевыхъ мощно ли глядѣть. А по нашему счету, (князь Александръ Кашинъ князю Костентину (Курлятеву) седмой дядя; а по нашему уложенью, пер-

ваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту; а по Иванову счету сказываетъ, что князь Александръ Кашинъ былъ въ другихъ въ большомъ полку на Тулѣ, а князь Иванъ Троекуровъ былъ въ передовомъ полку въ другихъ на Тулѣ жъ. И по Иванову счету, Никита четвертой дядя князь Юрью; а того не вѣдаю, Никита ли болши или Иванъ, а князь Юрья Кашинъ княжъ Ивановъ сынъ Глухово сказывался въ своемъ роду болши князя Василья Серебренаго; а князь Василей Серебреной у насъ на свадбахъ бывалъ во многихъ мѣстехъ таковъ, каковъ Иванъ Болшой Шереметевъ; а Андрей Сабуровъ былъ у наряду менши Курли, а каковъ былъ въ родехъ боярскихъ великъ, а Иванъ и самъ помнитъ, что онъ менши былъ князь Ивана Глухово. А Ивановъ счетъ, что отецъ ево былъ въ третьихъ въ большомъ полку, а князь Михайло Курбскій менши и князь Ивана Троекурова; а князь Иванъ менши былъ князя Өедора Прозоровскаго; а князя Ивана розвели со княземъ Костентиномъ Курлятевымъ: ино Василей таковъ, что князь Иванъ съ Троекуровымъ, а князя Өедора Прозоровскаго и князя Костентина менши»[488].

[488] Синбирскій сборникъ. стр. 43 и 44.

Къ нашему удовольствію, дѣломъ Шереметева пристально занялся такой знатокъ мѣстничества какимъ былъ Валуевъ. Намъ остается только воспользоваться его выводами и указаніями; но для большей ясности мы прилагаемъ родословную таблицу, составленную по Бархатной книгѣ[489]. Выведенныя въ грамотѣ Грознаго поколѣнныя росписи совершенно согласны съ напечатанными въ той книгѣ росписями и это еще разъ подтверждаетъ достовѣрность нашихъ родословныхъ вообще.

Въ своей челобитной Шереметевъ прежде всего выставляетъ слѣдующій доводъ: «князь Александръ Кашинъ былъ менши отца моего Василья.... а князю Костентину Курлятеву былъ дядя (пятый)».

На это царь Иванъ, въ грамотѣ своей, отвѣчаетъ: «Иванъ Шереметевъ сказываетъ, что князь Александръ Кашинъ князю Костентину Курлятеву (отцу Юрья) дядя пятый.... А по нашему счету, князь Александръ Кашинъ князю Костентину Курлятеву семой дядя; а по нашему уложенью, перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту». Если сли-

[489] Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, извѣстная подъ названіемъ Бархатной книги. М. 1787. Ч. I. стр. 212. 213 и 227.

Князь Иванъ Константиновичь Оболенскій

Князь Никита Оболенскій	Князь Василій Оболенскій	Князь Михайло Оболенскій	Князь Семенъ Оболенскій	Князь Владиміръ Оболенскій

Князь Василій Оболенскій	Князь Андрей Ноготь-Оболенскій	Князь Иванъ Смола-Оболенскій	Князь Петръ Оболенскій	Князь Данило Собака-Оболенскій	Князь Иванъ Лыковъ-Оболенскій	Князь Василій Каша-Оболенскій

Князь Иванъ Курля-Оболенскій	Князь Михайло Оболенскій	Князь Никита Хромой-Оболенскій

Князь Иванъ Глухой-Оболенскій	Князь Александръ Кашинъ-Оболенскій	Князь Иванъ Скокъ-Оболенскій	Князь Иванъ Меньшой Оболенскій

Князь Михайло Курлятевъ-Оболенскій	Князь Константинъ Курлятевъ-Оболенскій	Князь Дмитрій Курлятевъ-Оболенскій

Князь Владиміръ Курлятевъ-Оболенскій	Князь Юрій Курлятевъ-Оболенскій	Князь Василій Курлятевъ-Оболенскій	Князь Иванъ Курлятевъ-Оболенскій

Къ стр. 404.

чить выведенную Грознымъ поколѣнную роспись потомковъ князя Ивана Константиновича Оболенскаго съ приведенною таблицею, то окажется, что князь Александръ Кашинъ дѣйствительно приходился князю Константину Курлятеву не пятымъ, а седьмымъ дядей. Курлятевъ происходилъ отъ перваго сына князя Ивана Константиновича Оболенскаго, а отецъ его и дѣдъ были также первые сыновья; Кашинъ происходилъ отъ пятаго сына князя Ивана Константиновича Оболенскаго, но отецъ его былъ второй сынъ и самъ онъ былъ тоже второй и потому еще двумя мѣстами ниже, слѣдовательно седьмой: ибо пятымъ дядей Константину Курлятеву могъ быть только старшій сынъ старшаго брата отца Кашина, т. е. князя Ивана Лыкова, а шестымъ—былъ старшій братъ Кашина—князь Иванъ Глухой. Родство это, конечно, было условное. По мѣстническому счету, братьями назывались всѣ находившіеся въ одной степени отъ общаго родоначальника, племянниками—которые степенью ниже ихъ и т. д. какъ бы далеко ни разошлись между собою линіи. И такъ Шереметевъ ошибся въ своемъ доводѣ на два мѣста, и конечно потому, что упу-

стилъ изъ виду, что Кашинъ былъ второй сынъ, точно также какъ и отецъ его. Легко себѣ представить всю путаницу мѣстническихъ дѣлъ, если сами тяжущіеся дѣлали такіе промахи. Сверхъ того, въ ссылкѣ Шереметева на Кашина отражается неустановившееся представленіе объ отношеніяхъ дядей къ племянникамъ. Одни считали всѣхъ дядей безъ исключенія старшими надъ всѣми племянниками; другіе же, утверждаясь на древнѣйшемъ понятіи о семьѣ, какъ объ единицѣ и трехъ, т. е. отцѣ и трехъ сыновьяхъ,—4-го брата и слѣдующихъ за нимъ, равняли въ старшинствѣ съ первымъ племянникомъ[490]. Послѣднее представленіе положено было въ основаніе и уложенія, почему Грозный и отвѣчаетъ Шереметеву: «а по нашему уложенью, перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту».

Другой доводъ въ челобитьѣ Шереметева слѣдующій: «а со княземъ Костентиномъ Курлятевымъ равенъ князь Иванъ Лугвица-Прозоровской, а братъ меньшой князь Ивановъ,

[490] Соловьевъ указываетъ, что на этомъ счетѣ крестьяне и доселѣ основываютъ во многихъ мѣстахъ раскладу податей между собою, дѣлежъ земли и проч. Каждый лишній 4-й сынъ причитывается къ другой семьѣ (Московскій сборникъ на 1847 г. стр. 303).

князь Өедоръ Прозоровской, бывалъ со княземъ Иваномъ Троекуровымъ; а князь Иванъ въ своемъ роду менши къ чужему князь Михайла Курбскаго»[491]. Михайло же Курбскій, по дальнѣйшему объясненію челобитчика, былъ въ лѣвой рукѣ въ третьихъ воеводахъ въ то время, какъ отецъ его, Василій Андреевичь Шереметевъ, былъ въ большомъ полку въ третьихъ. Другими словами: князю Константину Курлятеву равенъ князь Иванъ Прозоровскій; меньшой же слѣдующій братъ Прозоровскаго, князь Өедоръ, по тому самому меньше однимъ мѣстомъ Курлятева, но былъ съ Троекуровымъ, и слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, однимъ мѣстомъ его меньше, и слѣдовательно, Троекуровъ, по крайней мѣрѣ, равенъ какъ Ивану Прозоровскому, такъ и Константину Курлятеву; Троекуровъ же меньше Курбскаго, а Курбскій меньше отца Шереметева, и слѣдовательно, князь Константинъ Курлятевъ (отецъ князя Юрья) меньше отца челобитчикова Василья Андреевича Шереметева.

Но Грозный отвѣтилъ въ грамотѣ, что приведенный Шереметевымъ разрядъ смутилъ

[491] Отца извѣстнаго обличителя Грознаго.

Овчина, и потомъ на концѣ доказываетъ, что напротивъ того, отецъ челобитчика, Василій Андреевичь Шереметевъ, меньше князя Константина Ивановича Курлятева.

Челобитье Шереметева осталось неразрѣшеннымъ. Это мы узнаемъ изъ другого древнѣйшаго списка означеннаго мѣстническаго дѣла. Тамъ сказано: «И какъ воеводы ко государю пришли къ Москвѣ, и онъ государь велѣлъ Ивана Шереметева со княземъ Юрьемъ Курлятевымъ и со княземъ Андреемъ Хованскимъ судить въ ихъ отечествѣ бояромъ. И судя ихъ, свершенья дѣлу ихъ не учинили»[492].

Суду боярскому, конечно, помѣшали приготовленія къ новой войнѣ съ Крымцами. Отъ 13 апрѣля 1574 года, Оршанскій староста Филонъ Кмита Чернобыльскій доносилъ панамъ рады, что «князь великій Московскій есть у великой небезпечности отъ Татаръ, и весь людъ свой со всихъ украинъ и со всихъ городовъ обернулъ противъ Татаръ на берегъ».... Далѣе Кмита объясняетъ: «А къ тому и отъ шпеговъ своихъ вѣмъ, ижъ князь великій вси скарбы свои съ Александровы слободы до

[492] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки. 1830 г. Ч. 44. стр. 133).

Новгорода Великаго выпроводилъ, и тамъ-деи ся и съ сынми своими оборочаетъ; бо-деи индѣ нигдѣ мѣстца безпечного отъ непріятеля не маетъ»[493]. Какъ бы то ни было, но Шереметевъ не былъ удовлетворенъ въ своемъ искѣ. И вотъ, весною 1574 года, среди приготовленій къ встрѣчѣ Татаръ, Θедоръ Васильевичь Шереметевъ, будучи назначенъ въ сторожевой полкъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Курлятевымъ (меньшимъ братомъ князя Юрья), писалъ государю изъ Коломны, чтобы его «пожаловалъ, велѣлъ счетъ дать со княземъ Иваномъ Курлятевымъ». Θедору Шереметеву отвѣчено, чтобъ «былъ на службѣ безъ мѣстъ, а какъ служба минетца, и государь счетъ дастъ»[494].

Въ то время, какъ Θедоръ Васильевичь Шереметевъ съ сторожевымъ полкомъ стоялъ въ Коломнѣ, братъ его Иванъ Васильевичь былъ опять въ Серпуховѣ вторымъ воеводою большаго полка, предводительствуемаго княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Голицынымъ. Тогда же въ правую руку написаны были: князь Василій Юрьевичь Голицынъ и князь Петръ

[493] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III. стр. 169.

[494] Синбирскій сборникъ. стр. 47.

Ивановичь Татевъ; но послѣдній «списковъ не взялъ, для Ивана Шереметева»[495].

При такомъ разладѣ воеводъ, трудно было ожидать успѣха въ борьбѣ съ Девлетъ-Гиреемъ. Къ счастію, враждебныя дѣйствія Крымцевъ ограничились на этотъ разъ лишь нѣсколькими случаями грабежа въ южныхъ степяхъ.

Какъ ни тревожна была мысль о Крымскомъ ханѣ, но вниманіе Грознаго было главнымъ образомъ сосредоточено тогда на событіяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ. Въ началѣ 1573 года, тамъ открылся избирательный сеймъ, длившійся около года, и къ крайнему неудовольствію царя Ивана, на Польскій престолъ былъ избранъ братъ Французскаго короля Карла IX-го, Генрихъ Валуа, который въ началѣ 1574 года и короновался въ Краковѣ. Но мѣсяца три спустя, Польша опять осталась безъ короля. 30 мая 1574 года, умеръ Карлъ IX, и вновь избранный король Польскій, въ ночь на 18 іюля, бѣжалъ изъ Кракова въ Парижъ и, по праву наслѣдства, сѣлъ на престолъ Франціи. О бѣгствѣ Генриха находимъ слѣдующую своеобразную запись въ

[495] Синбирскій сборникъ. стр. 46.

старинной лѣтописи, писанной въ Галиціи, Русскимъ уроженцемъ: «Французъ — король утикъ»[496]. Другой современникъ, извѣстный читателю Кмита, восклицаетъ: «Дивны суть судьбы Божіи! мы отъ воротъ: а онъ дырою вонъ. Не слыхано отъ вѣку, штобы помазанцу Божьему тымъ способомъ отъ подданныхъ своихъ уѣхати»[497].

Отъ кратковременнаго царствованія Генриха Валуа сохранилось нѣсколько любопытныхъ отписокъ къ нему о Московскихъ дѣлахъ того же самаго Кмиты. Изъ этихъ отписокъ съ «новинами годными» узнаемъ, между прочимъ, что къ Ильину дню 1574 года, у насъ опять ожидали набѣга Девлетъ-Гирея на Москву. Такъ, отъ 1 іюня того года, Кмита доносилъ королю Генриху: «Вашей милости господарю моему милостивому вѣдать даю о справѣ непріятеля вашей милости господарскаго великаго князя Московскаго, чого есми ся черезъ шпеги мои вывѣдалъ: ижъ-деи на сесь часъ самъ особою своею и съ обоима сынми своими есть въ Олександровой слобо-

[496] Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1838 г., апрѣль. № 4.

[497] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III. стр. 174.

дѣ, а на запусты Петровы, то есть на день Троицы Римскаго свята, маетъ быти въ Серпуховѣ, межи Колуги и Коломны, напротивку Татаръ, которыхъ ся запевнѣ сподѣваетъ до Москвы къ святому Ильи. Татаръ, повѣдаютъ, войска великіе, межи которыми три царевичи; а стоятъ уже въ земли его, въ поляхъ пустыхъ, на урочищахъ въ Лужахъ Овечьихъ[498]; ино противъ нихъ сготовалъ-деи войска свои немалые и положилъ около рѣки Оки, при которыхъ и гуляй-городовъ набудовалъ-деи немало. И въ первомъ-деи полку стояти маютъ Мстиславскій и Петръ Морозовъ, а въ другомъ полку Иванъ Шереметевъ да князь Иванъ Шуйскій, а самъ-деи у войску посилковомъ быти маетъ»[499]. Показанія эти согласуются и съ записью въ нашей разрядной книгѣ, въ которой подъ 1574 годомъ читаемъ: «Мая въ « » день послалъ царь и великій князь бояръ своихъ и воеводъ на берегъ, для приходу Крымскаго царя; и тогда были воеводы по полкомъ»:

Въ большомъ полку, стоявшемъ въ Сер-

[498] Рѣка Овечьи Воды — въ нынѣшней Екатеринославской губерніи.

[499] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III. стр. 170.

пуховѣ,—князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и Петръ Васильевичь Морозовъ.

Въ правой рукѣ, стоявшей въ городѣ Мышегѣ (Тарусскаго уѣзда)—князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ и Никита Романовичь Юрьевъ.

Въ передовомъ полку, стоявшемъ въ Калугѣ,—князь Семенъ Даниловичь Пронскій и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ.

Въ сторожевомъ полку, стоявшемъ въ Коломнѣ, князь Григорій Андреевичь Куракинъ и князь Петръ Ивановичь Татевъ.

Въ лѣвой рукѣ, стоявшей въ Каширѣ,—князь Василій Юрьевичь Голицынъ и князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ.

Съ разрядомъ при большомъ полку былъ дьякъ Василій Яковлевичь Щелкаловъ.

По объявленіи воеводамъ выписаннаго разряда послѣдовалъ цѣлый рядъ челобитій о мѣстахъ. Началъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ, ударивъ челомъ, что ему въ передовомъ полку другимъ быть невмѣстно, потому что Никита Романовичь Юрьевъ назначенъ въ правую руку другимъ же. Никита Романовичь, въ свою очередь, билъ челомъ на Петра Васильевича Морозова, кото-

рый назначенъ въ большой полкъ другимъ, а онъ въ правую руку другимъ. А князь Петръ Ивановичь Татевъ билъ челомъ на всѣхъ трехъ — на Шереметева, Юрьева и на Морозова, что ему за ними въ сторожевомъ полку въ другихъ быть невмѣстно. Такимъ образомъ, одно неправильное назначеніе высшаго начальника разстроивало всю служебную лѣствицу и заставляло всѣхъ находившихся въ росписи воеводъ бить другъ на друга челомъ, такъ какъ никто уже не находился на должномъ мѣстѣ. Грозный отозвалъ Никиту Романовича Юрьева въ Москву «для осаднаго времени», а на его мѣсто, въ правую руку другимъ воеводою, назначилъ Бориса Васильевича Шеина. Но Шереметевъ находилъ, что ему и съ нимъ быть невмѣстно и просилъ государя, чтобы онъ пожаловалъ, велѣлъ дать ему счетъ съ Борисомъ Шеинымъ. Послѣдній же билъ челомъ разомъ на четырехъ лицъ: на князя Пронскаго, князя Куракина, князя Василія Юрьевича Голицына и на Петра Морозова. Царь Иванъ съ боярами приговорилъ, чтобы «для береговаго дѣла и земскаго» всѣ воеводы были безъ мѣстъ; а какъ служба минется, и онъ велитъ тогда и счетъ дать чело-

битчикамъ[500]. Въ вышеприведенной разрядной росписи не упомянутъ Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ. Онъ находился въ то время первымъ воеводою въ городѣ Данковѣ, потомъ переведенъ въ Тулу, а на его мѣсто посланъ князь Михайло Тюфякинъ, которому велѣно быть въ сходѣ съ Шереметевымъ. Но князь Тюфякинъ писалъ къ государю, что ему съ Ѳедоромъ Шереметевымъ быть невмѣстно. Грозный отвѣтилъ князю Тюфякину, что «онъ пишетъ напрасно, что ему съ Ѳедоромъ Шереметевымъ быть невмѣстно: пригоже ему съ Шереметевымъ быть... А не будетъ князь Тюфякинъ въ сходѣ съ Ѳедоромъ Шереметевымъ, и ему быти въ великой опалѣ»[501].

500 Синбирскій сборникъ. стр. 50 и 51.—Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 293 — 297.

501 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 297.

ГЛАВА XXVI.

Въ началѣ іюня, Грозный ѣздилъ въ Серпуховъ осматривать собранныя противъ Крымцевъ войска. Оршанскій староста Кмита нашелъ случай узнать и объ этомъ. Въ то время проѣзжалъ черезъ Оршу владыка Молдавскій Исаія, ѣздившій въ Москву для милостынной дачи. 18-го іюня, Кмита принималъ Исаію въ своемъ имѣніи Смолнянахъ, и въ тотъ же день донесъ панамъ рады, что владыка сказывалъ ему, «ижъ-деи князь великій Московскій по отправѣ его зъ Москвы, самъ тягнулъ зъ войски своими до Серпухова, и виделъ-деи войска Нѣмецкаго пятнадцать тысячъ збройнаго люду, которыхъ напередъ зъ дѣлы до войскъ переднихъ на Оку рѣку выслалъ; зъ ними дѣлъ двѣстѣ и шестдесятъ

проважоно; за тымъ тридцать тысячъ стрѣльцовъ, межъ которыми самъ (царь) зъ дворомъ своимъ ѣхалъ». Кмита спросилъ: Много бы того войска всего было? На это Исаія отвѣтилъ, «иже-деи ему того яко чужоземцу трудно вѣдать, але-деи повѣдаютъ нѣкоторыи, штожъ люду того идетъ шестдесятъ тысячъ, окромъ черни»[502]. Черезъ два дня (20 іюня) Кмита опять писалъ къ панамъ рады, что «вѣсть о непрезпечности князя великаго Московскаго ни въ чемъ ся не отмѣняетъ, але-деи и овшемъ у великой тревогѣ и страху есть и вся земля его: бо, повѣдаютъ, войска великіе Татарскіе собраны, и вже-деи на сторожѣ урвали ему людей немало»[503].

Но страхъ и тревога миновались скорѣе чѣмъ можно было бы думать, судя по грознымъ приготовленіямъ съ обѣихъ сторонъ. Девлетъ-Гирей на долго принужденъ былъ отказаться отъ мысли снова попробовать счастья на берегахъ Оки. Этимъ мы, кажется, обязаны войнѣ Турокъ съ Персами, въ которой и ханъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе.

502 Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III. стр. 172.

503 Тамъ-же. стр. 173.

1 сентября 1574 года, войска, стоявшія на берегу, были распущены по домамъ до Покрова дня, когда имъ приказано было опять собраться для похода «противку Нѣмцомъ»[504].

Царь Иванъ, пользуясь тѣмъ, что Польша и Швеція заняты были внутренними дѣлами, первая выборомъ новаго короля, а вторая, вопросомъ церковнымъ,—двинулъ войска въ Ливонію, въ надеждѣ осуществить свою завѣтную мысль образовать изъ этой страны вассальное королевство. Судя по разряднымъ записямъ, Шереметевы не участвовали въ этомъ новомъ Ливонскомъ походѣ. Ѳедоръ Васильевичь оставался въ Тулѣ очень долго, именно до 30 сентября 1576 года, когда на его мѣсто посланъ былъ князь Данило Андреевичь Ногтевъ[505]. О Иванѣ же Васильевичѣ можемъ сказать только со словъ Спиридова, что онъ былъ вторымъ воеводою большаго полка, въ 1575 году—въ Серпуховѣ, а въ 1576 году—въ Калугѣ[506].

Польское безкоролевье окончилось лишь

[504] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III. стр. 176.

[505] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 306.

[506] Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 127.

въ началѣ 1576 года. На престолъ былъ избранъ воевода Седмиградскій Стефанъ Баторій, который 18 апрѣля 1576 года имѣлъ торжественный въѣздъ въ Краковъ, гдѣ 1 мая совершенъ былъ обрядъ коронованія.

27 октября явились въ Москву посланцы новаго короля, дворяне Юрій Груденскій и Левъ Буховецкій, съ предложеніемъ Грозному не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ. Бояре, назначенные быть въ отвѣтѣ, прежде всего спросили посланцевъ о родѣ и происхожденіи Стефана Баторія. Но тѣ гордо объявили, что они присланы къ Московскому царю отъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, а потому не признаютъ нужнымъ давать объясненія на счетъ рода Баторія. «Ино вамъ и очей государскихъ не видѣти», сказали бояре и вышли изъ палаты[507]. Вмѣстѣ съ королевскими посланцами къ царю Ивану, былъ присланъ отъ пановъ рады особый гонецъ, Иванъ Гоголь, къ Московскимъ боярамъ. Пріемъ Гоголя происходилъ у старѣйшаго боярина князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Въ этомъ пріемѣ участвовали оба брата Шереметевы;

[507] Сборникъ князя Оболенскаго. № 6. стр. 5.

а потому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности.

Къ назначенному часу для пріема гонца Гоголя у князя Мстиславскаго собрались бояре: князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ, князь Семенъ Даниловичь Пронскій, Петръ Васильевичь Морозовъ и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. Всѣ они сѣли рядомъ на лавкѣ, по правую сторону князя Мстиславскаго; отъ нихъ, мѣста три пропустя, сѣли дворяне. По лѣвую сторону отъ Мстиславскаго сидѣли на лавкѣ рядомъ: Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ и оба дьяка Щелкаловы, а отъ нихъ, мѣста два пропустя,—дворяне же. Всѣ присутствовавшіе были одѣты въ золотное платье. Гонецъ Литовскій, подъѣхавъ ко двору Мстиславскаго, слѣзъ съ коня и пошелъ пѣшъ. Войдя къ боярамъ, онъ началъ править поклонъ отъ пановъ рады. Послѣ чего Мстиславскій молвилъ: «братья наши арцыбискупы и бискупы и панове рада здоровы ли»? Послѣ обмѣна привѣтствій, бояре приняли отъ гонца грамоту и, не распечатывая ее, понесли къ государю. Въ тотъ же день Гоголь обѣдалъ у князя Мстиславскаго. За столомъ были тѣ-же лица и сидѣли на скамь-

яхъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и во время пріема. Только платье было попроще: всѣ были одѣты въ нагольныя шубы. Блюда предъ всѣми были «особныя». Гонецъ сидѣлъ отдѣльно въ кривомъ столѣ «въ приставкѣ». Послѣ стола самъ князь Мстиславскій поднесъ ему ковшъ меду[508].

4-го ноября, въ воскресенье, дана была, наконецъ, посланцамъ Баторія торжественная аудіенція, отличавшаяся большимъ великолѣпіемъ. Грозный сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и въ полномъ царскомъ одѣяніи. Рядомъ съ нимъ былъ старшій царевичь Иванъ Ивановичь. Бояре въ золотномъ платьѣ сидѣли въ палатѣ на скамьяхъ, дворяне и дьяки — въ сѣняхъ, дѣти боярскіе стояли на крыльцѣ и на всѣхъ переходахъ до набережной палаты. Вся площадь занята была стрѣльцами съ пищалями. При входѣ посланцевъ въ палату, ихъ объявлялъ царю Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, громко провозгласивъ: «Посланники короля Польскаго и великаго князя Литовскаго Юрій Груденскій и Левъ

508 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 449 (Изъ Польскихъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Буховецкій тобѣ великому государю челомъ бьютъ»[509]. Грозный, не хотѣвшій равнять себя съ Седмиградскимъ княземъ, вопреки обыкновенію, не привсталъ съ мѣста и, спрашивая о здоровьи короля Баторія, не назвалъ его своимъ братомъ. Левъ Буховецкій, въ своемъ посольскомъ донесеніи говоритъ, что при этомъ царь «самъ закликалъ ихъ вытягнувши руку по два кротъ: Юрій, Левъ, къ рукѣ»[510]! Началось чтеніе грамоты Баторіевой, съ первыхъ же словъ разсердившей Грознаго. Въ грамотѣ не было прописано титула царскаго, не включено титуловъ князя Смоленскаго и Полоцкаго, и кромѣ того, Баторій, будучи еще такъ недавно воеводою Седмиградскимъ, подданнымъ короля Венгерскаго, дерзнулъ именовать себя братомъ царя Московскаго. Бояре именемъ государя отвѣтили посланцамъ, что король Стефанъ явно идетъ на кровопролитіе. «Мы удивились,— говорили они,— что государь вашъ не называетъ нашего государя царемъ и великимъ княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, и отчину нашего государя, землю Лифляндскую, написалъ въ своемъ ти-

[509] Сборникъ князя Оболенскаго. № 5. стр. 5.

[510] Тамъ-же.

тулѣ. Государь вашъ учинился на королевствѣ Польскомъ съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, которое подданное было Венгерскому государству и слѣдовательно не выше князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ. А нашего государя всѣ его братья, великіе государи, главные на своихъ королевствахъ, описуютъ въ титулѣ полнымъ именованіемъ царскимъ. Такъ вамъ бы, паны, пригоже было совѣтовать Стефану королю, чтобъ впередъ такихъ дѣлъ не начиналъ, которыя ко многому разлитію христіанской крови приводятъ»[511]. Послѣ того, посланцы были еще два раза у государя, 8 и 13 ноября, и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ объявлялъ ихъ тѣми-же самыми словами, что и въ первый разъ[512]. На отпускной аудіенціи посланцамъ сказано было, что если король желаетъ братства съ Московскимъ государемъ, то долженъ не вступаться въ Ливонію и писать его царемъ, великимъ княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ.

511 Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. М. 1843. Ч. II. стр. 10.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 356.—Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 249.

512 Сборникъ князя Оболенскаго. № 6. стр. 7 и 8.

Какъ бы во свидѣтельство миролюбиваго настроенія Московскаго правительства, Груденскому вручена была опасная грамота на великихъ пословъ Баторія, о чемъ сказано и въ отвѣтной грамотѣ думныхъ бояръ къ панамъ рады, врученной гонцу Ивану Гоголю. Эта грамота написана отъ лица трехъ бояръ, титулованныхъ, по посольскому обычаю, намѣстниками разныхъ городовъ, а именно: отъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго—намѣстника Новгородскаго, князя Семена Даниловича Пронскаго—намѣстника Нижегородскаго и Ивана Васильевича Шереметева—намѣстника Коломенскаго[513].

Не смотря на выдачу опасной грамоты, Грозный, тотчасъ-же по отъѣздѣ Литовскихъ посланцевъ, поднялъ большое войско для похода въ Нѣмецкую землю. Онъ рѣшился во что бы то ни стало покончить съ Ливоніей, прежде чѣмъ Баторій успѣетъ возстановить порядокъ у себя дома, такъ какъ, напримѣръ, Данцигъ открыто взбунтовался, отказываясь признать его королемъ.

Роспись воеводамъ по полкамъ была го-

[513] Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. Ч. II. № 6.

това еще въ октябрѣ. Въ большой полкъ были написаны: князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій и Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ; въ правую руку — князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ и Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ; въ передовой полкъ—князь Василій Юрьевичь Голицынъ и князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ; въ сторожевой полкъ—князь Григорій Андреевичь Куракинъ и князь Михаилъ Юрьевичь Лыковъ-Оболенскій; въ лѣвую руку — князь Андрей Петровичь Хованскій и князь Андрей Дмитріевичь Палецкій; къ наряду—князь Никита Борисовичь Пріимковъ-Ростовскій и Дмитрій Ивановичь Вельяминовъ[514]. Всему войску, состоявшему изъ 50.000 человѣкъ, приказано было собраться за недѣлю до Рождества Христова въ Новгородѣ[515], а оттуда идти прямо на Ревель, называвшійся у насъ въ то время Колыванью. Это было единственное укрѣпленное мѣсто въ Эстоніи, остававшееся незанятымъ Русскими войсками.

Шведы положили много труда и денегъ на укрѣпленіе Ревеля, особенно его южной сто-

[514] Синбирскій сборникъ. стр. 57.

[515] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 319.

роны, наиболѣе подверженной опасности отъ нападенія Русскихъ. Крѣпкія стѣны и башни, окружавшія Вышгородскую гору еще съ XIII вѣка, со временъ владычества Датчанъ, сильно пострадали отъ двухъ опустошительныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1433 и 1532 годахъ. Шведы воздвигли около старой городской стѣны сильную крѣпость въ видѣ продолговатаго, неправильнаго девятиугольника, всѣ части котораго расположены были параллельно съ древнею городскою оградою и имѣли различныя очертанія[516]. Нелегко было овладѣть такою твердынею. Въ этомъ мы убѣдились еще при первой осадѣ Ревеля, въ 1570 году. Но Грозный не имѣлъ обыкновенія соображаться съ трудностями дѣла. Городъ Ревель былъ ему нуженъ для окончательнаго покоренія Эстоніи, и онъ приказалъ взять его. Современный Ливонскій лѣтописецъ Рюссовъ повѣствуетъ, что Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, прощаясь съ царемъ Иваномъ, поклялся, что добудетъ Ревель, или не вернется живымъ предъ его свѣтлыя очи[517].

516 Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи, изданное департаментомъ генеральнаго штаба. Т. VIII. Ч. 3 (Эстляндская губернія). Спб. 1852. стр. 318. 352—354.

517 Balthasar Rüssow. Livländische Chronik. Reval. 1845 г.

На святкахъ, въ жестокую стужу, всѣ полки выступили изъ Новгорода. Необычайныя снѣжныя бури заметали путь Московскаго войска, медленно подвигавшагося впередъ съ многочисленною по тому времени артиллеріею (нарядомъ), крайне затруднявшею движеніе. При войскѣ слѣдовали: 29 пушекъ, 4 каменоброcца, метавшіе каменныя ядра въ 225 фунтовъ и 13 можжиръ или мортиръ. Кромѣ того, везли 2000 пудовъ пороху и весьма значительное количество снарядовъ: для каждой пушки припасено было по 700 снарядовъ, для двухъ большихъ мортиръ и четырехъ каменоброcцевъ — по 2000 каменныхъ ядеръ, для меньшихъ мортиръ — по 1500 и, наконецъ, 2500 брандскугелей[518]. Какъ ни значительны

стр. 227. Рюссовъ никакъ не могъ справиться съ фамиліями нашихъ бояръ. Курлятевъ у него названъ «Schorletow». Шереметевъ же перeиначенъ до невозможности; только по имени и отчеству можно узнать—о комъ идетъ рѣчь. Рюссовъ называетъ его такъ: «Iwan Wasiliewitz Selimetin (въ другомъ мѣстѣ Salimetin) Kolzow». Что означаетъ эта прибавка—Кольцовъ, отгадать трудно.

Объ обѣщаніи, данномъ царю Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ взять Ревель, говорится и въ другомъ современномъ же сочиненіи, озаглавленномъ такъ: «Moscouittische Tyranney. Eigentliche warhaffte beschreibung vnd bericht, der Handelstatt Reuel in Liffland, wie dieselbige von dem Moscouittischen Tyrannen, Tag vnd Nacht beschwert. Nürnberg. 1578». Въ этомъ сочиненіи Шереметевъ названъ нѣсколько иначе противъ Рюссова: «Kness Iwaan Wasilibitz Salamatin Köelholtz» (стр. 7).

518 Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи, изданное

были наши артиллерійскія средства, но Ревель имѣлъ ихъ въ пять разъ больше: въ одной крѣпости было болѣе 200 орудій большаго калибра; но кромѣ того, оставалось много орудій въ запасѣ, на всякій случай.

Еще осенью Шведскій комендантъ Ревеля Генрихъ Клауссенъ и жители узнали о приготовленіяхъ Грознаго къ осадѣ ихъ города. Рѣшено было защищаться до послѣдней крайности. Страшные осенніе вѣтры и неслыханныя зимнія мятели приводили въ ужасъ Ревельцевъ. Балтійское море покрылось остатками разбитыхъ кораблей, посланныхъ изъ Швеціи съ провіантомъ, порохомъ и снарядами. Отправленные для усиленія Ревельскаго гарнизона 2000 Финляндцевъ и стрѣлки, набранные въ Любекѣ, никакъ не могли высадиться на Эстляндскій берегъ, по случаю сильныхъ бурь. Данцигъ, обѣщавшій помощь людьми и деньгами, былъ занятъ войною съ новымъ Польскимъ королемъ Баторіемъ. Такимъ образомъ Ревельцы предоставлены были своимъ собственнымъ силамъ. Крайне медленное движеніе нашего войска дало возмож-

департаментомъ генеральнаго штаба. Спб. 1852. Т. VII. Ч. 3 (Приложенія. стр. 56).

ность магистрату города Ревеля запастись въ самой Эстляндіи всѣмъ нужнымъ для упорной обороны.

22 января 1577 года, Русское войско подошло, наконецъ, къ Ревелю и расположилось передъ нимъ, съ восточной и юго-восточной сторонъ, пятью лагерями: изъ нихъ два вытянулись отъ Лааксберга до Ервекюльскаго или верхняго озера; третій лагерь сталъ близъ сѣверной оконечности этого озера, на песчаныхъ горахъ; четвертый лагерь, состоявшій исключительно изъ Татаръ, бывшихъ при войскѣ, обложилъ весь берегъ озера; а пятый стрѣлецкій лагерь сталъ противъ Вышгорода на горѣ, называемой нынѣ Рижскою. Влѣво отъ лагерей, у Шварценбека, до дороги въ Гапсаль, расположилась конница, охранявшая, вмѣстѣ съ стрѣльцами, осадную артиллерію, главная часть которой стала съ этой стороны[519]. Однимъ уже обложеніемъ Ервекюльскаго озера и уничтоженіемъ водопровода, наши нанесли существенный вредъ городу, отнявъ у него воду для питья; но Ревельцы замѣнили водопроводъ колодцами.

519 Всѣ эти подробности взяты изъ «Военно-статистическаго обозрѣнія» Эстляндской губерніи. Спб. 1852. Приложенія. стр. 55—58.

Первое время въ нашихъ лагеряхъ неутомимо занимались изготовленіемъ большихъ туровъ, шанцовыми работами и строеніемъ блокгаузовъ, въ-особенности противъ Вышгорода и съ южной стороны на Рижской горѣ. Замѣчательно, что даже въ это горячее время, можно сказать, наканунѣ весьма вѣроятной смерти, наши бояре не могли оставить своихъ мѣстническихъ споровъ. Князь Михаилъ Юрьевичь Лыковъ-Оболенскій изъ-подъ Колывани писалъ къ государю, что ему велѣно быти въ сторожевомъ полку въ другихъ, а Ивану Васильевичу Шереметеву—въ большомъ полку въ другихъ, и что ему для Ивана Шереметева списковъ взять нельзя[520]. А князь Андрей Дмитріевичь Палецкій билъ челомъ въ отечествѣ на Ѳедора Васильевича Шереметева, на князя Дмитрія Ивановича Хворостинина и на князя Михаила Юрьевича Лыкова, что ему быть съ ними невмѣстно. Государь, по разборѣ этого послѣдняго спора, велѣлъ «князя Андрея Палецкаго обвинить всѣмъ тремъ, а по счету и разрядамъ велѣлъ Ѳедора Шереметева учинити ровна

520 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 323 и 324.

князю Палецкому»[521]. Князю же Лыкову Грозный приказалъ взять списки и дѣломъ государевымъ промышлять; а какъ служба минется, а будетъ ему до Ивана Шереметева дѣло, и ему государь дастъ счетъ.

Въ то время, какъ Московскіе воеводы спорили о мѣстахъ, взводъ Шведскихъ солдатъ рѣшился на отчаянную вылазку въ наши окопы и блокгаузы. Это было 28 января, то-есть въ шестой день осады. Вылазка эта принесла ту выгоду непріятелю, что онъ успѣлъ захватить въ плѣнъ одного раненаго воеводу (кого именно—неизвѣстно), отъ котораго выпытали весьма важныя свѣдѣнія о нашихъ силахъ и расположеніи лагерей. Отъ плѣннаго воеводы Ревельцы впервые узнали, что при войскѣ нѣтъ самого царя, но что помощникомъ главнокомандующаго князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, человѣка еще молодаго, состоитъ бояринъ Шереметевъ, «наилучшій воинъ Московскаго войска», давшій царю слово не возвращаться живымъ, не взявши Ревеля. Другой плѣнный Татаринъ, называлъ Шереметева «знатнѣйшимъ героемъ»[522]. Показанія эти,

[521] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 г. Ч. 44. стр. 148).

[522] Rüssow. Livländische Chronik. Reval. 1845. стр. 227 и 233.

во всякомъ случаѣ свидѣтельствующія о громкой извѣстности Ивана Васильевича Шеремететева, по видимому, произвели сильное впечатлѣніе на Ревельцевъ, и они съ ужасомъ произносили имя прославляемаго Московскаго воеводы. Свидѣтель-очевидецъ осады говоритъ, что «этотъ Iuan Zelmäth былъ такой необузданный, отважный, свирѣпый и хитрый человѣкъ, что даже сами Русскіе боялись его».

Ивану Васильевичу Шереметеву приписывали и первоначальный планъ осады Ревеля. Говорили, что по его совѣту въ Московскомъ войскѣ рѣшено было стараться вымаnивать Ревельскій гарнизонъ какъ можно далѣе отъ сильныхъ укрѣпленій, затѣмъ окруживъ и перебивъ его, ударить всѣми силами на городъ[523]. Но плану этому не суждено было осуществиться. Самъ же Шереметевъ сдержалъ слово, данное царю; онъ палъ смертью

523 Warhafftiger Bericht des Reuelschen Kriegs, Belegerung, vnd fürnembsten Scharmützeln, Auch was sich von beiden teilen, jnnen vnd ausserhalb der Statt, vom anfang biss zum end, zugetragen hat, ordentlich vnd gründlich verfasset, durch einen Studiosum, so in solchen hendeln bey vnd mit gewesen. Anno MDCXXVII (1577). Эта рѣдчайшая книга, выписки изъ которой обязательно сообщены намъ завѣдующимъ отдѣленіемъ Rossica императорской публичной библіотеки К. Ѳ. Фетерлейномъ, до сихъ поръ извѣстна лишь въ двухъ экземплярахъ: одинъ въ Данцигской городской библіотекѣ, другой— въ Вольфенбютельской.

храбрыхъ, сраженный непріятельскимъ ядромъ. Въ нашихъ разрядныхъ книгахъ сказано только, что «Ивана Шереметева за туры убили подъ Колываныо»; а въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ,—что онъ «убитъ изъ пушки»[524]. Но въ современномъ Нѣмецкомъ сказаніи[525] находимъ и подробности этого печальнаго происшествія, совершившагося 7 февраля 1578 года. Наканунѣ этого роковаго дня, къ ночи наши вывели передъ городскими воротами Лемпфорте, у горы Св. Тенніеса, новый шанецъ, устроенный изъ стоговъ сѣна, телѣгъ и туровъ. На другой день, Ревельцы, подъ прикрытіемъ пушечной пальбы съ крѣпостныхъ стѣнъ, бросились ко вновь устроенному шанцу, зажгли сѣно дегтярными вѣниками и принялись выбивать Русскихъ изъ окоповъ. Ивана Васильевича Шереметева видѣли въ это время на самомъ шанцѣ, на горѣ. Замѣтивъ, что наши дрогнули отъ стремительнаго натиска Ревельцевъ, онъ слѣзъ съ коня и гналъ на-

524 Синбирскій сборникъ. стр. 58.—Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 456.—Русскій историческій сборникъ. Т. II. стр. 261.

525 Warhafftiger Bericht des Reuelschen Kriegs. Anno MDCXXVII. стр. 10. Въ 1877 году, эта книга перепечатана въ Ревелѣ, по случаю трехсотлѣтней годовщины Ревельской осады.

задъ своихъ ратниковъ, пустившихся бѣжать изъ окоповъ. Очевидецъ повѣствуетъ, что Шереметевъ, будучи не въ силахъ удержать бѣглецовъ, кидался «какъ неистовый, бѣшеный медвѣдь» и, хлопая руками, кричалъ: «ловите ихъ, ловите ихъ»! Въ этотъ моментъ онъ упалъ, смертельно раненый ядромъ въ ногу. Послѣ того Иванъ Васильевичь перенесенъ былъ въ лагерь и на третій день, то-есть 10 февраля, скончался. Разсказывали, что когда сбѣжались доктора, чтобы оказать Шереметеву возможную помощь, онъ отказался принять ихъ услуги, промолвивъ: «на то воля Божія»!

ГЛАВА XXVII.

Одинъ изъ участниковъ осады Ревеля говоритъ, что въ лицѣ Шереметева Московское войско потеряло лучшаго воеводу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду взять городъ[526]. Осада хотя и продолжалась, но уже при полномъ упадкѣ духа въ войскѣ.

Тѣло Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева съ большою церемоніею повезено было на родину[527] и, по объясненію Карамзина, доставлено прямо въ Москву, вмѣстѣ съ военною добычею и плѣнными Ревельцами[528].

526 Kelch. Liefländische Historia. Reval. 1695. стр. 335.

527 Rüssow. Livländische Chronik. Reval. 1845. стр. 233.

528 Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 252.—То же самое повторялъ и Иванчинъ-Писаревъ (Могилевскія губернскія вѣдомости. 1849 г. Часть неоффиціальная. № 1. стр. 1).

Но не въ первопрестольной столицѣ преданы были землѣ бренные останки честнаго воина, и даже не въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ, какъ о томъ просилъ самъ Иванъ Васильевичь, еще въ 1558 году, при внесеніи въ эту обитель, вмѣстѣ съ братомъ Никитой, вклада за упокой ихъ третьяго брата Семена Васильевича Шереметева: «а какъ Богъ пошлетъ по наши души,—писали благочестивые вкладчики,—ино насъ положити у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ»[529]. По неизвѣстной причинѣ эта предсмертная воля Ивана Васильевича Шереметева не была исполнена: его тѣло повезено было изъ Москвы въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и тамъ погребено «у большой Успенской церкви, въ паперти въ передней, на лѣвой рукѣ». Въ кормовой книгѣ Кириллова монастыря, изъ которой взято это показаніе, прибавлено, что «на могилу (усопшаго) соборомъ ходятъ»[530]. И такъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ погребенъ рядомъ съ братомъ Григоріемъ, ко-

529 Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, отъ основанія оной до 1880 года. М. 1880. № 801.

530 Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. I (Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. стр. 71).

торый, безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ, точно также привезенъ былъ съ поля битвы на вѣчное упокоеніе въ Кириллову обитель. Тамъ-же подъ сводами древней паперти Успенской церкви, на лѣвой же сторонѣ, погребены, какъ мы видѣли выше, и старшій братъ Ивана Васильевича, знаменитый инокъ Іона съ дѣтьми своими Еремеемъ и княгиней Агаѳьею Кайбуловой. Папертъ эта, въ концѣ прошлаго столѣтія, по усердію архимандрита Іакинѳа, была передѣлана и обновлена. У насъ на Руси слова эти имѣютъ роковое значеніе. Теперь уже невозможно распознать могилъ именитыхъ усопшихъ, погребенныхъ въ паперти Успенскаго собора Кириллова монастыря, потому что при передѣлкѣ ея гробовыя плиты сдвинуты съ мѣста и утрачены[531]!

По приказанію Грознаго, имя Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева вписано для вѣчнаго поминовенія въ синодикъ Московскаго Успенскаго собора и ежегодно, въ недѣлю Православія, соборный протодіаконъ возглашалъ: «Подъ градомъ подъ Колыванью пострадавшему отъ безбожныхъ Нѣмецъ

531 А. Н. Муравьевъ. Русская Ѳиваида на сѣверѣ. Спб 1855. стр. 195.

Ивану Васильевичу Шереметеву, вѣчная память»[532]!

Память эта уже не возглашается нынѣ, вопреки завѣта царя Ивана. Но благодарное потомство не забудетъ Русскаго воеводу, всю свою жизнь не покидавшаго браннаго поля и смертію запечатлѣвшаго свое служеніе отечеству. Успѣхъ не всегда сопутствовалъ Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву; но и въ неудачахъ онъ являлся героемъ, какимъ мы видѣли его, напримѣръ, и во время несчастной Ульской битвы.

Клятва, данная Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ предъ отправленіемъ на войну и, затѣмъ, славная кончина его должны были произвести сильное впечатлѣніе на царя Ивана. Можетъ быть, въ глубинѣ души его шевельнулось даже чувство раскаянія по поводу несправедливыхъ нападокъ на Шереметевыхъ и непомѣрной злобы къ нимъ, высказанной въ такихъ язвительныхъ выраженіяхъ въ извѣстномъ посланіи его къ Кирилловскому игумену Козмѣ. Онъ видимо искалъ

[532] Чинопослѣдованіе въ недѣлю Православія. Старинная рукопись, хранящаяся въ Московской патріаршей (нынѣ синодальной) библіотекѣ. № 290. л. 233.

способа помириться съ своею совѣстью и тотчасъ-же послѣ кончины Ивана Васильевича Шереметева, обратилъ свои милости на меньшаго его брата, Ѳедора Васильевича, оставшагося единственнымъ представителемъ Шереметевыхъ на службѣ царской. Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, лично не проявившій никакихъ особенныхъ заслугъ, былъ пожалованъ въ окольничіе[533] и назначенъ на мѣсто покойнаго брата, то-есть вторымъ воеводою большаго полка[534]. Весьма вѣроятно, что именно въ это время Грозный принялъ въ свою семью и осиротѣвшую дочь убитаго воеводы, Елену Ивановну Шереметеву, сочетавъ ее бракомъ съ своимъ первенцомъ, царевичемъ Иваномъ, рожденнымъ отъ царицы Анастасіи Романовны.

Какъ извѣстно, царевичь Иванъ развелся съ своими первыми двумя женами: Евдокіей Богдановной Сабуровой и Парасковіей Михайловной Соловою. Обѣ онѣ, одна за другою, пострижены были въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ. Англійскій купецъ Джеромъ Горсей, неоднократно пріѣзжавшій въ

[533] Древняя Россійкая Вивліоѳика. Ч. XX. стр. 55.
[534] Синбирскій сборникъ. стр. 58.

Москву съ разными порученіями отъ королевы Елисаветы, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что послѣ постриженія Параскевы Соловой, «царь Иванъ Васильевичь собралъ со всего своего государства красивѣйшихъ дѣвъ и дочерей своихъ бояръ и дворянъ, и выбралъ изъ нихъ супругу для своего старшаго сына царевича Ивана. Она была дочерью Ивана Шереметева, воеводы знатнаго происхожденія». Горсей говоритъ далѣе, что «бракъ этотъ сопровождался большими торжествами и празднествами», и что «хотя и стоило бы ихъ разсказать, но они не относятся къ предмету его повѣствованія»[535]. Остается поблагодарить Горсея и за эти строки, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ собственныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ вовсе не упоминается ни объ Еленѣ Ивановнѣ Шереметевой, ни объ ея бракосочетаніи, связавшемъ новымъ свойствомъ родъ Шереметевыхъ съ царствовавшимъ домомъ Рюриковичей.

Къ сожалѣнію, ничего нельзя сказать положительнаго о частной жизни Ивана Василь-

[535] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1877. Кн. I. отд. IV. стр. 15. Джеромъ Горсей, переименованный въ нашихъ документахъ въ Еремея Горшія, по ошибкѣ, называетъ Елену Шереметеву—Анастасіей.

евича Меньшаго Шереметева, точно также какъ и старшихъ, прежде почившихъ, братьевъ его. Выше было уже замѣчено, что единственными памятниками бытовой жизни того времени остались крѣпостные документы, и то въ крайне ограниченномъ числѣ, да записи въ монастырскихъ книгахъ. Для Шереметевыхъ эти монастырскія записи могутъ служить живымъ опроверженіемъ напраслины, взведенной на нихъ Грознымъ, который въ своемъ посланіи къ игумену Козмѣ увѣрялъ, что «все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ».

Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, кромѣ 100 рублей, данныхъ имъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, пожертвовалъ и въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь 200 рублей, да сверхъ того, село Елгозино, Московскаго уѣзда, Ждановскаго стана, со всѣми деревнями и угодьями[536]. Вотчина эта числилась за Кирилловою обителью и въ 1668 году, какъ это видно изъ монастырской описной книги того года[537]; тогда какъ, напримѣръ,

[536] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. I (Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря стр. 71).

[537] Описная книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составлен-

село Чиркино, Коломенскаго уѣзда, отданное той же обители Василіемъ Андреевичемъ Шереметевымъ, уже не значится въ этой книгѣ, потому что промѣнено было на другую вотчину и, такимъ образомъ, опять возвратилось въ родъ Шереметевыхъ. Подобные промѣны дѣлались въ то время весьма часто. Хотя промѣнъ села Чиркина совершенъ и не Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ, но имя его внесено въ синодикъ Чиркинскаго древняго Васильевскаго храма, въ которомъ и до сего дня непрестанно поминается за литургіей «Іоаннъ убіенный»[538]. По всѣмъ вѣроятіямъ, Иванъ Васильевичъ далъ вкладъ и въ Московскій Новоспасскій монастырь, потому что въ кормовой книгѣ этой обители находится слѣдующая запись подъ 23 числомъ февраля: «По Иванѣ Васильевичѣ Шереметевѣ Меньшомъ кормъ. Архимандриту служити соборомъ»[539].

Но излюбленнымъ богомольемъ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева былъ Рос-

ная въ 1668 году, архимандритомъ Спасо-Каменнаго монастыря Евфросиномъ, л. 881 и слѣд. Подлинная рукопись принадлежитъ Павлу Ивановичу Савваитову.

538 Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843. стр. 76.

539 Кормовая книга Спаса-Новаго монастыря. Рукопись въ 4°.

товскій Борисоглѣбскій монастырь. Обитель эта, красиво расположенная на берегу рѣки Устья, находится на 18-й верстѣ отъ Ростова, на самой половинѣ дороги въ Шереметевскую вотчину село Вощажниково. Величественныя зданія древняго монастыря невольно остановятъ путника и онъ съ благоговѣніемъ войдетъ въ монастырскую соборную церковь поклониться мощамъ великаго затворника Иринарха, прославившаго обитель своими спасительными подвигами, особенно въ смутную эпоху самозванцевъ. Преподобный Иринархъ, въ мірѣ крестьянскій сынъ Илія, родился въ концѣ 1548 года[540], слѣдовательно ко времени кончины Ивана Васильевича Шереметева ему не было даже 30-ти лѣтъ; и хотя въ то время онъ еще не поступалъ въ монашество, но уже давно былъ извѣстенъ своими подвижническими трудами, находясь на испытаніи именно въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Иринархъ, во всякомъ случаѣ, могъ быть извѣстенъ и Шереметевымъ, тѣмъ болѣе, что между иноками Борисоглѣбскаго мо-

540 Архимандритъ Амфилохій. Жизнь преподобнаго Иринарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Изд. 2. М. 1874. стр. 7.

настыря былъ ихъ сородичь старецъ Пареенiй Хлуденевъ[541]. Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ оказывалъ особенное усердiе къ обители Святыхъ Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Сколько извѣстно, это былъ единственный монастырь, въ синодики котораго онъ внесъ на вѣчное поминовенiе весь свой родъ: инока Васьяна, Евпраксiю, Григорiя, инока Стефана, Никиту, инокиню Киликiю, инокиню Маремiяну, Мареу, Евфросинiю, Еремiя, инока Iону, Евдокiю, Ивана (младенца), Агрипину (младенца), Акилину (младенца), Василiя (младенца), Василiя, Евфимiю, Еирса, князя Стефана и князя Ивана[542]. При помощи родословной легко узнать многiя имена[543] и замѣтить, что усопшiя лица записаны послѣдовательно, по времени ихъ кончины. Обратимъ вниманiе, что въ синодики Борисоглѣбскiе записанъ, между прочимъ, и инокъ Iона. Слѣдовательно, Иванъ Василь-

[541] Синодики Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря: Книга I. л. 343 на оборотѣ.—Книга II. л. 222.

[542] Тамъ-же. Кн. I. л. 33; Кн. II. л. 14 и Кн. III. л. 64 на оборотѣ.

[543] Опредѣлить имена младенцевъ нѣтъ никакой возможности. Послѣ Никиты (Васильевича)—рядъ женскихъ именъ: это, по всѣмъ вѣроятiямъ, супруги братьевъ Шереметевыхъ; послѣднiя два имени съ княжескимъ титуломъ должны быть Троекуровы, родственники Ивана Васильевича Шереметева по женѣ.

евичь Большой Шереметевъ умеръ прежде своего одноименнаго брата, т. е. ранѣе 1577 года, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что посланіе Грознаго къ Кирилловскому игумену Козмѣ не могло быть написано въ 1578 году, какъ предполагалъ Карамзинъ.

Въ вкладныхъ книгахъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря мы нашли только двѣ записи о вкладахъ Ивана Васильевича Шереметева, въ которыхъ оба раза значится по 30 рублей. Но вѣроятно были и другіе вклады, свѣдѣнія о которыхъ не сохранились, за утратою монастырскихъ документовъ. За первую дачу, данную Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ по себѣ и по своихъ родителехъ, положено ежегодно 13 ноября (память Іоанна архіепископа Константинопольскаго) «пѣти понахиду и обѣдню служити соборомъ и братію кормити. Кормъ меньшой, доколѣ монастырь стоитъ». А за вторую дачу заповѣдано написать имя жертвователя въ синодики «да на его преставленіе мѣсяца....[544] понахида пѣти и обѣдня служити соборомъ, доколѣ и монастырь стоитъ»[545]. Романовы также

[544] Оставлено мѣсто для вписанія названія мѣсяца и числа.

[545] Вкладныя книги Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря: Кн. I. л. 71.—Кн. II. л. 54.

чтили мѣсто подвижничества преподобнаго Иринарха. Такъ, «царевъ великаго князя бояринъ Никита Романовичь далъ (въ Борисоглѣбскій же монастырь) вкладу 20 рублевъ по братѣ своемъ Данилѣ Романовичѣ въ вѣчное поминовеніе»[546].

У Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева, кромѣ Елены, была еще дочь Ксенія и единственный сынъ—Өедоръ Ивановичь, извѣстный впослѣдствіи дѣятель смутнаго времени и царствованія Михаила Өедоровича Романова. По смерти отца они остались на попеченіи матери, Домны Михайловны, рожденной княжны Троекуровой, лѣтъ на шесть пережившей своего мужа. Годъ рожденія Өедора Ивановича Шереметева неизвѣстенъ; но должно полагать, что онъ былъ гораздо моложе и своей сестры Елены, и двоюроднаго брата Петра Никитича Шереметева.

Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, за пять лѣтъ до своей кончины, написалъ духовное завѣщаніе, составленное, по всѣмъ вѣроятіямъ, если не одновременно, то вскорѣ послѣ рожденія сына Өедора. Доку-

546 Вкладныя книги Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Кн. II. л. 49.

ментъ этотъ, къ несчастію, не сохранился и о немъ узнаемъ лишь изъ челобитной Ѳедора Ивановича Шереметева, отъ 1645 года[547], дающей весьма важныя свѣдѣнія объ имущественныхъ дѣлахъ не только его отца, но и дядей. Вотъ что показываетъ, между прочимъ, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ въ означенной челобитной: «Дядья мои съ отцомъ моимъ Иваномъ Васильевичемъ вотчинами владѣли по духовной отца своего, а моего дѣда Василья Андреевича. А которыя родовыя вотчины выкупали дядья мои и батька, и тѣ вотчины промежъ себя раздѣлили и послѣ того раздѣлу[548], владѣли всякъ своими жеребьями, что̀ кому по раздѣлу досталось. А купленными своими вотчинами владѣли, кто что̀ купилъ, тѣмъ и владѣлъ.... А дядя мой Иванъ Васильевичъ (инокъ Іона) постригся, а вотчины свои Рязанскія отдалъ братьѣ своей: отцу моему Ивану, да дядѣ Ѳедору Васильевичамъ, да племяннику своему Петру Никитичу; а иныя вотчины далъ дочерямъ своимъ: княинѣ Агафьѣ Кайбулинѣ да княинѣ Марьѣ Тюменской. А отецъ мой Иванъ Васильевичъ

547 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320.

548 Духовная Василья Андреевича Шереметева и раздѣльный актъ его дѣтей до сихъ поръ не отысканы.

вотчинами своими родовыми и что̀ пожаловалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи ему въ вотчину въ Костромскомъ уѣздѣ (село Борисоглѣбское) послѣ раздѣлу, какъ раздѣлились съ братьями и послѣ смерти дяди моего Никиты, и купленными вотчинами всѣми пожаловалъ меня и въ духовной написалъ. А духовная отца моего, за свидѣтельствомъ Антонія митрополита Московскаго и всеа Русіи, у меня»[549].

При помощи челобитной Ѳедора Ивановича Шереметева и другаго, не менѣе важнаго документа, — его духовнаго завѣщанія[550], мы можемъ дать обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева.

549 Антоній поставленъ въ митрополита всероссійскаго въ маѣ 1572 года, а умеръ въ февралѣ 1581 года. Этимъ опредѣляется время написанія духовной Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева.

550 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

ГЛАВА XXVIII.

Прежде всего назовемъ родовыя вотчины Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева:

1) Село Филисово, Сенегъ тожъ, Владимірскаго уѣзда, съ деревнями и пустошами. Это нынѣшняя Филисова слободка, Ковровскаго уѣзда, по лѣвую сторону Московско-Нижегородскаго шоссе, въ 15 верстахъ отъ города Коврова[551]. Въ 1649 году, Филисово перешло къ племяннику Федора Ивановича Шереметева—Борису Петровичу, потомъ къ сыну послѣдняго извѣстному Крымскому плѣннику Василью Борисовичу, который въ 1682 году передалъ эту слободку своему племяннику и

551 Списокъ населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи. № 2390.

душеприкащику Петру Васильевичу Большому Шереметеву (отцу фельдмаршала)[552].

2) Село Мещериново, Коломенскаго уѣзда, съ деревнями. Въ 1648 году оно было передано Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ своему племяннику Василью Петровичу и доселѣ остается въ родѣ Шереметевыхъ. Въ настоящее время Мещериново принадлежитъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву.

3) Село Городня, Воскресенское тожъ, Коломенскаго же уѣзда, съ деревнями. Въ 1645 году село это перешло отъ Ѳедора Ивановича Шереметева къ его племяннику Ивану Петровичу Шереметеву; въ 1649 году—къ сыну послѣдняго, Василью Ивановичу Шереметеву, который промѣнялъ Городню князю Якову Никитичу Одоевскому на село Саларево, Солословлево тожъ. Въ первую четверть XVIII вѣка, село Городня перешло въ родъ князей Голицыныхъ, какъ приданое за княжною Анной Яковлевной Одоевскою, вы-

[552] Такова исторія Филисовой слободки по документамъ архива графа С. Д. Шереметева (№№ 157 и 158). Изъ статьи же И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» (Вѣстникъ Европы за 1871 годъ. Январь. стр. 10) видно, что Филисова слободка одно время принадлежала и боярину Борису Ивановичу Морозову — воспитателю царя Алексѣя Михайловича. Морозовъ умеръ въ 1662 году.

шедшею за князя Дмитрія Михайловича Голицына (верховника), но въ концѣ столѣтія опять возвратилось въ родъ Шереметевыхъ, вмѣстѣ съ рукою княжны Елены Васильевны Голицыной, второй жены Александра Владиміровича Шереметева, и въ настоящее время принадлежитъ внуку его, Василью Васильевичу Шереметеву. Храмъ села Городни, во имя Воскресенія Христова, одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ начала XVI-го вѣка, строенъ по плану Алевиза, славнаго зодчаго временъ великаго князя Василія Ивановича. Иванчинъ-Писаревъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ замѣчательномъ храмѣ и, не зная разсказанной выше исторіи села Городни, составленной по архивнымъ документамъ, приписываетъ постройку онаго князьямъ Одоевскимъ[553]. Теперь мы знаемъ — кому принадлежало село Городня въ началѣ XVI-го вѣка и смѣло переносимъ честь построенія Воскресенскаго храма отъ князей Одоевскихъ на Шереметевыхъ. Обращаемъ вниманіе и на названіе придѣловъ это-

[553] Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 61. Авторъ прямо говоритъ, что «въ началѣ XVII столѣтія (а по документамъ, между 1649 — 1652) село Городня принадлежало князьямъ Одоевскимъ, доставшись имъ неизвѣстно когда».

го храма: первый сооруженъ во имя Св. Іоанна Милостиваго (ангелъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева), а другой придѣлъ во имя Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Не имѣя покамѣстъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы село Городня и Василью Андреевичу Шереметеву досталось по наслѣдству отъ отца его Андрея Шереметя, а не пріобрѣтено имъ куплею, —мы напомнимъ, однако, читателю, что еще въ спискѣ волостей, подаренныхъ внучкою Ѳедора Андреевича Кошки, боярыней Марьей Ѳедоровной Голтяевою, своему любимому внуку князю Борису Васильеевичу Волоцкому, между прочимъ, значится: «Въ Коломенскомъ уѣздѣ на Городнѣ деревня». Болѣе счастливые историческіе розыски можетъ быть подтвердятъ нашу догадку, что село Городня принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ вотчинъ Шереметевскихъ въ Коломенскомъ уѣздѣ.

4) Село Песочня, Рязанскаго уѣзда, съ деревнями. Судьба этого села, доселѣ называющагося Шереметевой-Песочней, весьма любопытна[554]. Оно было выкуплено, неизвѣстно у

[554] Свѣдѣнія о селѣ Песочнѣ взяты изъ подлинной данной Ѳедора Ивановича Шереметева 1648 года (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 742).

кого, Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, который, постригшись въ Кирилловой обители, подарилъ село Песочню своему меньшому соименному брату, а отъ него перешло оно, по завѣщанію, къ Ѳедору Ивановичу Шереметеву. Грозный отписалъ Песочню въ дворцовыя села и, въ 1578 году, пожаловалъ имъ за службу Ѳедора Васильевича Шереметева, который незадолго до смерти возвратилъ это село племяннику Ѳедору Ивановичу. Борисъ Годуновъ опять отписалъ Песочню въ дворцовыя села и пожаловалъ князю Василью Кордунаковичу Черкасскому, а послѣ его смерти (въ 1610 году) селомъ владѣли Коробьины. Въ 1607 году, село Песочня снова было возвращено Ѳедору Ивановичу Шереметеву, который въ 1648 году передалъ его своему племяннику Василью Петровичу Шереметеву (дѣду фельдмаршала). Въ 1697 году село Песочня состояло во владѣніи его внука Василія же Петровича Шереметева[555]. Какова была дальнѣйшая судьба этого села, неизвѣстно; но только ему не суждено было остаться въ родѣ Шереметевыхъ.

555 Записка путешествія генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. М. 1773. стр. 2.

Въ настоящее время село Шереметева-Песочня принадлежитъ члену государственнаго совѣта Владиміру Павловичу Титову.

5) Деревни Сенькино и Демкино, Рязанскаго же уѣзда (подъ Рязанью, на почтовой дорогѣ въ городъ Михайловъ)[556], имѣли ту же самую участь, что и село Песочня; но только онѣ были выкуплены не Большимъ Шереметевымъ, а Меньшимъ.

6) Сельцо, что̀ была деревня, Кусково. Всѣмъ извѣстная вотчина эта, съ тѣхъ поръ какъ Василій Андреевичь Шереметевъ, въ началѣ XVI вѣка, вымѣнялъ ее у Александра Андреевича Пушкина, никогда не выходила изъ рода Шереметевыхъ и нынѣ состоитъ во владѣніи графа Сергія Дмитріевича Шереметева. Кусково, по духовнымъ завѣщаніямъ, переходило: отъ Василья Андреевича Шереметева къ его сыну Ивану Васильевичу Меньшому, который въ 1648 году передалъ его своему племяннику Василью Петровичу Шереметеву; а послѣ его смерти, въ 1665 году, оно перешло къ Петру Васильевичу Большому Шереметеву; отъ него, въ 1690 году, къ меньшому его сыну Владиміру Петровичу Шереметe-

[556] Списокъ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи. №№ 254 и 255.

ву. Фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ, въ 1715 году, купилъ Кусково у брата за 200 рублей[557]. Стараніями фельдмаршалова сына графа Петра Борисовича, Кусково пріобрѣло европейскую извѣстность.

7) Деревня Ивановская, Кобяково тожъ, Коломенскаго уѣзда, съ деревнями и починками, нынѣ село Ѳедоровское (Кобяково тожъ)[558], такъ переименованное по иконѣ Ѳедоровской Божіей Матери, принесенной Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ изъ Костромы. Въ 1649 году деревня Ивановская поступила, по духовному завѣщанію Ѳедора Ивановича Шереметева, къ его внучатому племяннику Никитѣ Ивановичу Шереметеву (внуку Петра Никитича), послѣ котораго наслѣдницею осталась единственная его дочь Анастасія Никитишна, бывшая за-мужемъ за княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ (двоюроднымъ братомъ знаменитаго верховника князя Дмитрія Михайловича Голицына), но у нихъ тоже не было сыновей, а только дочери. Неизвѣстными намъ путями деревня Ивановская или, по теперешнему, село Ѳедоровское,

557 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 532.

558 Списокъ населенныхъ мѣстъ Московской губерніи. Спб. 1862. № 3996.

опять возвратилось въ родъ Шереметевыхъ. По крайней мѣрѣ извѣстный Коломенскій старожилъ Иванчинъ-Писаревъ свидѣтельствуетъ, что Николаевскій храмъ села Ѳедоровскаго построенъ былъ, въ 1754 году, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Шереметевымъ, старшимъ внукомъ Владиміра Петровича Шереметева (брата фельдмаршала) и что впослѣдствіи село Ѳедоровское, по приданству, перешло отъ Шереметевыхъ къ Жеребцовымъ. Внучка Алексѣя Ѳедоровича Шереметева, Марія Александровна, дѣйствительно была за Жеребцовымъ (Петромъ Николаевичемъ). По показанію того-же Иванчина-Писарева, село Ѳедоровское отъ Жеребцовыхъ перешло къ Ивану Никитичу Янишу и въ 1844 году состояло во владѣніи его сына Карла Ивановича Яниша[559], вѣроятно, брата извѣстной писательницы Каролины Ивановны Павловой (рожденной Янишъ).

8) Село Шаблыкино, Черниково тожъ, въ Бѣжецкомъ верху, въ Ярославскомъ уѣздѣ, а по нынѣшнему административному дѣленію, въ Весьегонскомъ уѣздѣ. Оно находится въ 62

559 Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 65. 69 и примѣч. 13.

верстахъ отъ заштатнаго города Краснаго Холма, по правую сторону Тверскаго почтоваго тракта. Въ 1616 году Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отдалъ село Шаблыкино Кирилло-Бѣлозерскому монастырю на поминъ своей первой жены и сына Ѳедора[560].

Затѣмъ, сверхъ родовыхъ вотчинъ, послѣ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева остались еще слѣдующія купленныя и вымѣненныя имъ вотчины, также поступившія, за его смертію, во владѣніе Ѳедора Ивановича Шереметева:

1) Сельцо, что̀ была деревня Вешняково, Найденово-Чюрилово-Позняково тожъ, Московскаго уѣзда. Оно смежно съ Кусковымъ, и въ то время, какъ послѣднее отдано было Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ племяннику Василью Петровичу Шереметеву, Вешняково завѣщалъ онъ (въ 1645 году) сыну своей дочери Евдокіи Ѳедоровны (по мужу княгини Одоевской) — князю Якову Никитичу Одоевскому, который отдалъ это сельцо въ приданое своей дочери княжнѣ Марѳѣ Яковлевнѣ,

560 Рукописный сборникъ грамотъ и другихъ актовъ, списанныхъ К. М. Бороздинымъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Архивъ археографической коммиссіи. № 224. стр. 974).

вышедшей, въ 1689 году, за-мужъ за князя Михайла Яковлевича Черкасскаго. Родная внука ихъ княжна Варвара Алексѣевна Черкасская, въ январѣ 1743 года, сочеталась бракомъ съ Кусковскимъ сосѣдомъ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ; а вмѣстѣ съ ея рукою возвратилось въ родъ Шереметевыхъ и село Вешняково, которое, входя въ составъ Кусковской дачи, принадлежитъ нынѣ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву.

2) Село Василево, Воскресенское тожъ, Московскаго уѣзда, Ждановскаго стана. Оно было вымѣнено Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ, въ 1567 году, у вдовы Ульяны Андреевны Мансуровой (рожденной Капустиной) и у Ѳедора Григорьевича Протасьева[561]. Въ 1645 году Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отдалъ это село въ приданое своей внукѣ княжнѣ Прасковьѣ Никитишнѣ Одоевской, которую самъ сосваталъ за князя Григорья Сунчалеевича Черкасскаго[562]. По всѣмъ вѣроятіямъ, село Воскресенское поступило затѣмъ

[561] Московскій архивъ министерства юстиціи № 9807: Книга писцовая и межевая письма и мѣры и межеванья Ѳедора Пушкина да дьяка Андрея Строева 135 и 136 годовъ (первая половина). Листъ 143 на оборотѣ.

[562] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

въ приданое къ дочери Прасковьи Никитишны, княжнѣ Еленѣ Григорьевнѣ, вышедшей за князя Юрья Юрьевича Трубецкаго. По крайней мѣрѣ извѣстно, что село Воскресенское (по нынѣшнему административному дѣленію, въ Бронницкомъ уѣздѣ) въ 1852 году принадлежало князю Ивану Алексѣевичу Трубецкому[563], родному праправнуку князя Юрья Юрьевича.

3) Деревня Есинова, Иванисово тожъ, Московскаго уѣзда, Доблинскаго стана. Борисъ Годуновъ отнялъ эту деревню у Ѳедора Ивановича Шереметева и пожаловалъ князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому. Царь Михаилъ Ѳедоровичь возвратилъ деревню Есинову Ѳедору Ивановичу Шереметеву, который въ 1645 году передалъ ее, по духовному завѣщанію, своему внуку князю Ѳедору Никитичу Одоевскому, и послѣ того она уже не возвращалась въ родъ Шереметевыхъ.

4) Село Брюхово, Кашинскаго уѣзда. Въ 1616 году оно было отдано Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ Московскому Новоспасскому монастырю, на поминъ души его

563 Нистремъ. Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи. М. 1852. стр. 192.

первой супруги Ирины Борисовны и сына младенца Өедора.

И наконецъ 5) Слѣдующія пустоши и деревни Московскаго уѣзда, Васильцова стана: пустошь, что была деревня Мошково, Посокинское-Марково-Запрудное тожъ; пустошь, что была деревня Копытово, Малахово—Якимово тожъ; пустошь, что была деревня Алексѣевское, Койкино—Дяткино тожъ; пустошь Другое-Власово, Мишино — Поддубье тожъ; пустошь Роспопинская; пустошь Баклановское, Чертово тожъ; пустошь Старое Власово, Загорное—Забережинское тожъ; деревня Стафурино, Выхонь тожъ; деревня Калинино, Шматино—Гавриловское—Вязовки тожъ; пустошь Щетинино и пустошь Марьино, Запрудное тожъ.

Всѣ пустоши и деревни, означенныя подъ пунктомъ 5 впослѣдствіи вошли въ составъ Кусковской вотчины и въ 1645 году, предоставлены были, по духовному завѣщанію Өедора Ивановича Шереметева, его внуку князю Якову Никитичу Одоевскому, который, кромѣ княгини Марөы Яковлевны Черкасской (бабки графини Варвары Алексѣевны Шереметевой), имѣлъ еще двухъ дочерей: княжну

Анну Яковлевну, бывшую за-мужемъ за княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицыномъ и княжну Домну Яковлевну. Такъ что, покамѣстъ, мы не можемъ опредѣлить, какія именно изъ названныхъ пустошей и деревень возвратились въ родъ Шереметевыхъ, какъ приданое графини Варвары Алексѣевны. Знаемъ только, что деревни Выхонь и Вязовка состоятъ нынѣ въ Кусковской дачѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева, что пустошь Щетинино, съ прудомъ, еще при Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ «припущена была въ лугъ», а пустошь Марьино у большаго пруда, «припущена была къ Вешняковскому полю», на которомъ уже въ то время были «огородъ, садъ и людскіе дворы»[564].

Кромѣ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ, Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ передалъ сыну Ѳедору Ивановичу еще двѣ вотчины, пожалованныя ему Грознымъ:

1) Село Борисоглѣбское, Емсна тожъ, Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда. Выше уже было сказано, что вотчина эта прежде принадлежала извѣстному любимцу Грознаго

[564] Духовное завѣщаніе Ѳедора Ивановича Шереметева, отъ 1645 года (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157).

Алексѣю Өедоровичу Адашеву, а по смерти его она пожалована была Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву, который передалъ ее своему единственному сыну Өедору Ивановичу. Послѣдній, въ 1649 году, отдалъ Борисоглѣбское своей дочери Евдокіи Өедоровнѣ, по мужу княгинѣ Одоевской, а по смерти Евдокіи Өедоровны (1671 года) оно перешло къ ея сыну князю Якову Никитичу Одоевскому, который, въ 1689 году, отдалъ это село въ приданое за своею дочерью княгинею Марөой Яковлевной Черкасской, бабкой графини Варвары Алексѣевны Шереметевой; послѣдняя, получивъ село Борисоглѣбское въ приданое, возвратила его въ родъ Шереметевыхъ и въ настоящее время Борисоглѣбское состоитъ во владѣніи графа Александра Дмитріевича.

2) Сельцо Кадницы, Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда. Сельцо это, вмѣстѣ съ селомъ Меленки, было пожаловано Грознымъ Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву, вмѣсто взятыхъ у него во дворецъ села Бухолова и сельца Высокаго съ деревнями, Волоцкаго уѣзда (Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи)[565]. Должно полагать, что

[565] Духовное завѣщаніе Өедора Ивановича Шереметева (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157).

царь Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ отнялъ у Ѳедора Ивановича Шереметева и село Кадницы. По крайней мѣрѣ есть указаніе на то, что въ началѣ XVII вѣка оно состояло во владѣніи Василья Терентьевича Жемчужникова, но вскорѣ было выкуплено у него[566]. Какъ бы то ни было, но отъ Ѳедора Ивановича Шереметева, село Кадницы поступило къ его внуку князю Якову Никитичу Одоевскому и затѣмъ, по приданству, тѣмъ же порядкомъ, какъ и село Борисоглѣбское, возвратилось въ родъ Шереметевыхъ. Въ настоящее время оно также состоитъ во владѣніи графа Александра Дмитріевича Шереметева.

Послѣ Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева остался еще дворъ въ Московскомъ Кремлѣ, «противъ Николы Гостунскаго», какъ сказано въ духовномъ завѣщаніи Ѳедора Ивановича Шереметева. Соборъ чудотворца Николая Гостунскаго, сломанный въ 1816 году, стоялъ противъ нынѣшняго Николаевскаго дворца, на югъ, гдѣ теперь плацъ-парадъ[567]. Такимъ образомъ, хотя приблизительно мож-

[566] Вѣдомость о вотчинахъ графа Николая Петровича Шереметева (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 35).

[567] П. М. Строевъ. Выходы царей. М. 1844. Въ указателѣ. стр. 60.—Хавскій. Семисотлѣтіе Москвы. М. 1847. стр. 7. № 18.

но опредѣлить мѣстонахожденіе обширнаго двора Ивана Васильевича Шереметева, состоявшаго изъ 26-ти житей палатныхъ и погребныхъ. Онъ находился на мѣстѣ настоящаго Николаевскаго дворца, а можетъ быть и противъ него, гдѣ нынѣ проѣздъ. Дворъ этотъ принадлежалъ прежде родному брату Грознаго, князю Юрью Васильевичу, а послѣ его смерти, послѣдовавшей 24 ноября 1563 года, отданъ былъ царемъ Иваномъ Шереметеву за 7800 рублей и за два его двора, неизвѣстно гдѣ находившіеся. Борисъ Годуновъ отнялъ у Ѳедора Ивановича Шереметева, доставшійся ему отъ отца Кремлевскій дворъ и велѣлъ разломать его. Въ замѣнъ этого двора, царь Михаилъ Ѳедоровичь пожаловалъ Ѳедору Ивановичу другой дворъ въ Кремлѣ же, неподалеку отъ Никольскихъ воротъ.

Таково было состояніе Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева, опричь отданной имъ вотчины въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Хотя по документамъ и неизвѣстно ни о количествѣ четвертей земли и числѣ душъ въ оставшихся послѣ него селахъ и деревняхъ, ни о движимомъ его имуществѣ, то-есть о деньгахъ и вещахъ, но уже по одному коли-

честву поименованныхъ вотчинъ можно судить о богатствѣ преставившагося воеводы Грознаго.

Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ утроилъ отцовское наслѣдство, и впослѣдствіи значительная часть его громаднаго состоянія перешла въ потомство его двоюроднаго брата и сверстника Петра Никитича Шереметева. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди, а теперь пора уже возвратиться къ дядѣ двухъ этихъ юношей, къ Θедору Васильевичу Шереметеву, оставленному нами подъ Ревелемъ.

ГЛАВА XXIX.

Осада Ревеля не удалась. 13 марта 1577 года, наши войска сожгли всѣ свои лагери и отошли къ Везенбергу и Нарвѣ, не нанеся даже особеннаго вреда крѣпостнымъ веркамъ и самому городу. Пострадалъ только великолѣпный монастырь св. Бригитины, лежащій въ 10-ти верстахъ отъ Ревеля.

Русскіе отошли отъ Ревеля по приказанію царя Ивана, который въ томъ-же году, лѣтомъ, самъ появился въ Ливоніи во главѣ сильнѣйшаго войска. Грозный направилъ, однако, свой путь не къ Ревелю, какъ всѣ ожидали, а въ Польскую при-Двинскую Ливонію. Въ этомъ походѣ, сопровождавшемся небывалыми успѣхами, принималъ участіе и Ѳедоръ Ва-

сильевичь Шереметевъ, начальствуя сторожевымъ полкомъ. Московскому царю и его воеводамъ сдались одинъ за другимъ слѣдующіе за́мки и города: Маріенгаузенъ, Люценъ, Росситенъ (Рѣжица), Динабургъ, Крейцбургъ (Герсикъ), Кокенгаузенъ (Куконосъ), Ашераденъ (Скровенъ), Ленневарденъ (Лиговеръ), Лембургъ, Шванебургъ, Венденъ (Кесь), Вольмаръ (Владимерецъ), Буртнекъ (Пиркель), Ерль и многіе другіе.

При взятіи Вольмара Грозный вспомнилъ князя Курбскаго, нѣкогда бѣжавшаго въ этотъ городъ, и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи похвалиться передъ нимъ успѣхами своего оружія. «Смотри, о княже! Божія судьбы, — писалъ онъ къ нему изъ Вольмара, — яко Богъ даетъ власть, емуже хощетъ. Кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила животворящаго Креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ животворящаго Креста поклоняютъ главы своя. Нынѣ мы, Божіею волею, коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и всю Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино

ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были»[568]?

Изъ названныхъ городовъ и за́мковъ взяты были при непосредственномъ участіи Ѳеодора Васильевича Шереметева: древній за́мокъ Ашераденъ (Скровенъ)[569], находящійся въ Рижскомъ уѣздѣ, на берегу Двины, противъ Фридрихштадта; за́мокъ Ленневарденъ, нынѣ мыза въ Рижскомъ же уѣздѣ, въ 56 верстахъ отъ Риги, и за́мокъ Ерль[570], нынѣ помѣщичья мыза Эрла, при рѣчкѣ Огерѣ, въ Рижскомъ же уѣздѣ, недалеко отъ Пебальга, имѣнія графа Сергія Дмитріевича Шереметева, пожалованнаго Петромъ Великимъ его прапрадѣду фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Особенно же отличился Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ при взятіи за́мка Ленневардена. Подробностей этого любопытнаго для насъ событія не сохранилось. Но по документамъ извѣстно, что именно «за Ленневардскую службу» Ѳедору Васильевичу пожалована была Рязанская вотчина. Пожалованіе это,

568 Сказанія князя Курбскаго. стр. 225. 226.

569 Синбирскій сборникъ. стр. 60.

570 О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 г. Ч. 44. стр. 153. 154). Здѣсь годы до такой степени перепутаны, что, напримѣръ, взятіе Ерли отнесено къ 1574 году.

однако, ничего не стоило государевой казнѣ: Грозный, вѣроятно, находя, что юный Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ получилъ слишкомъ большое наслѣдство отъ своего отца, отобралъ отъ него Рязанскую вотчину село Песочню, вмѣстѣ съ деревнями Сенькиною и Демкиною, и отдалъ ихъ его дядѣ, какъ награду за Ленневардскую службу[571].

Къ концу августа въ нашихъ рукахъ была уже вся Лифляндія и Эстляндія, за исключеніемъ Риги, Ревеля и немногихъ за́мковъ. Грозный, окончивъ походъ, отправился въ Дерптъ, а оттуда, черезъ Псковъ, съ торжествомъ возвратился въ Александрову слободу. Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ Палецкимъ, оставленъ былъ въ Дерптѣ «вѣдать государево дѣло и въ походъ ходити»[572].

Съ отъѣздомъ царя, «государево дѣло» въ Ливоніи пошло иначе. Князь Курбскій не даромъ промолчалъ на Вольмарское письмо Грознаго. Ему ближе были извѣстны свойства новаго Польскаго короля. Воинственный,

[571] Устная память Ѳедора Ивановича Шереметева, отъ 11 іюля 1649 (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157).

[572] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 г. Ч. 44. стр. 156).

умный, дѣятельный Баторій не могъ оставить безъ отомщенія Ливонскій походъ Московскаго царя, совершенный безъ объявленія войны и въ самое трудное для него время, когда онъ и не могъ еще выставить достаточнаго войска для обороны при-Двинской области. Курбскій отвѣтилъ только тогда, когда внезапное вторженіе Польско-Литовскаго войска въ Московскіе предѣлы заставило вздрогнуть царя Ивана. Но Баторій, прежде чѣмъ отважиться на этотъ рѣшительный шагъ, испробовалъ всѣ способы уладить дѣло путемъ переговоровъ. Такъ, еще въ ноябрѣ 1577 года, онъ прислалъ къ Грозному гонца Полуяна съ письмомъ, въ которомъ укорялъ его, что онъ, пославши опасную грамоту на пословъ и не объявивши войны, забираетъ у него города[573]. Царь Иванъ велѣлъ сказать Баторію, что отъ похода въ Лифляндскую землю опасная грамота не порушилась и онъ все-таки ждетъ Польскихъ пословъ; что онъ, Божіею волею, отчину свою Лифляндскую землю очистилъ, и что ему, Баторію, въ Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому-де, что

[573] Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. М. 1843. Ч. II. № 15.

онъ взятъ съ Седмиградскаго княженія на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю.

Въ январѣ 1578 года, пріѣхали въ Москву большіе послы Баторіевы: Станиславъ Крыйскій и Николай Сапѣга. Съ обѣихъ сторонъ предъявлены были такія условія, что о заключеніи вѣчнаго мира невозможно было и думать. Царь Иванъ, кромѣ Ливоніи и Курляндіи, требовалъ Кіева, Канева и Витебска. Въ дополненіе къ этому, Польскимъ посламъ опять пришлось услышать много оскорбительнаго для чести своего короля. Грозный, въ оправданіе своихъ требованій, выводилъ свое родство съ Гедиминовичами; не пропустилъ случая замѣтить, что о Седмиградскомъ государствѣ онъ нигдѣ ничего не слыхалъ и что Баторію въ равномъ братствѣ съ Московскимъ царемъ быть непригоже[574]. При всемъ томъ, перемиріе продолжено было еще на три года, отъ 25 марта 1578 года. Но договоръ объ

[574] Въ грамотѣ Баторію пояснено было, что «государство царя и великаго князя Ивана Васильевича почало отъ Августа Кесаря Римскаго, также и отъ Пруса Августова брата, обладавшаго въ градѣ Малбуркѣ, Испорукѣ и Хвойницѣ и Гданску по рѣку Немонтъ, что течетъ въ море Рижское. А отъ Пруса 14 колѣно прародитель его государевъ князь великій Рюрикъ» (Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XVI. стр. 173).

этомъ остался мертвой буквой: военныя дѣйствія въ Ливоніи не прекращались ни во время мирныхъ переговоровъ въ Москвѣ, ни по заключеніи перемирія.

Весною Польскія войска явились въ южной Ливоніи и, пользуясь безпечностью нашихъ воеводъ, почившихъ на лаврахъ въ завоеванныхъ городахъ, захватили Динабургъ, Венденъ, Ленневарденъ и много другихъ городовъ и за́мковъ. Къ выгодѣ Поляковъ, взялись за оружіе и Шведы. Они осадили Нарву и взяли Оберпаленъ. Успѣхи Поляковъ и Шведовъ объясняются не одною только безпечностью нашихъ воеводъ, слишкомъ полагавшихся на свои силы. Никогда еще мѣстническіе споры не причиняли такого вреда службѣ, какъ въ Ливонскую кампанію 1578 и 1579 годовъ. Дѣло доходило до открытаго неисполненія царскихъ указовъ и разныхъ самовольныхъ дѣйствій воеводъ, недовольныхъ своими мѣстами.

По приказанію государя, воеводы, стоявшіе въ Дерптѣ, отправлены были, въ маѣ мѣсяцѣ, къ Оберпалену (Полчеву), занятому Шведами. Въ присланной изъ Москвы росписи воеводы были распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ большомъ полку—князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ и князь Василій Агишевичь Тюменскій (мужъ дочери инока Іоны Шереметева — Марьи Ивановны); въ передовомъ полку—Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ и князь Михаилъ Васильевичь Тюфякинъ; въ сторожевомъ полку—князь Андрей Дмитріевичь Палецкій и князь Григорій Ивановичь Чортъ-Долгорукой. Князь Тюфякинъ и князь Чортъ-Долгорукой списковъ не взяли для Ѳедора Васильевича Шереметева и для князя Палецкаго, находя невмѣстнымъ быть при нихъ вторыми воеводами. За тѣмъ, князь Тюменскій, по необъясненной въ разрядной книгѣ причинѣ, въ походѣ не былъ; на его мѣсто присланъ былъ князь Андрей Васильевичь Сицкій, но и тотъ списковъ не взялъ для Ѳедора же Васильевича Шереметева. Въ челобитной, посланной къ государю, онъ объяснилъ, что ему невмѣстно быть вторымъ воеводою большого полка, въ то время, какъ Шереметевъ написанъ первымъ воеводою передоваго полка. Но Грозный по челобитной князя Сицкаго «суда не далъ и ничего не учинилъ»[575]. Не смотря на разногласицу между

[575] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки

воеводами, Оберпаленъ былъ взятъ. Послѣ того воеводамъ приказано было немедленно идти къ Вендену (Кеси); но они, продолжая ссориться между собою изъ-за мѣстъ, вопреки царскаго указа, самовольно возвратились въ Дерптъ. Прислана была новая роспись, въ которой князь Тюфякинъ написанъ въ большой полкъ третьимъ воеводою, а князь Палецкій—въ передовой полкъ, въ помощники къ Шереметеву. Но «воеводы опять замшались и къ Кеси не пошли»[576]. Тогда государь, «кручинясь на воеводъ», прислалъ въ Дерптъ посольскаго дьяка Василья Яковлевича Щелкалова и дворянина Данила Борисовича Салтыкова, приказавъ имъ въ случаѣ надобности, идти къ Вендену и «промышлять государевымъ дѣломъ мимо воеводъ»[577]. Наконецъ, воеводы наши кое-какъ сговорились и выступили въ походъ. Въ мѣстническомъ дѣлѣ пояснено, что князь Сицкій болѣе не билъ челомъ на Шереметева[578]. Но время было уже потеря-

1830 года. Ч. 44. стр. 157).—Русскій историческій сборникъ. Т. V. стр. 228.

[576] Синбирскій сборникъ. стр. 67.

[577] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 509.

[578] Русскій историческій сборникъ. Т. V. стр. 229.

но: Литовцы успѣли изготовиться къ бою и согласиться съ Шведами относительно совокупныхъ дѣйствій. Наши, въ числѣ 18.000 человѣкъ, уже два раза безуспѣшно приступали къ Вендену и, «пробивъ проломъ великій»[579] въ его крѣпкихъ стѣнахъ, готовились къ третьему приступу, какъ вдругъ услышали за собою непріятеля. Живописнымъ окрестностямъ Вендена, называемымъ у мѣстныхъ жителей Лифляндскою Швейцаріею, суждено было сдѣлаться театромъ несчастнаго дѣла, омрачившаго славу Русскаго оружія.

21 октября, Андрей Сапѣга съ Литовцами и Нѣмцами и генералъ Бое съ Шведами внезапно атаковали Московскіе полки съ тылу. Прежде всего бѣжала состоявшая при нашемъ войскѣ Татарская конница, предоставивъ пѣшихъ ратниковъ своимъ собственнымъ средствамъ. Полки отступили въ свои лагери и нѣкоторое время сильною пальбою изъ большихъ орудій удерживали натискъ непріятеля. Но Русскіе воеводы—князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ, окольничій Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, князь Андрей Дмитріевичь Палецкій, а также дьякъ Василій Яковлевичь Щелкаловъ, вос-

[579] Синбирскій сборникъ. стр. 61.

пользовавшись наступившею ночью, «съ дѣла побѣжали, а товарищевъ своихъ бояръ и воеводъ выдали, и нарядъ покинули»[580]. Ратники дрогнули отъ ужаса, не видя предъ собою главныхъ начальниковъ. Утромъ началось общее бѣгство всего войска. Непріятель настойчиво преслѣдовалъ бѣглецовъ, положивъ на мѣстѣ 6000 человѣкъ. Воинская честь наша въ нѣкоторой степени искупилась геройскимъ подвигомъ Московскихъ пушкарей: не желая отдаваться живыми непріятелю, они повѣсились на своихъ орудіяхъ! Начальникъ пушкарей Василій Ѳедоровичь Воронцовъ, равно какъ и князь Василій Андреевичь Сицкій, Данило Борисовичь Салтыковъ и князь Михаилъ Васильевичь Тюфякинъ также остались вѣрными долгу и были убиты на своихъ мѣстахъ, а остальные воеводы сдались въ плѣнъ[581]. Пораженіе нашего войска было полное. По этому поводу, Андрей Сапѣга, въ концѣ октября 1578 года, доносилъ панамъ рады, между прочимъ, слѣдующее: «Кгдыжъ наши дали имъ (Русскимъ) битву, за помочью Божою поща-

[580] Синбирскій сборникъ. стр. 67.

[581] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. стр. 285—287 и примѣч. 509.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 355 и 356.—Синбирскій сборникъ. стр. 67.

стилося войску короля его милости. Гетманъ преднѣйшій войска Московскаго утеклъ; бито непріятеля яко на двѣ мили, поки пôля ставала въ должъ, а другіе зостали въ окопѣхъ и шанцахъ боронячися моцно при дѣлахъ: не одно дня, але и ночи мусилися занять добываючи ихъ, а вѣдь же, за помочью Божою, поражонъ на голову непріятель и дѣла вси взято, которыхъ есть штукъ двадцать зъ мождчерами» (мортирами)[582].

Читая это донесеніе, нельзя не умилиться скромности побѣдителя. Впрочемъ и во всей Европѣ Венденское дѣло разсказывалось въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ. Такъ, въ брошюрѣ, писанной на Нѣмецкомъ языкѣ и изданной въ 1579 году, въ Нюренбергѣ, подъ заглавіемъ: «Пораженіе Москвитянъ и осада Вендена» событіе это описано слѣдующимъ образомъ: 23 Сентября 78 года, во вторникъ, въ часъ по полудни Шведы и Поляки неожиданно и бодро нападаютъ на непріятеля. Поспѣшно устремились они на окопы, сдѣланные предъ Венденомъ, но были оттѣснены многочисленнымъ войскомъ Москвитянъ (28.000);

582 Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Томъ III· стр. 237.

однако вторичный ихъ натискъ дружными силами оказался удачнымъ: они смѣшали ряды Москвитянъ, убивъ болѣе 6000 человѣкъ».... Замѣчательно, что о бѣгствѣ Шереметева ничего не говорится ни въ донесеніи Сапѣги, ни въ Нюренбергской брошюрѣ. Въ послѣдней же Шереметевъ поименованъ даже въ числѣ воеводъ, убитыхъ подъ Венденомъ. Въ приложенномъ къ брошюрѣ спискѣ Московскихъ воеводъ, «погибшихъ въ сраженіи», первымъ записанъ «Knias Fedor Seremietzon»[583].

Битвою при Кеси начались удачи Стефана Баторія и невзгоды царя Ивана.

Грозный, встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, послалъ, 11 января 1579 года, письмо къ Баторію съ предложеніемъ прислать новыхъ пословъ для дружелюбнаго рѣшенія Ливонскаго спора. Но письмо это, кажется, осталось безъ отвѣта. Впрочемъ и самъ Грозный, по-видимому, расчитывалъ только выгадать время. Еще въ декабрѣ 1578 года у насъ начались дѣятельныя приготовленія къ новому походу въ Ливонію. 5-го декабря уже была объявлена роспись воево-

[583] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1847 г. Кн. 3 (Матеріалы. стр. 3).

дамъ по полкамъ. Въ большой полкъ написаны: бывшій царь Касимовскій Саипъ-Булатъ, называвшійся тогда, по странной прихоти Грознаго, великимъ княземъ Тверскимъ, князь Иванъ Өедоровичь Мстиславскій, князь Данило Андреевичь Ногтевъ и князь Василій Ивановичь Кривоборскій; въ правую руку—князь Петръ Тутаевичь Шейдяковъ, князь Иванъ Петровичь Шуйскій и Өедоръ Васильевичь Шереметевъ. Въ передовой полкъ—князь Өедоръ Ивановичь Мстиславскій, князь Василій Юрьевичь Голицынъ и князь Семенъ Даниловичь Пронскій; въ лѣвую руку--князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ, Борисъ Васильевичь Шеинъ и князь Андрей Дмитріевичь Палецкій. Въ сторожевой полкъ — князь Василій Ивановичь Мстиславскій и князь Михаилъ Юрьевичь Лыковъ-Оболенскій.

Странно видѣть въ этой росписи Шереметева, князя Ивана Голицына и князя Палецкаго, «запечатлѣнныхъ стыдомъ Венденскаго бѣгства». Карамзинъ съ негодованіемъ называетъ ихъ бѣглецами и удивляется, что названные воеводы снова начальствовали въ рати. По объясненію исторіографа, Грозный не смѣлъ казнить ихъ, «чтобы другіе, имъ по-

добные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію»[584].

Всего собрано было 100.000 ратниковъ. Царь Иванъ рѣшилъ самъ вести войско прямо къ Ревелю. Сборными пунктами назначены были Псковъ и Новгородъ, куда велѣно было сходиться, однимъ—къ 13-му мая, другимъ—къ Троицыну дню, а Казанскимъ Татарамъ—на Петрово заговѣнье[585].

Грозный выступилъ съ своимъ полкомъ изъ Москвы въ іюлѣ 1579 года.

[584] Исторія государства Россійскаго. Ч. IX. стр. 293.

[585] Древняя Россійская Вивліоѳика. Т. XIV. стр. 349—357.—О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки. 1830. Ч. 44. стр. 162 и 163).—Временникъ. Кн. 17. стр. 19.

ГЛАВА XXX.

Во время похода изъ Новгорода во Псковъ, получено было извѣстіе, что Шведы усилили свои войска въ Эстляндіи и Ингерманландіи, поручивши ихъ знаменитому полководцу Понтусу Де-ла-Гарди, и что, съ другой стороны, не менѣе знаменитый въ ратномъ дѣлѣ король Стефанъ Баторій, подъ личнымъ предводительствомъ, ведетъ отлично устроенное имъ сорокатысячное войско, съ искусною, закалившеюся въ бояхъ наемною пѣхотою Венгерскою и Нѣмецкою. Царь Иванъ, разсчитывавшій, что театромъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій будетъ Ливонія, тотчасъ же по прибытіи въ Псковъ занялся приготовленіями къ скорѣйшей осадѣ Ревеля и разсылкою

отдѣльныхъ отрядовъ въ Курляндію, къ Торвасту и въ Дерптскій уѣздъ. Но занятія эти были прерваны новою, болѣе ужасною, неожиданною вѣстью, что Стефанъ Баторій вторгся въ Русскія области и уже осадилъ Полоцкъ. Грозный, не смотря на то, что имѣлъ подъ рукою многочисленное войско, не отважился идти на встрѣчу Баторія. Въ Разрядной книгѣ скромно оговорено, что «государь не поспѣшилъ придти на короля, потому что люди были въ розни»[586].

Въ Полоцкѣ было всего 6000 войска подъ начальствомъ воеводъ: князя Василья Ивановича Телятевскаго, Петра Волынскаго и князя Дмитрія Михайловича Щербатаго. Малочисленность гарнизона уравновѣшивалась знаменитыми укрѣпленіями города и усердіемъ жителей, поголовно ставшихъ на защиту роднаго мѣста. Приступъ начался 11 августа. Къ счастію осажденныхъ, пошли проливные дожди, въ конецъ испортившіе окрестныя дороги. Обозы съ продовольствіемъ вязли въ грязи и съ трудомъ доходили до стана Баторіева. Въ войскѣ непріятельскомъ распространился голодъ. Смѣлое движеніе впередъ всѣхъ налич-

[586] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 355.

ныхъ силъ, находившихся во Псковѣ, безъ сомнѣнія, имѣло бы роковыя послѣдствія для Баторія. Но царь Иванъ не тронулся съ мѣста. Онъ, по выраженію князя Курбскаго, «собравшися со всѣмъ своимъ воинствомъ, за лѣсы забившися, яко единъ хороняка и бѣгунъ, трепеталъ и исчезалъ, никомуже гонящу его»[587].

На выручку Полоцка посланъ былъ изъ Пскова, подъ начальствомъ Ѳеодора Васильевича Шереметева и князя Андрея Дмитріевича Палецкаго[588], особый сборный отрядъ, въ которомъ, между прочимъ, были и Донскіе казаки. Порученіе столь труднаго и опаснаго предпріятія двумъ воеводамъ, опозорившимъ себя въ Венденскомъ дѣлѣ, можетъ быть объяснено только желаніемъ Грознаго предоставить имъ способъ загладить свой проступокъ.

Шереметевъ и князь Палецкій, подойдя къ Полоцку, увидѣли, что всѣ дороги къ нему уже перехвачены войсками Баторія; а потому, избѣгая столкновенія въ чистомъ полѣ съ высланными противъ нихъ полками подъ началь-

[587] Сказанія князя Курбскаго. стр. 244.

[588] О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 года. Ч. 44. стр. 164).

ствомъ Христофора Радзивила и Яна Глѣбовича, заняли крѣпость Соколъ, находящуюся при сліяніи рѣкъ Дриссы и Ниссы, въ 30 верстахъ отъ Полоцка. Занятіе Сокола, дѣйствительно, крайне затруднило Баторія, такъ какъ окончательно остановило подвозку съѣстныхъ припасовъ къ его войску. Вскорѣ въ Соколъ присланы были на подмогу новые отряды съ воеводами Борисомъ Васильевичемъ Шеинымъ, княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лыковымъ и княземъ Васильемъ Ивановичемъ Кривоборскимъ. Но на бѣду, Донскіе казаки, прибывшіе съ отрядомъ Шереметева, «измѣнили, пошли изъ Сокола безъ отпуску на Донъ»[589]. Кромѣ того, между воеводами, собравшимися въ Соколѣ, опять завязались мѣстническіе споры, не смотря на то, что имъ приказано было быть безъ мѣстъ[590]. Князь Михаилъ Юрьевичь Лыковъ билъ челомъ на Ѳедора Васильевича Шереметева, что ему быть съ нимъ невмѣстно. Хотя въ лѣтописи и отмѣчено, что по челобитью князя Лыкова «счету не было»[591],

[589] Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 525.

[590] Сборникъ Муханова. Изд. 2. Спб. 1866. № 93. стр. 150 и 160.

[591] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 19.

однако Шереметевъ былъ устраненъ отъ главнаго начальствованія, которое поручено Борису Васильевичу Шеину и грамоты царскія въ Соколъ стали писать: «Борису Шеину съ товарищи»[592].

Между тѣмъ, Стефанъ Баторій, опасаясь наступленія Сокольскихъ воеводъ, рѣшилъ поскорѣе кончить съ Полоцкомъ. 29 августа 1579 года, непріятель зажегъ крѣпость и кинулся на приступъ, но былъ отброшенъ Полочанами. На другой день, 30 августа, приступъ возобновился и, не смотря на отчаянное мужество осажденныхъ, Полоцкъ былъ взятъ, въ-слѣдствіе измѣны воеводъ. Въ Разрядной книгѣ прямо сказано: «Полотескъ король взялъ измѣною, потому что измѣнили воеводы, что были худы, а милы были имъ жены»[593]. Войско Баторіево, между прочимъ, разграбило драгоцѣнное книгохранилище Полоцкаго Софійскаго собора, содержавшее въ себѣ много лѣтописей и твореній святыхъ отцевъ Греческихъ въ Славянскомъ переводѣ[594]. Какая

592 О службахъ и походахъ боярскихъ (Отечественныя Записки 1830 года. Ч. 44. стр. 164).

593 Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. IX. примѣчаніе 527.

594 Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VI. стр. 367.

участь постигла эти сокровища письменности, кто завладѣлъ ими и куда дѣвались они—неизвѣстно.

Въ началѣ сентября, полки Баторія осадили Соколъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ овладѣть крѣпостью открытымъ приступомъ, Литовцы зажгли крѣпостныя башни и съ трубнымъ звукомъ устремились къ стѣнамъ. Осажденные сдѣлали отчаянную вылазку; но бой былъ слишкомъ неравенъ, и они принуждены были обратиться назадъ. Началась страшная рѣзня въ самомъ городѣ, изъ конца въ конецъ охваченномъ пламенемъ. Почти весь Сокольскій гарнизонъ былъ перебитъ. Старый полковникъ Вейгеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что онъ бывалъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видѣлъ такого множества труповъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ. Ужасъ зрѣлища довершался гнусною жестокостію Колыванскихъ Нѣмцевъ, вломившихся въ крѣпость вслѣдъ за Поляками и Литовцами. Они съ остервененіемъ бросались на трупы нашихъ воиновъ и предавали ихъ поруганію. По свидѣтельству современника, состоявшія при непріятельскомъ войскѣ Нѣмки-харчевницы вырѣзывали жиръ изъ мерт-

выхъ тѣлъ для составленія какой-то цѣлебной мази[595]!

Соколъ былъ взятъ 11 сентября. Одинъ изъ участниковъ этого взятія, Полякъ Людовикъ Боромвскій, свидѣтельствуетъ передъ потомствомъ о храбрости и стойкости нашихъ ратниковъ, защищавшихъ крѣпость. Отъ 14 сентября, слѣдовательно черезъ три дня послѣ взятія Сокола, Боромвскій писалъ изъ лагеря при Полоцкѣ, папскому нунцію въ Варшавѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Москвитяне храбро и, къ величайшему удивленію, съ нѣкоторымъ ущербомъ для насъ, защищали за̀мокъ Соколъ; а когда огонь охватилъ весь за̀мокъ, принуждены были сдѣлать нападеніе на нашихъ.... Непріятелей пало до четырехъ тысячъ.... То были не простые солдаты, но цвѣтъ Московскаго воинства. Половина убитыхъ въ бою были Московскіе дворяне»[596].

Изъ главныхъ Сокольскихъ воеводъ остались въ живыхъ и взяты въ плѣнъ: Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, Борисъ Василье-

595 Heidenstein. De bello Moscovitico commentariorum libri VI. Cracoviae. 1584. стр. 74.

596 Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ А. И. Тургеневымъ. Т. I. Спб. 1841. стр. 287.

вичь Шеинъ, князь Андрей Палецкій, князь Михаилъ Юрьевичъ Лыковъ, князь Василій Кривоборскій и Юрій Булгаковъ[597]. Собственно о Θедорѣ Васильевичѣ Шереметевѣ разсказываетъ слѣдующее секретарь Стефана Баторія, Гейденштейнъ: «Шереметевъ, отступая съ нѣсколькими всадниками изъ Сокола по направленію ко Пскову, наткнулся на развѣдочный отрядъ палатина Брацлавскаго Яна Збаражскаго и со всѣми бывшими при немъ людьми живьемъ попалъ въ руки палатина»[598]. Такъ что остается неизвѣстнымъ, вынужденъ ли былъ Шереметевъ уступить превосходству силъ Збаражскаго, или же просто сдался въ плѣнъ безъ боя. Любопытно показаніе и другаго современника, Польскаго гонца Богдана Проселка, прибывшаго отъ Баторія къ царю Ивану 17-го ноября 1579 года, съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ взятія Сокола. Проселко сказывалъ царю, что король предлагалъ Сокольскимъ воеводамъ, Шереметеву, Шеину, князю Лыкову и Булгакову, воз-

597 Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 г. кн. IV (Матеріалы. стр. 158).—Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. Ч. II. № 27.

598 Heidenstein. De bello Moscovitico commentariorum libri VI. Cracoviae. 1584. стр. 73.

вратиться домой, но что «они итить въ Россію не согласились»[599]. Должно полагать, что сознаніе виновности въ нарушеніи долга службы и чести не дозволяло воеводамъ воспользоваться милостію короля. Замѣтимъ въ заключеніе, что пасторъ Павелъ Одерборнъ, проживавшій въ пору Сокольскаго боя въ Ковнѣ, утвердительно говоритъ, что въ томъ бою Ѳедору Васильевичу Шереметеву представлялся завидный случай честно умереть на полѣ брани, но что онъ предпочелъ сдаться непріятелю и тѣмъ покрылъ еще большимъ срамомъ пораженіе своихъ соотечественниковъ. При всемъ томъ Одерборнъ даетъ весьма сочувственный отзывъ какъ о наружности Шереметева, такъ и объ его нравственныхъ свойствахъ. По словамъ почтеннаго пастора, Шереметевъ выдѣлялся отъ другихъ статностью и красотою; онъ имѣлъ правдивую душу, былъ краснорѣчивъ и вообще производилъ сильное впечатлѣніе на другихъ[600].

599 Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1860. Кн. IV (Матеріалы. стр. 158).

600 Wunderbare, Erschreckliche, Unerhörte Geschichte des nechst gewesenen Grossfürsten in der Moschkaw, Ioan Basilidis Leben. Gërlitz. 1588.

Вскорѣ послѣ взятія Сокола, король Стефанъ Баторій уѣхалъ въ Вильну, а его войско взяло еще нѣсколько городовъ и крѣпостей и въ томъ числѣ крѣпость Нещерду, построенную, въ 1571 году, Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ вмѣстѣ съ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ.

Шереметевъ пробылъ въ плѣну около четырехъ лѣтъ. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на событіяхъ, совершившихся въ его отсутствіе, такъ какъ за все это время въ разрядныхъ книгахъ не встрѣчается даже простаго упоминанія о комъ-либо изъ Шереметевыхъ. Замѣтимъ только, что Грозный въ борьбѣ съ Стефаномъ Баторіемъ потерялъ всю Ливонію и что его попытка утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря окончилась полною неудачею. Исчезло все высокомѣріе царя Ивана и онъ вынужденъ былъ даже просить папу Григорія XIII-го помирить его съ Польскимъ королемъ. По этому случаю присланъ былъ изъ Рима въ Москву іезуитъ Антоній Поссевинъ, при содѣйствіи котораго и заключено было, 17 января 1582 года, перемиріе съ Баторіемъ на 10 лѣтъ. Грозный отказался отъ Ливоніи и принужденъ еще былъ уступить

Полоцкъ съ Велижемъ. «И сбыстся писаніе, глаголющее: еже аще кто чюжаго похочетъ, помалѣ и своего останетъ; царь Иванъ не на велико время чюжую землю musemъ, а по малѣ и своей не удержа, а людей вдвое изгуби»[601].

[601] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. T. IV. стр. 319. Приведенныя слова лѣтописца сказаны по другому поводу, но они какъ нельзя болѣе идутъ и къ настоящему случаю.

ГЛАВА XXXI.

За три мѣсяца до пріѣзда Поссевина въ Москву, именно 14 ноября 1581 года, въ Александровской слободѣ совершилось извѣстное трагическое происшествіе, открывающее намъ, между прочимъ, какова была жизнь Елены Ивановны Шереметевой въ царской семьѣ. Въ этотъ день, царь Иванъ Васильевичь, въ припадкѣ изступленія, ударилъ желѣзнымъ посохомъ сперва сноху, Елену Ивановну, потомъ ея мужа, царевича Ивана, который черезъ 5 дней и скончался.

Разскажемъ этотъ страшный случай со словъ іезуита Поссевина, который, въ свою очередь, слышалъ всѣ подробности отъ своего переводчика, находившагося въ ту пору въ Александровской слободѣ.

Поссевинъ говоритъ, что въ роковой день, Грозный вдругъ вошелъ въ комнату царевны Елены Ивановны, которая, будучи въ послѣднемъ періодѣ беременности и не ожидая чтобы кто нибудь посѣтилъ ее, лежала на скамьѣ, въ одномъ исподнемъ платьѣ. Увидя державнаго свекра, она вскочила со скамьи, но тотъ, недовольный тѣмъ, что нашелъ сноху въ такомъ положеніи, и не слушая никакихъ оправданій, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ ее рукою по щекѣ, а потомъ принялся бить желѣзнымъ посохомъ. Несчастная въ туже ночь выкинула младенца мужескаго пола. Между тѣмъ, на шумъ въ комнатѣ царевны прибѣжалъ мужъ ея царевичь Иванъ Ивановичь. Онъ сперва упрашивалъ отца прекратить истязанія, а потомъ сталъ упрекать его въ томъ, что онъ безъ всякаго повода сослалъ въ монастырь двухъ первыхъ его женъ, а теперь бьетъ третью, чтобы умертвить въ ней младенца. Грозный, оставивъ сноху, принялся бить сына и такъ сильно ударилъ его посохомъ въ високъ, что тотъ, обливаясь кровью, упалъ безъ чувствъ. Тутъ только опомнился тиранъ. Онъ немедленно послалъ за докторами въ Москву, припадалъ къ сыну и молилъ

его о прощеніи. Но уже было поздно: «судъ Божій совершился»!... Черезъ пять дней, именно 19 ноября, царевичь Иванъ скончался[602].

По смерти мужа, Елена Ивановна Шереметева постриглась въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ именемъ Леониды и въ оффиціальныхъ документахъ преимущественно называлась царицей старицей Леонидою.

Грозный искренно раскаивался въ совершенномъ имъ преступленіи: проводилъ цѣлыя ночи въ слезахъ, вскакивалъ съ постели, стеналъ, вопилъ и, по свидѣтельству Поссевина, до конца своей жизни не надѣвалъ уже на себя ни вѣнца, ни другихъ царственныхъ украшеній. Онъ ласкалъ, какъ только могъ, овдовѣвшую сноху, жалуя ее разными вещами изъ своей казны. Такъ, въ Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискамъ и книгамъ 1582 и 1583 годовъ, читаемъ:

«Рукомойникъ серебрянъ бѣлъ, о дву льялѣхъ, вѣсу пол-10 гривенки — отданъ старицѣ Леонидѣ.

«Рукомойникъ оловянной, о дву льялѣхъ, да на таганѣ на желѣзномъ лахань мѣдена невелика—отданъ старицѣ жъ.

602 Possevinus. De Moscovia. Antverpiae. 1587. стр. 28 и 29.

«Да изъ приказныхъ государевыхъ судовъ пожаловалъ государь царевичевѣ княжъ Ивановѣ царицѣ старицѣ Леонидѣ:

«Братина золота велика, по вѣнцу надпись наведена чернью имя царя и великаго князя, а межъ словъ по вѣнцу въ гнѣздѣхъ два яхонта лазоревы да два тумпаза, вѣсу 5 гривенокъ и 7 золотникъ.

«Братина золота, по вѣнцу и по ней рѣзаны травы съ чернью; по вѣнцу жъ межъ травъ подпись имя царевича князя Ивана Ивановича; въ клейнѣ яхонтъ лазоревъ; вѣсу 2 гривенки и 15 золотникъ; а ударили челомъ царевичу князю Ивану старцы Футыня монастыря.

«Чарка золота гладка, по вѣнцу дорожки, подъ вѣнцомъ въ четырехъ кругахъ рѣзаны слова имя царевича князя Ивана Ивановича»[603].

Извѣстный писатель Павелъ Ивановичь Мельниковъ, въ письмѣ къ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву, изъ села Ляхова, отъ 13 августа 1878 года, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ видѣлъ рукописный молитвословъ,

603 Въ Описи поименованы еще одна братина и 6 чарокъ золотыхъ-же, но уже не съ такимъ характернымъ и подробнымъ описаніемъ (Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 7. М. 1850. Смѣсь. стр. 25 и 34.

«съ собственноручною подписью царя Ивана Васильевича», подарившаго эту книгу своей снохѣ Еленѣ Ивановнѣ Шереметевой.

Наконецъ, на содержаніе Елены Ивановны дана была въ пожизненный удѣлъ Устюжна Желѣзопольская[604], приносившая въ то время весьма значительные доходы.

Замѣчательно, что Елена Ивановна, будучи рядовою инокинею Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, и сама титуловала себя царицей. Она посылала въ свой удѣлъ грамоты, имѣвшія всѣ признаки царскихъ указовъ. Для примѣра приведемъ начало и конецъ ея грамоты, отъ 20 августа 1583 года, о невзиманіи пошлинъ съ иноковъ Троице-Сергіева монастыря, пріѣзжавшихъ въ Устюжну Желѣзопольскую для покупки желѣза и другихъ товаровъ: «Отъ царевичевы князя Ивана Ивановича отъ царицы Леониды, на Устюжну Желѣзополскую земскимъ судьямъ Шестаку Суморокову съ товарищи.... И какъ къ вамъ ся грамота придетъ, и вы бъ съ Троецкихъ старцовъ

604 Нынѣ уѣздный городъ Новгородской губерніи. До Елены Ивановны Шереметевой, «Устюжною Желѣзопольскою — посадомъ и деревнями, что̀ къ посаду», владѣла (съ 30 іюня 1570 г.) вдовствующая супруга брата государева, князя Юрья Васильевича, старица Александра (Акты археографической экспедиціи. Т. I. стр. 315).

и съ слугъ и съ купчинъ, которые учнутъ покупати на монастырской обиходъ желѣзо и суды и всякой товаръ, тамги и пошлинъ всякихъ не имали.... А прочетчи бы есте сю грамоту и списавъ съ нее противень, отдали бы есте сю грамоту монастырскому слугѣ, для прежнихъ земскихъ судей и таможныхъ цѣловалниковъ. Писанъ на Москвѣ, въ Новомъ дѣвичѣ монастырѣ, лѣта 7091 августа въ 20 день». На оборотѣ грамоты скрѣпа діака Василья Низовцова. Внизу приложена черная восковая печать, на которой надпись въ пяти строкахъ стерлась[605].

Въ народной памяти крѣпко засѣла мысль, что при убіеніи царевича Ивана Ивановича, супруга его, царевна Елена, была беременна. И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ смутную эпоху самозванцевъ, въ Астрахани объявился царевичь Лаврентій, выдававшій себя за сына «царицы и великой княгини Елены Ивановны Шереметевыхъ».... Это было въ 1608 году, при второмъ самозванцѣ, извѣстномъ въ

[605] Акты археографической экспедиціи. Т. I. стр. 381. Въ концѣ настоящей книги помѣщенъ снимокъ съ другой грамоты царевны Елены Ивановны Шереметевой (1587 года), съ печатью, на которой можно разобрать слѣдующую надпись: «печать..ревича кнз....на иванови..... ицы....» (печать царевича князя Ивана Ивановича царицы Леониды).

лѣтописяхъ подъ названіемъ Тушинскаго вора, который писалъ по этому поводу изъ Орла, отъ 24 апрѣля 1608 года, къ Смольнянамъ и ихъ «доблему» воеводѣ боярину Михаилу Борисовичу Шеину: «Да вотъ въ Астрахани-жъ, сказываютъ, объявился царевичь Лаврентей, а называетъ себя брата нашего царевича и великаго князя Ивана Ивановича всея Руси сынъ, а сказываетца, родился отъ царицы и великой княгини Елены Ивановной Шереметевыхъ; и вы, прироженные наши люди всего нашего Московскаго государства, и сами вѣдаете подлинно, что за братомъ нашимъ за царевичемъ и великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ всея Руси Шереметевыхъ была, а дѣтей у него не было»[606].

Въ нашей же лѣтописи записано, что въ то время «въ градѣ Астарахани явишася три вора: единъ поповъ сынъ (а назвася Августомъ, сыномъ царя Ивана Васильевича), вторый—пашенный мужикъ (а назвася Асиновикомъ, сыномъ царя Ѳедора Ивановича), третій же невѣдомо какого рода (а назвася Лаврен-

606 Сборникъ князя Оболенскаго. № 9. стр. 17. По объясненію издателя, эта Лжедмитріева грамота сохранилась въ спискѣ, доставленномъ тайно къ канцлеру великаго княжества Литовскаго Льву Сапѣгѣ.

тіемъ, сыномъ царевича Ивана Ивановича). Казаки же сущіи тамо, Асиновика поймавъ, повѣсиша. Августа жъ и Лаврентія взяша и поѣхаша съ ними къ Тушинскому вору; той же воръ оныхъ казаковъ пожаловалъ, привезенныхъ же ими воровъ повелѣ повѣсити въ Тушинѣ, на Московской дорогѣ. Оныхъ же повѣшенныхъ воровъ мнозіи знаяху»[607].

Изъ трехъ поименованныхъ самозванцевъ, Тушинскій воръ признавалъ наиболѣе опаснымъ для себя соперникомъ лжецаревича Лаврентія, такъ какъ въ приведенной грамотѣ къ Смолнянамъ онъ говоритъ только объ этомъ мнимомъ сынѣ царевича Ивана Ивановича. Къ опроверженію правъ Лаврентія, въ грамотѣ нѣтъ обычнаго въ такихъ случаяхъ устнаго свидѣтельства царевны Елены Ивановны, но ее давно уже не было въ живыхъ. Она скончалась, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ[608], который пожаловалъ Новодѣвичьему монастырю село Смолинское, Верейскаго уѣзда, «по брата своего царевича Ивана Ивановича по царицѣ старицѣ Леонидѣ»[609].

607 Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 105.

608 Слѣдовательно до 1598 года.

609 Акты историческіе. Т. IV. стр. 319.

Но возвратимся къ Сокольскому плѣннику Ѳедору Васильевичу Шереметеву. Безъ всякаго сомнѣнія, Елена Ивановна Шереметева, пользуясь благоволеніемъ Грознаго, старалась объ облегченіи участи своего дяди, которому, при случаѣ, посылалось и «государево жалованье», какъ это видно изъ слѣдующаго донесенія нашего посла въ Польшѣ, князя Ивана Васильевича Сицкаго, отъ 16 января 1581 года: «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу холопи твои Иванецъ Сицкой съ товарищи челомъ бьютъ: Мы, холопи твои, говоря промежъ себя, говорили приставомъ, чтобъ намъ ослободили послать къ полоненникомъ людей ихъ съ твоимъ государевымъ жалованіемъ которыхъ съ нами люди есть, для того отъ Литовскихъ людей до-пряма ничего довѣдаться не мочно.... И приставы, государь, намъ къ полоненникомъ людей ихъ послати поволили. И мы, холопи твои, ко князю Петру къ Татеву и къ Ѳедору Шереметеву и къ инымъ полоненникомъ въ розныя мѣста которыхъ люди съ нами есть, людей ихъ съ твоимъ государевымъ жалованіемъ къ нимъ послали. Князя Петрова человѣка Хворостинина съ нами не было. И мы ко князю Петру

въ Вилну посылали своего человѣка. И Ѳедоръ, государь, Шереметевъ писалъ къ намъ тѣ-жъ вѣсти, что въ народѣ говорятъ; а Василій Кузминъ сидитъ съ Ѳедоромъ же вмѣстѣ (гдѣ именно не сказано) и писалъ къ намъ только-де будетъ отъ тобя государя на Литовскую землю война, и король-деи съ тобою государемъ помиритца, а не будетъ войны и ему-деи съ тобою государемъ не мириваться.... А про полоненниковъ, государь, отказали жъ, что твоимъ государевымъ полоненникомъ съ нами видѣться король не даетъ и въ одно мѣсто никуды не сводятъ ещо и досталь розводятъ по рознымъ мѣстомъ»[610].

Донесеніе князя Сицкаго конечно слишкомъ мало знакомитъ насъ съ положеніемъ Ѳедора Васильевича Шереметева и его товарищей въ Польскомъ плѣну. Изъ этого донесенія можно только заключить, что нашихъ плѣнныхъ не держали въ одномъ мѣстѣ, а разводили по разнымъ городамъ, и что Русскихъ пословъ не допускали до личнаго свиданія съ ними. Легко себѣ представить—каково должно было быть обращеніе съ несчастными въ ви-

610 Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Польскаго двора 1581 года. № 12. Листъ 12 на оборотѣ, 15 и 17.

ду слѣдующаго разсказа современника о томъ, какъ потѣшались Поляки надъ нашими плѣнными, захваченными въ одномъ городкѣ, вскорѣ послѣ Сокольскаго дѣла: Главному воеводѣ и его подручнымъ военачальникамъ продѣли мѣдныя кольца въ ноздри и вмѣстѣ съ прочими плѣнными послали въ Варшаву. Тамъ выстроили всѣхъ на высокой эстрадѣ, и народъ, глазѣя на эту странную выставку людей съ мѣдными кольцами въ ноздряхъ, дразнилъ несчастныхъ и всячески глумился надъ ними. Въ тотъ-же день главнаго воеводу, который былъ знатнымъ бояриномъ, послали прислуживать королю во время стола[611].

[611] Pollnische Zeittung. 1580.

ГЛАВА XXXII.

Въ 1582 году наступилъ конецъ испытаніямъ Ѳедора Васильевича Шереметева. Лѣтомъ этого года, въ бытность Польскихъ пословъ въ Москвѣ для подтвержденія мирнаго договора, поднятъ былъ вопросъ и о выкупѣ нашихъ плѣнниковъ. 18 іюля, между послами Баторія и нашими боярами учинена была по этому предмету особая договорная запись. Самый большой выкупъ положенъ былъ за Ѳедора Васильевича Шереметева, именно: 20.000 Польскихъ золотыхъ, а въ Московское число 6857 рублевъ, пять алтынъ, да семь сороковъ соболей[612]. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановле-

[612] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1860. кн. IV (Матеріалы. стр. 182). Выкупъ плѣнныхъ у Польши обходился намъ весьма дорого. Царь Ѳедоръ Ивановичъ упрекалъ за это Стефана Баторія въ письмѣ, отъ февраля 1585 года,

но, — съ нашей стороны съ окупомъ, а съ Польской стороны съ плѣнными,—съѣхаться на Смоленскомъ рубежѣ къ 1-му октября слѣдующаго 1583 года. За двѣ недѣли до положеннаго срока, выѣхали изъ Москвы въ Смоленскъ, на границу, съ окупными деньгами и соболями: князь Василій Васильевичь Мосальскій, Захарій Хлоповъ и дьякъ Богданъ Огарковъ. Все было сдѣлано согласно договорной записи, и 25 октября 1583 года, Шереметевъ, послѣ четырехлѣтняго плѣна, возвратился въ Москву. Радость возвращенія на родину была, однако, омрачена для него непріятностями по домашнимъ дѣламъ: Өедору Васильевичу прежде всего пришлось озаботиться о своемъ имуществѣ, разграбленномъ въ его отсутствіе роднымъ племянникомъ Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ.

Нужно сказать, что собственная семья Өе-

при чемъ косвеннымъ образомъ высказалъ и свое нерасположеніе къ Өедору Васильевичу Шереметеву. Въ письмѣ томъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «При отцѣ нашемъ и при тебѣ Стеөанѣ королѣ взяли окупъ великій на нашихъ полонянникахъ на однихъ на четырехъ человѣкахъ, на Өедорѣ на Шереметевѣ съ товарищи, двадцать тысячъ рублевъ денегъ, и они и трети того были не стоили; да намъ государемъ христіанскимъ и не такихъ дѣлъ для добраго дѣла вспоминати не надобно, и впредь бы межи насъ того не было съ обѣ стороны, что христіанъ продавати изъ плѣну на деньги и на золотые» (Изъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ Acta M. D. Lituanea. № 6. Листъ 5 на оборотѣ).

дора Васильевича состояла лишь изъ жены, о которой знаемъ только одно, что въ міру она носила имя Ксеніи, а въ-послѣдствіи постриглась въ монастырь и наречена Каптелиною. Ѳедоръ Васильевичь самъ называлъ ее такъ: «семья моя старица Каптелина»[613]. Дѣтей у нихъ не было, и все имущество Сокольскаго плѣнника захватилъ въ свое распоряженіе Петръ Никитичь Шереметевъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ челобитной другого племянника Ѳедора Васильевича, Ѳедора Ивановича Шереметева, поданной имъ, въ-послѣдствіи, царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ челобитной той написано, между прочимъ, слѣдующее: «Блаженныя памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи дядю нашего, Ѳедора Васильевича, въ Сокольское взятье, взяли въ полонъ Литовскіе люди, и Петръ Никитичь на Москвѣ на дворѣ дяди своего и моего у палатъ замки сбилъ и животы его пограбилъ и въ деревняхъ лошади поималъ и вотчинами владѣлъ покамѣста дядя нашъ вышелъ изъ полону»[614].

613 Книги записныя Іосифова монастыря. Рукопись Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. № 141/196. л. 41.
614 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320.

Такія рѣшительныя дѣйствія Петра Никитича Шереметева, вѣроятно, были вызваны какими нибудь прежними счетами съ дядей, который не пользовался большимъ уваженіемъ ближайшихъ родственниковъ, не смотря на свое физическое старшинство въ родѣ, особливо чтимое въ древней Россіи. Но нужно имѣть въ виду, что Ѳедоръ Васильевичь былъ младшимъ дядей, который, по понятіямъ того времени, былъ равенъ сыну старшаго брата, т. е. старшему племяннику, каковымъ въ настоящемъ случаѣ былъ Петръ Никитичь Шереметевъ. Независимо отъ сего, Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ не могъ внушить уваженія и своими личными качествами, не разъ подвергавшимися тяжкому искусу при встрѣчѣ съ непріятелемъ въ открытомъ бою. Венденское дѣло и Сокольское взятіе у всѣхъ еще было въ свѣжей памяти. Все это однакоже не могло оправдать самоуправства Петра Никитича и, по возвращеніи Ѳедора Васильевича изъ плѣна, онъ былъ ему «выданъ головою, за грабежъ»[615].

Какъ извѣстно, судебный обычай выдачи головою заключался въ томъ, что виновный

[615] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320.

приводился къ обиженному, припадалъ къ его ногамъ и не поднимался до тѣхъ поръ, пока тотъ не вычтетъ ему всѣ причиненныя имъ неудовольствія и оскорбленія. Послѣ того обиженный поднималъ виновнаго съ словами: «Повинной головы и мечь не сѣчетъ. Богъ тебѣ проститъ». Обрядъ этотъ хотя и завершался пирушкой, но рѣдко устанавливалъ искреннее примиреніе между враждовавшими сторонами. Петръ Никитичь Шереметевъ никогда не могъ забыть вынесеннаго имъ униженія и не оставлялъ въ покоѣ своего дядю даже и тогда, когда тотъ постригся въ монахи.

Во время четырехлѣтняго плѣна Ѳедора Васильевича Шереметева много перемѣнъ произошло при Московскомъ дворѣ. Наибольшая перемѣна примѣчалась въ самомъ царѣ Иванѣ: онъ состоялъ уже въ пятомъ бракѣ, съ Маріей Ѳедоровною изъ рода Нагихъ и рожденному отъ нея сыну, царевичу Дмитрію, уже шелъ другой годъ. Грозный, не имѣя и 54-хъ лѣтъ отъ роду, глядѣлъ дряхлымъ старцемъ. Крайне невоздержная жизнь преждевременно состарила его и напоминала ему о себѣ страшною болѣзнью: гніеніемъ внутри и опухолью снаружи. Къ тѣлеснымъ страданіямъ присое-

динялись и нравственныя: убіеніе роднаго сына, несчастная война съ Баторіемъ и потеря Ливоніи терзали душу страдальца. Онъ бросилъ, наконецъ, злосчастную Александровскую слободу и постоянно жилъ въ Москвѣ. Дни царя Ивана были изочтены. Весьма близкимъ къ нему человѣкомъ былъ въ то время зять Малюты Скуратова, Борисъ Годуновъ, сестра котораго, Ирина, въ 1580 году, въ самый разгаръ побѣдъ Баторія, сочеталась бракомъ съ царевичемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ.

Кромѣ Годунова, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, князя Ивана Петровича Шуйскаго и князя Богдана Яковлевича Бѣльскаго, у трона Грознаго стоялъ еще одинъ бояринъ, располагавшій особенною любовью его и уваженіемъ. То былъ сородичь Шереметевыхъ, Никита Романовичь Юрьевъ, который, какъ говорятъ, подобно сестрѣ своей покойной царицѣ Анастасіи Романовнѣ, умѣлъ укрощать порывы страшнаго гнѣва Иванова. Онъ пользовался и любовью народа, увѣковѣчившаго его имя въ своихъ пѣсняхъ.

Вліяніемъ Никиты Романовича Юрьева и вдовствующей снохи государевой, царицы старицы Леониды, можетъ быть объяснено

то странное обстоятельство, что Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, не смотря на всѣ свои неудачи, не терялъ довѣрія и милости царя Ивана. Онъ возвратился въ Москву въ то самое время, когда всѣ были встревожены бунтомъ, вновь вспыхнувшимъ въ землѣ Луговыхъ Черемисовъ, подстрекаемыхъ новымъ Крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ, сыномъ Девлетъ-Гирея (умершаго еще въ 1577 году). Шелъ тридцать первый годъ со времени покоренія Казани, но, по словамъ лѣтописца, «окаянніи бусурмани подъ государевою рукою жить не похотѣша, воздвигоша рать и плѣниша многіе городы». Царь уже посылалъ войско для усмиренія разсвирѣпѣвшихъ дикарей; «они же погани, аки звѣри суровстіи, противляхусь противъ рати Московскія; аки змѣи ядяху человѣка жалы своими, такожъ и они поганіи побиваху Московскихъ людей овогда на станахъ, овогда на походѣхъ»[616]. Въ эти трудныя минуты, Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ, только что возвратившійся изъ плѣна, былъ посланъ намѣстникомъ въ Кострому[617], а вслѣдъ за тѣмъ, именно 7-го ноября

616 Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VIII. стр. 4.
617 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 441.

1583 года, по государеву цареву указу, бояре приговорили послать въ Черемисскую землю, въ зимній походъ, войско подъ начальствомъ окольничаго Өедора Васильевича Шереметева и Владиміра Васильевича Головина. Ратные люди должны были собраться въ Муромѣ, къ Рождеству Христову[618].

Можетъ быть, указанный приговоръ и не былъ приведенъ въ исполненіе; по крайней мѣрѣ, въ росписи воеводъ, дѣйствительно ходившихъ въ томъ году въ Черемисскую землю, имени Шереметева не встрѣчается. Но для насъ важно уже и то, что Грозный и его бояре находили возможнымъ поручить Өедору Васильевичу Шереметеву главное начальство въ предпріятіи столь трудномъ и опасномъ, каковымъ былъ въ то время походъ противъ Черемисовъ.

Между тѣмъ приближался послѣдній часъ Грознаго. Болѣзнь его, съ наступленіемъ 1584 года, стала развиваться съ необыкновенною быстротою. Въ мартѣ мѣсяцѣ, не задолго до кончины, онъ писалъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: «Бью челомъ всему еже о Христѣ

618 Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XIV. стр. 442.—Синбирскій сборникъ. стр. 85.

братству, чтобъ есте пожаловали, о моемъ окаянстве соборне и по кельямъ молили Господа Бога и Пречистую Богородицу и великаго чюдотворца Кирила, чтобы Господь Богъ и Пречистая Богородица и великій чюдотворецъ Кирилъ, вашихъ ради святыхъ молитвъ, моему окаянству отпущенье грѣхомъ даровалъ, и отъ настоящія смертныя болѣзни свободилъ, и здравье далъ; а мы въ чемъ передъ вами будетъ виновати, и вы бъ насъ пожаловали простили»[619].... Грамота эта получена была въ Кирилловомъ монастырѣ 20 числа, когда царь Иванъ уже предсталъ предъ судъ Всевышняго. Онъ скончался въ полдень 18-го марта 1584 года, «вручивъ превеликій скипетръ Россійскаго самодержавнаго царствія» своему сыну, царевичу Ѳедору Ивановичу.

Завѣтная мысль царя Ивана принять иноческій чинъ осуществилась за нѣсколько часовъ до его смерти: онъ былъ постриженъ на имя Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и нареченъ такъ-же, какъ и Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, инокомъ Іоною.

За годъ до кончины Грознаго, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ лишился своей матери

619 Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. I. стр. 185.

Домны Михайловны (рожденной княжны Троекуровой), скончавшейся 10 марта 1583 года. Предъ смертью и она приняла постригъ, съ именемъ Евникіи, и погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ соборною церковью Смоленской Божіей Матери, по правую сторону. Вотъ надпись надъ ея могилою: «Лѣта 7091 года, марта въ 10 день, преставися раба Божія Домна, Иванова жена Васильевича Шереметева, во иноцѣхъ Евникея, на память святаго мученика Кондрата и дружины его»[620].

За смертью Домны Михайловны Шереметевой, ея дѣти-сироты, Өедоръ Ивановичь и Ксенія Ивановна Шереметевы, остались на попеченіи старшей ихъ сестры, царицы старицы Леониды, которая, сидя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, входила во всѣ подробности по управленію многочисленными имѣніями, принадлежавшими малолѣтнему Өедору Ивановичу. Въ подтвержденіе этого прилагаемъ свѣтопечатный снимокъ съ ея грамоты отъ 21 іюля 1587 года[621], въ Костромской уѣздъ, въ вотчину Өедора Ивановича Шереметева, село Борисо-

[620] Древняя Россійская Вивліоөика. Ч. XIX. стр. 299.

[621] Подлинная грамота принадлежитъ академику Аөанасью Өедоровичу Бычкову.

глѣбское, по жалобѣ тамошнихъ старостъ и крестьянъ на слугу Өедора Ивановича Шереметева, Иванка Шигаля и жену его Авдотьицу, уклонявшихся отъ платежа мірскаго долга и схоронившихъ свои деньги и имущество у мѣстнаго священника Зиновьева. Царица старица Леонида даетъ обстоятельныя указанія, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и заключаетъ грамоту приказаніемъ сказать священнику отъ ея имени «съ великою опалою и съ угрозою со всякою, и отъ Өедора Ивановича съ великою кручиною, чтобы онъ однолично Иванковыхъ Шигалевыхъ денегъ и всякаго живота у собя не таилъ».

Грозный, жалуя сноху, оказывалъ милости и находившемуся на ея попеченіи сыну доблестнаго воеводы Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева. Такъ, незадолго до кончины, пересматривая казну покойнаго царевича Ивана Ивановича, онъ выбралъ изъ ея сокровищъ «шапку скорлатну, низану жемчугомъ, съ собольимъ ок̀оломъ», и подарилъ ее Өедору Ивановичу Шереметеву[622], который тогда еще не былъ на службѣ

622 Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 7. М. 1850. Смѣсь. стр. 29.

и спокойно проживалъ въ наслѣдственныхъ Кремлевскихъ палатахъ, подготовляемый судьбою къ широкой государственной дѣятельности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ.

Абдулла-Ахъ-Кубекъ, царь Астраханскій. 315.
Абрамовы (Обрамовы). 52.
Августъ, кесарь. 471.
Августъ, лже-царевичь. 498, 499.
Адашевъ, Алексѣй Ѳедоровичь. 98, 143, 144, 170, 174, 228—230, 246, 255, 462.
Адашевъ, Даніилъ Ѳедоровичь. 175, 211, 217, 218.
Адашевъ, Ѳедоръ Григорьевичь. 168, (во иноцѣхъ Арсеній 133).
Академія наукъ, въ С.-Петербургѣ. 45.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичь. 288, 342.
Аксиньино, сельцо. 82.
Албанія, страна. 46, 47.
Алевизъ, зодчій. 451.
Алеко, Черемисинъ. 177.
Александра, старица. См. Іуліана Дмитріевна.
Александровская слобода. 274, 275, 309, 342, 356, 363, 371, 408, 411, 469, 492, 508.
Александровскій Успенскій дѣвичій монастырь. 138.
Алексѣевское, пустошь. 460.
Алексѣй, св. митрополитъ Всероссійскій. 24.
Алексѣй Михайловичь, царь. 12, 450.
Алексѣй (Алеша), дворовый человѣкъ. 103—105, 109, 121, 126.
Алифинцово, починокъ. 81, 84.
Аллентакенъ, городъ. 367.
Амвросій, архимандритъ. 323.
Анастасія Романовна, царица. 97, 131, 136, 165, 211, 228—230, 238, 239, 251, 305, 439, 508.
Анатолій, игуменъ. 84, 346.
Англія и Англичане. 195, 305, 357.
Андрей Ивановичь, князь, сынъ Ивана III-го. 59.
Анна Алексѣевна Колтовская, 4-я жена Грознаго. 375, 376.
Антоній, митрополитъ Всероссійскій. 448.
Антоній, старецъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 326, 339.
Арбатская улица (Арбатъ), въ Москвѣ. 273.
Арбатскій, дворецъ Грознаго. 357.
Аргамакова, Марья Михайловна. 291, 292.
Армяне. 189.
Арскіе ворота, въ Казани. 156.
Арскій лѣсъ. 153.
Арское поле. 131, 134, 152, 153, 156, 174.
Архангельскъ, городъ. 195.
Арцыбашевъ, историкъ. 40.
Асафъ. См. Іоасафъ.
Асиновикъ, самозванецъ. 498, 499.
Астрахань, городъ. 180, 189, 283, 312, 316, 350, 359, 384, 497, 498.
Ахметъ-Гирей, царевичь Крымскій. 189.

Ашератъ (Скровенъ), городъ. 225. 467, 468.
Аѳанасій, митрополитъ Всероссійскій. 281. 288.
Аѳанасій, игуменъ. 82. 133.

Багге, Яковъ. 196—198, 202.
Базѣевское, село. 32.
Баймеръ, посланецъ. 187.
Баклановская, пустошь. 460.
Балтійское море и поморье. 237, 285, 428, 471, 490.
Банево, сельцо. 301.
Бархатная книга. 3, 404.
Басмановъ-Плещеевъ, Алексѣй Даниловичь. 182, 186—188, 211, 229, 241.
Басмановъ, Ѳедоръ Алексѣевичь. 229.
Батый, царь Татарскій. 60.
Башкирская земля и Башкирцы. 161, 176—178, 182.
Башмаковъ, Маркъ Григорьевичь. 28.
Беззубецъ, Александръ Ѳедоровичь. 27, 29, 33, 49, 50, 97, 112.
Беззубцовъ, Григорій Александровичь. 29.
Беззубцовъ, Иванъ Александровичь. 29, 112.
Беззубцовъ, Иванъ Ивановичь. 111, 112.
Беззубцовъ, Константинъ Александровичь. 29, 33, 34, 36—41, 43, 44, 46, 47, 50.
Беззубцовъ, Михаилъ Константиновичь. 44.
Беззубцовъ, Ѳедоръ Константиновичь. 44.
Беззубцовы. 18, 33, 112.
Бекетовская разрядная книга. 52.
Бекъ-Булатъ, царевичь Татарскій. 241.
Берендѣевская волостъ (Берендѣево). 32.
Берсень, бояринъ. 55.
Битюгъ, рѣка. 33, 34, 46.
Благовѣщенскій соборъ, въ Москвѣ. 303.
Блудовъ, Игнатій Борисовичь. 349.
Боборыкины. 18.
Богородицкіе ворота, въ Полоцкѣ. 243.
Богоявленскій монастырь, въ Москвѣ. 49, 50.
Бое, Шведскій генералъ. 475.
Болгарія (Дунайская). 46.
Болховъ, городъ. 283.
Бомелій, Елисей. 305.
Борановское, село. 32.
Борискова, деревня. 292, 293.
Борисоглѣбскій Ростовскій монастырь. 345, 443—446.
Борисоглѣбское, село. 255, 256, 448, 461—463, 512, 513.
Борисъ Васильевичь, князь Волоцкій. 16, 32, 452.
Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, царь. 254, 355, 364, 453, 459, 463, 464, 508.
Бороздинъ, Константинъ Матвѣевичь. 294, 320, 457.
Боромвскій, Людвигъ. 487.
Борромео, Карлъ. 260.
Босоволковъ, Алексѣй. 8.
Бошарова, слобода. 255.
Бояре (Московскіе, середніе, родовые, жалованные, думные и проч.). 21—23, 39, 53, 55, 56, 71, 91, 210, 218, 223, 245, 274, 276, 281, 282, 286, 287, 290, 305, 308, 329, 335, 336, 355, 360, 368, 369, 374, 387, 398, 408, 414, 419—422, 424, 430, 510.
Бракъ въ четвертый разъ. 375.
Брандкугель, снарядъ. 427.
Братина, пожалованная Грознымъ Кирилловскимъ инокамъ. 343.
Братовщино, село. 359.
Бригитинскій монастырь, подъ Ревелемъ. 466.
Бронницы, городъ и уѣздъ. 120, 319, 356.
Брюхово, село. 459.
Бряславль, городъ. 74.
Бузуковская, деревня. 107, 110, 115, 116, 297—300.

Букраба, гонецъ. 348.
Булакъ, рѣчка. 68, 134, 144, 145, 151.
Булгаковъ-Куракинъ, князь. См. Куракинъ-Булгаковъ, князь.
Булгаковъ, Юрій. 488.
Бупда, сынъ боярскій. 223.
Бундовъ, Яковъ Степановичъ. 222, 223.
Буртнекъ (Пиркель), городъ. 467.
Бутаково, сельцо. 49.
Бутово, сельцо. 308, 344.
Бутурлинъ, Аѳанасій Андреевичъ. 266, 297, 303.
Бутурлинъ, Василій. 301.
Бутурлинъ, Геннадій. 28.
Бутурлинъ, Иванъ Андреевичъ. 219, 266.
Бутурлинъ, Никита Николаевичъ. 62.
Бутурлинъ, Ѳедоръ Ивановичъ. 266.
Буховецкій, Левъ. 419, 421, 422.
Бухолово, село. 462.
Быханово, сельцо. 313.
Бѣлевъ, городъ. 182.
Бѣлоозеро, мѣсто ссылки. 91.
Бѣльскіе, князья. 76, 88, 423.
Бѣльскій, князь Богданъ Яковлевичъ. 508.
Бѣльскій, князь Дмитрій Ѳедоровичъ. 59, 61, 86, 129 — 132, 134, 396.
Бѣльскій, князь Иванъ Дмитріевичъ. 241, 276, 279—282, 284, 355. 356.
Бѣльскій, князь Иванъ Ѳедоровичъ. 63—65, 68, 69, 87, 88, 90, 91.

Валуевъ, Дмитрій Александровичъ. 18, 44, 45, 398, 399, 404.
Вановскій, авторъ. 4.
Вантей. См. Ивантей.
Варваркина, деревня. 292, 293.
Варламовская большая улица, въ Москвѣ. 356.
Варлаамъ, св. игуменъ Хутынскій. 336.
Варлаамъ Собакинъ, инокъ. См. Собакинъ, Варлаамъ.
Варшава, городъ. 260, 410, 487, 502.
Василево, Воскресенское тожъ, село. 458, 459.
Василій, св. епископъ Амасійскій. 328.
Василій Васильевичъ Темный, великій князь. 16. 29—34, 92.
Василій Даниловичъ, князь Холмскій. 56, 60.
Василій Дмитріевичъ, великій князь. 24, 26, 27, 76.
Василій Ивановичъ, великій князь. 57 — 63, 66, 67, 69 — 73, 396, 451.
Василій Юрьевичъ Косой, князь. 30, 31.
Васильевская церковь, въ селѣ Чиркинѣ. 442.
Васильсурскъ, городъ. 63, 162.
Введенскія села, въ Коломенскомъ уѣздѣ. 32.
Везенбергъ, городъ и уѣздъ. 367. 466.
Вейгеръ, полковникъ. 486.
Вейдевутъ, лицо легендарное. 4, 6, 14.
Велейщина. 278.
Велижъ, городъ. 491.
Великія Луки, городъ. 244, 270, 271, 277.
Велье, село. 278.
Вельяминовъ, Василій Васильевичъ, тысяцкій. 31.
Вельяминовъ, Дмитрій Ивановичъ. 425.
Венгрія. 423.
Венденъ (Кесь), городъ, 285, 286, 467, 472, 474 475, 477, 478.
Вешняково, сельцо. 457, 458, 461.
Вешняковъ, Василій. 213.
Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ. 315.
Вильна, городъ. 57, 74, 225, 262, 264, 490, 501.
Висковатый, Иванъ Михайловичъ. 140, 166, 172, 246, 247, 276, 331.
Витебскъ, городъ. 74, 258, 471.

Витовтъ, великій князь Литовскій. 25.
Виттенштейнъ (Пайда), крѣпость. 389.
Вклады въ монастыри. 81—84, 133, 205, 221, 232, 233, 306, 308, 310, 319, 344—346, 436, 441, 442, 445, 446.
Владиміръ на Клязмѣ, городъ, и Владимірцы. 32, 35, 75, 88—90, 92, 129.
Владиміръ Андреевичь, князь Старицкій. 135, 146, 166, 167, 169, 170, 173, 208, 238, 241.
Власій (Власко) Ивановъ, упом. въ тяжебномъ дѣлѣ. 104—109, 111—113, 123, 124.
Водская пятина. 16.
Волга, рѣка. 32, 35, 36, 39, 42, 62, 63, 66, 68, 130, 140, 141, 143, 149, 151, 162, 174, 175, 350.
Вологжане, жители. 35.
Володина, деревня. 292, 293.
Волоколамскъ, городъ. 60.
Волшебство, чародѣйство. 97, 333, 391.
Волынскій, Петръ. 482.
Вольфенбюттельская библіотека. 432.
Вольмаръ, городъ. 286, 348, 467.
Вольное Россійское собраніе при Московскомъ университетѣ. 53.
Воробьевы горы, въ Москвѣ. 60, 98.
Воронечь, городъ. 278, 301.
Вороновъ, Михаилъ Ивановичь. 148.
Воронцовъ, Василій Ѳедоровичь. 476.
Воронцовъ, Иванъ Михайловичь. 371, 372, 374.
Воронцовъ, Михаилъ Семеновичь. 62.
Воронцовъ, Ѳедоръ Семеновичь. 93, 94.
Воропай, Ѳедоръ. 385, 387, 388.
Воротынскій, князь Александръ Ивановичь. 212.
Воротынскій, князь Владиміръ Ивановичь. 131, 147, 149, 157, 162, 166, 167, 169—172, 329.
Воротынскій, князь Иванъ Михайловичь. 271.
Воротынскій, князь Михаилъ Ивановичь. 48, 147, 152, 156, 162, 351, 354, 356, 362, 373, 376, 377, 379, 381, 382, 384, 389, 390.
Воскресенская церковь, въ селѣ Городнѣ. 451.
Воскресенское, село. См. Василево.
Вотяки, народъ. 161, 174.
Вошань, рѣка. 58.
Вощажниково, село. 443.
Выборгъ, городъ. 196, 197, 202—204, 206, 250.
Выборъ государевой невѣсты. 96, 97, 363, 440.
Выкупъ плѣнныхъ. 503, 504.
Высокое, сельцо. 462.
Выхонь, Стафурино тожъ, деревня. 460, 461.
Вышегородъ, Псковскій. 215.
Вышегородъ, Ревельскій. 426, 429, 430.
Вѣданіе Москвою въ отсутствіе государя. 303
Вяземскій, князь Аѳанасій Ивановичь. 229, 275.
Вязовка, Калинино тожъ, деревня. 460, 461.
Вязьма, городъ. 62, 258, 269, 270, 277.
Вятка, городъ, и Вятчане. 34, 35, 40, 41, 95.
Вятка, рѣка. 175.
Вяткины, Шереметъ и Второй Андреевы дѣти. 48.

Гавша, Гавріилъ. 18.
Галиція, 411.
Гапсаль, городъ. 429.
Гарабурда, Михаилъ. 238, 285, 393.
Гданескъ. См. Данцигъ.
Гедиминовичи. 25, 54, 471.
Гейденштейнъ, авторъ. 488.
Гейлигенбейль, мѣстечко. 6.
Гельсингфорсъ, городъ. 199.
Генрихъ Валуа, король Польскій 410, 411.

Георгіевская церковь, въ Москвѣ. 33.
Герберштейнъ, баронъ. 54, 61, 62, 65.
Гербовники. 9, 12, 13.
Гербы. 9—13, 223, 224.
Герольдія. 9—11, 13.
Глинская, княгиня Анна. 97.
Глинскіе, князья. 76, 95, 97.
Глинскій, князь Василій Львовичь. 66.
Глинскій, князь Михаилъ Васильевичь. 94, 160, 211.
Глинскій, князь Михаилъ Львовичь 68, 69.
Глинскій, князь Юрій Васильевичь. 94, 97.
Глухой-Оболенскій, князь. См. Оболенскій-Глухой, князь.
Глѣбовичь, Янъ. 484.
Гоголь, Иванъ. 419—421, 424.
Годунова, Ксенія. См. Ксенія Борисовна.
Годуновъ, Борисъ. См. Борисъ Өедоровичь, царь.
Годуновъ, Михаилъ Васильевичь. 200, 201.
Голицына, княгиня Анна Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 461.
Голицынъ, князь Василій Юрьевичь. 390, 394, 395, 409, 413, 414, 425, 479.
Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичь. 451, 455, 461.
Голицынъ, князь Иванъ Юрьевичь. 394, 400, 401, 409, 413, 420, 425, 473, 475, 479.
Голицынъ, князь Өедоръ Алексѣевичь. 455.
Голицыны, князья. 450.
Головинъ, Василій Петровичь. 148.
Головинъ, Василій Өедоровичь. 301.
Головинъ, Владиміръ Васильевичь. 510.
Головинъ, Григорій Өедоровичь. 301.
Головинъ, Иванъ Петровичь. 134.
Головинъ, Михаилъ Петровичь. 200.
Головинъ, Петръ Петровичь. 148, 200, 212, 226.
Головинъ, Пояркъ Өедоровичь. 301.
Головинъ, Семенъ Яковлевичь. 301.
Головинъ, Третьякъ Васильевичь. 301.
Головою выдать, судебный обычай. 506, 507.
Головы выборнные. 148, 244.
Голохвастовъ, Иванъ Ивановичь. 10, 11.
Голтяева, Марья Өедоровна. 16, 29, 30, 32, 452.
Голтяй, Өедоръ Өедоровичь. 27—30.
Голутвинъ монастырь. 62.
Горбатый-Суздальскій (Шуйскій), князь Александръ Борисовичь. 155, 156, 162, 174.
Горбатый Суздальскій, князь Андрей Борисовичь. 62.
Горбатый-Суздальскій, князь Борисъ Ивановичь. 74.
Горбатый-Суздальскій, князь Михаилъ Васильевичь. 74.
Горбуновы. 18.
Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь (Горы, Горицы), 318, 319.
Горка, село. 32.
Горки, деревня. 49.
Городня, село и волость. 32, 450—452.
Городчикова, деревня. 313.
Горсей, Джеромъ. 439, 440.
Горы, **Горицы**. См. Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь.
Гостинный островъ, подъ Казанью. 64.
Гравороново (Граворны), село. 99. 100, 102, 103, 107—111, 115—119, 121, 122, 125—127, 296, 298—300, 313.
Грамоты (правыя, духовныя, раздѣльныя, клятвенныя, жалованныя, приговорныя, богомольныя и проч.). 20—23, 57, 101, 102, 121, 122, 133, 173, 223, 254, 255, 287, 288, 298, 299, 311, 313—315, 318, 323, 325,

326, 359, 360, 364, 365, 371, 372, 400, 419, 420, 422, 424, 470, 496—499, 511—513.
Грановитая палата. 135, 163.
Греки въ Россіи. 55.
Григорій XIII, папа. 490.
Грипсгольмскій замокъ. 370, 372.
Гродна, городъ. 290, 348.
Груденскій, Юрій. 419, 421, 422, 424.
Грязной, Василій Григорьевичь. 229.
Гуляй-городъ, гора близъ Серпухова. 379.
Гуляй-городъ, подвижная крѣпость. 378, 379, 382, 383, 412.
Гундоровъ, князь Никита. 349.
Гундоровъ, князь Николай Григорьевичь. 234.
Гундоровъ, князь Семенъ. 402.
Гундоровъ, князь. 75.
Гунцовъ, Василій. 292, 293.
Густавъ-Ваза, король Шведскій. 195, 198, 199, 202, 206, 368.

Давидъ, царь. 335.
Даирова башня, въ Казани. 152, 154.
Далинъ, историкъ. 197, 198, 388.
Даниловъ монастырь, въ Москвѣ. 51.
Даніилъ, митрополитъ Всероссійскій. 69, 87.
Даніилъ Александровичь, великій князь. 7.
Данія. 195, 370, 371.
Данковъ, городъ. 351, 352, 376, 415.
Данцигъ (Гданескъ), городъ. 13, 424, 428, 471. Городская библіотека. 432.
Датчане. 426.
Дашковъ, князь Андрей Дмитріевичь. 110—112.
Двина (Западная), рѣка. 225, 271, 285, 287, 468.
Двинская область. 57.
Дворовые воеводы. 147, 194, 220.
Дворы: Якова Степановича Бундова, 222.—Марьи Ѳедоровны Голтяевой, 33. — Ивана Зайцова, 93.—Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, 420. — Князя Андрея Петровича Ноздреватаго, 116. — Саввинскаго монастыря, въ Москвѣ, 223.—Князей Токмаковыхъ. 103, 104, 106, 112, 113.—Андрея Константиновича Шереметя, 52.—Ивана Васильевича Большаго Шереметева. 325, 332, 338, 344.—Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева. 358, 463, 464.—Ѳедора Васильевича Шереметева, 505.
Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій. 148, 149, 181—191, 206, 207, 209, 216, 217, 220, 237, 238, 246, 276, 283, 284, 295, 350, 353, 355, 356, 358, 359—361, 375, 379—383, 385, 389, 392, 393, 410, 411, 417, 509.
Де-ла-Гарди, Понтусъ. 481.
Дементьевъ, Лука. 104.
Демкино, деревня. 454, 469.
Деревская пятина. 16.
Дерптъ (Юрьевъ), городъ. 200, 212, 214, 215, 225, 226, 235, 287, 367, 373, 469, 472, 474, 482.
Дивій, мурза. 383.
Дивонъ, князь, лицо легендарное. 6.
Димитрій, св. игуменъ Прилуцкій. 336.
Димитрій Ивановичь Донской, великій князь. 20—25, 31.
Димитрій Ивановичь (старшій), царевичь. 163, 165—168, 170, 171, 173, 174.
Димитрій Ивановичь (младшій), царевичь. 507.
Димитрій Константиновичь, князь Суздальскій. 23.
Димитрій Юрьевичь Шемяка, князь. 31.
Динабургъ, городъ. 467, 472.
Діана, ея изображеніе на печати. 223.
Длугошъ, лѣтописатель. 4.
Дмитріевъ, Андрей Ивановичь. 115.
Дмитровцы (Московскіе). 35.
Днѣпръ, рѣка. 217, 238.

Долгоруковъ-Чортъ, князь Григорій Ивановичь. 473.
Долгоруковъ, князь Тимоѳей Ивановичь. 376.
Донецъ Сѣверскій, рѣка. 283, 354.
Донъ, рѣка. 34, 141, 484.
Дорогобужъ, городъ. 270, 301.
Дрисса, рѣка. 484.
Другое-Власово, пустошь. 460.
Дружина. 51, 56, 89, 90, 155.
Друцкія поля. 262.
Дубисса, рѣка. 6.
Дубовичи, село. 178, 179.
Дубровна, городъ. 265.
Дубровскій, дьякъ. 201.
Дубъ кумиропоклонный. 6, 12.
Дума правительственная. 73, 76, 93, 94, 362.
Дурной, Михаилъ Ѳедоровичь. 27, 29.
Дусбургъ, Петръ. 4.
Духовное завѣщаніе. 80, 81, 166, 269, 311, 313—315, 317, 446—448, 454, 455, 459—461, 463.
Дѣевъ, Петръ Ивановичь. 86, 89.
Дятловъ, Андрей. 106, 111, 112.

Евдокимовъ, Матвѣй. 110.
Евдокія Александровна Нагая, жена князя Старицкаго Владиміра Андреевича. 135.
Евдокія Богдановна Сабурова, царевна. 439.
Евдокія Мещерская, старица Московскаго Новодѣвичья монастыря. 254.
Евнутьевское, село. 32.
Евпраксія (Прасковія) Михайловна Соловая, царевна. 439, 440.
Евфросинья Андреевна, мать князя Старицкаго Владиміра Андреевича. 170, 171, 173.
Едигеръ (въ св. крещеніи Симеонъ), царь Казанскій. 150, 159, 208, 271, 317.
Екатерина II, императрица. 180.
Екатерина, дочь Польскаго короля Сигизмунда I-го. 237, 370—372.
Елатьма, городъ. 138.
Елгозино, село. 441.
Елена Васильевна Глинская, великая княгиня. 66, 67, 69, 73, 76, 77.
Елена Ивановна, княжна, дочь великаго князя Ивана III-го. 57.
Елена Ивановна Шереметева, царевна. См. Шереметева, Елена Ивановна.
Елецъ (Усть-Елецъ). 209.
Елисавета, королева Англійская. 440.
Елка, Александръ Андреевичь. 18, 21, 49, 50, 79.
Еналей, царь Казанскій. 70, 75.
Епанча, Семенъ Константиновичь. 44.
Епанча, князь Казанскій. 153, 155.
Ервекюльское озеро. 429.
Ервенскій уѣздъ. 367.
Ергольскій, Иванъ Аѳанасьевичь. 292.
Еремѣевъ, Ѳедоръ Борисовичь. 201.
Ерль, городъ. 467, 468.
Есинова, Иванисова тожъ, деревня. 459.
Ефремовъ, городъ. 184.

Жумчужниковъ, Василій Терентьевичь. 463.
Жеребецъ, Семенъ. 17.
Жеребцовъ, Петръ Николаевичь. 456.
Жуковъ, островъ. См. Ириховъ.

Заберезинская, пустошь. 300.
Заболоцкій, бояринъ. 28.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичь. 450.
Зайцовъ, Иванъ. 93.
Замятнинъ, Юрій. 59.
Замятнинъ, Яковъ. 59.
Записи (поручныя, подручныя, отводныя, очищальныя, цѣловальныя и проч.). 108, 111—113, 115, 117, 121, 125, 126, 128, 169, 245—247, 266, 268, 269, 361, 362.
Захарьинъ-Юрьевъ, Григорій Юрьевичь. 92.

Зачка, дворовый человѣкъ. 121.
Збаражскій, Янъ. 488.
Звенигородскій, князь Григорій Петровичь. 234, 235.
Звенигородскій, князь Иванъ. 111, 112.
Звенигородъ (Московскій). 317, 318.
Звеничь, островъ. 42.
Звѣревское, село. 32.
Земскіе соборы. 98, 136, 285—288, 290.
Зеновичь, воевода Литовскій. 258.
Зиновьевъ, священникъ. 513.
Злобинъ, Григорій Петровичь. 108, 110, 125.
Зубатый, Петръ. 102.
Зюзинъ, Бахтеяръ Григорьевичь. 182.

Ибрагимъ, царь Казанскій. 34, 35, 37, 41. Его мать—37, 41, 42.
Ивановское, Кобяково тожъ. См. Ѳедоровское, село.
Ивантеевъ, Григорій Васильевичь. 18.
Ивантей (Вантей), Василій. 18.
Иванцово, село. 259, 263.
Иванчинъ-Писаревъ, Коломенскій старожилъ-археологъ. 120, 435, 451, 456.
Иванъ III Васильевичь, великій князь. 29, 34—37, 40, 41, 43, 51—54, 56, 57, 73, 92, 165.
Иванъ IV Васильевичь Грозный, царь. 69, 73, 76 и далѣе почти на каждой страницѣ книги.
Иванъ Даниловичь Калита, великій князь. 24, 29.
Иванъ II Ивановичь, великій князь. 23.
Иванъ Ивановичь, царевичь. 267, 303, 311, 317, 421, 439, 440, 492—495, 497—499, 508, 513.
Иванъ Михайловичь, князь Тверскій. 26.
Ивань-городъ, Нарвскій. 195, 196, 199—201, 213, 214.
Игнатьевъ, Русинъ, стрѣлецкій голова. 215.
Изборскъ, пригородъ. 348, 349.
Измаилъ, владѣтель Ногайской орды. 276.
Изюмскій курганъ. 183.
Ингерманландія. 481.
Иноземцы въ Московскомъ войскѣ. 378, 416.
Инспрукъ, городъ. 471.
Ирина Ѳедоровна Годунова, царица. 508.
Иринархъ, затворникъ. 443, 446.
Ириховъ (Жуковъ), островъ. 39—41.
Исаія, епископъ Молдавскій. 416, 417.
Исламъ-Гирей, царевичь Крымскій. 70.
Ищеинъ-Кузминскій, Андрей. 352.

Іакинѳъ, архимандритъ. 437.
Іоаннъ Богословъ, св. 335.
Іоасафъ (Асафъ) Скрипицынъ, игуменъ Троицкій, потомъ митрополитъ Всероссійскій. 78, 79, 87—91, 330.
Іоасафъ Умной, инокъ. См. Колычовъ Умной.
Іоасафъ Хабаровъ, инокъ. См. Хабаровъ.
Іоасафъ, игуменъ Николаевскаго Антоніева монастыря. 84.
Іовъ Курцовъ, инокъ. 78, 79, 330.
Іоганъ III, король Шведскій. 370, 372, 375, 386, 388.
Іона Ручкинъ, инокъ. 329.
Іосифовъ Волоколамскій монастырь. 87, 221, 222, 231, 232, 253, 345, 441.
Іуліана Димитріевна (въ монашествѣ Александра), жена Дмитровскаго князя Юрья Васильевича. 496.

Кабанъ, озеро. 134, 151.
Кабарда Большая (Черкасы Пятигорскіе). 181, 182, 211, 219.
Кадницы, село. 462, 463.
Казаки. 483, 484, 499.
Казанка, рѣка. 95, 134, 151, 159.
Казанская земля. 34, 36, 62, 177.

Казань, Казанская земля и Казанцы. 34, 36, 39—42, 58, 60, 62, 64—66, 68—70, 75, 88, 92, 95, 120, 129, 130—135, 139—145, 149, 151—155, 158—162, 165, 174—176, 181, 212, 231, 283, 309, 359, 378, 384, 509.
Каземъ-Бекъ, профессоръ. 190.
Кайбула Ахкубековичь, царевичь. 200, 203, 208, 212, 241, 315, 316, 320.
Кайбулова, княгиня, Агаѳья Ивановна. См. Шереметева, Агаѳья Ивановна.
Калачовъ, Николай Васильевичь. 165.
Калинино, Вязовки тожъ. См. Вязовки.
Калуга, городъ. 71, 254, 280, 351, 377, 412, 413, 418.
Кама, рѣка. 175—177.
Камбила. См. Кобыла.
Канбаровъ, князь Иванъ Мегметовичь. 302, 352.
Каневъ, городъ. 471.
Карамзинъ, исторіографъ. 23, 35, 37, 42, 180, 324, 374, 384, 388, 435, 445, 479.
Карачаровъ, дьякъ. 102.
Карлъ IX, король Французскій. 410.
Карповъ, Далматъ Ѳедоровичь. 136. 303.
Карповъ-Лошкинъ, Владиміръ Васильевичь. 266.
Касимовъ (Мещерскій городокъ на Окѣ) и Касимовцы. 33, 86.
Касимъ, царевичь. 33, 34, 37, 46.
Кастріотъ, Александръ. См. Скандеръ-бегъ.
Кашинъ-Оболенскій, князь. См. Оболенскій-Кашинъ, князь.
Кашира (Кошира), городъ. 71, 146, 216, 279, 353, 354, 377, 380, 389, 413.
Кенигсбергъ, городъ. 8.
Кетлеръ, Готгардъ. 215, 216, 220, 225, 237, 367.
Кинела, въ Переяславскомъ уѣздѣ. 32.
Киновепь, городъ. 203.
Кирикрейскій, поручитель. 48.
Кирилловъ, городъ. 318.
Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 82, 91, 132, 174, 223, 247, 252, 294, 308—310, 318—321, 325, 329, 331, 332, 338, 342, 344, 345, 365, 436, 437, 441, 453, 457, 464, 510, 511.
Кириллъ, св. игуменъ Бѣлозерскій. 309, 327, 332, 336, 341, 511.
Кириллъ, митрополитъ Всероссійскій. 358, 361, 364.
Кириллъ, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 308, 344.
Кирѣевъ, Иванъ Васильевичь. 122, 125.
Кіевъ, городъ. 471.
Клауссенъ, Генрихъ. 428.
Клементьева, деревня. 295.
Клементьевъ, Дмитрій Остапковъ сынъ. 295.
Кленовъ, Михалка. 104 — 106, 109.
Клокачовъ, Савва. См. Савва, Клокачовъ.
Клязьма, рѣка. 35.
Кмита, староста Оршанскій. 408, 411, 416, 417.
Книгохранилище Полоцкаго Софійскаго собора. 485, 486.
Кобыла (Гланда, Камбила), Андрей Ивановичь. 2, 4—9, 12, 15—17, 19, 50, 85.
Кобылина, деревня. 16.
Кобылинскія села. 16, 32.
Кобылины-Кошкины. 30, 31, 48, 54, 85, 97.
Ковна, городъ. 489.
Ковровъ, городъ. 449.
Козельскъ, городъ. 207, 240.
Козма, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 77, 82, 322, 323, 342, 438, 441, 445.
Кокенгаузенъ, городъ. 286, 467.
Кокоревы. 18.

Коломенка, рѣка. 102, 107, 110, 115.
Коломна, городъ и Коломенскій уѣздъ. 33, 60, 62, 70—72, 75, 120, 146, 149, 279, 313, 319, 354, 389, 409, 412, 413, 452.
Коломенцы (Коломничи), жители. 33, 35.
Колтовская, Анна Алексѣевна. См. Анна Алексѣевна.
Колывань. См. Ревель.
Колычова, Елена Васильевна, рожденная Шереметева. См. Шереметева, Елена Васильевна.
Колычова, Марья Петровна. 11.
Колычовъ-Умной, Василій Ивановичь. 349, 377, 380.
Колычовъ, Василій Өедоровичь. 268.
Колычовъ, Иванъ Андреевичь. 47.
Колычовъ-Умной, Иванъ Ивановичь (во иноцѣхъ Іоасафъ). 329.
Колычовъ, Иванъ Ивановичь. 4.
Колычовъ, Михаилъ Ивановичь. 303.
Колычовъ, Михаилъ Өедоровичь. 268.
Колычовъ, Петръ Степановичь. 11.
Колычовъ, Петръ Өедоровичь. 268.
Колычовъ, Степанъ Андреевичь. 3—7, 9, 11, 12, 15.
Колычовъ, Степанъ Ивановичь. 47.
Колычовъ-Умной, Өедоръ Ивановичь. 290, 301.
Колычовъ, Өедоръ Степановичь. См. Филиппъ, св. митрополитъ Всероссійскій.
Колычовы. 2, 18, 21, 307.
Коммендоне, кардиналъ. 260.
Коновницыны. 18.
Конскія воды. 206.
Константинополь (Царьградъ). 46, 55, 331, 352.
Константинъ Великій, св. императоръ Римскій. 335.
Константинъ Гноетезный, императоръ Византійскій. 331.
Константинъ Палеологъ, императоръ Византійскій. 54.
Копытова, деревня, потомъ пустошь. 300, 460.
Корабленникъ (монета). 177.
Корабли. 195, 199, 217, 220, 428.
Корачовъ, Аѳанасій Александровичь. 115.
Корецкій, князь Богушъ Өедоровичь. 277.
Кормовыя книги монастырскія. 132, 252, 308, 310, 319, 320, 344, 436, 442.
Коробьины. 453.
Коровины, иноки Троице-Сергіева монастыря. 330.
Коровничь, островъ. 39.
Костомаровъ, историкъ. 136.
Кострома и Костромичи. 35, 94, 292, 455, 509.
Котошихинъ. 13, 223.
Котязино, село. 32.
Кошкаровъ, Андрей. 226.
Кошка, Өедоръ Андреевичь. 2, 18, 19—21, 23—27, 31, 49—51, 79, 92, 452.
Кошкина, Соломонида Ивановна. 16.
Кошкинъ, Захарій Ивановичь. 31, 54.
Кошкинъ, Иванъ Өедоровичь. 27, 28, 97, 137.
Кошкинъ, Никифоръ Өедоровичь. 27, 29.
Кошкинъ, Юрій Захарьевичь. 54.
Кошкинъ, Яковъ Захарьевичь. 54.
Кошкины-Беззубцовы. 53, 80.
Краковъ, городъ. 410, 419.
Красная площадь, въ Москвѣ. 98.
Красный Холмъ, городъ. 83, 457.
Красный, городъ. 277, 278, 302.
Красногородщина. 278.
Крейцбургъ, городъ. 467.
Кременчугъ, городъ. 217.
Кремль Московскій. 358, 463, 464.
Крестное цѣлованіе. 26, 145, 167, 168, 170—173, 244, 297.
Крестные ходы. 247, 331.
Кривица, рѣка. 261.
Кривоборскій, князь Василій Ивановичь. 479, 484, 488.

Кричевъ, городъ, 265.
Кромеръ, лѣтописатель. 4.
Крузе, Ливонскій дворянинъ. 357.
Крутицы, въ Москвѣ. 33, 356.
Крыйскій, Станиславъ. 471.
Крымъ и Крымцы. 58, 61, 64, 70, 71, 75, 141, 142, 148, 149, 180, 182—188, 206, 209, 210, 216, 217, 220, 221, 238, 245, 246, 250, 267, 275, 277, 279, 280, 284, 312, 318, 340, 343, 350, 351, 353, 354, 356, 360, 361, 376, 379, 381, 382, 384—386, 389, 393, 408, 410, 416.
Ксенія Борисовна Годунова, царевна. 318.
Кубенскій, князь Иванъ Ивановичь. 89, 92.
Кубенскій, князь Михаилъ Ивановичь. 89.
Кудеяръ Тишенковъ, Бѣлевецъ. 353, 360.
Кузминъ, Василій. 501.
Куликовская битва. 28.
Купцы (гости). 28, 35, 196.
Курашевъ, урочище. 151.
Куракинъ, князь Алексѣй Борисовичь. 9.
Куракинъ, князь Григорій Андреевичь. 413, 414, 425.
Куракинъ-Булгаковъ, князь Иванъ Андреевичь. 88.
Куракинъ-Булгаковъ, князь Петръ Андреевичь. 149, 234, 235.
Куракинъ-Булгаковъ, князь Ѳедоръ Андреевичь. 178, 179, 402.
Курба, село. 319.
Курбскій, князь Андрей Михайловичь. 1, 74, 99, 147, 149, 153, 159, 162, 175, 176, 178, 182, 185, 186, 212, 214, 218, 228, 233, 248, 250, 252, 253, 270, 271, 273, 277, 278, 307, 344, 349, 390, 467, 469, 470, 483.
Курбскій-Карамышевъ, князь Владиміръ Михайловичь. 59.
Курбскій, князь Иванъ. 402.
Курбскій-Карамышевъ, князь Михаилъ Михайловичь. 74, 88, 396, 402, 403, 407.
Курганы, въ Серпуховскомъ уѣздѣ. 384.
Курляндія. 237, 285, 367, 471, 482.
Курлятевъ-Оболенскій, князь. См. Оболенскій-Курлятевъ, князь.
Курскъ, городъ. 384.
Курцовы, иноки. См. Іовъ и Серапіонъ Курцовы.
Кусково, село. 81, 84, 120, 454, 455, 457, 458, 460, 461.

Лааксбергъ, подъ Ревелемъ. 429.
Лаврентій, лжецаревичь. 497—499.
Лазаревъ, Игнатій. 106.
Лазарское, село. 32.
Лазутчики. 258.
Лаисъ (Лаюсъ), городъ. 226.
Латрецкій погостъ. 204.
Левкій, архимандритъ. 230.
Левъ Исавръ, императоръ Византійскій. 78, 331.
Лелѣчинъ, Мина Васильевичь. 178, 179, 345.
Лембургъ, городъ. 467.
Лемпфорте, ворота въ Ревелѣ. 433.
Ленневарденъ, городъ. 467, 468, 472.
Леонидъ, архимандритъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры. 83.
Леонтьевъ, Ѳедоръ. 102.
Ливны, городъ. 183.
Ливонія, Ливонскій орденъ и Ливонцы. 195, 206, 210, 212—216, 218—220, 225, 226, 228, 233—237, 277, 282, 285, 287, 302, 324, 365—369, 371, 418, 423, 424, 466, 469, 471, 472, 478, 481, 490, 507.
Литва и Литовцы. 73—75, 218, 233, 235, 236, 243, 245, 246, 248, 257, 259, 260, 262, 264, 265, 267, 270, 273, 277—280, 284, 285, 290, 301, 347—350, 361, 367—369, 387, 388, 467, 475, 486, 500, 501, 505.

Лодыгины. 18.
Лопасня, рѣка и волость. 377, 382, 384.
Лошаково, село. 32.
Лугвица-Прозоровскій, князь. См. Прозоровскій, князь.
Лыковъ-Оболенскій, князь. См. Оболенскій-Лыковъ, князь.
Львовское, село. 254.
Львовъ, князь. 354.
Любекъ, городъ. 428.
Любовша, рѣка. 184.
Люценъ, городъ. 467.
Ляхово, село. 495.
Ляцкій, Иванъ Васильевичь. 396.

Мавроурбинъ, архимандритъ Рагузскій. 5.
Магнусъ, принцъ Датскій. 368, 393.
Магометъ II, султанъ Турецкій. 46, 47.
Магометъ (Мегметъ)-Гирей I, ханъ Крымскій. 58—62, 70, 216.
Магометъ (Мегметъ)-Гирей II, ханъ Крымскій. 509.
Магометъ (Мухамедъ)-Гирей-Султанъ, царевичь Крымскій. 190.
Магометъ (Мухамедъ)-Риза̀, ефенди. 190, 191.
Макарій, митрополитъ Всероссійскій. 17, 91, 93, 146, 163, 281.
Макаріевъ монастырь, Нижегородской епархіи. 66.
Максимъ Грекъ. 55.
Малино, село. 313, 319.
Малиновскій, Алексѣй Ѳедоровичь. 10, 11.
Малымбердѣй-Уланъ, князь Ординскій. 33.
Мальбругъ, городъ. 471.
Малюта Скуратовъ. 230, 275, 304, 364, 389, 508.
Мамаевы луга. 181.
Мамай, князь Ординскій. 20.
Мансурова, Ульяна Андреевна, рожденная Капустина. 458.
Мануиловское, село. 32.
Маньясова, деревня. 178, 179.
Маріенбургъ (Алистъ), городъ. 227.
Маріенгаузенъ, городъ. 467.
Марія Александровна, великая княгиня, жена Симеона Гордаго. 8, 15.
Марія Владиміровна, княжна, племянница Грознаго. 393.
Марія Кестутіевна, княжна Литовская. 25.
Марія Темгрюковна Черкасская, царица. 230, 238, 305, 363.
Марія Ярославна, княжна Боровская. 30.
Марія Ѳедоровна Нагая, пятая жена Грознаго. 507.
Марквашъ, деревня. 40.
Марьино, пустошь. 460, 461.
Марѳа Васильевна Собакина, царица. 363, 364, 373.
Масловъ, Исупъ Александровичь. 118.
Масса, Исаакъ, географъ. 188.
Матѳей, игуменъ. 133.
Меленки, село. 462.
Меленкова, деревня. 300.
Мельзакъ, мѣстечко. 8.
Мельниковъ, Павелъ Ивановичь. 495.
Меча, рѣка. 216.
Меша, рѣка. 174. 176.
Мещериново, село. 450.
Мещерская, Евдокія. См. Евдокія, старица.
Мещерская земля (Мещера). 57, 58, 75, 131, 138, 149.
Мещерскій городокъ на Окѣ. См. Касимовъ.
Микулинскій, князь, Дмитрій Ивановичь. 138, 147.
Микулинскій-Пунковъ, князь Семенъ Ивановичь. 95, 131, 144, 145, 156, 160, 175, 178, 212, 218, 219, 221.
Микульское, село. 32.
Миличь Шереметовичь (въ Сербскихъ пѣсняхъ). 46.
Миллеръ, исторіографъ. 19, 44, 311.
Минская область. 348.
Минскъ, городъ. 258.

Михайловъ, Якушъ. 297—299.
Михайловъ, городъ. 209, 280, 301, 454.
Михаилъ Александровичь, великій князь Тверскій. 25.
Михаилъ Кайбуловичь (Муртаза-Али), царевичь. 315—318, 320, 363.
Михаилъ Өедоровичь, царь. 138, 217, 311, 313, 314, 392, 446, 459, 464, 505.
Мишковъ, Михаилъ Ивановичь. 108, 118, 119.
Можайцы, жители. 35.
Можжиры. См. Мортиры.
Молоди, село. 382—384, 389, 392.
Мордва, народъ. 140, 150, 161.
Моринъ, Аөанасій. 102.
Моровое повѣтріе. 199, 209, 242, 243, 290, 302, 352, 353.
Морозова, Аграфена. 17.
Морозовъ, Борисъ Ивановичь. 450.
Морозовъ, Григорій Васильевичь. 130.
Морозовъ, Иванъ Григорьевичь. 17.
Морозовъ, Михаилъ Яковлевичь. 166, 219, 245, 349, 356, 371, 389, 390.
Морозовъ, Петръ Васильевичь. 219, 234, 235, 241, 354, 394, 412, 413, 414, 420.
Мортиры (Можжиры). 427, 477.
Мосальскій, князь Василій Васильевичь. 504.
Москва. 20 и далѣе почти на каждой страницѣ книги.
Москва-рѣка. 32, 35.
Мотякинъ, Шереметь Григорьевъ. 48.
Мошкова, деревня, потомъ пустошь. 300, 460.
Мстиславскіе, князья. 423.
Мстиславскій, князь Василій Ивановичь. 479.
Мстиславскій, князь Өедоръ Михайловичь. 396.
Мстиславскій, князь Иванъ Өедоровичь. 48, 146, 149, 166, 226, 234, 276, 279, 280, 284, 351, 356, 360, 361, 362, 373, 400, 412, 413, 419—421, 424, 425, 431, 479, 508.
Мстиславскій, князь Өедоръ Ивановичь. 479.
Муравскій, шляхъ. 182, 279.
Муралеевскіе ворота, въ Казани. 153, 160.
Муромъ и Муромцы. 35, 75, 86, 146, 147, 149, 150, 373, 374, 394, 395, 510.
Муртаза-Али. См. Михаилъ Кайбуловичь.
Мустафа-Али, царь Касимовскій. 316.
Мустофины. 52.
Мценскъ, городъ. 238.
Мышега, городъ. 413.
Мѣстничество. 18, 19, 28, 69, 235, 388, 397—408, 430, 472, 484.
Мясоѣдовъ, Өедоръ. 349.

Набережная палата въ государевомъ дворѣ. 139, 421.
Нагая, Евдокія Александровна. См. Едокія Александровна.
Нагая, Марія Өедоровна. См. Марія Өедоровна.
Нагой, Аөанасій Өедоровичь. 246, 280.
Нагой, Өедоръ Михайловичь. 102.
Наказы. 201, 243, 246, 247, 284, 292.
Налабенъ, помѣстье. 8.
Намѣстники въ городахъ. 73, 97, 143, 144, 195, 201, 202, 368, 369, 509.
Нарва, городъ. 195, 214, 367, 466, 472.
Нарова, рѣка. 195.
Нарядъ (артиллерія). 71, 149, 204, 240, 242, 271, 277, 278, 302, 349, 425—429, 476.
Наумовъ, Василій Ивановичь. 266, 371, 372, 374.
Нева, рѣка. 196, 197.
Неглинная, рѣчка, въ Москвѣ. 93.
Недронъ, лицо легендарное. 4, 6, 7.
Нелединскіе. 52.

Неплюевы. 18.
Нестеровы. 52.
Нещерда, городъ. 376, 490.
Нижегородскій Печерскій монастырь. 50, 253.
Нижній Новгородъ. 35—43, 62, 63, 66, 68, 130, 163, 175, 394, 395.
Нижняя слобода, въ Костромскомъ уѣздѣ. 32.
Низовцовъ, Василій. 497.
Никитская улица, въ Москвѣ. 273.
Никитскій Переяславль-Залѣсскій монастырь. 253.
Никодимъ, епископъ Дмитровскій. 49.
Никодимъ, игуменъ. 330.
Николаевская церковь, въ селѣ Ѳедоровскомъ. 456.
Николаевскій дворецъ, въ Московскомъ Кремлѣ. 463, 464.
Николы Гостунскаго церковь. 358, 463.
Николы Зарайскаго церковь. 138, 193, 354.
Николаевскій Антоніевъ монастырь, Тверской епархіи. 83, 84, 345, 346.
Николаевскій Архангельскій монастырь. 195.
Николо - Радовицкій монастырь. 254.
Никольская Нижнепосадская (Никола на Бичевѣ) церковь, въ Нижнемъ Новгородѣ. 38.
Никольскіе ворота, въ Москвѣ. 464.
Нисса, рѣка. 484.
Новгородокъ-Литовскій. 258.
Новгородъ Великій и Новгородцы. 26, 37, 51, 52, 89, 194, 197, 199, 201, 202, 211, 223, 301, 302, 304, 347, 354, 373, 374, 376, 385, 386, 393, 409, 425, 427, 480, 481.
Новгородъ Свіяжскій. См. Свіяжскъ.
Новодѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 254, 494, 496, 497, 499, 512.
Новосиль, городъ. 184.
Новосильцовъ, Иванъ. 316, 317, 352.
Новоспасскій монастырь, въ Москвѣ. 345, 442, 459.
Ногайская орда и Ногайцы. 68, 70, 138—140, 276.
Ногтевъ-Суздальскій, князь. См. Суздальскій-Ногтевъ, князь.
Ноздреватые, князья. 85.
Ноздреватый, князь Андрей Петровичь. 99, 100, 102, 107—126, 296—300.
Ноздреватый, князь Василій Петровичь. 108, 110.
Ноздреватый, князь Петръ. 124.
Норoватые. 52.
Нѣвяжа, рѣка. 6.
Нѣманъ, рѣка. 471.
Нѣмой, князь Дмитрій Ивановичь. 169.

Оберпаленъ, городъ. 226, 472, 474.
Оболенскій-Глухой, князь Иванъ Васильевичь. 402, 403, 405.
Оболенскій-Каша, князь Василій Владиміровичь. 402.
Оболенскій - Кашинъ, князь Александръ Васильевичь. 67, 395, 401—406.
Оболенскій-Кашинъ, князь Иванъ Ивановичь. 148.
Оболенскій-Кашинъ, князь Юрій Ивановичь. 219, 241.
Оболенскій-Курля, князь Иванъ Васильевичь. 401, 403.
Оболенскій - Курлятевъ, князь Иванъ Константиновичь. 409.
Оболенскій-Курлятевъ, князь Константинъ Ивановичь. 138, 396, 401—408.
Оболенскій-Курлятевъ, князь Юрій Константиновичь. 378, 391, 394—396, 401, 403, 407—409.
Оболенскій-Лыковъ, князь Иванъ Владиміровичь. 402, 405.
Оболенскій-Лыковъ, князь Михаилъ Юрьевичь. 425, 430, 431, 479, 484, 488.

Оболенскій - Овчина - Телепневъ, князь Иванъ Ѳедоровичь. 73, 74, 76, (402).
Оболенскій-Серебреный, князь Василій Семеновичь. 95, 136, 147, 151, 153, 154, 212, 213, 219, 226, 241, 243, 258, 265, 270, 271, 403.
Оболенскій - Серебреный, князь Петръ Семеновичь. 219, 234, 243, 258, 265, 270—272, 297.
Оболенскій - Щепинъ - Золотой, князь Иванъ Владиміровичь. 402, 405.
Оболенскій, князь Василій Никитичь. 401.
Оболенскій, князь Владиміръ Ивановичь. 401, 402.
Оболенскій, князь Иванъ Константиновичь. 401, 405.
Оболенскій, князь Никита Ивановичь. 401, 403.
Оболенскій, князь Петръ Васильевичь. 35.
Оболенскій, князь Юрій Ивановичь. 403.
Обонежская пятина. 16.
Образцовы. 18.
Обрамовы. См. Абрамовы.
Обрюшкино, селище. 292, 293.
Овечьи Воды, рѣка. 412.
Овчина - Телепневъ - Оболенскій, князь. См. Оболенскій-Овчина-Телепневъ, князь.
Огарковъ, Богданъ. 504.
Огеръ, рѣчка. 468.
Огневъ, Баташь Шереметевъ сынъ. 48.
Одерборнъ, Павелъ. 489.
Одинцова, деревня. 17.
Одоевская, княгиня Анна Яковлевна. 450.
Одоевская, княжна Домна Яковлевна. 461.
Одоевскій, князь Иванъ Семеновичь. 402.
Одоевскій, князь Никита Романовичь. 373, 377, 380, 390, 391.
Одоевскій, князь Романъ Ивановичь. 396, 402.
Одоевскій, князь Яковъ Никитичь. 450, 457, 460, 462, 463.
Одоевскій, князь Ѳедоръ Ивановичь. 396.
Одоевскій, князь Ѳедоръ Никитичь. 459.
Одоевъ, городъ. 207.
Озерище, крѣпость. 270 — 272, 280.
Ока, рѣка. 35, 38, 58—60, 70, 149, 179, 186, 356, 376, 379, 380, 383, 391, 412, 416, 417.
Окольскій, авторъ. 13.
Опала царская. 69, 136, 228, 239, 246 — 248, 273, 276, 304, 333, 353, 390, 415.
Опочка, городъ. 74, 75.
Опричнина и опричники. 274—277, 284, 288, 289, 309, 348, 349, 353, 355, 356, 388.
Орды Татарскія. 24, 25, 28, 58, 139, 276.
Орелъ, городъ. 498.
Орша, городъ. 257, 258, 262, 265, 270, 416.
Оршанское, село. 302.
Орѣховскій, авторъ. 4.
Орѣшекъ. См. Шлюссельбургъ.
Осада разныхъ городовъ. 39, 57, 65, 68, 134, 151—160, 196, 197, 204, 214, 226, 242, 378, 389, 426, 432 – 435, 466, 475, 477, 481, 482, 485, 486.
Островщина. 278.
Островъ, городъ. 219.
Острожная гора, подъ Казанью. 156.
Острожскіе, князья. 423.
Отрочь монастырь, въ Твери. 304.
Отсѣкать руки у непріятеля, военный обычай. 383.
Отъѣздъ бояръ за рубежъ. 245, 246, 361.
Охлебининъ, князь Иванъ Петровичь. 48, 257, 259, 390, 391, 394.

Павелъ Петровичь, императоръ. 9.
Павлины, боевой снарядъ. 240.
Павлова, Каролина Ивановна, рожденная Янишъ. 456.
Паисій, игуменъ. 346.
Палеологи, Византійскіе императоры. 55.
Палецкій, князь Андрей Дмитріевичь. 378. 425, 430, 431, 469, 473, 474, 475, 479, 483, 488.
Палецкій, князь Дмитрій Ѳедоровичь. 89, 90, 171, 199, 201, 202.
Парижъ, городъ, 410.
Парѳеній Хлуденевъ, инокъ. См. Хлуденевъ.
Пахра, рѣка. 32, 382.
Пебальгъ, помѣстье. 468.
Перенѣжъ, въ Старой Рязани. 179.
Персіяне. 417.
Песочня (Шереметева Песочня), село. 452, 453, 454, 469.
Петерсвальдъ, приходъ. 8.
Петрей, Петръ. 251, 252.
Петръ, св. апостолъ. 335.
Петръ, св. митрополитъ Всероссійскій. 17.
Петръ Великій. 468.
Петръ, царевичь Татарскій. 60.
Петръ Константиновичь, бояринъ. 31.
Переяславль (Залѣсскій), городъ. 233.
Печати. 173, 223, 224, 362.
Пильемовъ, князь (?) Андрей. 67.
Пименъ, игуменъ. 222.
Пищиково, сельцо. 232, 233.
Пій IV, папа. 260.
Плещеевъ, Алексѣй Ѳедоровичь. 132.
Плещеевъ, Дмитрій Григорьевичь. 302.
Плещеевъ, Дмитрій Михайловичь. 147, 182.
Плещеевъ, Захарій Ивановичь. 197, 200, 225, 257, 259.
Плещеевъ, Иванъ Васильевичь. 132.
Плещеевы. 349.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичь. 101.
Поволжане. 35.
Поганое озеро. 134.
Подберезники, деревня. 313.
Подольскъ, городъ, Московской губерніи. 384.
Подрынды (поддатни). 194.
Пожары въ Москвѣ. 97, 98, 357, 358.
Поздяковская, деревня. 300.
Покровскій Суздальскій монастырь. 439.
Поле судебное. 105, 123.
Полота, рѣка. 271.
Полоцкъ, городъ и Полочане. 74, 240, 242—244, 254, 257, 262, 264, 265, 271, 285, 287, 482—485, 487, 491.
Полубенскіе, князья Александръ и Иванъ. 348—350.
Полуянъ, гонецъ. 470.
Польша и Поляки. 75, 195, 206, 234, 236, 237, 287, 370, 387, 388, 410, 418, 423, 472, 477, 486, 500, 502, 503.
Понизовное, село. 32.
Поручители (поручники). 128, 266, 267—269, 361, 362.
Порфирій, игуменъ Радонежскій. 69.
Послужильцы. См. Служилые люди.
Послы. 28, 69, 70, 140, 143, 280, 281—283, 285, 287, 352, 368, 369, 371—374, 393, 419, 421—424, 470, 471.
Посольскій приказъ. 13.
Посоха (рать). 240, 291.
Поссевинъ, Антоній. 490, 492—494.
Потерка (въ мѣстничествѣ). 398.
Почежсій лѣсъ. 354.
Праксинъ, Семенъ. 123.
Прегель, рѣка. 6.
Пріимковъ-Ростовскій, князь Никита Борисовичь. 200, 203, 425.
Прикавказье. 312.
Приметъ сдѣлать. 272.

Прозванія (прозвища) фамильныя. 18—21, 44, 45, 47—49.
Прозоровскій - Лугвица, князь Иванъ. 396, 402, 406, 407.
Прозоровскій, князь Өедоръ. 396, 403, 407.
Пронскій-Турунтай, князь Иванъ Ивановичь. 128, 147, 172, 173, 270, 271, 276, 279.
Пронскій, князь Петръ Даниловичь. 373.
Пронскій, князь Семенъ Даниловичь. 390, 391, 413, 414, 420, 424, 479.
Пронскій-Шемякинъ, князь Юрій Ивановичь. 147, 242.
Проня, рѣка. 179.
Проселко, Богданъ. 488.
Проскурняковскія села, въ Коломенскомъ уѣздѣ. 32.
Протасьевъ, Өедоръ Григорьевичь. 458.
Пруссія. 2, 3, 5, 6, 12, 195.
Пруссъ, лицо легендарное. 471.
Прутено, лицо легендарное. 5.
Псково - Печерскій монастырь. 310.
Псковская земля и Псковичи. 16, 74, 211, 216, 228, 277, 278, 287.
Псковское озеро. 227.
Псковъ, городъ. 225, 234, 235, 302, 347, 348, 469, 480, 481, 483, 488.
Путивль, городъ. 283.
Пушкари Московскіе, ихъ подвигъ. 476.
Пушки. 61, 71, 135, 151, 159, 186, 198, 203, 204, 240, 263, 283, 427, 433.
Пушкинъ, Александръ Андреевичь. 81, 84, 454.
Пушкинъ, Өедоръ. 200.
Пѣсношскій монастырь (Пѣсношь). 331.
Пясецкій, авторъ. 4.

Радзивилъ, Николай. 233, 234, 236, 258, 259, 263 — 265, 270, 271.
Радзивилъ, Христофоръ. 484.
Радша, Трансильванскій выходецъ. 20.
Разводъ брачный. 66.
Раздѣлъ семейственный. 80, 122, 125, 126, 269, 447, 448.
Разсудовскія села, въ Московскомъ уѣздѣ. 32.
Рахманиновъ, Василій Васильевичь. 108, 115, 116, 124.
Ревель (Колывань) и Ревельскій уѣздъ. 215, 237, 324, 367, 370, 425 — 431, 433, 435, 437, 465, 466, 469, 480, 481.
Ревельцы. 428, 429, 431—433, 435, 486.
Репнинъ, князь Андрей Васильевичь. 301, 377.
Репнинъ, князь Михаилъ Петровичь. 226.
Решскіе князья. 1.
Ржевскій, дьякъ. 209.
Ржевъ, городъ. 270.
Рига, городъ. 219, 220, 285, 286, 367, 468, 469.
Рижская гора. 429, 430.
Рижскій заливъ. 227.
Ризположенскіе ворота, въ Москвѣ. 94.
Римъ, городъ. 260, 490.
Рингенъ, городъ. 215, 216.
Роботка, островъ. 130.
Ровной (Роннебургъ). 236, 286.
Родословныя книги и росписи. 1, 2, 9, 12, 17, 26, 49 — 51, 398, 400, 404, 405, 444.
Рожай, рѣка. 382, 384.
Рождественскій женскій монастырь, въ Москвѣ. 318.
Романовы (Захарьины, Юрьевы). 2, 18, 165, 166, 168—172, 445.
Ромново, городъ. 6.
Ромодановскій, князь Өедоръ Борисовичь. 92.
Роннебургъ. См. Ровной.
Роспопинская, пустошь. 460.
Росситенъ, городъ. 467.
Ростовскій, князь Андрей Дмитріевичь. 135.

Ростовцовское, село. 32.
Ростовъ и Ростовцы. 35, 356, 359, 361, 443.
Рубль старинный. 81.
Руно, Иванъ Дмитріевичъ. 39.
Руссингенъ, князь, лицо легендарное. 6, 14.
Ручкинъ. См. Іона Ручкинъ, инокъ.
Рынды. 193, 194, 208.
Рыцарство, какъ явленіе параллельное мѣстничеству. 398, 399.
Рюриковичи. 25, 54, 229, 440.
Рюрикъ. 471.
Рюссовъ, лѣтописатель. 426, 427.
Рязанская земля. 149, 353.
Рязанскій каѳедральный соборъ. 345.
Рязань, городъ. 61, 138, 178, 207, 216, 345, 454.
Ряполовскій - Стригинъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ. 86.
Ряполовскій, князь Семенъ. 52.

Сабурова, Евдокія Богдановна. См. Евдокія Богдановна, царевна.
Сабурова, Соломонія Юрьевна. См. Соломонія Юрьевна, великая княгиня.
Сабурово, село. 17.
Сабуровъ, Андрей. 403.
Сабуровъ, Семенъ. 35.
Сабуровъ, спорившій о мѣстѣ съ Заболоцкимъ. 28.
Савва Клокачовъ, инокъ. 232.
Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ. 311, 442.
Саввинъ-Сторожевскій монастырь. 223.
Саипъ-Булатъ, царь Касимовскій. 479.
Саипъ-Гирей, царь Казанскій. 58, 60, 64, 71, 148.
Сайдетъ-Гирей, ханъ Крымскій. 70.
Саларево, Солословлево тожъ, село. 450.
Салтыковъ, Борисъ Ивановичъ. 174.
Салтыковъ, Данило Борисовичъ. 474, 476.
Салтыковъ, Левъ Андреевичъ. 48, 169, 175, 181.
Салтыковъ, Яковъ Андреевичъ. 283.
Салтыковъ, Ѳедоръ Андреевичъ. 266.
Салтыковъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ. 219, 234, 235, 266.
Салтыковъ. 164.
Сангушко, воевода Литовскій. 258, 348.
Сапѣга, Андрей. 475—478.
Сапѣга, Левъ. 498.
Сапѣга, Николай. 258, 263, 471.
Сафа-Гирей, царь Казанскій. 64, 67, 68, 75, 86, 129, 131, 133, 134.
Свадьба. 8, 30, 56, 60, 66, 135, 363, 364.
Свеи. См. Шведы.
Свиблъ, Ѳедоръ Андреевичъ. 20, 21.
Свіяга, рѣка. 65, 140, 143.
Свіяжскъ (Новгородъ - Свіяжскій). 140, 143—146, 149, 150.
Свіязевъ, Шереметь Юрьевъ. 48.
Святово, село. 28.
Святыя горы. 182.
Седмиградское воеводство. 423, 471.
Селимъ, султанъ Турецкій. 316, 350, 353.
Сельчукъ, крестьянинъ. 295—297, 300.
Семенча, дворовый человѣкъ. 113, 114.
Семигалія. 367.
Семичевъ, Романъ. 279.
Сенькино (Стенкино), деревня. 454, 469.
Сенькинъ бродъ. 71, 380, 381.
Серапіонъ Курцовъ, инокъ Троице-Сергіева монастыря, потомъ архіепископъ Новгородскій. 78, 79, 330.
Серапіонъ Сицкій. См. Сицкій, князь.
Сарвантесъ. 398.

Сергій, св. игуменъ Радонежскій. 205, 336.
Серебреный, князь. См. Оболенскій-Серебреный, князь.
Серпуховъ, городъ и уѣздъ. 71, 120, 206, 208, 209, 351, 353, 354—356, 376, 377, 379, 409, 412, 413, 416, 418.
Сестра, рѣка. 196.
Сибирь. 177.
Сивцовъ Вражекъ, въ Москвѣ. 273.
Сигизмундъ I, король Польскій. 73, 75.
Сигизмундъ II Августъ, король Польскій. 225, 227, 228, 233, 234, 237, 238, 240, 281, 347, 348, 368, 370, 371, 373, 386, 387.
Сидоровъ, Степанъ Григорьевичь. 172, 186—188.
Сильвестръ, священникъ. 98, 99, 136, 170, 171, 174, 228—230, 334.
Сильвіусъ, Эней. 4.
Симеонъ Ивановичь, великій князь. 8, 15.
Симизинскія села, въ Владимірскомъ уѣздѣ. 32.
Синіе (фамилія). 18.
Синодики монастырскіе и церковные. 50, 51, 84, 132, 133, 221, 222, 232, 251, 253, 254, 320, 344 —346, 437, 442, 444, 445.
Сицкій, князь Андрей Васильевичь. 473, 474, 476.
Сицкій, князь Василій Андреевичь. 373, 390 (на 476 страницѣ показанъ, по ошибкѣ, вмѣсто князя Андрея Васильевича).
Сицкій, князь Иванъ Васильевичь. 164, 500, 501.
Сицкій, князь Семенъ Ѳедоровичь (во иноцѣхъ Серапіонъ). 329.
Скандеръ-бегъ (Александръ Кастріотъ). 46, 47.
Скопинъ-Шуйскій, князь. См. Шуйскій-Скопинъ, князь.
Скровенъ, городъ. См. Ашератъ.
Служилые люди у бояръ (дружинники, послужильцы). 52.
Смоленскъ, городъ. 57, 74, 241, 245, 250, 258, 262, 265, 290, 504.
Смолинское, село. 499.
Смольняны, помѣстье. 416, 498, 499.
Собакина, Марѳа Васильевна. См. Марѳа Васильевна, царица.
Собакинъ, Варлаамъ, инокъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. 324—327, 330, 333, 334, 336—338.
Собакины. 323 — 326, 331, 333, 337, 341.
Сова, Александръ Константиновичь. 44.
Соколъ, крѣпость. 484—488, 490.
Соловецкій монастырь (Соловки). 80, 309.
Соловьевъ, историкъ. 20, 253, 399, 406.
Соломерецкій, князь. 263.
Соломонія Юрьевна Сабурова, великая княгиня. 66.
Соломонъ, царь. 335.
Солоница, рѣка. 255.
Софійскій соборъ, въ Полоцкѣ. 485.
Софья Витовтовна, великая княгиня. 31.
Софья (Ѳеодосія) Ивановна, княгиня Холмская. 56.
Софья Ѳоминишна, великая княгиня. 54, 55.
Спаса-Нерукотвореннаго церковь, въ Казани. 160.
Спасскъ, городъ. 179.
Спиридовъ, родословъ. 164, 177, 418.
Старовольскій, авторъ. 4.
Старое-Власово, пустошь. 460.
Старое, село. 313.
Стафурино, Выхонь тожъ. См. Выхонь.
Стеллій, Эразмъ. 4.
Стенъ-Стуръ, правитель Швеціи. 48.
Стербеевы. 18.

Стефанъ Баторій, король Польскій. 419, 421—424, 428, 469—471, 478, 480—486, 488, 490, 503, 504, 508.
Стокгольмъ (Стекольна). 204, 369, 371—374.
Стригинъ-Ряполовскій. См. Ряполовскій, князь.
Строевъ, Павелъ Михайловичъ. 323.
Стычка мѣстническая. 397.
Судебникъ. 137.
Судебня. 244.
Судогда, городъ. 163.
Судъ (воеводскій, митрополичій, соборный, царскій и проч.). 26, 99—127, 244, 295, 297—300, 304, 408.
Судьбищи, село. 184, 186, 188, 189, 206, 216.
Суздальскіе удѣльные князья. 76.
Суздальскій-Ногтевъ, князь Андрей Ивановичъ. 197, 199, 203, 226.
Суздальскій-Ногтевъ, князь Данило Андреевичъ. 418, 479.
Суздальцы. 35, 383.
Суконники Московскіе. 35.
Сулешъ, князь. 246.
Сумароковъ, Шестакъ. 496.
Сумбека, царица Казанская. 133, 139, 141, 142.
Сура, рѣка. 63.
Сурны. 186.
Суровцово, село. 32.
Сурожане Московскіе. 35.
Сухово-Кобылины. 18.

Таганскій лугъ, въ Москвѣ. 356.
Тайникъ, въ Казани. 153—155.
Таруса, городъ. 377.
Тарузины. 52.
Татары (Астраханскіе, Заволжскіе, Казанскіе, Ногайскіе и проч.). 22, 24, 27, 28, 33, 36, 38, 46, 61, 65, 68, 70, 86, 95, 138—140, 149, 181, 200, 203, 208, 211, 217, 219, 242, 283, 353, 355, 356, 358, 359, 380, 382, 383, 387, 391, 401, 408, 409, 412, 417, 429, 475, 480.
Татевъ, князь Петръ Ивановичъ. 356, 410, 413, 414, 500.
Татищевъ, историкъ. 248.
Татьянины. 52.
Тверь, городъ. 15, 25, 304.
Телятевскій, князь Василій Ивановичъ. 482.
Темгрюкъ, князь Черкасскій. 230.
Тенніесская гора, въ Ревелѣ. 433.
Терекъ, рѣка. 312.
Тереховское, сельцо. 110.
Терибердѣй, мурза. 380, 382.
Тетеревина, деревня. 300.
Тимачь, дворовый человѣкъ. 106.
Тимоѳеевское, село. 32.
Тинъ-Ахметъ, владѣтель Ногайской орды. 276.
Титовъ, Владиміръ Павловичъ. 454.
Титулъ царскій. 422, 423.
Токмаковъ, князь Василій Ивановичъ. 100, 102, 103, 109, 122, 124—126, 298.
Токмаковъ, князь Юрій Михайловичъ. 100, 102—106, 108, 109, 111—114, 120, 123, 124, 126, 271, 298, 349, 376.
Токмаковы, князья. 85, 313.
Торвастъ, городъ. 234—236, 482.
Тохтамышъ, царь Ординскій. 60.
Тохтамышъ, царевичъ Астраханскій. 211, 219.
Траханіотъ, Василій Юрьевичъ. 163, 283, 303.
Третьяковское, селище. 292, 293.
Третьяковъ, Иванъ Ивановичъ. 89, 106.
Троекурова, княгиня Анна Никитишна, рожденная Романова. 392.
Троекуровъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ. 392.
Троекуровъ, князь Иванъ. 396, 402, 403, 407.
Троекуровъ, князь Михайло Михайловичъ. 347.
Троекуровъ, князь Ѳедоръ Ивановичъ. 147.
Троекуровъ, князь Ѳедоръ Михайловичъ. 391, 392, 395.

Троице-Сергіевъ монастырь. 77, 78, 81, 82, 84, 133, 205, 232, 233, 306, 309, 310, 330, 331, 345, 436, 496.
Троицкое подворье, въ Москвѣ. 90.
Трофимовъ, Иванъ. 187.
Трубецкая, княгиня Елена Григорьевна, рожденная княжна Черкасская. 459.
Трубецкій, князь Иванъ Алексѣевичь. 459.
Трубецкій, князь Юрій Юрьевичь. 459.
Трубецкій, князь Ѳедоръ Михайловичь. 364, 373.
Трубицына, деревня. 313.
Тула, городъ. 57, 149, 184, 186, 187, 193, 194, 206, 216, 403, 415, 418.
Тургеневъ, Петръ. 139, 140.
Турки. 417.
Турундаевское, село. 32.
Тучковъ, Иванъ Борисовичь. 52.
Тушино, село. 499.
Тушинскій воръ. 498, 499.
Тырновъ, городъ. 46.
Тысья, рѣка. 179.
Тысячникъ (книга). 138.
Тышкевичь, Юрій Васильевичь. 284, 285.
Тюфякинъ, князь Михайло Васильевичь. 415, 473, 474, 476.
Тюменская, княгиня Марья Ивановна. См. Шереметева, Марья Ивановна.
Тюменскіе, князья. 312.
Тюменскій, князь Василій Агишевичь. 312—314, 473.
Тюменскій, князь Василій Васильевичь. 314, 315.

Угличь и Угличане. 35, 319.
Угра, рѣка. 71.
Уда, Иванъ. 26.
Удѣлы и удѣльные князья. 23, 24, 54, 56, 57, 76, 267, 401.
Узловскій, Леонардъ-Станиславъ. 280—283.
Ула, рѣчка. 257, 259, 263, 270.
Уланъ-Кощакъ, царевичь Крымскій. 141—143.
Улехъ, городъ. 278.
Умной-Колычовъ. См. Колычовъ.
Упа, рѣка. 209.
Уразбахтый, посолъ Ногайскій. 140.
Урбинъ Пезарскій. Его библіотека. 5.
Уржумъ (Уржумка), рѣка. 176.
Успенскій соборъ въ Москвѣ. 17, 51, 59, 66, 97, 132, 304, 358, 437.
Устряловъ, историкъ. 246.
Усть-Елецъ. См. Елецъ.
Устье, рѣка. 443.
Устюгъ и Устюжане. 35, 352.
Устюжна Желѣзопольская. 496.
Утемишъ-Гирей, царевичь Казанскій. 133, 142.
Утма, рѣка. 319.

Феллинъ (Вельянъ), крѣпость. 234.
Фердинандъ I, императоръ Римскій. 228.
Феттерлейнъ, Карлъ Ѳедоровичь. 432.
Филаретъ Никитичь Романовъ, патріархъ Всероссійскій. 27.
Филиппъ, св. митрополитъ Всероссійскій (въ міру Ѳедоръ Степановичь Колычовъ). 18, 47, 79, 288—290, 303, 304, 307, 322, 329.
Филисова слободка (Ѳилисово, село). 449, 450.
Финляндія и Финляндцы. 198, 369, 373, 428.
Финскій заливъ. 195, 196, 213.
Фирстенбергъ, гермейстеръ Ливонскаго ордена. 213.
Флетчеръ. 165, 388.
Францбекъ (Фаренсбахъ), иноземецъ. 378.
Фридрихштадтъ, городъ. 468.
Фридрихъ II, король Датскій. 368.
Фуниковъ-Курцовъ, Никита Аѳанасьевичь. 119, 126, 276.
Футынь монастырь. См. Хутынскій монастырь.

Хабаровъ, Иванъ Ивановичь (во иноцѣхъ Іоасафъ). 142, 327, 328, 330, 332, 339, 340, 402.
Хабаръ-Симскій Иванъ Васильевичь. 61, 63—65, 327.
Хаджи-Гирей, царевичь Крымскій. 189.
Хвойница, городъ. 471.
Хворостининъ, князь Дмитрій Ивановичь. 354, 377, 381, 382, 384, 390, 391, 394, 413, 425, 430.
Хворостининъ, князь Петръ Ивановичь. 377, 500.
Хилковъ, князь Дмитрій Ивановичь. 147, 234.
Хирина-Зиновьева, Өекла Семеновна. 178.
Хлоповъ, Захарій. 504.
Хлуденевъ, Григорій Ивановичь. 49.
Хлуденевъ, Иванъ Ивановичь, по прозванію Кривой. 49.
Хлуденевъ, Левъ Григорьевичь, по прозванію Шереметь. 49, 50.
Хлуденевъ, Лука Григорьевичь. 49.
Хлуденевъ, Парөеній, инокъ. 444.
Хлуденевъ, Угримъ Григорьевичь. 49.
Хлуденевы. 18.
Хлудень, Иванъ Александровичь. 49.
Хованскіе, князья. 401.
Хованскій, князь Андрей Петровичь. 377, 390, 391, 394—397, 401, 408, 425.
Хованскій, князь Борисъ Петровичь. 394.
Хоткѣвичь, Юрій Александровичь. 281, 282, 284, 285.
Хоткѣвичь, Янъ. 348.
Хутынскій (Футынь) монастырь. 495.

Царевы ворота, въ Казани. 145, 156, 158, 160.
Царьградъ. См. Константинополь.
Цвѣтковъ, священникъ. 28.
Целяріусъ, Андрей. 4.
Церкви походныя. 42, 157.
Цивильское устье. 131.

Чашники, мѣстечко. 262, 263.
Чеботовъ, Иванъ. 287.
Челяднинъ (Өедоровъ), Иванъ Петровичь. 102, 266, 276, 283, 303.
Ченслеръ, капитанъ. 195.
Череметъ, мѣстечко. См. Шереметъ.
Черемиса, народъ. 65, 68, 140, 150, 161, 174, 219, 393, 509, 510.
Черемисиновъ, Иванъ 144.
Черкасская, княжна Марія Темгрюковна. См. Марія Темгрюковна, царица
Черкасская, княгиня Марөа Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 457, 460, 462.
Черкасская, княгиня Прасковья Никитишна, рожденная княжна Одоевская. 458, 459.
Черкасскіе, князья. 181, 231.
Черкасскій, князь Василій Кордунаковичь. 453.
Черкасскій, князь Григорій Сунчалеевичь. 458.
Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичь. 459.
Черкасскій, князь Михаилъ Темгрюковичь. 363.
Черкасскій, князь Михаилъ Яковлевичь. 458.
Черкасы Пятигорскіе. См. Кабарда Большая.
Чертова, деревня. 300.
Чертольская улица, въ Москвѣ. 273.
Четверть земли. Ея отношеніе къ десятинѣ. 255.
Чириковъ, Юрій Михайловичь. 300.
Чиркино, село. 53, 82, 120, 442.
Чуваши, народъ. 65, 140, 161.
Чудиновъ, Василій Дмитріевъ. 115.
Чудовъ монастырь, въ Москвѣ. 288.
Чулковъ, Иванъ Ивановичь. 297.
Чулковъ, Никита Ивановичь. 266.
Чюрилова, деревня. 300.

Шаблыкино, Черниково тожъ, село. 456, 457.

Шарапово, село. 32.
Шармуа, оріенталистъ. 191.
Шацкіе ворота. 138.
Шванебургъ, городъ. 467.
Шварценбекъ, подъ Ревелемъ. 429.
Швеція и Шведы (Свеи). 195, 196, 198, 202—204, 206, 210, 237, 250, 279, 365, 367, 369, 371—376, 386, 418, 425, 426, 428, 431, 472, 475, 477, 481.
Шеинъ, Борисъ Васильевичь. 414, 479, 484, 485, 487, 488.
Шеинъ, Михаилъ Борисовичь. 498.
Шейдяковъ, князь Петръ Тутаевичь. 364, 373, 479.
Шексна, рѣка. 318.
Шелонинъ, Богданъ. 187.
Шемякинъ-Пронскій. См. Пронскій, князь.
Шереметева Песочня, село. См. Песочня.
Шереметева, Агаѳья Ивановна, по мужу княгиня Кайбулова. 311, 314, 315, 317—321, 363, 437, 447.
Шереметева, Анастасія Никитишна, по мужу княгиня Голицына. 455.
Шереметева, графиня Варвара Алексѣевна, рожденная княжна Черкасская. 458, 460, 461, 462.
Шереметева, Домна Михайловна, рожденная княжна Троекурова, въ монашествѣ Евникія. 392, 444, 446, 512.
Шереметева, Евдокія Ѳеодоровна, по мужу княгиня Одоевская. 457, 462.
Шереметева, Евдокія, жена Ивана Васильевича Большаго Шереметева. 306, 309, 444.
Шереметева, Евдокія, жена Никиты Васильевича Шереметева. 252, 254.
Шереметева, Евпраксія, жена Василья Андреевича Шереметева. 51, 81, 82, 133, 205, 345, 444.
Шереметева, Елена Васильевна, по мужу Колычова. 11.
Шереметева, Елена Васильевна, рожденная княжна Голицына. 451.
Шереметева, Елена Ивановна, царевна (жена царевича Ивана Ивановича), въ иночествѣ Леонида. 311, 439, 440, 446, 492—500, 508, 512, 513.
Шереметева, Ирина Борисовна, рожденная княжна Черкасская. 457, 460.
Шереметева, Ксенія Ивановна. 446, 512.
Шереметева, Ксенія, въ иночествѣ Каптелина. 505.
Шереметева, Марья Александровна, по мужу Жеребцова. 456.
Шереметева, Марья Ивановна, по мужу княгиня Тюменская. 311—315, 321, 447, 473.
Шереметева, Марья Петровна, рожденная Лакостъ. 53.
Шереметева, Марья, жена Семена Васильевича Шереметева. 233.
Шереметевъ, Александръ Владиміровичь. 451.
Шереметевъ, графъ Александръ Дмитріевичь. 256, 462, 463.
Шереметевъ, Алексѣй Ѳеодоровичь. 456.
Шереметевъ, Борисъ Андреевичь. 56, 60.
Шереметевъ, Борисъ Петровичь. 449.
Шереметевъ, графъ Борисъ Петровичь. 252, 455, 468.
Шереметевъ, Василій Андреевичь, во иноцѣхъ Вассіанъ. 51, 56, 61, 63—68, 70, 71, 74—84, 91, 128, 132, 205, 254, 309, 318, 323, 330—332, 345, 396, 401, 403, 404, 407, 408, 442, 444, 447, 452, 454.
Шереметевъ, Василій Борисовичь. 449.
Шереметевъ, Василій Васильевичь. 451.
Шереметевъ, Василій Ивановичь. 450.

Шереметевъ, Василій Петровичъ (дѣдъ фельдмаршала). 450, 453, 454, 457.
Шереметевъ, Василій Петровичъ (братъ фельдмаршала). 453.
Шереметевъ, Владиміръ Петровичъ. 10, 252, 454—456.
Шереметевъ, Владиміръ Өедоровичъ. 53.
Шереметевъ, Григорій Васильевичъ. 80, 128, 131—133, 309, 345, 436, 444.
Шереметевъ, Иванъ Андреевичъ. 56—60.
Шереметевъ, Иванъ Васильевичъ Большой, во иноцѣхъ Іона. 77, 80, 86, 87, 89—92, 94, 95, 99—102, 106—122, 124—127, 129, 130, 133—138, 140, 141, 143—149, 151, 157, 159, 160, 162, 166, 169—172, 175, 177—179, 181—194, 206, 208, 211, 213, 216, 217, 220—223, 228, 232, 234, 241, 242, 245—250, 253, 266—269, 275, 277, 281—283, 286, 287, 291—300, 303, 306—315, 318, 319, 322—334, 336—341, 343—347, 403, 437, 444, 445, 447, 451—454, 473, 511.
Шереметевъ, Иванъ Васильевичъ Меньшой. 80, 81, 137, 148, 151, 152, 156, 164, 193, 194, 200, 203, 205, 209, 212, 213, 217, 219, 221, 222, 226, 234, 235, 241, 243, 244, 254—261, 264—267, 269, 277, 280, 284, 286, 287, 300—302, 311, 324, 325, 347—349, 351, 353, 354, 356, 358, 362—364, 373, 376, 377, 379, 381, 382, 384, 389, 391, 392, 394—397, 401—410, 412—414, 418—420, 424—427, 430—449, 453, 454, 457, 458, 461—465, 513.
Шереметевъ, Иванъ Петровичъ. 450.
Шереметевъ, Іеремія Ивановичъ. 310, 311, 321, 437, 444.
Шереметевъ, Никита Васильевичъ. 80, 128, 131, 137, 148, 151, 152, 156, 162, 193, 195, 196, 199—201, 203, 205, 208, 209, 211, 212, 220, 226, 232, 234, 235, 241, 242, 244, 250—254, 266, 269, 309, 345, 436, 444, 448.
Шереметевъ, Никита Ивановичъ. 455.
Шереметевъ, Николай Владиміровичъ. 10.
Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ. 2, 10, 11, 13, 463.
Шереметевъ, графъ Петръ Борисовичъ. 455, 458.
Шереметевъ, Петръ Васильевичъ Большой. 2, 3, 450.
Шереметевъ, Петръ Никитичъ 254, 446, 447, 455, 465, 504—507.
Шереметевъ, Семенъ Васильевичъ, во иноцѣхъ Стефанъ. 80, 137, 138, 147, 151, 154, 160, 163, 165, 193 194, 197—201, 203, 205, 212, 231—233, 236, 345, 436, 444.
Шереметевъ, Сергій Алексѣевичъ. 383.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичъ. 11, 50, 84, 300, 346, 450, 454, 458, 461, 468, 495.
Шереметевъ, Өедоръ Васильевичъ. 50, 51, 80, 137, 193, 194, 208, 209, 212, 215, 219, 234, 235, 240, 254, 266, 267, 269—272, 277, 280, 301, 302, 313, 314, 324, 325, 347, 348, 351, 352, 376, 377, 380—391, 394, 409, 415, 418—421, 423, 425, 430, 439, 447, 453, 465—469, 473—475, 478, 479, 483—485, 487—490, 500, 501, 503—507, 509, 510.
Шереметевъ, Өедоръ Ивановичъ. 80, 81, 233, 269, 311, 446—450, 452, 453, 455, 457—469, 505, 511—513.
Шереметевъ, Өедоръ Өедоровичъ. 457, 460.

Шереметъ (Череметъ), мѣстечко въ Болгаріи. 46.
Шереметь, Андрей Константиновичь. 44, 45, 49, 51 — 54, 56, 452.
Шереметь-бей, Турецкій паша. 46, 47, 189.
Шереметь, какъ прозваніе и имя собственное. 45, 46, 48, 49.
Шестуновъ, князь Дмитрій Семеновичь. 200.
Шибановъ, слуга Курбскаго. 273.
Шиворона, рѣка. 149, 208, 209.
Шигаль, Иванъ и его жена Авдотья. 513.
Шигъ-Алей, царь Казанскій. 58, 62, 70, 86, 129, 131, 132, 134, 139—144, 149, 210, 211.
Ширинскіе князья. 184.
Шляковы. 52.
Шлюссельбургъ (Орѣшекъ). 196, 197, 373, 375.
Шома, въ Вологодскомъ уѣздѣ. 32.
Шубинъ, Максимъ Ивановичь. 121.
Шуйскіе, князья. 76, 77, 87, 88, 93—95, 99, 134.
Шуйскій, князь Андрей Ивановичь. 277.
Шуйскій, князь Андрей Михайловичь. 93, 94, 168.
Шуйскій-Гребенка, князь Василій Васильевичь. 89.
Шуйскій, князь Василій Васильевичь. 76, 87.
Шуйскій, князь Иванъ Андреевичь. 301, 354, 412.
Шуйскій, князь Иванъ Васильевичь. 87—92.
Шуйскій, князь Иванъ Михайловичь. 93, 168.
Шуйскій, князь Иванъ Петровичь. 352, 479, 508.
Шуйскій-Скопинъ, князь Михаилъ Васильевичь. 93.
Шуйскій, князь Петръ Ивановичь. 89, 90, 226, 241, 243, 257—262, 264, 265, 377, 380.
Шуйскій-Скопинъ, князь Өедоръ Ивановичь. 93.
Щапово, село. 319.
Щелкаловъ, Андрей Яковлевичь. 269, 392, 395, 420.
Щелкаловъ, Василій Яковлевичь. 413, 420, 474, 475.
Щенятевъ, князь Петръ Михайловичь. 91, 138, 147, 149, 199, 271, 283.
Щенятевы, князья. 402.
Щепинъ - Золотой - Оболенскій, князь. См. Оболенскій, князь.
Щепотьевъ, Андрей Өедоровичь. 108, 115.
Щербатовъ, князь, исторіографъ. 37, 38, 361.
Щербатый, князь Дмитрій Михайловичь. 482.
Щетинино, пустошь. 460, 461.

Эдигей, князь Ординскій. 24—28.
Эзель, островъ. 367.
Эмблемы геральдическія. 9, 12, 14.
Эрикъ XIV, король Шведскій. 368—372.
Эрмляндскій капитулъ. 8.
Эрнестъ, эрцгерцогъ Австрійскій. 393.
Эстляндія (Эстонія). 237, 370, 373, 374, 389, 425, 426, 428, 429, 469, 481.

Юрій Васильевичь, князь, братъ Грознаго. 146, 171, 358, 464, 496.
Юрцово, село. 319.
Юрьевъ Повольскій, городъ. 316.
Юрьевъ. См. Дерптъ.
Юрьевъ, Василій Михайловичь. 166, 172, 276.
Юрьевъ-Романовъ, Данило Романовичь. 156, 162, 166, 168, 172, 211, 221, 446.
Юрьевъ, Иванъ Михайловичь. 131, 137.
Юрьевъ-Романовъ, Никита Романовичь. 138, 162, 217, 219, 226, 276, 279, 283, 351, 376, 413, 414, 446, 490, 508.
Юрьевы-Захарьины. 229.

Юряга, Өедоръ Богдановичь. 284.
Юсуповы, князья. 139.
Юсуфъ, князь. 139, 140.

Ябединъ, Григорій. 267.
Ягеллоны. 386.
Якиманка, въ Москвѣ. 356.
Якимова, деревня. 300.
Яковлевъ, Александръ Алексѣевичь. 11.
Яковлевъ, Иванъ Петровичь. 226.
Яковлевы. 18.
Яковцовъ, Петръ Сидоровичь. 108, 115, 116, 122, 123.
Ямчужное (селитряное) дѣло. 294.
Янишъ, Иванъ Никитичь. 456.
Янишъ, Карлъ Ивановичь. 456.
Янчюра, Измаилтянинъ. 177.
Ярлыкъ ханскій. 23.
Ярмарка (Казанская, Макарьевская и Нижегородская). 66.
Ярославль и Ярославцы. 35, 91.
Ярославскій, князь Даніилъ Васильевичь. 35, 40, 41.
Ярославъ Владиміровичь, князь Боровскій. 29.
Ясеневское, село. 32.

Өедоровская икона Божіей Матери. 455.
Өедоровское (Ивановское), Кобяково тожъ, село. 455, 456.
Өедоровъ, Иванъ Петровичь. См. Челяднинъ.
Өедоръ Алексѣевичь, царь. 3, 13.
Өедоръ Ивановичь, царь. 211, 267, 303, 386, 498, 499, 503, 508, 511.
Өеодосій, игуменъ. 49.
Өеоктистъ, игуменъ. 223, 252.
Өерапонтовъ монастырь. 345.
Өилисово, село. См. Филисова слобода.
Өома, деспотъ Морейскій. 54.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ.

Гербъ Шереметевыхъ, гравированный академикомъ Викторомъ Алексѣевичемъ Бобровымъ, взятъ изъ сочиненія Петра Терлецкаго: «Slawa heroicznych dziel iasnie wielmoznego i. m. pana Borysa Petrowicza Szeremety»... 1698 г. (Единственный извѣстный экземпляръ этой книги находится въ библіотекѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева) къ заглавному листу.

—

Снимки съ картинъ изъ Царственной Книги *)

I. Выступленіе отряда Московскаго войска, подъ начальствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго-Суздальскаго и Василія Андреевича Шереметева, изъ Опочки, въ 1534 году (Листъ 90 на оборотѣ) къ страницѣ 74

II. Отправленіе подъ Казань, въ апрѣлѣ 1544 года, судовой рати, въ которой Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ начальствовалъ передовымъ полкомъ (Листъ 257 на оборотѣ) къ страницѣ 95

III. Представленіе Грозному Ивана Михайловича Юрьева и Никиты Васильевича Шереметева, прибывшихъ въ Москву съ из-

*) Лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Царственной книги», писана полууставомъ XVI вѣка, на 683 большихъ листахъ, съ картинами, нераскрашенными. Рукопись эта начинается 1533 годомъ и оканчивается 1553-мъ. Она хранится въ Московской Сѵнодальной, бывшей Патріаршей, библіотекѣ, подъ № 149, и была издана, въ 1769 году, княземъ Щербатовымъ, но безъ картинъ, мѣста которыхъ означены буквою К.

вѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной надъ Казанцами, въ февралѣ 1548 года (Листъ 318) къ страницѣ 131

IV. Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ, по приказанію Грознаго, ведетъ переговоры съ Казанскими послами, въ январѣ 1552 года (Листъ 413). къ страницѣ 143

V. Прибытіе въ Москву Ивана Васильевича Большаго Шереметева, на канунѣ Благовѣщеньева дня 1552 года, съ извѣстіемъ объ измѣнѣ Казанцевъ (Листъ 429 на оборотѣ) къ страницѣ 145

VI. Походъ подъ Казань, въ 1552 году, сторожеваго полка, предводительствуемаго княземъ Василіемъ Семеновичемъ Серебренымъ и Семеномъ Васильевичемъ Шереметевымъ (Листъ 452 на оборотѣ) къ страницѣ 147

—

Снимки съ картинъ изъ рукописнаго лѣтописца Московской Сvнодальной библіотеки, № 962 *).

VII. Походъ подъ Казань Московскаго войска, въ сентябрѣ 1553 года. Иванъ Васильевичь Большой Шереметевъ ведетъ передовой полкъ (Листъ 98) къ страницѣ 175

VIII, IX и X. Походъ Московскаго войска, подъ предводительствомъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева, противъ Крымцевъ, въ 1555 году (Л.л. 185 и 186). . . . къ страницѣ 181

XI, XII, XIII и XIV. Бой Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ Крымцами при селѣ Судьбищахъ, въ 1555 году (Л.л. 190—192) къ страницѣ 184

XV. Наступленіе на Шведовъ отряда Московскаго войска, подъ начальствомъ Семена Васильевича Шереметева, въ 1555 году (Листъ 210) къ страницѣ 197

XVI. Передовой полкъ Семена Васильевича Шереметева разбитый Шведами, въ 1555 г. (Листъ 211 на оборотѣ). . . къ страницѣ 198

XVII. Грозный отпускаетъ трехъ братьевъ Шереметевыхъ, вмѣстѣ съ прочими воеводами, въ походъ противъ Шведовъ (Листъ 216) къ страницѣ 199

XVIII, XIX, XX и XXI. Бой со Шведами подъ Выборгомъ, въ 1556 году. (Л.л. 223 и 223) къ страницѣ 203

XXII. Грозный поручаетъ Никитѣ Васильевичу Шереметеву занять съ отрядомъ мѣста за Шивороною (Листъ 250). . . къ страницѣ 208

—

*) Лѣтописецъ этотъ, доселѣ неизданный, начинается съ 1535 года и оканчивается 1567 годомъ. Онъ писанъ полууставомъ XVI вѣка, на 626 большихъ листахъ, съ раскрашенными картинами. Въ текстѣ примѣчается большое сходство въ вышеуказанною рукописью, изданною княземъ Щербатовымъ.

Снимки съ документовъ.

Данная боярина Ивана Васильевича Большаго Шереметева на Бундовъ дворъ въ Москвѣ, отъ 31 іюля 1559 года (Подлинникъ принадлежитъ Археографической Коммиссіи). . . . къ страницѣ 223

Царская грамота, отъ 6 октября 1560 года, о пожалованіи боярину Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву въ вотчину села Борисоглѣбскаго, Костромскаго уѣзда (Подлинникъ принадлежитъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву) къ страницѣ 255

Купчая крѣпость 1567 года на треть деревни Клементьевой, Коломенскаго уѣзда, проданной помѣщикомъ Дмитріемъ Клементьевымъ боярину Ивану Васильевичу Большому Шереметеву (Подлинникъ принадлежитъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву) къ страницѣ 295

Купчая крѣпость 1567 года на Поздяковскую вотчину съ деревнями, Московскаго уѣзда, купленную Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ у Головиныхъ (Подлинникъ принадлежитъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву) . . . къ страницѣ 300

Грамота вдовствующей супруги царевича Ивана Ивановича старицы Леониды (рожденной Шереметевой), отъ 21 іюля 1587 года, въ Костромскій уѣздъ, въ вотчину Ѳедора Ивановича Шереметева, село Борисоглѣбское (Подлинникъ принадлежитъ академику Аѳанасью Ѳедоровичу Бычкову) къ страницѣ 512

—

Родословная таблица къ мѣстническому дѣлу Ивана Васильевича Меньшаго Шереметева съ княземъ Курлятевымъ (Составлена по Бархатной книгѣ) къ страницѣ 404

Ku 911/921

Rudolf Lang
Buchbinderei
MÜNCHEN
Augustenstr. 16

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Barsukov, Aleksandr Platonovič,

Rod Šeremetevych Aleksandra Barsukova

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1881

4 Geneal. 127 e-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11485282-0